

Анна Андропова

**КАРЛ ТЕОДОР ДРЕЙЕР
ВЕЛИКИЙ ДАТЧАНИН**

**Санкт-Петербург
2014**

Оглавление

1. КАРЛ ТЕОДОР ДРЕЙЕР И ЕГО БИОГРАФЫ	4
2. ДАТЧАНИН?	11
3. ДЕТСТВО БЕЗ ЛЮБВИ.....	19
4. ДРЕЙЕР ДО ДАТСКОГО КИНО	27
5. ДАТСКОЕ КИНО ДО ДРЕЙЕРА	39
6. ДАТСКОЕ КИНО И ДРЕЙЕР – ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.....	61
7. ДАТСКИЕ ФИЛЬМЫ ДРЕЙЕРА.....	71
8. ШВЕЦИЯ: «ВДОВА ПАСТОРА».....	90
9. ГЕРМАНИЯ: «ЗАКЛЕЙМЕННЫЕ»	101
10. «Однажды» – попытка датского национального фильма	113
11. ПЕРВАЯ СОЗНАТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ПРИМЕНИТЬ СТИЛЬ: «МИХАЭЛЬ»	125
12. МЕЖДУНАРОДНЫЙ УСПЕХ: «УВАЖАЙ ЖЕНУ СВОЮ».....	143
13. ИМПРОВИЗАЦИЯ: «НЕВЕСТА ИЗ ГЛОМДАЛА»	148
14. АВАНГАРД: «СТРАСТИ ЖАННЫ Д’АРК»	154
15. АБСТРАКЦИЯ: «ВАМПИР».....	188
16. ПЛАНЫ, КОТОРЫМ НЕ СУЖДЕНО БЫЛО СБЫТЬСЯ	213
17. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИНО: «ДЕНЬ ГНЕВА»	234
18. «ДВОЕ» – ФИЛЬМ, ОТ КОТОРОГО ОТРЕКСЯ АВТОР.	254
19. КОРОТКОМЕТРАЖНЫЕ ФИЛЬМЫ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ	266

20. «Иисус» – главный фильм Дрейера, который так и не был снят	288
21. «Дагмар» – коммерчески успешный и уважаемый кинотеатр	315
22. Возможность достоверного изображения чуда на экране: «Слово».....	331
23. Статуарный стиль: «Гертруда»	353
24. Последние неосуществленные проекты и «Медея»	369
<i>Основные персоналии «Золотого века» датского кино</i>	<i>376</i>
Избранные работы Карла Теодора Дрейера	
Реалистичный мистицизм в «Страстях Жанны д'Арк» (1928)	383
Размышления о моем ремесле (1943)	385
Кто распял Иисуса? (1951)	397
Из вводной речи для актеров, написанной перед съемками «Слова» (1954).....	406
Цветные и раскрашенные фильмы (1955).....	409
Воображение и цвет (1955)	415
Отрывок из сценария Дрейера «Иисус».....	425
<i>Примечания</i>	<i>429</i>

1. Карл Теодор Дрейер и его биографы

Великие люди обречены на биографов, хотя бы они того, или нет. Великий датский режиссер, Карл Теодор Дрейер всегда тщательно оберегал свою частную жизнь. Когда в 1964 г документалист Йорген Роос захотел снять фильм о Дрейере, последний возразил:

«Зачем снимать фильм обо мне? Я не представляю интереса. Мои фильмы, вот что интересно»¹.

Единственной прижизненной биографией Дрейера стала небольшая брошюра, написанная в 1939 г. его другом, известным датским кинокритиком Эббе Нергором. В архиве Нергора сохранились восемь листов, напечатанных собственноручно Дрейером, где он излагает официальную

Эббе Нергор (1901-57).
Фото: М. Амнес.

версию своей биографии. Дрейер никогда не был правдивым рассказчиком и всегда старался создать впечатление, что живет спокойной, заурядной и, в целом, счастливой жизнью. Очень долгое время он умалчивал, что является незаконнорожденным, и лишь в брошюре Нергора впервые признался, что вырос в приемной семье. Он никогда не говорил о болезни своей дочери,

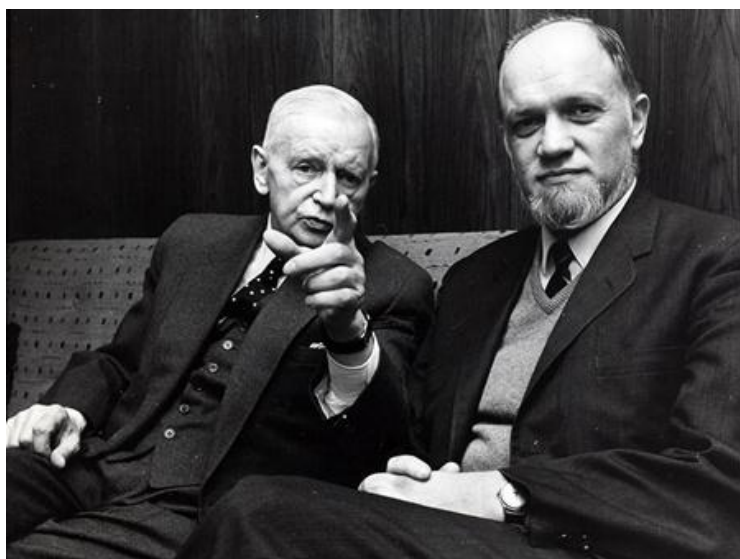
которую замечали все его знакомые, и о проблемах своего сына; никогда не упоминал о нервном срыве в 30-х годах, из-за которого вынужден был провести несколько недель в психиатрической клинике; никогда не жаловался на бедность, которую ему и его семье довелось испытать после войны. Внешняя обывательская благопристойность много значила для Дрейера, и он пытался раствориться в ней, спрятавшись за своими фильмами.

Но фильмы Карла Дрейера были слишком необычны, чтобы у публики и критиков не возникло желания реконструировать стоящую за ними личность. Некоторые пытались делать это, интерпретируя фильмы великого режиссера. В 1951 г. в журнале «Theatre Arts Magazine» появилась статья о Карле Теодоре Дрейере под характерным названием «Деспотичный Датчанин». Журналисты часто называли Дрейера просто Датчанином – с одной стороны это подчеркивало его уникальное положение в датском кинематографе; с другой отсылало к суровому, «нордическому» характеру режиссера, легенды о котором ходили уже в 20-е годы прошлого века. В «Страстях Жанны д'Арк» («La passion de Jeanne d'Arc», 1928) Рене Фальконетти столь достоверно передала на экране страдания Жанны, что это породило слухи о пытках, которые режиссер применял по отношению к актрисе, – слухи, которые Дрейер опровергал всю жизнь. То, что фильмы Дрейера часто затрагивали религиозные вопросы (хотя сам он всегда подчеркивал, что рассматривает их в первую очередь в общечеловеческом контексте), позволило Полу Шредеру* назвать

* Пол Джозеф Шредер (Paul Joseph Schrader; род. 1946) — американский кинорежиссёр, сценарист, теоретик кино.

в 1972 г. Дрейера «трансцендентальным режиссером», поставив его в один ряд с Брессоном и Одзу². И за Дрейером прочно закрепилась слава сурового, глубоко религиозного, деспотичного фанатика. Образ, к созданию которого он сам никогда не стремился, и в котором почти не было правды.

Но, конечно же, были и те, кто пытался написать правдивую биографию знаменитого режиссера. Первым из них (если не считать упомянутого выше Эббе Нергора, который в вопросах биографии всегда лишь служил проводником для слов самого Дрейера) стал профессор Дэйл Драм. В 1964 г. он решил написать биографию Дрейера. Дэйл и его жена Джин выучили датский и в 1967 г. на семь месяцев приехали в Данию. Там Дэйл Драм неоднократно встречался с Дрейером и взял

**Карл Теодор Дрейер и профессор Дэйл Драм, 1967 г. Фото:
П.Педерсен**

у него восемь интервью, каждое из которых длилось три-четыре часа. Таким образом, Драм должен был стать «официальным» биографом Дрейера (с согласия последнего). Записи всех этих интервью сохранились (три первых были откорректированы лично Дрейером) и в настоящий момент доступны. За семь месяцев, проведенных в Копенгагене, профессор Драм не только общался с Дрейером, но и изучал материалы в Датском институте кинематографии, брал интервью у людей, знавших Дрейера. Однако по каким-то причинам Дэйл Драм так и не написал книгу. Он умер в 1991 г., а в 2000 г. его вдова Джин Драм завершила и опубликовала биографию Дрейера. Она назвала ее «Моя единственная страсть. Жизнь и фильмы Карла Теодора Дрейера»³. Книга, написанная легким языком и содержащая множество исторических анекдотов, касающихся Дрейера (достоверность которых авторы не проверяли), едва ли может быть названа серьезной биографией режиссера.

Задолго до выхода книги Драмов, в 1978 г., вышла другая (и, по сути, первая) биография Дрейера, которую написал французский историк кино Морис Друзи. По его собственному признанию он видел Дрейера лишь однажды в 1967 г. на официальном мероприятии. Но после смерти великого режиссера Друзи изучал его архив, общался с его коллегами и знакомыми (в первую очередь, с Беатой, вдовой Эббе Нергора), навещал его дочь. Также Друзи предпринял настоящее историческое исследование, чтобы выяснить происхождение Дрейера (о котором сам Дрейер никогда не говорил всей правды), работал в архивах в Швеции и Дании. Именно ему мы обязаны всей информацией о биологических родителях Дрейера. На том факте, что Дрейер был

незаконорожденным ребенком, выросшим в приемной семье, Друзи построил теорию, объясняющую все творчество Дрейера потребностью ребенка оправдать и обожествить свою настоящую мать, которую он никогда не знал. Даже биографию Дрейера Друзи назвал «Карл Дрейер, урожденный Нильссон» ⁴. Возможно, желая развеять старые мифы о Дрейере, Друзи создал новый. Не всем его выводам можно безоговорочно верить, но он проанализировал множество документов, касающихся происхождения и жизни Дрейера, и в некоторых частях биография Драмов ссылается на биографию Друзи.

Недавно, в 2012 г., вышла еще одна книга, раскрывающая личность Дрейера, хотя и не являющаяся его биографией. Молодой американский студент Ян Валь,

На съемках «Слова». Дрейер – на переднем плане, Валь – в центре, в черном свитере.

интересовавшийся фильмами Дрейера, связался с ним и в 1955 г. неожиданно получил приглашение последнего принять участие в натурных съемках «Слова». Ян вел дневниковые записи и на основании их более чем полвека спустя написал книгу: «Карл Теодор Дрейер и Слово. Мое лето с датским режиссером»⁵. В ней он подробно рассказал о своем общении с Дрейером и о том, каков тот был на съемочной площадке и в кругу семьи (Валь несколько раз бывал в гостях у Дрейеров).

В настоящее время главным специалистом по всему, что касается Дрейера, является датский историк кино – Каспер Тьюберг. Он написал ряд статей, посвященных жизни и творчеству Дрейера, участвовал в реставрации фильмов, записывал к ним комментарии. Если Тьюберг когда-нибудь опубликует полноценную биографию Дрейера, безусловно, она прольет свет на многие вопросы, до сих пор остающиеся загадкой.

При поддержке Датского института кинематографии создан сайт carlthdreyer.dk, основные материалы которого доступны на английском и датском языках. Сайт содержит различную биографическую информацию о Карле Теодоре Дрейере, в том числе и конспект восьми интервью, взятых у Дрейера Дэйлом Драмом; а также около 35 оригинальных статей, касающихся жизни и творчества Дрейера, воспоминания его современников, каталог архивных материалов, фотографии и множество другой информации.

При работе над этой книгой использованы, преимущественно, перечисленные выше источники. В то же время, привлечена вся доступная информация, в том числе и для дополнительной проверки изложенных фактов. Цель дать искусствоведческий анализ

творчества Дрейера не ставилась; эта задача прекрасно решена американским теоретиком и историком кино Дэвидом Бордвеллом в книге «Фильмы Карла Теодора Дрейера»⁶, а также у ряда других авторов. Настоящий текст сосредоточен на исторической стороне создания кинопроизведений. Будучи всего на несколько лет старше кинематографа, Дрейер как режиссер развивался вместе с ним. При этом он, с одной стороны, старался использовать все новые возможности, с другой – сам постоянно стремился расширить границы современного ему кино. Творческий метод Дрейера, особенно его ранних работ, рассмотрен в контексте социально-экономической истории европейского кинематографа, поэтому в книгу помещены также краткие обзоры состояния датской, шведской, немецкой, французской киноотраслей 10-х-20-х годов прошлого века.

2. Датчанин?

В биографии Дрейера вопросы начинаются с самого начала, и первый из них – а был ли «деспотичный датчанин» действительно урожденным датчанином?

Карл Теодор Дрейер не любил говорить о своем происхождении, и у него была на то причина. Дело в том, что он не был родным ребенком Карла Теодора и Ингер Марие Дрейеров, они усыновили его почти в двухлетнем возрасте. Долгое время Дрейер не признавался в этом. Только в 1939 г. в автобиографической заметке для книги Эббе Нергора Дрейер признался, что рос в приемной семье, а его настоящая мать была шведкой, замужем за инженером. Его приемные родители якобы были скупы, считали каждый съеденный им кусок хлеба и постоянно попрекали маленького Карла тем, что его мать умерла, не успев заплатить условленную сумму за его содержание. О своем образовании Дрейер написал только то, что ему давал уроки музыки муж его сводной сестры, поскольку это ничего не стоило его приемным родителям.

В этих словах, как мы скоро увидим, много неправды. Дрейер определенно знал, что его мать никогда не была замужем, а его приемные родители были не так уж и скупы, хотя бы потому, что кроме бесплатных уроков музыки они отправили приемного сына в платную частную школу. В дальнейшем Дрейер и вовсе предпочитал не говорить о своем происхождении. Так, в последующем издании биографии, тщательно отредактированном Дрейером, осталась лишь информация о том, что его мать была шведкой и умерла вскоре после рождения сына. Его усыновила датская семья, и он

вырос в стабильной, но мелкобуржуазной обстановке. В 1952 г., когда Дрейер стал управляющим кинотеатра «Дагмар», он попал в датский биографический справочник, для которого, по традиции, включенные в него лица сами писали небольшие автобиографические статьи. Здесь о своем происхождении Дрейер указал лишь то, что родился в Копенгагене, и его родители были шведами. И ни слова о том, что он был незаконнорожденным ребенком и рос в приемной семье.

В 1967 г., незадолго до смерти, Дрейер изложил профессору Дэйлу Драмму, наверное, самую подробную версию того, кем были его родители, и как прошло его детство:

«Я расскажу вам несколько вещей о моем детстве, которые многое объясняют. Моя мама была молодой шведской девушкой. И все, что я о ней слышал, говорит о том, что она была прелестной молодой женщиной. Она влюбилась в своего ровесника. Он тоже был шведом. Но он бросил ее и уехал в Соединенные Штаты, и она осталась одна с ребенком (со мной), поэтому она искала приемных родителей. Она нашла семью в Копенгагене, Дрейеров. Я не знаю, сколько она заплатила, но, так или иначе, они взяли ребенка, а потом выяснили, что заключили невыгодную сделку. В моем детстве не было любви. Я ничего не знаю о своем отце. У меня была его фотография в Библии, но потом она исчезла, так что у меня есть только фотография моей мамы.*

* В тексте интервью, напечатанном Драммом и отредактированном Дрейером, указано, что отец Дрейера был связан с почтой и телеграфом в южной Швеции, но Дрейер вычеркнул эти слова.

Я очень не любил свою приемную мать, но мне нравился приемный отец. Он был типографом. Сначала меня отдали в дешевую школу, потом в школу получше и, наконец, в совсем хорошую школу (то, что мы называем «real skole», это академическая ступень датской школьной системы, которая включает 8-й, 9-й и 10-й годы обучения; она может быть последней, или после нее можно перейти в гимназию более высокого уровня).*

У моей мачехи была дочь от предыдущего брака. Она была старше меня и вскоре после того, как я стал жить с ними, вышла замуж за музыканта. Моя семья хотела, чтобы я стал музыкантом, потому что у мужа моей сестры было много связей в разных оркестрах. В семье моей сестры было два или три сына, и все они стали музыкантами. Естественно, они хотели, чтобы и я им стал. Но я хотел быть кем-то другим, хотя и не знал тогда еще – кем.

Я ездил в Швецию в 1905, 1906, 1907 и 1908 гг.; встретился там с некоторыми людьми. Я общался с родственниками моей матери в Мальмё, Лунде и Остерсунде, у нее было три или четыре сестры, очень симпатичные. Кроме того, я провел несколько месяцев в Мальмё у моего дяди, у моего шведского дяди. Он был издателем, и вел дела с одним из своих сыновей. Там еще было две или три девочки, одна из них заболела, серьезно. Но я очень давно там не был.

Мою мать звали Юсефина, Юсефина Нильссон. Не помню, чтобы я когда-нибудь ее видел (и, тем более, моего отца). Она была дочерью фермера из Южной

* Драм напечатал «очень нравился», но Дрейер вычеркнул «очень».

Швеции. Я никогда не слышал о моем отце, но о своей матери слышал только хорошее. Я также навещал ее сестру, которая вышла замуж и жила в северной Швеции. Они были очень любезны ко мне, и я прожил в их доме несколько месяцев.

Я никогда не был близок со своей сводной сестрой, поскольку она была намного старше меня. После того, как она вышла замуж, мы ее почти не видели. Я

мало помню из того времени, кроме некоторых ситуаций, но они не интересны. В частности, я не нравился своей приемной матери.

Помню, что создал театр вместе со своими друзьями. Билет стоил 10 эре. Не помню, что мы играли, но думаю, мы сами писали пьесы для театра. Не помню, сколько нам было тогда, но думаю, что не больше семи-восьми лет. Я очень много читал, потому что у моей приемной бабушки, которая жила с нами, было очень много книг, спрятанных на чердаке. Но я должен был читать их тайно, поскольку они были о вещах типа спиритизма и всего того, что сегодня мы называем парапсихологией. И я все это читал».⁷

Фотография Юсефины Нильссон, которую Дрейер хранил всю жизнь.

Не все, сказанное Дрейером, соответствует фактам. Остается лишь гадать, знал ли он сам об этом. Его матерью действительно была Юсефина Нильссон, происходившая из когда-то состоятельной, но затем обедневшей шведской семьи. Отец Юсефины, Пер Нильссон, владел большим поместьем (около 50 гектаров земли) неподалеку от городка Кнстианстад (Knstianstad). Кроме того, он сделал карьеру как муниципальный служащий: занимал важный пост в городской администрации, что-то вроде мирового судьи. В 32 года он женился на 18-летней датчанке, родители которой переехали в Швецию из Копенгагена.

Однако со временем дела у семьи Нильссонов шли все хуже и хуже. Пер вынужден был продать свой большой дом, и с тех пор семья часто меняла место жительства. Всего у Нильссонов родилось двенадцать детей, но семеро умерли в детстве. Юсефина – вторая по старшинству из выживших пятерых детей (еще сестра и три брата) и самая старшая девочка, которая, очевидно, должна была помогать матери по хозяйству. Она не получила никакого образования, кроме начальной школы.

В 24 года она оставила дом и нашла работу экономки в большом поместье Карлсро неподалеку. Его хозяином был датчанин Йенс Кристиан Торп, происходивший из богатой семьи копенгагенских торговцев. Возможно, он нанял Юсефину потому, что она была из хорошей семьи и говорила по-датски (сам Торп не говорил по-шведски). В доме Торпа девушка оставалась, хотя и привилегированной, но все же прислугой.

Юсефина так и не вышла замуж. В 1888 г., когда она забеременела, ей было уже 33 года. Достоверных сведений о том, кто был отцом ребенка, нет.

В сохранившихся объявлениях об усыновлении сама Юсефина утверждала, что отец уехал в Америку, и, как мы видим, этой же версии придерживался, в конечном счете, и Дрейер. Интересно, что младший брат Юсефины, Альберт, действительно эмигрировал в Небраску, где дожил почти до ста лет. Однако Друзи уверен, что отцом мог быть только Йенс Торп, которому было в то время 38 лет.

Торп прожил всю жизнь холостяком, вел довольно-таки уединенный образ жизни, и от него не осталось даже фотографии. За его отцовство говорит и то, что кто-то оплатил Юсефине достаточно комфортабельные роды в Копенгагене, а брат Йенса Торпа Август выплачивал одно время семье, взявшей на воспитание младенца, пособие на его содержание. Кроме того, Друзи утверждает, что в

1978 г. сын Дрейера Эрик сказал, что пытался узнать у отца тайну его происхождения, но тот лишь заметил, что его отцом был хозяин поместья, в котором работала его мать, и отказался от дальнейших разговоров.

Против версии отцовства Торпа говорит то, что, прожив холостяком всю жизнь и будучи официально

Портрет Йенса Торпа старшего, предполагаемого дедушки Дрейера. Фотографии или портрета его предполагаемого отца не сохранилось.

бездетным, он никогда не интересовался своим предполагаемым сыном, а ведь он дожил до ноября 1928 г., когда Дрейер уже стал известным режиссером. Вероятно, мы никогда не узнаем правду, но если Торп действительно был отцом ребенка Юсефины, то с точки зрения этнического происхождения Дрейер являлся на три четверти датчанином, даже несмотря на то, что его родители жили в Швеции.

В январе 1889 г. Юсефина приехала в Копенгаген, где поселилась у сорокавосемилетней вдовы, и вскоре родила сына. Уже через две недели она вернулась в Швецию, а мальчика передали сначала в одну из приемных семей, сведений о которой не сохранилось, а вскоре – в другую. Однако 1 ноября 1889 г. его забрал оттуда в приют социальный инспектор, который считал условия неподходящими для ребенка. Закрутилась бюрократическая машина, и выяснилось, что младенец – швед, а не датчанин, и, следовательно, нужно отправить его к матери в Швецию, а не тратить на него деньги датских налогоплательщиков.

В декабре Юсефина была вынуждена вернуться в Копенгаген и дать объявление в газету о поиске усыновителей для маленького Карла Нильссона (в этом объявлении впервые упоминается имя ребенка). Такая семья вскоре нашлась, ее глава был кучером конки.

Но в августе 1890 г. по непонятным причинам семья отказалась от ребенка, и Юсефине вновь пришлось приехать в Данию, чтобы найти окончательное решение проблемы. Ситуация усугубилась тем, что Юсефина опять забеременела. На этот раз Друзи по не совсем понятным причинам считает, что она была беременна

не от Торпа, хотя Юсефина и продолжала работать в его поместье.

Новыми усыновителями оказалась чета Дрейеров, которая в сентябре 1890 г. забрала к себе маленького Карла, а 30 октября Юсефина подписала бумагу о полном отказе от родительских прав. Официальная процедура усыновления завершилась только в феврале 1891 г., но к этому времени Юсефина Нильссон уже умерла.

В январе 1891 г., находясь на седьмом месяце беременности, Юсефина попыталась избавиться от плода, выпив фосфор. Она скончалась через несколько дней; за это время Торп пригласил к ней врачей, и Юсефина призналась им в беременности, не назвав имя отца ребенка. Она заявила, что не собиралась совершать самоубийство, а хотела лишь прервать беременность. Но расследование факта, являлась ли смерть Юсефины самоубийством или нет, продолжалось до конца марта, и только тогда ее тело разрешено было похоронить.

3. Детство без любви

Когда Карл Теодор Дрейер-старший и его жена Ингер Марие откликнулись на объявление Юсефины Нильссон, им было по двадцать шесть лет, и прошло уже пять лет с тех пор, как они поженились.

Ингер Марие родилась и выросла в бедной семье. Она рано потеряла отца и с детства помогала матери зарабатывать на жизнь шитьем. В 1881 г., когда Марие было всего восемнадцать, у нее родилась дочь Вальбор. Обольстителем оказался сосед, двадцатилетний плотник, человек безответственный: он не только не собирался жениться на Марие, но и всячески уклонялся от уплаты алиментов, несмотря на письменное обязательство. Мать фактически выгнала дочь из дома, и та жила в крайней бедности, воспитывая ребенка одна.

В 1885 г. Ингер Марие встретила с типографом Карлом Теодором Дрейером, который повел себя очень благородно – он не только женился на ней, но и удочерил Вальбор. Однако совместных детей у пары не было, и, вероятно, это стало причиной того, что Карл захотел усыновить ребенка. Он изменил в имени Карл латинскую букву «К» на «С» и добавил второе имя Теодор, сделав, таким образом, приемного сына своим полным тезкой.

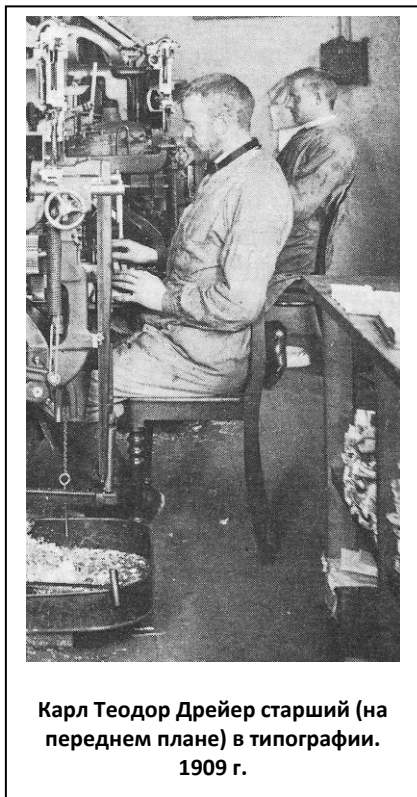
Карл Теодор старший имел хорошую работу и прочное положение. В то время типографы считались своего рода интеллектуальной элитой рабочего класса. Также Карл Теодор занимался общественной деятельностью: был членом профсоюза и президентом клуба велосипедистов. Первый датский велосипед поступил в продажу в 1886 г., т. е. совсем незадолго

до описываемых событий. Этот вид транспорта не назовешь дешевым; велосипед в среднем стоил около 100-150 крон, что составляло примерно месячную зарплату типографа. Однако велосипед имелся не только у Карла Теодора старшего, но и у его жены, и даже у восьмилетнего Карла Теодора младшего – неслыханная вещь по тем временам.

Семья Дрейеров выглядит вполне благополучной: домохозяйка-мать, может быть, чересчур озабоченная повышением социального

статуса, из-за чего семья часто меняла место жительства, переезжая во все более комфортабельные квартиры, и заботливый отец, хороший работник, имеющий помимо работы и другие увлечения.

Друзи утверждает, что семью Дрейеров никак нельзя было назвать религиозной. Они ходили в церковь только для совершения обычных обрядов, вроде крещения приемного сына. Карл Теодор старший работал в газете социалистического толка, голосовал за социал-демократов, и по всем свидетельствам являлся

человеком просвещенным и идущим в ногу с прогрессом.

Но приемную мать Карл Теодор младший очень не любил. По всей видимости, Марие не скрывала своего отрицательного отношения к Юсефине. Отчасти, ее можно понять, ведь сама она, оставшись с незаконнорожденным ребенком на руках, не отказалась от него.

Карл Теодор Дрейер в детстве

Все, что мы знаем о Юсефине, не вызывает к ней особых симпатий, и едва ли претензии Марие к Юсефине носили лишь финансовый характер, как пытался показать Дрейер, который, очевидно, идеализировал свою мать (возможно, в пику матери приемной). Но и Марие, в отличие от своего мужа, не производит впечатления симпатичного и доброжелательного человека. Даже семьдесят лет спустя в интервью Дэйлу Драмму Дрейер с отвращением вспоминал о том, как она в качестве наказания на несколько часов запирала пасынка в маленьком темном чулане.

Один из одноклассников Дрейера, Мартин Аскфельт, рассказывал Друзи, что когда Карл приглашал его к себе в гости, они всегда сидели только на кухне, и только до возвращения его родителей – как будто бы мальчик был не полноценным членом семьи, а прислугой.

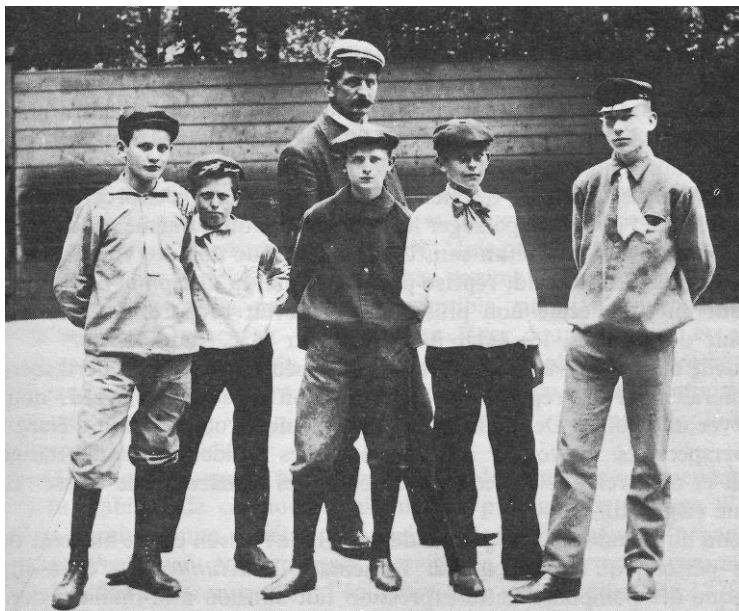
Однако другие факты говорят о внимательном отношении Дрейеров к приемному сыну – ему не только купили дорогой велосипед в 8 лет, но в конце 1897 года отдали в третий класс частной школы Фредериксберг (при том, что его сводная сестра Вальбор, родная дочь Марие, всегда училась в бесплатной муниципальной школе, в которую Карл ходил в первые два года).

Карл проучился там до 1904 г. Обучение в зависимости от семестра стоило от 8 до 12 крон в месяц, что было не так уж мало, примерно половина ренты, которую семья Дрейеров платила за квартиру. Возможно, это решение было вызвано социальными амбициями Марие, но факт остается фактом – Дрейер обязан хорошим образованием и знанием языков своей приемной семье, о чем он никогда не упоминал.

Изначально школа была открыта как лютеранская, но в 1880 г. ее возглавил Карл Эвальд, больше заинтересованный в карьере писателя и журналиста, нежели педагога. Эвальд был известен своими прогрессивными и антиклерикальными взглядами. Через три года его сменил на посту директора Отто Фик, который занимал этот пост и при Карле Теодоре Дрейере.

Драм так описывает основные педагогические принципы, которых придерживался Фик:

«Фик верил, что “естественное состояние ребенка – это свобода, а естественное состояние школы – принуждение”. Он считал, что преподаватели должны интересоваться каждым учеником по отдельности, понимать их, разговаривать с ними в свободное от занятий время, узнавать их. Он думал, что школа и дисциплина – это не самоцель, а лишь средство, чтобы подготовить учеников к успешной

Отто Фик и его ученики (Дрейер – в центре). 1904 г.

жизни. В 1898 г. это было радикальным подходом к образованию»⁸.

Главным источником информации о школьных годах Дрейера является его одноклассник Мартин Аскфельт (1889–1988), уже упомянутый выше. Аскфельт общался с Морисом Друзи, а в 1964 г. дал большое интервью датской газете *Berlingske Aftenavis*⁹. По его словам, в школе, в основном, работали отличные педагоги, а Дрейер зарекомендовал себя как выдающийся ученик. Аскфельт особенно подчеркивал успехи Дрейера в иностранных языках, физике и математике.

О предметах, которые преподавались в школе, и успехах в них Дрейера можно судить по выпускной экзаменационной ведомости 1904 г., которую приводит в своей книге Друзи. По успеваемости Дрейер стал

вторым учеником в классе. Лучше всего ему давались датский (устно), география и счет. Дрейер достиг хороших результатов в арифметике, физике и трех преподаваемых в школе иностранных языках (немецком, английском и французском). Впоследствии Дрейер свободно общался на них, работая в Германии, Франции и США. Посредственные успехи отмечены по датскому (письменно), истории, естественной истории (тогдашнему аналогу современной биологии), геометрии и поведению. Эта ведомость характеризует Дрейера как человека с логическим складом ума, наделенного также явно выраженными способностями к иностранным языкам.

Аскфельт вспоминал, что Дрейер (как и его одноклассники) никогда не отличался религиозностью, частенько критиковал школьного пастора, а из всех церквей посещал иногда по воскресеньям только французскую миссию, где проповеди читал его школьный преподаватель французского, для того чтобы усовершенствоваться в языке.

Помимо школьного образования Карлу Теодору действительно давали домашние уроки игры на фортепьяно, о которых он впоследствии так уничижительно рассказывал Дэйлу Драмму. Вальбор в 1898 г. вышла замуж за музыканта, и тот учил мальчика играть на фортепьяно. Едва ли это делалось лишь потому, что уроки ничего не стоили семье.

В любом случае, заниматься музыкой Дрейеру нравилось. Он сам вспоминал, как в детстве мечтал давать концерты, а Аскфельт говорил, что Дрейер любил петь и аккомпанировать себе на пианино. Но Дрейер оказался не очень способным музыкантом, и его карьера на этом поприще закончилась после первой же

попытки заменить отсутствовавшего постоянного пианиста в одном из копенгагенских ресторанов.

Значительное влияние на Дрейера оказала его бабушка, мать Марие Дрейер. Она наконец-то простила дочь, и жила с Дрейерами под одной крышей. Помимо книг по оккультизму, спрятанных на чердаке, о которых Дрейер вспоминал в интервью Драмму, приведенном выше, у бабушки хранилось множество других книг, главным образом по истории. Именно она приучила Дрейера к чтению, и, возможно, привила независимый взгляд на историю, отличающийся от общепринятых клише из школьных учебников.

В июне 1904 г. Дрейер окончил школу. В то время далеко не все датчане, успешно закончившие школу, стремились поступить в университет. Хороший школьный аттестат давал возможность получить перспективную работу и без высшего образования. Возможно, приемные родители действительно настаивали на том, чтобы Карл Теодор как можно скорее начал зарабатывать себе на жизнь. Так или иначе, после окончания школы Дрейер начал искать работу.

С таким отличным аттестатом, который Карл получил в школе, найти работу не составляло труда. Сначала он поступил клерком в муниципальную службу газа и электричества Копенгагена, но 1 сентября 1905 г. перешел в «Большую Северную Телеграфную компанию». Компания имела множество офисов по всему миру, и Дрейер надеялся, что его работа будет связана с путешествиями.

Но он ошибся, это была все та же работа клерка в Копенгагене. Сначала жалование Дрейера составляло 60 крон в месяц, дополнительно к этому он получал стипендию в 30 крон за подготовку к экзаменам на степень бакалавра. Через год он перешел в другой офис

с жалованием 75 крон, но о стипендии уже ничего не говорится. Вероятно, Дрейер окончательно отказался от идеи продолжить образование.

Уровень доходов позволил Дрейеру начать самостоятельную жизнь, и в конце 1906 г. Карл Теодор снял комнату и навсегда покинул дом Дрейеров. Он прекратил всякие контакты со своей приемной семьей, даже с отцом, который немало для него сделал. Друзи ссылаются на слухи о ссоре, произошедшей между Дрейером и его приемной семьей из-за каких-то картин, которые молодой человек при переезде без спроса забрал с собой, но что стало причиной столь резкого разрыва достоверно неизвестно.

Приемный отец Дрейера Карл Теодор старший умер в 1911 г., за год до того отравившись свинцом (что часто случалось с типографами), после чего его здоровье заметно пошатнулось. Он заболел пневмонией и попал в больницу, где и умер после нескольких недель безуспешного лечения. Приемный сын, хотя и находился в это время в Копенгагене, ни разу за время болезни не пришел навестить отца. Не было его и на похоронах.

Марие Дрейер умерла в 1937 г. в возрасте 73 лет. Карл Теодор Дрейер в это время вновь жил в Копенгагене. Родственники покойной связались с ним, и попросили присутствовать на похоронах, но Дрейер категорически отказался, причем в очень резкой форме.

Друзи считают, что Дрейер всю жизнь по-настоящему ненавидел приемную мать – настолько, что даже избегал использовать имя «Марие» в своих фильмах. В пьесе Мунка, по которой было поставлено «Слово», Дрейер переименовал тезку своей матери в Марен, а в сценарии «Иисуса» избегал называть Богоматерь по имени.

4. Дрейер до датского кино

Дрейер проработал в «Большой Северной Телеграфной компании» два с половиной года. Это время не прошло даром. Он вспоминал, что увлекся искусством и историей искусства, занимался их самостоятельным изучением и посещал лекции (где именно, он не уточнял). В то же время он состоял в двух молодежных организациях: Frisindet Ungdom («Свободомыслящая молодежь») и Dansk Studentersamfund («Датское студенческое общество»). Про первую из них мало, что известно, кроме того, что она выступала против сухого закона. Вторая была более популярна и отличалась левыми взглядами; по словам одного журналиста того времени от нее «попахивало серой». Члены этой организации проводили жаркие дебаты на тему актуальных политических событий, занимались просветительской деятельностью, организовывали лекции и концерты для пролетариата.

До определенного момента новые увлечения, вероятно, помогали Дрейеру выносить рутинную работу в «Телеграфной компании», где, кстати, его карьера продвигалась очень успешно: к 1908 г. его жалование составляло уже 100 крон. Но в начале 1908 г. случился кризис, о котором сам Дрейер вспоминал так:

«Однажды меня попросили сопроводить симпатичного пожилого главного бухгалтера Сальмонсена в подвал. Когда мы открыли дверь и вошли в большую комнату, расположенную под землей, наполненную пыльным, заплесневелым воздухом, добрый старый бухгалтер с благоговением указал на длинные ряды больших серых грессбухов и больших серых

кассовых книг и сказал дрогнувшим от гордости голосом "Ты смотришь на всю мою жизнь". Мысль, что однажды, возможно, и я скажу то же самое, привела меня в такой ужас, что на следующий день я уволился, хотя и не имел ни малейшего представления о том, что буду делать дальше.

Заведующий офисом, который, очевидно, считал меня многообещающим молодым человеком, позвал меня в свой кабинет и спросил, осознаю ли я, что моя карьера в фирме уже спланирована на всю жизнь? Я действительно хочу все бросить? Я ответил, что именно это меня пугает и вынуждает уйти. Он был явно оскорблен моей неблагодарностью и холодно дал мне понять, что разговор окончен. Он выразил надежду, что мне никогда не придется пожалеть об этом шаге. И я действительно никогда не пожалел».¹⁰

Дрейер ушел из телеграфной компании совершенно «в никуда», идей о новой работе у него не было. Поэтому он поехал к родственникам со стороны матери в Швецию, где провел несколько месяцев. Как вспоминал сам Дрейер, впервые он поехал к ним, как только окончил школу, в 1905 г., и после этого ездил регулярно. Вероятно, именно из этих поездок он и привез фотографию матери, которую хранил всю жизнь.

В частности, он провел несколько месяцев в Мальмё у своего дяди-книгоиздателя. С его помощью он сделал первые шаги в журналистике. Дрейер начал писать заметки, которые могли быть интересны для датчан, и с помощью дяди отправлял их в Копенгаген. Некоторые из них увидели свет в Politiken, одной из крупнейших газет Копенгагена. Судя по воспоминаниям Дрейера, после 1908 г. он не поддерживал контакт

со шведскими родственниками, которые помогли ему в непростой период жизни.

Вернувшись в Данию, он продолжил писать, в частности театральные рецензии для провинциальных газет. Такие заметки не подписывались, поэтому сейчас их невозможно атрибутировать. Однако дебют Дрейера в качестве журналиста оказался успешным, и вскоре его взяли в штат Politiken, где он проработал до 1910 г., когда перешел в старейшую и влиятельнейшую копенгагенскую газету Berlingske Tidende.

Сфера ответственности Карла Теодора Дрейера на новой работе включала авионавигацию. Первый датский самолет поднялся в воздух в 1906 г., через три года после полета братьев Райт. Но к декабрю 1909 г. в Дании имелось всего три аэроплана, и все три – французские.

В 1909 г. молодой корреспондент Дрейер находился среди тех, кто встречал экспедицию доктора Ф. Кука, утверждавшего, что они первыми достигли Северного Полюса. Так будущий режиссер впервые был запечатлен на киноплёнке в фильме «Прибытие доктора Кука» («Dr. Cook's Arrival», 1909).

Датских авиаторов тоже можно было перечислить по пальцам, и Дрейер, увлекшийся авиацией и регулярно посещавший летное поле, сблизился со многими из них, особенно со своим ровесником Робертом Свенсенем. Эта дружба вскоре помогла ему получить эксклюзивный материал для газеты.

В 1909 г. Луи Брелио перелетел через Ла-Манш, но никто еще не преодолевал по воздуху пролив Эресунн, разделяющий Данию и Швецию. За этот перелет были установлены специальные призы, 5 000 крон со стороны Швеции и 7 000 крон со стороны Дании.

Пять авиаторов (в их числе Р. Свенсен) приняли вызов. 1 июля 1910 г. началась подготовка к перелету, но уже 4 июля Свенсен буквально сразил своих конкурентов – он поднял аэроплан в воздух и сделал пять кругов над Копенгагеном на высоте около 20 метров. А за ним в качестве пассажира на топливном баке сидел Карл Теодор Дрейер.

Журналисты решили, что Свенсен вот-вот будет штурмовать Эресунн, и отправились в Мальмё. Но Дрейер знал, что Свенсен полетит не раньше, чем через две недели, и остался в Стокгольме. 16 июля Свенсен сказал Дрейеру (и только Дрейеру), что собирается лететь на следующий день. Сначала друзья планировали полететь вместе, но в самолете Свенсена не было места для пассажира, и копенгагенские власти не дали бы разрешения на вылет двух человек на непредназначенном для этого самолете.

Впрочем, Дрейер все равно стал первым пассажиром, который пересек Эресунн по воздуху, но произошло это год спустя, вместе с французским авиатором Поле и в обратном направлении – из Мальмё

Дрейер под аэропланом французского авиатора Поле. 1911 г.

в Копенгаген; он пролетел все расстояние буквально подвешенным между колесами самолета и после удачного приземления сам стал героем новостей.

А тогда, в 1910 г., Дрейер отправился в Мальмё на пароме, чтобы встретить Свенсена – именно в тот день, когда все остальные журналисты, уставшие от безрезультатного ожидания, решили вернуться в Стокгольм. Он договорился с работником пляжа на шведском побережье, чтобы тот поднял флаг, который должен был помочь Свенсену сориентироваться на местности, и успел сообщить об этом другу перед его вылетом.

В результате Дрейер оказался одним из 8 человек (и единственным датским журналистом), присутствовавшим при триумфальном приземлении Свенсена. На этот раз Berlingske Tidende опубликовала сообщение

Дрейера с указанием его фамилии. В этом же году в разных датских изданиях вышло еще несколько подписанных Дрейером статей.

Осенью 1910 г. открылась первая датская летная школа, инструктором которой работал Свенсен, и, конечно же, Дрейер стал одним из первых ее учеников. Интересно, что вместе с ним учился летать Эйнар Зангенберг¹¹, вскоре ставший одним из ведущих актеров датского немого кино и как раз в это время сыгравший свои первые роли. Но обучение продолжалось недолго. К весне 1911 г. оба бывших в распоряжении школы аэроплана окончательно сломались, и школа закрылась.

Совместное путешествие на аэростате в Норвегию Дрейера и инженера Кребса в 1910 г.

Правда, по воспоминаниям самого Дрейера, его исключили еще до закрытия школы за несанкционированный вылет без инструктора¹².

В это же время Дрейер увлекся и полетами на аэростатах. Первый полет в качестве пассажира он совершил в августе 1910 г. Лицензию на управление аэростатом было получить в Дании намного проще, чем на управление аэропланом, и, пройдя соответствующий курс, Дрейер получил такую лицензию в ноябре 1911 г. После этого он совершил больше десяти самостоятельных полетов, некоторые из которых продолжались более суток, и участвовал в соревнованиях.

Журналистская карьера Дрейера в Berlingske Tidende развивалась весьма успешно, но все же в конце 1910 г. он перешел в новую газету Riget, созданную группой молодых журналистов – всем им было около 21 года. Девиз этой газеты звучал «Национальная.

Дрейер (в центре) со своими коллегами в редакции Riget.

Либеральная. Независимая». Дрейер печатался в ней под псевдонимами «Пленник» и «Авиатор».

Писал он главным образом об авиации, причем очень увлеченно, вдаваясь во все возможные технические детали. *«Аэропланы, автомобили, автомобильные шины, бензин, смазочные масла, автоматическое зажигание, пропеллеры – все это было священным для Дрейера. Он не допускал и тени шутки на эти темы»*¹³, написал о Дрейере его коллега в Riget.

Но увлечение Дрейера аэронавтикой продлилось не очень долго. Отчасти это было связано с изменением его семейного статуса. В ноябре 1911 г. Дрейер женился на Эббе Фредерике Ларсен, дочери художника, симпатичной блондинке на год старше его.

Их брак оказался счастливым и продлился 59 лет до самой смерти Дрейера. У них было двое детей – дочь Гунни, родившаяся в 1913 г., и сын Эрик, который был на 10 лет младше сестры.

В апреле 1912 г. Дрейер с женой отправились на аэростате в Германию. Они благополучно пересекли Балтику и уже над территорией Германии попали

в грозу. Им пришлось совершить аварийную посадку ночью, под дождем, среди молний. Фермер, к которому они попросились на ночлег, поверил в их историю только утром, увидев на своем поле аэростат.

Дрейер в интервью Драмму сказал, что после данного происшествия решил прекратить полеты. Но это, по-видимому, было не совсем так – сохранилось его шутовское автоинтервью о предстоящем полете на аэростате, относящееся ко второй половине 1912 г.

« – Вы берете с собой еду (во время полетов)?

Да, я очень тщательно запасаясь провизией. Как правило, я беру с собой пару бутылок виски, или чего-нибудь аналогичного. Я принципиально никогда не беру в гондолу аэростата женщин и табак. Поскольку рядом газ, нужно быть очень осторожным. Одна маленькая искра может привести к страшной беде. А так как я очень люблю и женщин, и табак, обычно я довольно быстро спускаюсь. Если завтрашний полет, как я планирую, продлится несколько дней, это будет достойно уважения.

- Должно быть, приземляться не очень комфортно?

- Нет, что Вы. В полетах на аэростате для меня есть лишь один неприятный момент – а именно, писать о них сообщения в мою газету. Как вы знаете, я – журналист, и хороший; я – сотрудник Ekstra Bladet. К тому же, я талантлив. И сам бы я написал это интервью лучше вас.

Отчаянный молодой аэронавт бросил взгляд на небо. “Хороший ветер”, пробормотал он, поворачивая за угол»¹⁴.

Как видно из приведенного текста, в это время Дрейер уже работал в Ekstra Bladet. С финансовой точки зрения дела у Riget почти с самого начала шли не слишком хорошо (газета прекратила свое существование в 1913 г.), и Дрейер, который теперь уже должен был заботиться о семье, 1 июля 1912 г. перешел в другую газету – Ekstra Bladet. Ее редактором был Фрейлиф Ольсен, человек, оказавший на Дрейера, по его собственным словам, большое влияние.

Дрейер вспоминал об Ольсене как о замечательном редакторе и прекрасном писателе, человеке умном, резком, интересном, противоречивом. Ольсен всегда выступал против любого общепринятого мнения, ненавидел военных и церковь. Дрейер считал, что именно Ольсен научил его избегать фальши и претенциозности, показал разницу между естественным и искусственным, искусством и стилем, чувствами и сентиментальностью. Дрейер имел очень большую свободу в Ekstra Bladet и мог писать, о чем хотел.

Начал он, естественно со статьи об аэронавтике, которая называлась «Авиационное надувательство» и была посвящена недавнему авиа-шоу, которое показывалось публике за деньги. Это первая и единственная статья в Ekstra Bladet, подписанная «Карл Т. Дрейер». Уже следующая статья Дрейера (интервью с его бывшим школьным директором Отто Фиком) была подписана Томмен^{*}, и это стало его постоянным журналистским псевдонимом (наряду с вариациями Том и Дядя Том).

В самом начале работы в Ekstra Bladet произошло первое близкое знакомство Дрейера с кинематографом,

* В буквальном переводе с датского «Дюйм».

который, по его собственному выражению, стал в его жизни «единственной великой страстью»¹⁵. Он выступил в качестве консультанта по аэростатам на съемках фильма «Прыжок к смерти» («Dødsridtet», 1912) кинокомпании SRH*.

Дрейер должен был вместе с Ричардом Йенсенем, исполнителем главной роли, подняться в воздух на аэростате, а затем приземлиться. В этот момент к Йенсену бросался полицейский детектив и кричал: «*Вы арестованы!*». Одна из актрис набрасывалась на детектива, и, Йенсен, воспользовавшись сумятицей, отталкивал протестующего Дрейера, запрыгивал в гондолу, и улетал в небо.

Уже через неделю, 10 июля 1912 г., фильм вышел в прокат. Таковы были тогда темпы кинопроизводства. Накануне Дрейер написал в Ekstra Bladet статью «Сенсационный фильм. Фильм за 20 000 крон», посвященную предстоящей премьере. Любопытно, что Дрейер взял интервью у трех директоров студии SRH, но даже не упомянул фамилию режиссера, как нечто совершенно неважное. Впрочем, сюжет тоже был не очень важен, как сказал в интервью один из директоров студии:

«Сюжет совершенно не важен в современном кино. Это фильм о молодой даме из благородной семьи, которая влюбляется в преступника и следует за ним против его воли. Но, как я уже сказал, это неважно. Важны декорации, пейзаж, и они настолько сильны, как только можно вообразить»¹⁶.

Главное, продолжил Дрейер, в фильме будут сцены с аэростатом, падением лошади с корабля, и,

* Подробнее о датских кинокомпаниях 1910–1917 гг. рассказано в следующей главе.

наконец, с Королевским балетом на великосветской вечеринке. Дрейер не скрыл от читателя и финал (а ведь это было превью, фильм еще не вышел на экраны) – главный герой в конце погибает. По мнению Йена Нильсена, написавшего монументальный труд о кинопродукции компании SRH¹⁷, Дрейер не только участвовал в эпизоде с аэростатом, но и написал сценарий для этого фильма, что, впрочем, не подтверждается другими источниками.

С этого момента статьи Дрейера о кино стали регулярно появляться на страницах Ekstra Bladet. Но прежде чем рассказать об этом, мы дадим краткий обзор датского кино в период с 1896 г. по 1917 г., когда Дрейер снял свой первый фильм «Президент».

5. Датское кино до Дрейера¹⁸

Дания в конце XIX – начале XX века являлась одной из передовых европейских стран. Великий Ибсен предпочитал публиковаться в датской столице: это было престижнее, чем в родной Норвегии. Впрочем, в Дании имелись и свои талантливые литераторы, среди которых можно назвать Йенса Петера Якобсена, Хенрика Понтоппидана и Йоханнеса Вильгельма Йенсена (двое последних получили Нобелевскую премию по литературе).

До первой мировой войны Дания могла похвастаться одним из самых высоких уровней жизни в Европе. Уже в конце XIX века по улицам Копенгагена, освещенным электрическими фонарями, побежали первые электрические трамваи. Экономика процветала. В 1894 г. в Копенгагене была создана своего рода беспошлинная зона "Свободный порт", и этим впоследствии воспользовалась Nordisk Film Kompagni, которая смогла почти беспошлинно импортировать пленку и экспортировать фильмы.

Как не без иронии заметил Эббе Нергор, Дания относится к тому относительно небольшому числу стран, которые никогда не утверждали, что именно они являются родиной кинематографа. Однако уже в декабре 1896 г. Петер Эльфельт, известный фотограф, снял в копенгагенском парке первый датский фильм продолжительностью около одной минуты – псевдорепортаж «Езда на гренландских собаках».

Эльфельт долгое время оставался практически монополистом в кино, снимая нехудожественные фильмы. Единственным исключением стала «Казнь»

(«Henrettelsen», 1903). В этом художественном фильме, основанном на реальных событиях, рассказывалось о женщине, убившей двух детей и казненной за это. Хотя сохранившийся фрагмент фильма демонстрирует высокий для того времени уровень съемок, непосредственного развития производства художественных фильмов в Дании не получило до 1906 г., когда на сцену вышел Оле Ольсен.

Ольсен вырос в бедной крестьянской семье, ребенком пас коз и гусей. Когда ему исполнилось 18 лет, он уехал в Копенгаген и нашел работу официанта в кафе, а затем устроился кочегаром на судно. Накопив немного денег, вернулся в Копенгаген и купил лавку, перед которой часто стоял сам и громко зазывал покупателей. Вскоре Ольсен арендовал кинетоскоп* и заработал на нем неплохие деньги. С этого началась его работа в индустрии развлечений. Он организовывал различные шоу и прочие аттракционы, затем уехал в Мальмё, где построил парк развлечений по примеру копенгагенского и некоторое время им руководил, затем в 1905 г. вернулся в Копенгаген и открыл второй в Дании кинотеатр.

Став владельцем кинотеатра, Ольсен ощутил нехватку фильмов, которые мог бы показывать. Поэтому в 1906 г. он купил собственную камеру и основал Nordisk Film Kompagni (далее просто Nordisk), которой вскоре суждено было стать второй по величине кинокомпанией в Европе после французской Pathé.

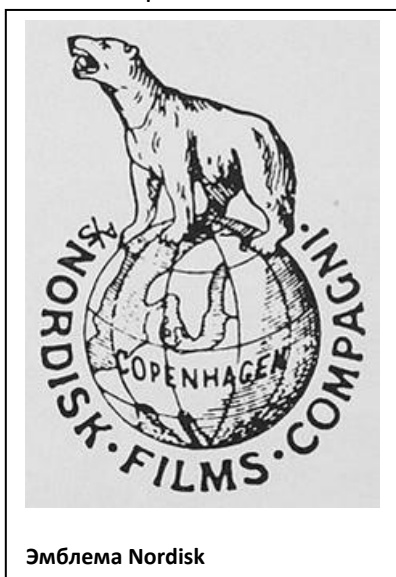
* Кинетоскоп (от греч. kinetós – движущийся, подвижный и skopéo – смотрю), аппарат для рассматривания быстро сменяющихся фотографических снимков, что создаёт впечатление движения снятых объектов.

Эббе Нергор характеризует Ольсена как человека с блестящими организаторскими способностями, выдающегося бизнесмена, который хорошо улавливал текущие настроения в обществе. Кроме того, он был замечательным рассказчиком, искренне любил кино и всегда заботился о качестве продукции, выпускаемой студией. Однако бизнесмен в нем всегда был сильнее художника, и, возможно, именно это предопределило как быстрый расцвет, так и не менее быстрый закат Nordisk.

Ольсен начинал с репортажей, но почти сразу же стал снимать и короткие художественные фильмы, длиной около 8 минут (одна катушка пленки).

В 1906 г. на Nordisk было снято 36 художественных фильмов, из которых сохранилось только три. Один из них – абсурдистская комедия про даму, носившую шляпу с чересчур большими полями, другой – еще одна комедия, а третий – драма про «белую рабыню».

Этот фильм про наивную девушку, фактически попавшую в сексуальное рабство, стал предшественником других фильмов на эту же тему, которые, как мы увидим позднее, сыграли важную роль в развитии датского кинематографа. Названия остальных лент позволяют предположить, что это тоже простые по сюжету драмы и комедии. Все они были сняты

Эмблема Nordisk

единственным в те годы режиссером Nordisk Вигго Ларсеном и единственным оператором Акселем Сёренсеном.

Другим направлением стали «экзотические» фильмы, примером которых может служить «Охота на львов» («Løvejagten», 1907). Для того чтобы снять африканскую охоту, Ольсен купил двух престарелых львов в зоопарке Гамбурга и «переоборудовал» под Африку один из островов рядом с Копенгагеном. Несмотря на то, что защитники животных в Дании добились запрета демонстрации фильма, премьера с большим успехом состоялась в Швеции, а всего было продано 259 копий. «Охота на львов» отличается многими новаторскими приемами монтажа, и, благодаря широкому всемирному прокату, оказала заметное влияние на мировое кино.

В 1908 г. Nordisk открыла представительство в США под названием Greate Northern Film Company, которое отвечало за американский прокат фильмов как самой Nordisk, так (впоследствии) и других компаний, для которых Nordisk выступала в качестве дистрибьютора. Nordisk почти с самого начала ориентировалась преимущественно на международный рынок, пользуясь тем, что во времена немого кино не нужно было думать о дублировании фильмов на иностранные языки.

Вигго Ларсен продолжал снимать драмы и комедии, но сюжеты становились все более разнообразными. Появились первые криминальные фильмы, главным действующим лицом которых являлся Шерлок Холмс, хотя сюжеты имели мало общего с рассказами Конан Дойля. Снимались различные экранизации, костюмные фильмы, волшебные сказки, приключения, даже

несколько вестернов (которые были весьма благо-клонно приняты в Америке). Драмы и мелодрамы имели самые различные сюжеты – из жизни рабочего класса, бандитов и аристократов. Их темой становились любовные многоугольники, любовь родителей к детям и детей к родителям.

Большинство съемок проходило в студии – помещении, похожем на огромную теплицу. Снимать можно было только с мая по сентябрь, в остальное время не хватало света. В первых фильмах для интерьерных съемок использовали очень условные театральные декорации, но постепенно они все более усложнялись и становились все более реалистичными. Датчане относительно рано вышли и на натуру, осуществляя съемки на природе, в том числе и на море.

По мере роста популярности фильмов росло и количество кинотеатров. Первый кинотеатр Kosmorama

Съемки в павильоне Nordisk, 1909 г.

на 158 мест открылся в Копенгагене в 1904 г. Кинотеатры пытались открывать и до этого, но они существовали недолго. К концу 1909 г. в Дании насчитывалось уже более 150 кинотеатров. Появлению новых кинотеатров и, соответственно, прокатных компаний способствовало и то, что в 1909 г. крупнейшая французская кинокомпания Pathé-Frères открыла офис в Копенгагене и стала выпускать фильмы с датскими интертитрами.

Открытие кинотеатров (как и прочих увеселительных мест) требовало государственного лицензирования, и власти сдерживали стихийный рост, препятствуя созданию сетей кинотеатров. Такая система просуществовала до 1970 г., препятствуя развитию внутреннего датского рынка, что также способствовало ориентации Nordisk на экспорт.

В 1909 г. у Nordisk появились первые конкуренты. Ими стали компании Fotorama (основанная фотографом Томасом Хермансеном в Орхусе под названием Th. S. Hermansen и в 1910 г. переименованная в Fotorama) и Biorama. В 1910 г. к ним присоединилась Kinografen.

Все эти компании начинали с проката фильмов. Fotorama фактически владела одной из немногих сетей кинотеатров в Дании; хотя законодательно это было и запрещено, Fotorama через партнерские соглашения арендовала лицензии на кинотеатры других компаний. Как и Ольсен несколькими годами раньше, новые компании, желая расширить ассортимент фильмов, начали собственное производство.

Хермансен сразу же привлек к работе в компании двух людей, впоследствии оказавших заметное влияние на датское кино – режиссера Эдуарда Шнедлера-Сёренсена и оператора Альфреда Линда.

Шнедлер-Сёренсен работал коммивояжером и страховым агентом. Недолгое время он пробыл представителем П. Эльфельта, разъезжая по Дании и показывая фильмы, а в 1908 г. был нанят Kinografen в качестве торгового агента. В 1909 г. Шнедлер-Сёренсен перешел в компанию Хермансена, где сразу же снял фильм по собственному сценарию, а в 1910 г. возглавил копенгагенское отделение Fotorama.

Альфред Линд до своего увлечения кино был мебельщиком, но уже в 1906 г. недолго сотрудничал с Ольсеном в качестве технического ассистента, и вскоре снял свои первые документальные фильмы. До работы на Fotorama Линд успел открыть кинотеатр в Рейкьявике.

В период 1910–1914 гг. (так называемый золотой век датского кино) в Дании работали уже десятки кинокомпаний. Некоторые открывались и закрывались в течение года, так и не успев выпустить ни одного фильма. Но даже крупнейшие из них сняли за годы расцвета всего лишь по несколько десятков фильмов, тогда как количество художественных фильмов, снятых Nordisk, перевалило за 200 еще до 1910 г., а в период расцвета накануне первой мировой войны составляло около 100 в год. Но, хотя в коммерческом плане Nordisk не имела в Дании достойных конкурентов, в художественной области многие открытия совершались именно небольшими компаниями, а затем эксплуатировались Nordisk.

Показательным примером этого является история с фильмом «Торговля белыми рабынями» («Den Hvide Slavehandel», 1910), который сняли на Fotorama Альфред Линд и актер Альфред Кохн. Это был первый датский, как сейчас бы сказали, полнометражный

Студия Nordisk, 1913 г.

художественный фильм, продолжительностью немногим более получаса, тогда как обычный в то время фильм на одной катушке шел не более 10 минут. Но, несмотря на опасения продюсеров, в кинотеатры выстроились очереди. Nordisk решила воспользоваться успехом и поручила своему новому режиссеру Августу Блону сцена за сценой переснять «Торговлю белыми рабынями». Fotorama подала в суд, но в конце 1910 г. двум компаниям удалось договориться. Nordisk получила права на прокат фильмов Fotorama за границей, а Fotorama – на прокат фильмов Nordisk в Дании и Норвегии и обещала выпускать не более восьми собственных фильмов в год. Кроме того, по этому соглашению ведущий режиссер Fotorama Шнедлер-Сёренсен переходил на Nordisk. С 1913 г. Fotorama вообще прекратила собственное кинопроизводство и перешла только на прокат фильмов.

«Торговля белыми рабынями» Блома, выпущенная Nordisk на международный рынок, имела большой успех, и во многом способствовала переходу европейских кинокомпаний на массовое производство фильмов, состоящих из нескольких частей. Сама Nordisk в ближайшие два года выпустила два сиквела, которые становились все длиннее и длиннее. Росла не только продолжительность фильмов, их уровень тоже повышался. Декорации становились все более реалистичными, свет в студии имитировал натуральный, усложнялся сюжет. Уже в первом фильме трилогии использовался полиэкран, чтобы изобразить одновременно собеседников, разговаривающих по телефону – судя по всему, нередкий прием в датском кино того времени, служащий заменой быстрому монтажу. Фильмы про белых рабынь получили такую популярность, что эстафету по их производству приняли США. В 1914 г. американцы сняли уже пародийный фильм на эту тему, и жанр обрел достойное завершение.

Другим датским фильмом, повлиявшим на историю мирового кино, стала «Бездна» («Afgunden», 1910), снятая режиссером Урбаном Гадом для компании Kosmorama, выпустившей всего два фильма. Урбан Гад учился на художника в Париже и по возвращении на родину некоторое время работал в Копенгагене театральным дизайнером, где и познакомился с актрисой Астой Нильсен. Гад, уже имевший небольшой опыт работы в кино (он поставил один фильм для Fotorama), решил основать собственную компанию для того, чтобы снять фильм по собственному сценарию с Нильсен в главной роли. Он обратился за финансированием к Яльмару Давидсену, бизнесмену, когда-то

торговавшему треской. Но, находясь в Париже, Давидсен увлекся кино и купил в 1908 г. в Копенгагене кинотеатр Kosmorama. Во время съемок «Бездны» Давидсен и сам увлекся режиссурой, и снял на Nordisk с 1913 г. по 1917 г. более пятидесяти фильмов.

«Бездна» имела огромный успех в первую очередь благодаря Асте Нильсен, чья талантливая игра, необычная внешность и подчеркнутый эротизм сразу же привлекли внимание публики. Главную мужскую роль

сыграл Роберт Динесен, вскоре ставший известным режиссером. Нильсен и Гад сняли еще один совместный фильм на Fotorama «Черная мечта» («Den sorte Drom», 1911), где Нильсен сыграла вместе с другой восходящей звездой датского кино Вальдемаром Псиландером.

В том же году и Гад, и Нильсен перешли работать на Nordisk, где Гад снял пять фильмов, а Нильсен снялась лишь в «Балерине» («Balletdanserinden», 1911). Парадоксально, но Аста Нильсен, вскоре ставшая первой женщиной – международной звездой немого кино, не понравилась хозяину студии Оле Ольсену, и он не подписал с ней контракт. Вскоре Гад и Нильсен оставили Nordisk и уехали в Германию – став одними из первых в длинной череде творческих людей, которых потеряла студия Ольсена в последующие годы.

Еще одним ключевым фильмом того времени стала цирковая драма «Четыре дьявола» («De fire djævle», 1911), снятая на Kinografen Альфредом Линдом (который был одновременно и оператором), Робертом Динесеном (сыгравшим также одну из главных ролей) и Карлом Розенбаумом. Жанр «циркового фильма» приобрел необычайную популярность в Дании того

Аста Нильсен и Вальдемар Псиландер в «Балерине»

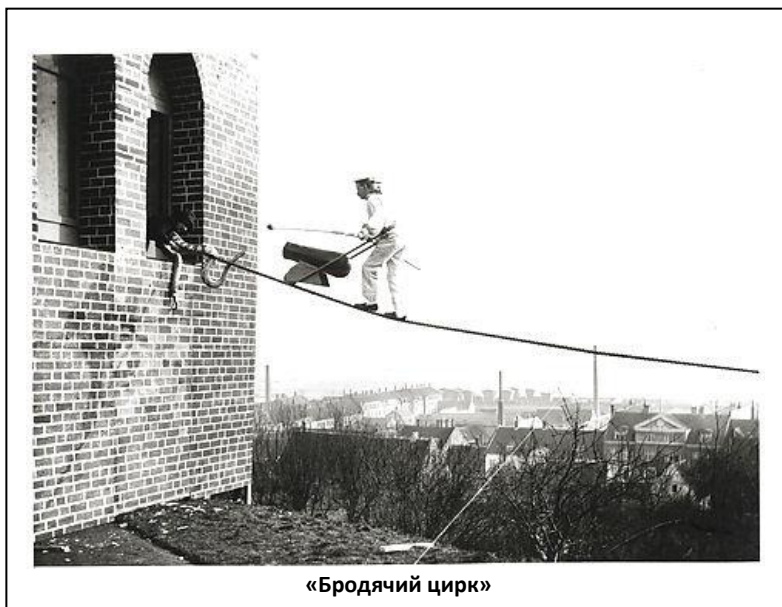
времени, и в нем работали практически все ведущие режиссеры. «Четыре дьявола» – одна из самых ранних таких лент и, возможно, лучшая. Нергор пишет, что это был первый фильм, который говорил со зрителем более-менее современным киноязыком. Всего Kinografen сняла около восьмидесяти фильмов до 1917 г., когда практически прекратила собственное кинопроизводство и перешла на прокат.

В том же году Динесен перешел на Nordisk, а Линд – в Det Skandinavisk-russike Handelshus (SRH). SRH была основана в 1908 г. как торговая компания Йоханом Кристенсеном и двумя его помощниками Вильямом Глюкштадтом и Каем ван дер О Кюхле. Кристенсен имел связи с торговыми компаниями в Сибири и собирался торговать алкоголем и другими товарами. Но дядя

Глюкштадта, владелец мюзик-холла, попросил племянника найти ему какой-нибудь фильм для показа в его заведении, и это полностью переориентировало деятельность компании – с 1909 г. она стала заниматься исключительно прокатом фильмов, а в 1911 г. построила собственную студию и занялась кинопроизводством. Первыми режиссерами SRH стали сами Глюкштадт и Кюхле. Всего SRH сняла 25 фильмов до 1913 г., когда она была переименована в A/S Filmfabriken Danmark, и еще 71 в период с 1913 по 1917 гг.

Главной специализацией SRH стали так называемые «сенсационные фильмы» – драмы с напряженным действием, погонями, трюками, одной из разновидностей которых являлись цирковые фильмы, ставшие очень популярными после «Четырех дьяволов».

Сохранились два цирковых фильма, которые Линд снял во время работы на SRH – «Бродячий цирк»

«Бродячий цирк»

(«Den flyvende cirkus», 1912) и «Укротитель медведей» («Vjørnetæmmeren», 1912). В обоих фильмах Линд выступил режиссером, оператором и автором сценария, а во втором еще и сыграл главную роль. Альфред Линд - уникальная фигура в датском кино, перфекционист. Он тщательно продумывал сцены и декорации, постоянно менял планы, переснимал не понравившиеся сцены; стал категорическим противником театральной манеры игры и любил повторять, что в десять раз проще сделать из обычного человека актера, чем наоборот. Перед съемками Линд поставил SRH условие, что ему будет предоставлена полная свобода на съемочной площадке. «Бродячий цирк» принес Линду международную известность, и вскоре он уехал в Германию.

Кюхле и Глюкштадт оставались ведущими режиссерами SRH, но если Кюхле не проявил себя как

«Остров Мертвых»

выдающийся постановщик, то этого нельзя сказать о Глюкштадте, которого, вероятно, можно назвать самым «художественным» режиссером того периода. Среди его утраченных фильмов заслуживает упоминания «Остров мертвых» («De dødes Ø», 1913), в котором воспроизводилось около 20 картин швейцарского символиста Арнольда Бёклина, к тому же это был единственный датский фильм того периода, для которого музыку специально написал известный композитор Фини Энрикес.

В другом фильме Глюкштадта, «Незнакомец» («Den Fremmede», 1914), есть флэшбэк (один из первых в датском кино) – герой глядит в огонь, сквозь который словно проступает прошлое, которое он вспоминает. Средневековая моральная пьеса в современных декорациях «Всякий и каждый» («Enhver», 1915) – фильм с нелинейным сюжетом, параллельным действием, нераспознаваемыми сразу флэшбэками и метафорическими последовательностями. По неясным причинам Глюкштадт в 1915 г. перестал снимать фильмы.

Но самым ярким представителем золотого века датского кино, безусловно, стал Беньямин Кристенсен. Двенадцатый ребенок в семье зажиточного торговца, Кристенсен должен был изучать медицину, но вместо этого стал оперным певцом. Правда, из-за проблем с голосом ему пришлось сначала переквалифицироваться в актеры, а в 1907 г. и вообще оставить сцену. Тогда Кристенсен стал торговым агентом по продаже дорогих шампанских вин. В кино он попал в 1912 г. благодаря многочисленным знакомствам в этой индустрии (в том числе и с Астой Нильсен), сохранившихся со времен его театральной деятельности. Здесь сила его голоса была

совсем не важна. Первую роль Кристенсен сыграл для небольшой компании Карла Розенбаума, основанной на деньги немецких инвесторов после успеха «Четырех дьяволов». Кристенсен снялся еще в нескольких фильмах и в 1913 г. написал сценарий «Таинственного X» («Det hemmelighedsfulde X»), который безуспешно попытался продать Блону. Тем временем компанию Розенбаума (переименованную в Dansk-Biograf Kompagnie) выкупили датские инвесторы и, недовольные тем, что на ней был снят всего лишь один фильм, искали свежие идеи. «Таинственный X», предложенный компании, произвел на инвесторов и Розенбаума большое впечатление, и Кристенсен получил полный контроль над съемками фильма, в котором сам же и сыграл главную роль. Съемки заняли три месяца вместо обычных в то время двух недель. «Таинственный X» был

назван лучшим фильмом года и имел огромный успех, в том числе и в США. Монтаж, операторская работа, использование света были названы поистине революционными.

Несмотря на начавшуюся первую мировую войну, в 1915 г. Кристенсен выкупил контрольный пакет акций Dansk Biograf Kompagni и, переименовав ее в Benjamin Christensen Film, снял свой следующий фильм «Ночь мщения» («Hævnenes Nat»), имевший не меньший успех, чем «Таинственный X». После этого Кристенсен полностью погрузился в подготовку к съемкам главного фильма своей жизни «Ведьмы» (Häxan, 1922), но это уже выходит за пределы рассматриваемого периода¹⁹.

Несмотря на огромный художественный вклад всех перечисленных выше студий и работавших на них людей, доминировала на рынке по-прежнему Nordisk, выпуская более половины от общего числа датских художественных фильмов. Впрочем, Nordisk всегда была скорее фабрикой фильмов, чем творческой лабораторией. И хотя, как видно из написанного выше, 1910 г. стал переломным для датского кино, Nordisk это практически не затронуло – большую часть ее продукции составляли все те же мелодрамы, примитивные слэпстики, криминальные фильмы про Шерлока Холмса. В 1910 г. Вигго Ларсен уехал в Германию, а с новыми режиссерами, пришедшими на студию, начал создаваться и новый фирменный стиль фильмов Nordisk. Эти изменения в первую очередь связаны с именем Августа Блома, нанятым Nordisk в 1908 г. в качестве актера. Блом начал снимать в 1910 г., и «Торговля белыми рабынями» стала одним из первых его фильмов, а всего он снял их около сотни. Блом не был гением и осознавал это, но как хороший режиссер-ремесленник снимал качественную продукцию, которой и славилась Nordisk. Этому в немалой степени способствовал и его

постоянный оператор Йохан Анкерстьерн, нанятый Nordisk в 1911 г.

В одном из первых фильмов Блома, принесших ему славу, «На пороге тюрьмы» («Ved Fængslets Port», 1911), главную роль сыграл Вальдемар Псиландер (дебютировавший в качестве киноактера годом ранее в небольшой кинокомпании), которому суждено было стать суперзвездой датского кино. Уже в этом раннем фильме есть многие черты, присущие последующим «социальным мелодрамам», ставшими вскоре фирменной продукцией Nordisk. «Социальный» здесь нужно понимать не в смысле "касающийся социальных проблем", а противопоставляющий жизнь разных слоев общества, принадлежность к которым (и даже переход отдельных лиц из одного слоя в другой) подается как неотвратимая судьба. Главной темой таких фильмов была роковая любовь представителей разных классов, которая часто влекла за собой всевозможные несчастья. В фильме «На пороге тюрьмы» можно отметить интересную работу с пространством, глубокий фокус, использование зеркал (фирменная черта фильмов Nordisk), чтобы «свести» в одном кадре действие, происходящее в разных частях помещения. В нем есть даже необычная для того времени сцена, снятая одним планом, где совмещены натурные и интерьерные съемки.

До 1916 г. Псиландер снялся более чем в восьмидесяти фильмах, а затем разорвал контракт с Nordisk (по слухам из-за того, что потребовал совсем уж фантастических гонораров) и основал собственную фирму Psilander-Film, но покончил с собой в возрасте 32 лет, не успев снять на ней ни одного фильма.

Псиландер был очень популярен в России, Германии и Венгрии и имел статус международной кинозвезды. Его актерское дарование ярче всего проявилось, вероятно, в фильмах А.В. Сандберга «Клоун» («Klovnen»,

Съемки «Атлантиды»

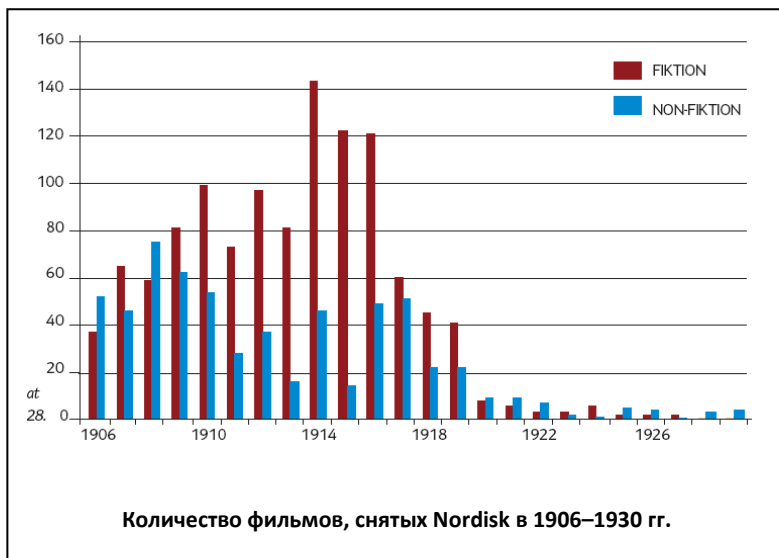
1916) и Хольгера-Мадсена «Жизнь Евангелиста» («Evangelieemandens Liv», 1915). Хольгер-Мадсен, еще один из ведущих режиссеров Nordisk, пришел в кино из театра как актер в 1908 г. Поработав с разными компаниями, он снял в 1908 г. на студии Film Factory Scandinavia фильм по собственному сценарию, в котором сам же и сыграл главную роль. После этого он перешел на Nordisk, для которой снял около восьмидесяти фильмов. Хольгер-Мадсен часто писал сценарии для собственных фильмов, но играл в них довольно редко. Еще одним заметным его фильмом стал «Долой оружие!» («Ned Med Vaabnene!») снятый в 1915 г. по сценарию Карла Теодора Дрейера.

«Главным» фильмом Nordisk периода золотого века, вероятно, можно считать «Атлантиду» («Atlantis», 1913), снятую Бломом по роману нобелевского лауреата Герхарта Гауптмана. В фильме рассказывается история

врача, чья жена сошла с ума, и который в поисках счастья поехал в США. Но истинной кульминацией фильма стала катастрофа трансатлантического лайнера. Для съемок в море зафрахтовали настоящий корабль, а для сцены кораблекрушения построили его большую модель. В съемках этой масштабной сцены было задействовано около пятисот пловцов. Интересно, что фильм (как и некоторые другие фильмы Nordisk) имел альтернативную концовку для русского рынка, в которой главный герой умирал. В то время считалось, что русские зрители любят грустные финалы.

В жанре «сенсационного фильма» наиболее интересные ленты на Nordisk снимал Шнедлер-Сёренсен. Его «Др. Гар эль Хама» («Dr. Gar el Hama», 1911), фильм об изобретателе-преступнике, можно рассматривать как прародителя таких криминальных серий как «Фантомас», «Жюдекс» и т. п., да и сам этот фильм породил четыре сиквела. Цирковой фильм «Смертельный прыжок на лошади из-под купола цирка» («Dødspring til hest fra cirkuskuplen», 1912) стал одним из самых продаваемых фильмов Nordisk. Во многих фильмах Шнедлера-Сёренсена особое место занимали погони, изобретательно снятые, иногда с движущегося автомобиля или поезда. Всего Шнедлер-Сёренсен снял для Nordisk около шестидесяти фильмов.

Еще одним интересным режиссером, работавшим на Nordisk, был Роберт Динесен. Всего он снял около семидесяти фильмов. Наиболее интересным из них считается мелодрама о двух братьях «Под вспыхивающими лучами» («Under Blinkfyrets Straaler», 1913), в которой много сцен снято на натуре, используется выразительное освещение и реалистичные декорации. Его же «Др. Волюнтас» («Dr. Voluntas», 1915) о соперничестве двух

врачей предвосхищает немецкие экспрессионистские фильмы как по освещению, так и по сюжету.

1913 г. стал пиком развития Nordisk, как художественным, так и коммерческим. Первые признаки спада наместились еще до войны, в первой половине 1914 г., когда дивиденды компании упали с 65 до 33 процентов. Это было связано как с растущей международной конкуренцией, так и с удорожанием домашнего производства. Но главной причиной была, вероятно, все же художественная – мир менялся, а Nordisk по-прежнему продолжала специализироваться на часовых мелодрамах, почти достигнув в этом совершенства. Все завоевания Nordisk периода золотого века – световые эффекты, более сложные сюжеты, реализм внутренних помещений, экстраординарное использование природных и городских съемок, натуралистичный стиль игры актеров – все это не получило развития и со временем превратилось в штамп.

Начало первой мировой войны ударило по кинопромышленности всех стран, и в первую очередь – воюющих. Сотрудники кинокомпаний ушли воевать, а публика стала слишком серьезной для развлечений. Pathé пришлось закрыть свое американское представительство еще в 1914 г. Нейтральные европейские страны (такие, как Дания) потеряли зарубежные рынки сбыта. Кризис затронул и США, несмотря на большой внутренний рынок. Помимо проката в Европе возникла проблема с пленкой и другими производственными материалами, традиционно производимыми Германией и Францией. Теперь им стало не до того.

В 1915 г. Великобритания, Франция и Италия запретили импорт датских фильмов, так как небезосновательно предполагали, что Дания экспортирует не только свои фильмы, но и немецкие под видом датских. В 1916 г. к санкциям присоединилась Россия. Однако Дания смогла увеличить экспорт фильмов в Германию, наложившую жесткие ограничения на импорт фильмов других стран, но сделавшую исключение для Дании.

Вместо того чтобы воспользоваться передышкой и пересмотреть свою политику, Nordisk продолжала придерживаться выбранной линии. В 1915 г. она выпустила свод правил, в которых перечислялось то, чего следовало избегать в сценариях. *«Действие должно разворачиваться в наши дни в высших классах. Исторические, рыцарские и национальные фильмы не принимаются. Не разрешено писать ничего порочащего о королевских особах, властях, священниках или офицерах. Нельзя затрагивать темы нигилизма, анархизма и т.д. В каждом фильме должно быть что-нибудь интересное, прежде всего какой-нибудь оригинальный ход, который мог бы стать гвоздем фильма (например, появление "звезды", привлечение важных лиц)»²⁰.*

В таких условиях Nordisk быстро теряла человеческие ресурсы. За Урбаном Гадом и Астой Нильсен, уехавшими в Германию, последовали актриса Клара Понтоппидан в 1912 г. и целая плеяда талантливых актеров в 1913–1914 гг. Ушли два выдающихся оператора: Сёренсен в 1913 г. уехал в Германию, а Анкерстьерн в 1915 г. ушел работать к Беньямину Кристенсену. В 1916 г. ушел Псиландер, в 1917 г. компанию покинули Динесен и Шнедлер-Сёренсен. К 1918 г. из ведущих режиссеров остались лишь Хольгер-Мадсен, Август Блом, Лау Лауритцен (снимавший непритязательные, но популярные комедии) и А.В. Сандберг, работавший на компанию с 1914 г.

В конце 1916 г. Nordisk была вынуждена закрыть свой американский офис – в том числе из-за небезопасности морских путей и резко сократившейся морской торговли. Но эта потеря была не столь существенной, как потеря немецкой сети, состоящей из 5 офисов и более чем шестидесяти кинотеатров. В 1917 г. немецкое правительство создало Universum Film AG (или UFA) и Ольсена фактически вынудили продать свою немецкую сеть, предложив в обмен треть акций УФА. По контракту Ольсен не имел права продать акции в течение двух лет, а за это время их стоимость упала в пять раз.

Таким образом, к 1918 г. Дания окончательно потеряла статус мировой кинодержавы, который так никогда и не смогла завоевать вновь.

6. Датское кино и Дрейер – первая встреча

Но вернемся в 1912 г., когда датское кино было на подъеме. После интервью с директорами студии SRH по случаю выхода на экраны фильма «Прыжок к смерти» (опубликовано 9 июля), события развивались стремительно. 23 июля Дрейер взял еще одно интервью у Кюхле, во время которого последний между делом пожаловался, что не знает, как выпутаться из трудной ситуации в фильме, который снимала в то время студия – девушка заточена в неприступной башне, а нужно как-то передать ее сообщение возлюбленному. Дрейер не растерялся и сразу же предложил использовать почтового голубя. Такое решение произвело большое впечатление на Кюхле, который заявил, что с таким воображением Дрейеру нужно писать сценарии, и последнего не пришлось долго уговаривать. Фильм «Дочь пивовара» («Bryggerens Datter») вышел на экраны 9 августа – через две недели после этого разговора.

Дрейер написал сценарий со своим коллегой-журналистом Вигго Кавлингом за одну ночь. Кюхле был женат на одной из дочерей основателя пивоварни Carlsberg и имел много друзей среди пивоваров. Он обещал одному из них, что снимет фильм на его пивоварне, и это стало главным условием, которое Кюхле поставил Дрейеру. Сценарий получился достаточно непритязательный. За дочерью хозяина пивоварни ухаживает главный пивовар, тогда как она любит простого работника. Главный пивовар устраивает пожар на пивоварне, в котором пытается обвинить работника, но дочь хозяина пивоварни помогает полиции выяснить правду.

Следует эффектная сцена погони, на машине, лошадях, по морю, которая заканчивается спуском по огромному муляжу в форме пивной бутылки. Преступник пойман, влюбленные счастливы. К сожалению, фильм не сохранился, но по описанию можно судить, что он был вполне в духе продукции SRH.

Первый опыт оказался успешным. Сценарий очень понравился Кюхле, и он заплатил за него авторам 500 крон, что составляло значительную сумму. Для сравнения, зарплата опытного служащего составляла тогда 100-200 крон в месяц. Дрейер захотел продолжить

Кадр из фильма «Военный корреспондент».

эту деятельность. В марте 1913 г. SRH выпустила в прокат следующий фильм по сценарию Дрейера – это был «Взрыв аэростата» («Balloneksplosionen»), очередная мелодрама с очередной погоней, причем на этот раз погоня была на аэростатах, одним из которых управлял сам Дрейер. К сожалению, фильм тоже не сохранился. Следующий сценарий назывался «Военный корреспондент» («Krigskorrespondenter», премьера состоялась в мае 1913 г.). Несмотря на название, фильм представлял собой очередную мелодраму, в которой война служила лишь фоном для приключений военного корреспондента. Молодой человек борется со своим нечистым на руку конкурентом и любит дочь пастуха, которая спасает его из горящего самолета. Интересно, что режиссером этого фильма был Глюкштадт, а оператором Линд.

Дрейер не ограничился сотрудничеством с SRH, в 1913 г. два фильма по его сценариям вышли и на Nordisk. Вероятно, именно этим временем следует датировать и другие сценарии, не принятые студиями или не запущенные в производство. Сохранился один из них – «Соединенные смертью» («Doden Forener»), купленный в конце концов шведской кинокомпанией AB Svenska Biografteatern (впоследствии преобразованной в Svensk Filmindustri), но о соответствующем фильме ничего не известно. По сюжету это типичная для того времени мелодрама о любовном треугольнике – молодой девушке, хозяине большого поместья и фермере, интересная лишь тем, что при желании в ней можно найти отголоски семейной истории самого Дрейера.

В середине 1913 г. Дрейер подписал контракт с Nordisk, предполагавший его работу на условиях половинной занятости в сценарном отделе (основан

в 1911 г.). Сам Дрейер вспоминал, что он начал работать на Nordisk еще в 1912 г. Возможно, в то время его работа носила разовый и неофициальный характер. В соответствии с контрактом, Дрейер не мог сотрудничать с другими кинокомпаниями, в том числе и писать для них сценарии. Но его контракт подразумевал неполную занятость, и в течение 1913–1915 гг. Дрейер продолжал работать журналистом в Ekstra Bladet. В частности, он вел сатирическую рубрику «Герои нашего времени», в которой доставалось многим известным датчанам: политикам, писателям и, конечно же, деятелям кино. Датский актер Олаф Фёнс после статьи Дрейера даже требовал от редактора его увольнения. «Героями» в разное время становились основатель Nordisk Оле Ольсен, режиссер Шнедлер-Сёренсен, звезды датского кино Вальдемар Псиландер и Аста Нильсен.

«Герои нашего времени. Аста Нильсен.

Художники часто любят пошутить. Вчера утром Карл Йенсен положил на мой стол рисунок.

- Что это, Карл? Мы собираемся писать о женщинах в нашей серии “Герои нашего времени”?

- Почему бы и нет, если женщины – настоящие герои.

- Это Аста Нильсен – герой?

- Боже, ну конечно же. Теперь она начала появляться в мужской одежде, не обращая внимания на то, что это подчеркивает ее ужасную фигуру. Это ли не жертва во имя искусства?*

* Вероятно, речь идет о фильме Jugend und Tollheit (1913).

Вот что сказал Карл Йенсен, и у меня открылись глаза. Разве не это каждый из нас думал, но не смел сказать?

Об Асте Нильсен можно прочитать в любой датской ежедневной газете и еженедельном журнале. И всюду одно и то же. Мы все знаем о той шумихе, которая стоит вокруг ее всемирной славы и огромных гонораров. От этого уже почти тошнит.

Никто не спорит, что она знаменита и талантлива. Она ужасно талантлива. Но я уже действительно не могу больше об этом слышать. И я действительно не могу больше об этом писать. Бог знает, сколько раз я писал о ее замечательной карьере, восхитительном трудолюбии, выдающемся искусстве. С меня довольно. Сейчас я скажу все, что думаю, и скажу правду, которой долго не давали выйти наружу.

Аста Нильсен совсем не симпатична. У нее самая что ни на есть неудачная фигура. Она долговязая, а задница у нее плоская, как гладильная доска. У нее плоская грудь, которая может быть интересна разве что врачу. Она колышется, как тростник на ветру. Разве не достаточно просто назвать эти факты, чтобы открыть глаза читателям? Несомненно.

Но что делает Аста Нильсен? В половине фильмов она появляется в трико, а когда ей надоедает трико, она переодевается в мужское платье. Она буквально выставляет напоказ то, какая она тощая. Разве не пора предложить ей спрятать ее тощие ноги в женском платье? Давайте попробуем и посмотрим, поможет ли это.

Ну, вот я и сказал это, и я не знаю, что можно сказать худшего об этой талантливой кинодиве. Она все еще замужем за Петером Урбаном. Хм! Это одна из тех ситуаций в нашей жизни, когда лучше сменить злобствование на сочувствие»²¹.

Аста Нильсен никогда не простила Дрейера. Когда в 60-х ее спросили, что она думает о своем знаменитом соотечественнике, Нильсен холодно ответила «Он – хороший оператор». В течение многих лет Аста Нильсен и Карл Дрейер жили в одном и том же районе Копенгагена и ходили в одну и ту же булочную, но когда они там встречались, то вежливо игнорировали друг друга²².

Впрочем, не все статьи в рубрике «Герои дня» были сатирическими, случались и исключения. Так, например, основатель и хозяин студии Nordisk Оле Ольсену получил положительную оценку²³. Остается только гадать, связано ли это с тогдашней работой Дрейера на Nordisk и желанием подписать постоянный контракт. Справедливости ради нужно отметить, что помимо статей в рубрике «Герои дня», Дрейер писал для Ekstra Bladet и другие, более серьезные статьи. Однако, когда в 1956 г. молодой журналист напомнил Дрейеру о грехах его юности, последний признал, что часто его статьи были «легковесными, фривольными, оскорбительными» и, хотя это и было характерным для журналистики

того времени, сейчас он предпочел бы больше не говорить об этом периоде своей жизни²⁴.

Деятельность Дрейера в те годы не ограничивалась журналистикой и работой на Nordisk. Он переводил арии из опер и оперетт для музыкального издательства, а в летний период управлял небольшим театром под открытым небом, расположенным в пригороде Копенгагена. Позднее он открыл агентство по организации различных представлений, через которое актеры могли заключать контракты. На официальных бумагах компании под именем «Карл Теодор Дрейер» были написаны названия трех скандинавских столиц: «Христиания^{*}, Копенгаген, Стокгольм».

Но постепенно приоритеты смещались. Первоначально задачи Дрейера в сценарном отделе студии Nordisk в Копенгагене не были четко определены. Штат отдела состоял из трех-пяти человек, обязанности которых заключались, помимо написания интертитров и программки к фильмам, в отборе поступающих сценариев и решении проблем с авторскими правами и цензурой.

Дрейер пришел на эту работу, чтобы писать и редактировать интертитры, но вскоре его обязанности расширились. Работа в сценарном отделе Nordisk занимала у Дрейера все больше и больше времени, и, кстати говоря, все выше оплачивалась. Его годовое жалование выросло с 1 875 крон в 1913 г. до почти астрономической суммы 7 900 крон в 1915 г.²⁵

Как мы уже видели на примере «Дочери пивовара», написание сценариев, которые в то время представляли собой по большей части синопсисы фильмов,

* Название Осло до 1924 г.

Кадр из фильма «Долой оружие».

являлось довольно прибыльным делом. Хотя гонорар, полученный за «Дочь пивовара» Дрейером и его соавтором, был намного выше среднего. В 1914 г. на Nordisk действовали следующие расценки за сценарии: 75-100 крон за драму, 50-75 крон за комедию и 25-35 крон за фарс. Желających заработать находилось достаточно, причем не только среди датчан. Много сценариев приходило из-за границы, в одном пакете часто содержалось сразу несколько рукописей. В некоторые месяцы Nordisk получала по 150 сценариев, большинство из которых (около тысячи в год) отвергалось. Среди отвергнутых сценариев два принадлежали актрисе Кларе Понтоппидан, игравшей впоследствии у Дрейера, и шесть – норвежцу Хансу Виеш-Енссенсу, по пьесе которого Дрейер в 1943 г. снял «День Гнева»²⁶.

Дрейер активно включился в работу по отбору и редактированию чужих сценариев и на собственные у него, вероятно, не оставалось времени. Единственным фильмом по сценарию Дрейера, вышедшим в 1914 г. стал «Долой оружие!» («Ned Med Vaabnene!»). Дрейер написал сценарий на основе известного антивоенного романа баронессы Берты фон Зуттер, и фильм, снятый Хольгер-Мадсенем, имел большой успех.

В 1915 г. ситуация изменилась. Дрейер подписал новый контракт с Nordisk – теперь уже с занятостью на полный рабочий день. В новом контракте говорилось и о работе в качестве сценариста. Всего до 1918 г. Дрейер написал более 30 сценариев, больше чем по половине из них были сняты фильмы. В процессе работы в сценарном отделе Дрейер пришел к выводу, что хороший кинематографический сценарий должен быть основан на литературном произведении – что неудивительно, учитывая огромное количество низкокачественных сценариев, прошедших через его руки. Он начал и сам придерживаться этого принципа, которому оставался верен всю свою жизнь. В следующие годы он писал сценарии как по произведениям классиков, так и по романам современных ему писателей; причем есть основания считать, что в некоторых случаях он сначала сам выкупал права на экранизацию, выступая литературным агентом²⁷.

Начиная с 1916 г. производство фильмов на Nordisk заметно сократилось, и, соответственно, потребность в сценариях упала. Поэтому помимо выполнения литературных обязанностей Дрейер стал еще и монтировать фильмы. Монтаж в то время заметно отличался от современного, фильмов со сложным

монтажом выпускалось совсем не много. Сам Дрейер вспоминал, что на фильм длиной 800 метров обычно уходило всего 850 метров пленки. Задача монтажера первоначально заключалась главным образом в том, чтобы вырезать брак, расположить сцены в более-менее последовательном порядке и вставить интертитры. По мере того, как фильмы становились длиннее и сложнее, усложнялся и монтаж.

В то время студией Nordisk в Копенгагене управлял Вильгельм Стэр, который курировал все технические вопросы, в то время как за финансовые отвечал продюсер Фрост. Стэр сам был лучшим монтажником в Дании и Дрейер вспоминал о работе с ним с большим уважением:

«Каждый, кто хочет стать режиссером, должен пройти эту школу. Стэр был удивительным человеком. Мне он очень нравился. Все свои знания он вынес из собственного опыта, а не из книг, и я многому у него научился. Позднее я обнаружил, что все, о чем он мне рассказывал, есть в книге Станиславского “Моя жизнь в искусстве”, но Стэр никогда не читал Станиславского»²⁸.

Пять лет работы в сценарном отделе Nordisk стали для Дрейера, по его собственному выражению, хорошей школой, но ему хотелось большего.

7. Датские фильмы Дрейера

В октябре 1917 г. Дрейер написал в письме Фросту:

«Говорят, что после пяти лет работы на одном месте человека нужно либо повысить, либо уволить. Разве мои пять лет еще не истекли?»²⁹

Возможно, приди Дрейер в кино на пару лет раньше, его путь к режиссерскому креслу был бы намного короче. Датское кино тогда набирало обороты, с каждым годом выпускалось все больше и больше фильмов, требовались новые кадры. Но в 1914–1917 гг. Nordisk, очевидно, не испытывала недостатка в режиссерах. Однако к 1918 г. ситуация изменилась, большинство режиссеров покинули студию. Поэтому 1 мая 1918 г. просьба Дрейера была удовлетворена – он был официально переведен из сценаристов в режиссеры³⁰.

Сам Дрейер так описывал работу режиссера на Nordisk во времена расцвета студии:

«Одновременно на Nordisk работало двенадцать или пятнадцать режиссеров, но снимали они только с мая по сентябрь. Они заканчивали съемки за 7-8 дней, и как только заканчивались съемки одного фильма, начинались съемки следующего, часто в тех же декорациях. И они никогда сами не монтировали фильмы»³¹.

При всей поточности производства режиссер на Nordisk сохранял достаточную самостоятельность. Он отвечал только перед двумя людьми – продюсером Фростом и техническим директором студии Стэрмом. Конечно, снимать приходилось быстро; режиссер мог дать

актерам какие-то указания перед съемками сцены, но полноценных репетиций не проводилось. Часто сценарий представлял собой лишь набросок сюжета, поэтому диалоги во время съемок придумывал сам режиссер. Он полностью определял стиль игры актеров и освещение на съемочной площадке. Он сам мог набирать реквизит и руководить строительством декораций³².

Похожая ситуация была и на других студиях. Жак Фейдер, начинавший кинематографическую карьеру на студии Gaumont, вспоминал:

«Приходилось браться за все, чтобы овладеть своим ремеслом. Режиссерский сценарий, освещение, установка декораций, съемки, работа с актерами, монтаж фильма; уваливать от работы было нельзя; мы были настоящими ремесленниками, как старые маляры, растирали свои краски, естественно, только белую да черную. Мы мастерили фильм за пятнадцать дней, работая по пятнадцать часов в сутки. Мы были пионерами – грубыми, крепкими и смекалистыми»³³.

На вопрос, почему в качестве первого фильма был выбран именно «Президент», Дрейер много лет спустя ответил, что это произошло случайно и только потому, что именно этот сценарий был готов; ему, Дрейеру, хотелось приступить к работе немедленно, поскольку он боялся, что руководство компании может передумать. Однако нельзя не заметить, что тема фильма тесно связана с личной историей Дрейера.

Дрейер написал сценарий еще летом 1916 г. на основе романа Карла Эмиля Францоza (хорошо известного в Дании немецкоязычного автора), и Nordisk

купила права на экранизацию. Этот сценарий стоит несколько особняком среди той преимущественно развлекательной продукции, которую выпускала Nordisk в 1918 г. (возможно, поэтому он и пролежал почти два года на полке).

«Президент» – роман о трех поколениях одной семьи, в каждом из которых мужчина из высшего класса общества имел связь с женщиной из низшего класса, в результате чего рождался ребенок. Отец главного героя, Карла Виктора, был в свое время очарован дочерью дворецкого, забеременевшей от него, и, как честный человек, вынужден был жениться. Однако брак оказался неудачным и перед смертью отец заставил поклясться Карла Виктора, что тот не повторит его ошибки. Карл Виктор в свою очередь в доме своего дяди влюбился в гувернантку, но, выполняя клятву, данную отцу, на ней не женился, бросив ее беременной. И вот, много лет спустя, он случайно узнает, что его внебрачную дочь, Викторин, будут судить за убийство младенца, рожденного от связи с сыном ее хозяйки.

Дрейер в сценарии несколько сместил акценты по сравнению с романом. Так, в романе Карл Виктор не знал о беременности своей любовницы, и они расстались из-за его угасшего интереса, а не из-за верности Карла Виктора слову, данному отцу. В романе Викторин отказывалась простить отца, в фильме же прощение Карлу Виктору было даровано на смертном одре матерью Викторин. По сравнению с романом в фильме усилена тема вины мужчины и всепрощения женщины. Другой важной темой фильма стала несправедливость правосудия – Викторин не может нести ответственности за свой поступок, он был предопределен порядком,

установленным в обществе, и предыдущими поколениями, тем не менее, ее приговаривают за него к смерти.

Очевидно, Дрейеру (скорее всего, благодаря патронажу Стэра) была предоставлена большая свобода во время съемок его первого фильма. Дрейер сразу же отнесся к «Президенту» как к своему детищу. Так, когда однажды Стэр заглянул в студию, чтобы посмотреть, как идут дела у его протеже, Дрейер остановил съемки и сказал, что не будет продолжать, пока в студии посторонние. А в письме продюсеру Фросту, датированному 11 августа 1918 г., Дрейер объяснял, почему он не хочет прийти на презентацию фильма, организованную для менеджеров Nordisk: *«Моя работа настолько важна для меня, что я не хочу выслушивать мнение дюжины безразличных мне людей»*³⁴.

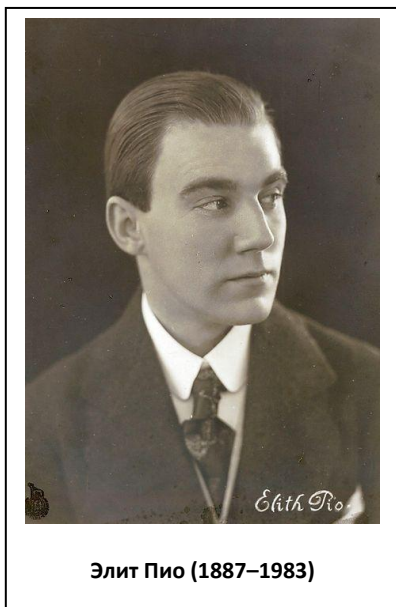
Уже во время съемок своего первого фильма Дрейер смог воплотить многие из тех принципов, которых впоследствии придерживался всю жизнь.

Прежде всего, он не захотел использовать актеров из «обоймы» Nordisk, переходивших из фильма в фильм, лица которых уже примелькались публике. Вместо этого Дрейер нашел своих собственных; в первую очередь при отборе он руководствовался тем, насколько человек соответствовал роли. Дрейер старался, насколько это было возможно, отказаться от грима; он пригласил на роли пожилых людей лиц соответствующего возраста, а не гримировал более молодых актеров, что было обычной практикой того времени на Nordisk. Чтобы создать реалистичную атмосферу во время сцены суда, Дрейер пригласил членов гильдии перчаточников сыграть публику в зале. Но главную роль (Президента) сыграл все же профессиональный актер,

Элит Пио, и его Дрейер вынужден был «состарить» – поскольку первая сцена фильма и основное действие разделены примерно двадцатью годами. На фоне остальных персонажей это несоответствие возраста особенно бросается в глаза, хотя аристократичные черты лица Пио как нельзя лучше соответствуют роли.

Пио, доживший до 95 лет, много лет спустя вспоминал, что до съемок знал Дрейера лишь в качестве мелкого журналиста, пишущего вызывающие раздражение статьи о всякой ерунде. Поэтому он был очень удивлен, увидев вместо наглого типа спокойного и немного смущенного молодого человека. Пио вспоминал, что Дрейер был неизменно вежлив, внимателен и дружелюбен со всеми членами съемочной группы, независимо от их положения:

«Сценарий был, но не детальный. Перед тем, как сыграть каждую сцену, Дрейер говорил нам, что мы должны делать. Это был первый режиссер, который прочитывал нам сцены целиком. Он собирал нас всех вместе, раньше я такого никогда не встречал. Он говорил нам, что он думал о сцене и как ее нужно снять. Раньше нам просто говорили что делать. Он изменил сложившееся положение вещей. Он

Элит Пио (1887–1983)

хотел, чтобы мы играли естественно – так, как играют сегодня. И мы могли обсуждать это. Он не был диктатором – как некоторые другие. Он говорил нам, чего бы он хотел. Он воспринимал возражения и предложения, но он не позволял делать все по старинке. Он был против неестественной медлительности. Он позволял актерам использовать грим, но он настаивал, чтобы он был более скромный, более естественный. Как во внешности, так и в игре он стремился к полной натуральности. Впервые вместо загримированных актеров он использовал актеров того типа, которые и без грима соответствовали персонажам. Честно говоря, насколько я помню, он иногда все же сомневался; но в целом он был очень уверен в себе и всегда знал, чего хочет»³⁵.

Но сам Дрейер остался не удовлетворен игрой актеров в «Президенте». В конце 40-х он признался в интервью: *«Я позволил актерам делать все, что им нравится. Позднее я увидел свои ошибки на экране. Что ж, так и учатся режиссуре»³⁶.*

К декорациям Дрейер тоже подошел очень внимательно. Он отказался от использования стандартных декораций, бывших в распоряжении студии и использованных в других фильмах. Создавая собственные декорации для «Президента», Дрейер разработал еще один важный принцип, которого придерживался всю жизнь, – сам он называл этот принцип «визуальным очищением».

«Я работал над упрощением декораций. К тому времени у меня уже была теория, что, когда вы входите в чью-нибудь комнату, по ее внешнему виду у вас сразу же создается впечатление о личности и

характере ее владельца. Поэтому в комнате Президента очень холодные стены и очень мало мебели»³⁷.

Как и в последующих фильмах, Дрейер стремился создать в «Президенте» максимально реалистичные декорации, а затем убирал все несущественные детали. В результате декорации получились очень простыми и почти абстрактными и все же оставляли впечатление реальности. Дрейер отмечал:

«Требуется именно впечатление реальности, а не сама реальность. Поэтому я всегда старался, чтобы мои фильмы казались реальными, и в то же время упрощал их, насколько мог. Если не делать такое упрощение, то реалистичность декораций все время будет оттягивать на себя внимание. Стиль должен вносить свой вклад в показанную историю, а не доминировать в ней»³⁸.

Дрейер вспоминал, что идеи визуального очищения и упрощения пришли к нему из живописи. Во времена съемок «Президента» он увлекался картинами Вильгельма Хаммершоя*. Он говорил, что картина «Открытые двери» как нельзя лучше выражает идею визуального очищения. Другой любимый художник Дрейера в тот период – Джеймс Уистлер† – оказал на фильм даже более очевидное и непосредственное влияние. Дрейер использовал его световые эффекты и

* Вильгельм Хаммершой (дат. Vilhelm Hammershøi, 1864–1916) — датский художник, представитель символистского направления в живописи.

† Джеймс Эббот Макнил Уистлер (англ. James Abbot McNeill Whistler, 1834—1903) — англо-американский художник, мастер живописного портрета в полный рост, а также офорта и литографии. Один из ключевых предшественников импрессионизма и символизма.

Вильгельм Хаммершой. "Открытые двери", 1905 г.

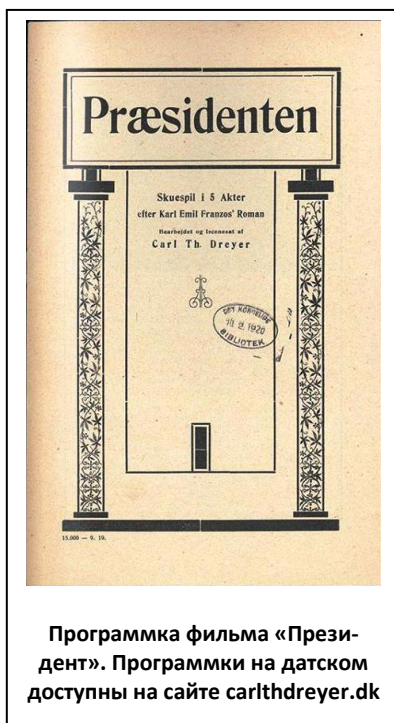
композицию и не скрывал, что кадр, в котором Викторин, сидящая в зале суда, показана в профиль, является явной аллюзией на «Портрет матери» Уистлера. Впоследствии Дрейер всегда пытался избегать столь прямолинейного цитирования живописных полотен.

А вот сюжет фильма оказался не таким простым и очищенным, как визуальные решения. Действие разворачивается во времени нелинейно, «Президент» содержит множество флэшбэков, в том числе флэшбэк внутри флэшбэка по принципу русской матрешки. На стадии написания сценария Дрейеру очень нравилось такое построение сюжета, но в процессе съемок он пришел к выводу, что оно плохо работает и выглядит

чересчур искусственно. В последующих фильмах Дрейер очень редко использовал флэшбэки (один раз в «Михаэле», два раза в «Уважай жену свою» и два раза в «Гертруде»), предпочитая хронологически линейное развитие сюжета.

Помимо живописи на Дрейера, конечно, оказали влияние и фильмы, хотя сам он не очень любил говорить о подобном влиянии. К моменту съемок «Президента» Дрейер видел «Рождение нации» Гриффита (на что косвенно указывает сцена факельного шествия в «Президенте»), которое показывали в Дании в марте 1918 г. Некоторые критики также отмечают возможное влияние «Поцелуя смерти» («Dödskyssen», 1916) Виктора Шёстрема³⁹.

Съемки «Президента» проходили с мая по июль 1918 г. и заняли два с половиной месяца, что было несколько дольше обычного. Правда, сюда вошло и время, затраченное Дрейером на монтаж фильма. Дрейер с гордостью вспоминал, что он был единственным режиссером на Nordisk, который сам монтировал свои фильмы. Натурные съемки проходили на шведском острове Готланд, что также указывает на особое

Программка фильма «Президент». Программки на датском доступны на сайте carlthdreyer.dk

расположение руководства студии к дебютанту-режиссеру. Даже сейчас дорога от материка до острова занимает более четырех часов, и вывозить так далеко съемочную группу ради нескольких сцен едва ли было целесообразно с экономической точки зрения.

Показ для руководства Nordisk состоялся в августе 1918 г., и известно, что Стэр поставил «Президенту» 10 баллов из 10. Премьера состоялась в феврале 1919 г. в Швеции, а в Дании – лишь год спустя, 9 февраля 1920 г. Причины, по которым датская премьера оказалась отложена на полтора года, не вполне понятны, но «Президент» был не единственным фильмом, положенным на какое-то время на полку, – в 1920 г. Nordisk выпустила в прокат около полутора десятка лент, снятых в 1915–1918 гг.

«Президент» не вызвал большого интереса и был воспринят прессой спокойно. Тема неравных браков уже не считалась актуальной, демократичные датчане в 1920 г. не рассматривали брак со служанкой как социальное бедствие. Хотя фильм не стал убыточным, он не принес Nordisk те деньги, на которые она рассчитывала. Но к счастью, когда это выяснилось, Дрейер уже успел снять следующий фильм – «Страницы из книги Сатаны» («Blade af Satans bog», 1921).

Сценарий был написан известным датским драматургом Эдгаром Хойером и поступил на Nordisk еще в 1913 г., когда Дрейер работал в сценарном отделе. Несмотря на более поздние воспоминания самого Дрейера, сценарий на самом деле не имел ничего общего с романом Марии Корелли «Скорбь Сатаны» («The Sorrows of Satan», 1895). Весной 1918 г. Дрейер начал перерабатывать этот сценарий, а летом на специальном

показе, организованном для датских кинематографистов, он увидел «Нетерпимость» Гриффита. Дрейер находился под большим впечатлением от увиденного:

«Гриффит очень на меня повлиял. Он создавал великие фильмы, и все мы были его последователями и учениками. Когда в Копенгагене показали «Нетерпимость» для режиссеров и руководства Nordisk, большинству этот фильм не понравился, но меня он глубоко затронул. Меня не очень заинтересовали три исторические части, но я почувствовал, что современная история с Мэй Марш и Робертом Херроном изумительна. Меня особенно впечатлила сцена, когда она рвет носовой платок зубами, тревожась за мужа.

*Использование Гриффитом крупных планов и та человечность, с которой он подошел к сюжету, произвели на меня очень большое впечатление. Во всех его работах была правда – зрелищность не очень меня интересовала, но истории людей, такие как «Сломанные побеги» и «Путь на восток», оказали на меня большое влияние».*⁴⁰

У Nordisk определено не было ничего похожего. Руководство Nordisk, впечатленное просмотром «Президента», решило поручить Дрейеру создание своего собственного эпического фильма, обещав за его съемки 14 000 крон – очень неплохой гонорар для молодого режиссера.

Дрейер начал готовиться к съемкам. Несмотря на то, что в качестве автора сценария указан только Хойер, вероятно, именно Дрейер полностью написал четвертый (финский) эпизод, которого не могло быть в первоначальном сценарии, поскольку действие эпизода происходит в 1918 г. Также Дрейер внес некоторые другие

изменения в сценарий Хойера, которые не понравились последнему: заменил визуальный пролог о падении Сатаны текстом, сократил французский эпизод и т.д.

Дрейер детально изучал все, что было связано с предстоящими съемками. В черновиках сценария сохранился список литературы. Помимо книг по искусству (касающихся средневековья, Леонардо да Винчи, Эль Греко) в него включены и труды Поля Лакруа по Французской революции, и даже роман Виктора Гюго «Девяносто третий год». Дрейер провел месяцы в библиотеке, чтобы изучить все детали предполагаемых декораций. Он тщательно подбирал людей на роли второго плана для каждого эпизода – имеющих, соответственно, еврейскую, испанскую и финскую внешность.

Но работа шла отнюдь не гладко. По непонятным причинам, у Дрейера испортились отношения с техническим директором студии Стэром, который ранее во всем его поддерживал. В письме продюсеру Фросту, датированном 19 декабря 1918 г., Дрейер написал: *«Директор Стэр в своей неослабевающей ненависти ко всему молодому и новому ... без сомнений слепо преследует Сандберга и меня».*

Затем возникли финансовые проблемы. Изначально бюджет фильма был утвержден в 120 000 крон, но в марте 1919 г. Дрейер в ультимативной форме потребовал от Стэра увеличить бюджет до 250 000 крон, а в противном случае грозился продолжить съемки с некой шведской кинокомпанией. В этом знаменитом письме Дрейер заявлял, что у Nordisk никогда не было ни такого хорошего и проработанного сценария, ни режиссера, который так тщательно готовился бы к съемкам, а теперь, вместо того, чтобы позволить ему, Дрейеру, снять

фильм, который станет образцом для других фильмов, администрация Nordisk лишь ставит ему палки в колеса:

«Возможно, я чересчур настойчив, но это лишь потому, что я хочу, чтобы все абсолютно ясно понимали – если Nordisk и я решим, что наши пути расходятся, то исключительно потому, что Nordisk хочет снять заурядный фильм (а, с моей точки зрения, это то же самое, что убогий фильм), в то время как моя цель – снять фильм, который будет образцом мастерства. Я прекрасно понимаю, что пропасть, которая разделяет администрацию и меня, так широка, что мы едва ли сможем достичь согласия, а я не могу изменить свою позицию»⁴¹.

Ответ последовал незамедлительно, причем от самого Оле Ольсена, владельца компании. Ольсен заявил, что 150 000 крон – это максимальная сумма, которую Nordisk может выделить на фильм, или Дрейер принимает ее, или может быть свободен. Дрейер вынужден был согласиться, но заметил, что делает это лишь потому, что адвокат объяснил ему проблемы с расторжением контракта, в то время как сам он снимает с себя всякую ответственность за фильм. Ольсен ответил, что в таком случае Дрейер освобождается от обязанностей режиссера. И Дрейер снова вынужден был пойти на попятный: оказывается, его не так поняли, и он снимает с себя ответственность за фильм только в том случае, если в сценарий без согласования с ним будут внесены серьезные изменения. Согласие было достигнуто, и съемки начались.

«Страницы из книги Сатаны» состоят из четырех эпизодов (история Христа, испанская инквизиция, французская революция, финская революция),

в каждом из которых Сатана, принимая обличье человека, пытается совратить людей, и лишь в последнем (финском) эпизоде ему это не удается. Дрейер уделил финскому эпизоду особое внимание, именно с него и начались съемки фильма. Для съемок неподалеку от города Хиллерёд на острове Зеландия к северу от Копенгагена за 9 000 крон было специально построено здание станции. Дрейер вспоминал, что впервые использовал камеру, которая двигалась как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, но главное новаторство заключалось не в этом, а в том, что:

«...эта часть была длиной 550 метров и состояла примерно из 600 сцен. Когда об этом "безумии" стало известно, я немедленно получил приказ Оле Ольсена прекратить работу. Клара Вит (Понтоппидан) играла изумительно, но она очень боялась. Я был занят и монтировал все 600 сцен вместе. До меня дошли слова Клары, что какая-то там четверть фильма не может сильно испортить ее репутацию, поэтому я пригласил ее и Оле Ольсена посмотреть фильм, и оказалось, что все это множество сцен вместо калейдоскопического беспорядка выстроилось в нечто цельное. Клара – как всегда, очень честная – заплакала, увидев фильм, бросилась мне на шею, и расцеловала в обе щеки»⁴².

Именно здесь Дрейер впервые начал работать с крупными планами в своей исключительной манере. Он вспоминал:

«Клара Вит в финском эпизоде была чудесна. В последней сцене была серия ее крупных планов, и мы снимали их все сразу. Я просто поставил ее перед камерой и сказал ей, как она должна реагировать. Она

могла менять выражение лица почти мгновенно, так что я снял все необходимые крупные планы за одну непрерывную сессию. А потом я разрезал их и вставил в нужные места»⁴³.

Сама Клара вспоминала, что Дрейер был очень энергичен и глубоко понимал материал; он создал «настоящие финские» декорации для этой сцены, точные до малейшей детали.

Самый сильный в художественном отношении, этот эпизод вызвал наибольшие нападки либеральной прессы, обвинившей Дрейера в консерватизме и анти-пролетарских настроениях.

Когда из-за недостатка финансирования фильм пришлось сокращать, Дрейер пожертвовал французской частью, к большому неудовольствию игравшей в ней датской оперной дивы Тенны Фредериксен Крафт, которая в какой-то момент даже хотела разорвать контракт. Впрочем, впоследствии она тоже отзывалась о съемках и Дрейере исключительно хорошо.

В качестве природы для французской части Дрейер использовал замок Фредериксборг в северной части Зеландии, построенный в шестнадцатом веке. Снимавшийся в этом эпизоде Элит Пио (сыгравший до этого главную роль в «Президенте»), вспоминал, что из-за обилия туристов съемки приходилось начинать в 4 утра. Но, несмотря на это, Дрейер был неизменно спокоен и приветлив. Пио вспоминал, что главу якобинцев играл старый актер, который очень боялся ездить верхом. Специально для него раздобыли какую-то старую клячу, но даже на ней актер ехал слишком медленно, уверяя, что животное не способно на большее; и Дрейер

молитвенно складывал руки, уговаривая его все же прибавить темп.

Дрейер, как и в предыдущем фильме, уделял много внимания подбору актеров, даже если они играли второстепенные роли; ему было важно найти соответствующий тип. Он обращал внимание на мельчайшие детали. Например, был подписан контракт с человеком, которому в фильме делают татуировку "Liberty, Equality, Fraternity" (эпизод занимает всего лишь несколько секунд); Дрейер предлагал заплатить 15 крон, но «революционер» потребовал 20, сославшись на то, что ему придется носить эту татуировку всю жизнь. В результате договаривающиеся стороны сошлись на 18 кронах.

Первый, библейский, эпизод снимался на северном побережье Зеландии. Дрейер удлинил его действие по сравнению со сценарием Хойера и подошел к нему с самых традиционных позиций – но, несмотря на это, именно он вызвал критику со стороны датских лютеран, которые сочли кощунством сам факт, что Христос стал героем киноленты, и его играл обыкновенный человек, актер. Это было далеко не первым изображением Христа на экране, и в других странах палестинский эпизод не вызвал критики, но, вероятно, датчане еще к такому не привыкли. В ответ на критику Дрейер заявил:

«Я много трудился, чтобы этот эпизод никого не оскорбил. Возможно, это случилось бы, если бы я осуществил свое сокровенное желание и изобразил Христа масштабно и реалистично. Но я не стал этого делать, потому что не хотел никого оскорбить, и вместо этого изобразил Христа именно таким, каким его обычно и представляют»⁴⁴.

Много лет спустя Дрейер вернется к идее снять реалистичный фильм о Христе, и напишет сценарий «Иисус», хотя этому проекту так и не суждено будет осуществиться.

Несмотря на то, что в палестинском эпизоде действительно трудно найти что-то святотатственное, саму идею, заложенную в «Страницах из книги Сатаны», как отметил в критической статье один провинциальный журналист, трудно назвать классически христианской. Если мысль о том, что именно Бог посылает Сатану искушать людей, еще согласуется с Ветхим Заветом, то конкретные условия, при которых это происходит, вызывают определенное удивление. Согласно прологу, каждый раз, когда кто-то из людей не выдерживает испытание, проклятие Сатаны продлевается на сотню лет; а когда кто-то противостоит искушению, напротив, сокращается на тысячу. Во французском эпизоде Сатана явно «болел» за слугу, уже погубившего своих хозяев, и безуспешно уговаривал его участвовать в заговоре, чтобы спасти хотя бы Марию-Антуанетту.

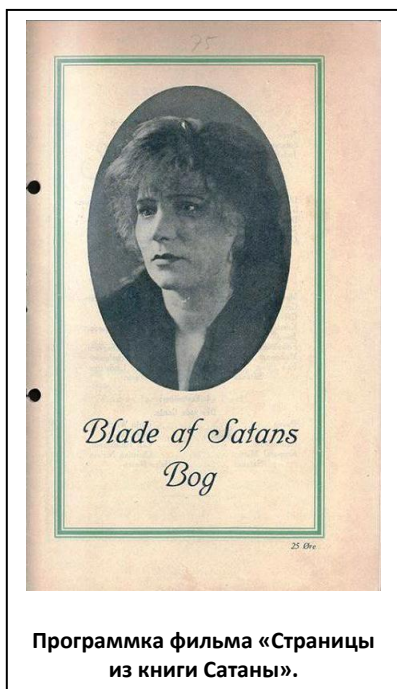
Съемки фильма завершились к концу августа 1919 г., а монтаж – к концу октября. Но фильм вышел на датские экраны спустя лишь год – 24 января 1921 г. И снова этому предшествовала зарубежная премьера – на этот раз в Осло 15 ноября 1920 г. Норвежский показ прошел исключительно неудачно – прокатчики не только сократили фильм до 8 катушек (из 9), но и показывали его в ускоренном темпе, что привело к определенному гротескному эффекту. В результате время показа фильма сократилось на полчаса. Зрители, не успевавшие читать титры, покидали зал. Дрейер был в ярости и

требовал вмешательства дирекции Nordisk. К счастью, в других странах эта ситуация не повторилась.

Nordisk рассматривала «Страницы из книги Сатаны» как фильм, способный возродить ее былую славу, и обеспечила ему широкий международный прокат в пятнадцати странах, включая США. Все основные копенгагенские газеты и некоторые провинциальные разместили рецензии (в целом, положительные).

В первую очередь отмечалась игра актеров и сценарий Хойера – в то время публика считала автором фильма в первую очередь автора литературного источника, а не режиссера, и Хойер неоднократно называл в интервью «Страницы из книги Сатаны» «своим фильмом». Впрочем, Дрейера тоже хвалили, например, Berlingske Tidende написала: *«Прошлым вечером господин Карл Т. Дрейер определенно одержал победу.*

Весьма непривычно хвалить фильм Nordisk. Конечно, есть несколько деталей, которые можно было бы подвергнуть критике, но в целом это очень значительная работа, за которой можно надеяться, последуют и другие»⁴⁵.

Этим надеждам не суждено было сбыться – «Страницы из книги Сатаны» стали последним фильмом Дрейера, снятым на Nordisk. Причин было много. Вероятно, сыграли свою роль разногласия Дрейера и руководства компании по поводу бюджета – тем более что фильм не принес компании больших доходов. Но главное – Nordisk умирала. В 1920 г. компанию покинули Хольгер-Мадсен и Лау Лауритцен, а взгляды Дрейера устремились в сторону Швеции, перехватившей у Дании пальму первенства в области кино еще в 1917 г.

8. Швеция: «Вдова пастора»

Швеция была до Первой мировой войны одной из самых отсталых аграрных стран Европы, с уровнем жизни намного ниже, чем в соседней Дании. И, хотя первое знакомство с кинематографом у шведов тоже состоялось в конце XIX века, в области производства фильмов Швеция долгое время значительно отставала от своей соседки.

В первых шведских кинотеатрах, которые начали открываться с 1904 г., показывали преимущественно датскую продукцию, часто скандальную и с эротическим уклоном (вспомним, что "Охоту на львов" показали сначала именно в Швеции, в то время как в Дании ее запретили), и это вызывало озабоченность общественности. Поэтому о цензуре заговорили начиная с 1905 г., а с декабря 1911 г. она начала действовать. Цензура отличалась достаточной жесткостью, что также тормозило кинопроизводство. Например, первый фильм будущего классика шведского кинематографа Виктора Шёстрёма «Старший садовник» («Trädgårdsmästaren», 1912) был полностью запрещен к показу⁴⁶.

Первая шведская кинокомпания Svenska Biografteatern (далее Svenska Bio) была основана в 1907 г. в Кристианстаде. Она специализировалась на производстве «звуковых» фильмов, для которых арии из опер и оперетт в исполнении знаменитых певцов снимались на пленку и параллельно записывались на фонограф. Svenska Bio создали два банкира, и одновременно с производством фильмов они открыли по стране сеть из 16 кинотеатров. Помимо «звуковых» снимались и видовые фильмы, репортажи, маленькие

художественные ленты. Качественных изменений добился в 1909 г. новый управляющий Карл Магнуссон, который перенес компанию в Стокгольм и вывел ее на новый уровень.

Основную конкуренцию Магнуссону составил Франц Люндберг, основавший свою компанию в Мальме. Он снимал подражания датским мелодрамам, приглашая для этого датских актеров и режиссеров (в частности Альфреда Линда). Снимал Люндберг и чисто шведские фильмы с актерами-любителями.

Магнуссон сначала критиковал Люндберга за про-датские настроения, но скоро сам начал снимать «датские» мелодрамы, так как они пользовались спросом. В Стокгольме он построил первую настоящую шведскую студию и нанял первых настоящих режиссеров, которыми стали Виктор Шёстрём, Мориц Стиллер и Георг оф Клеркер. Все они ранее работали в театре.

В 1912 г. Магнуссон заключил договор о сотрудничестве со шведским представительством ведущей французской кинокомпании Pathé. Pathé не только обеспечивала для Svenska Bio международный прокат фильмов, но и прислала в качестве наставника

Виктор Шёстрём.

Мориц Стиллер.

для молодых шведских кинематографистов Поля Гарбани, одного из своих ведущих режиссеров, который даже снял в Стокгольме фильм. Затем Шёстрём и Магнуссон отправились изучать киномастерство во Францию.

В 1913 г. Pathé решила прекратить производство фильмов в Швеции, и сотрудничество закончилось. Но за это непродолжительное время единственный конкурент Магнуссона – Люндберг – вышел из игры, в том числе и из-за проблем с цензурой. Так Svenska Bio стала единственной шведской кинокомпанией, чем и не преминула воспользоваться.

В 1913–1917 гг. Svenska Bio сняла более ста художественных фильмов, привлекая международный персонал и покупая датские сценарии. На шведском кинопроизводстве благоприятно сказалась Первая мировая война: датские фильмы запретили в ряде стран,

Съемки фильма «Терье Виген», 1916.

а шведские (очень на них похожие) – нет. В целом Svenska Bio следовала датской модели, а Виктор Шёстрём даже посетил Nordisk, чтобы перенять опыт датчан. Но к 1917 г. «датские» мелодрамы исчерпали себя и перестали пользоваться спросом. Магнуссон, в отличие от Ольсена, вовремя это понял и нашел новое направление – так называемый «национальный» фильм, то есть фильм, отражающий национальный характер, основанный на классическом скандинавском литературном источнике и снятый на фоне типичных национальных пейзажей. Такие фильмы представляли интерес и для местной аудитории (благодаря эффекту узнавания), и для зарубежной (напротив, благодаря их определенной экзотичности). Первым фильмом нового поколения многие критики называют «Терье Виген» («Terje Vigen», 1917) Виктора Шёстрёма. Кроме того, Svenska Bio перенесла акцент с количества выпускаемых фильмов на их качество. Так, в 1917 г. было снято всего пять фильмов (примерно в пять раз меньше, чем в предыдущие годы), но в каждый из них было вложено значительно больше денег.

Единственным серьезным конкурентом Svenska Bio стал продюсер Хассельблад в Гётенберге. Он переманил в 1915 г. у Svenska Bio режиссера Георга оф Клеркера, и тот за несколько лет снял для Хассельблада десятки качественных мелодрам. Клеркера перестали открывать относительно недавно, и сейчас многие считают

Георг оф Клеркер.

его визуальным гением. Однако его карьера в кино завершилась очень быстро – к 1917 г. он так переутомился, что вынужден был отправиться на лечение в санаторий, а затем Хассельблад решил не продлевать с ним контракт. Хассельблад тоже хотел отойти от производства мелодрам, и в 1917 г. при его активном участии в результате слияния пяти компаний (включая и шведский филиал Pathé) была образована Filmindustri Inc Skandia, с уставным капиталом в миллионы крон и сетью из 20 кинотеатров. Skandia привлекла к работе новых режиссеров (таких, как Йон В. Брюниус, Руне Карлстен), многие из которых надолго остались в шведской киноиндустрии.

Однако независимо Skandia просуществовала всего лишь год, а затем слилась со своим основным конкурентом Svenska Bio и образовала AB Svensk Filmindustri – с капиталом в 35 миллионов крон, двумя действующими президентами и двумя студиями (в Стокгольме и Гётенберге), к которым вскоре добавилась студия в Дании. AB Svensk Filmindustri стала фактически монополистом на шведском рынке, ее единственный конкурент – Skandinavisk Filmcentral (основанная Ларсом Бьорком, ушедшим из Svenska Bio в 1915 г.) прекратила производство фильмов в 1917 г. В контексте данной книги Skandinavisk Filmcentral может быть интересна тем, что именно она основала в Дании дочернюю компанию Palladium (которую, впрочем, вынуждена была вскоре продать Дании), где Карл Теодор Дрейер снял три последних фильма.

В 1919–1920 гг. на экраны вышли классические произведения мировой кинематографии – «Сыновья Ингмара» («Ingmarssönerna», 1919) и «Монастырь

Съемки фильма «Деньги господина Арне», 1918.

в Сендомире» («Klostret i Sandomir», 1920) Виктора Шёстрёма, «Деньги господина Арне» («Herr Arnes pengar», 1919) и «Эротикон» («Erotikon», 1920) Морица Стиллера, «Девушка из Солбаккена» («Synnöve Solbakken», 1919) Йона Брюниуса и многие другие. А в канун нового 1921 г. состоялась премьера «Призрачной колесницы» («Körkarlen») Шёстрёма.

В начале 1920 г. Дрейер опубликовал в копенгагенской газете Dagbladet статью «Шведские фильмы»⁴⁷, в которой подверг острой критике датский кинематограф, назвав его «фильмами о графах и графинях», и заявил, что датские фильмы не создаются, как произведение искусства, а производятся, как фабричный продукт, к тому же не очень качественный. Американцы, по мнению Дрейера, привнесли три существенных улучшения в кино: крупные планы, индивидуальные типы и

реализм. Но только шведы, и в первую очередь Виктор Шёстрём, дали фильму душу:

«Шведские арт-фильмы вобрали в себя все лучшее, что было у американских фильмов, отбросив их недостатки, и это определило их характер – они стали средством истинного и неподдельного изображения человека. Персонажи, которые населяют лучшие шведские фильмы, кажутся настолько живыми, что почти чувствуешь их пульс. А еще эти фильмы отмечены печатью чего-то непреходящего. Так же, как хорошую книгу может читать поколение за поколением, а витиеватый слог и пожелтевшая бумага лишь добавляют им очарования, так и интерес к лучшим шведским фильмам не угаснет с течением времени, поскольку они являются ценными культурными документами»⁴⁸.

Неудивительно, что Дрейер мечтал снимать в Швеции. В 1920 г. он заключил с AB Svensk Filmindustri контракт на съемки одного фильма. Дрейер мог сам написать сценарий. Он взял за основу рассказ «Вдова пастора» («Prästänkan») норвежского писателя и поэта Кристофера Янсона, опубликованный в 1901 г., действие которого происходит в Норвегии XVII века. Популярность Янсона в те годы была сравнима с популярностью Ибсена. Примерно в то же время норвежцы собирались снять фильм по другому его роману «Цыганка Анна» («Fante-Anne», 1913), и Дрейер рассматривал возможность своего участия в этом проекте, но предпочел работать со шведами. В результате «Цыганку Анну» с Астой Нильсен в главной роли в том же 1920 г. снял Расмус Брейстейн, что, по мнению многих критиков, положило начало серьезному норвежскому кино.

Дрейер решил снимать фильм неподалеку от Лилехаммера, в этнографическом музее под открытым небом Маихёуген, основанном дантистом Андерсом Сандвигом в конце XIX века. Сандвиг начал собирать старинные норвежские дома и утварь прямо у себя во дворе, а в 1904 г. городской совет выделил для его экспозиции специальное место и назначил первым директором музея.

Дрейер приехал в Маихёуген в марте 1920 г. Сандвиг полностью поддержал идею снять в Маихёугене фильм и предоставил в распоряжение кинематографистов не только здания, но и все внутреннее убранство помещений. Не пришлось строить ни одной декорации, только протянуть кабели для электрического освещения. Оно было столь ярким, что глаза у актеров очень уставали. Приходилось снимать их «посменно», сменами по несколько дней, – так, чтобы потом глаза могли отдохнуть.

Съемки начались 1 мая 1920 г. и продолжались примерно два с половиной месяца. Руководство студии предоставило Дрейеру полную свободу и ни во что

Маихёуген.

не вмешивалось. На время съемок к Дрейеру приехала семья – его жена Эбба и семилетняя дочь Гунни. Эбба Дрейер стала настоящей хозяйкой съемочной площадки, создавшей домашнюю атмосферу для всей группы.

Крестьян в фильме сыграли настоящие крестьяне из окрестных деревень. Дрейеру нужно было 70-80 мужчин, и чтобы все они непременно были с бородами. В поисках Дрейеру помогал известный норвежский поэт Улав Аукруст, который сыграл в фильме первого кандидата на должность деревенского пастора.

Главную роль – вдовы пастора – сыграла 76-летняя актриса Хильдур Карлберг, игравшая до этого в нескольких фильмах Шёстрёма и Стиллера. В период съемок она уже была смертельно больна, но, несмотря на плохое самочувствие, не прекращала работу и успокаивала Дрейера, обещая, что не умрет до конца съемок. Хильдур сдержала обещание – она умерла 27 августа 1920 г., к сожалению, не дожив нескольких месяцев до премьеры фильма. Это был не первый и далеко не последний случай, когда актеры, игравшие у Дрейера, выражали настоящую преданность своему режиссеру, но, вероятно, один из самых трогательных. Начиная с Элита Пио в «Президенте» и заканчивая Бенттом Роте в «Гертруде», все актеры, работавшие с Дрейером, говорили, что этот опыт был самым незабываемым в их актерской карьере.

Андерс Сандвиг в программке фильма, выпущенной к норвежской премьере, очень хорошо отзывался о Дрейере и о работе с ним:

«Должен сказать, что я испытываю к господину Дрейеру большое уважение, как из-за его проницательности, так и из-за его способностей. Во время

съемок царил порядок, но в то же время и самая приятная атмосфера.

Забавнее всего была массовка, скромные люди из долины, работавшие в фильме, потому что им понравилась рассказываемая в нем история. В ресторане для нас накрывали три стола, и люди говорили: “Здорово. Я встретил здесь старых друзей, которых не видел много лет”. Это было похоже на непрекращающуюся свадьбу. Актеры ходили по городку в костюмах и чуть не вызвали беспорядки. Один старик всплеснул руками и сказал “Многое я повидал, но ничего подобного раньше не встречал!” Все эти малые с бородами, было действительно весело!

Единственное, что приводило меня в бешенство, это вымогательство, перед которым Дрейер был беззащитен. Для одной сцены он одолжил курицу, и никогда еще курица не получала такую высокую зарплату. По лиллихаммерским стандартам курица зарабатывала 1000 крон в год. Были такие, кто просил по шесть с половиной крон за час сверхурочной работы. Такое поведение не типично для наших мест».

«Вдова пастора» стала одним из ранних примеров скандинавского сотрудничества в кино – шведский продюсер, датские режиссер и оператор (Дрейер вновь, как и в «Страницах из книги Сатаны» работал с Георгом Шнеевойгом), норвежский литературный источник и место съемки, интернациональный (норвежско-датско-шведский) состав актеров.

Дрейер остался очень доволен этим фильмом и даже спустя много лет высоко оценивал его. Что касается критики, отзывы были смешанными. Премьера состоялась 4 октября 1920 г. в Стокгольме. Все

без исключения рецензенты отмечали замечательную игру Хильдур Карлберг, а Дрейера хвалили за реалистичность. Но критиковали некоторую легкомысленность, недостаточный (по мнению критиков) драматизм и определенную лубочность. Главная проблема заключалась в том, что «Вдова пастора» была воспринята публикой и критикой как легкая «народная» комедия, а не как эпический фильм в духе Стиллера или Шёстрема.

Еще в 1919 г. Магнуссон подписал контракт с другим датским режиссером, Беньямином Кристенсеном, на съемки «Ведьм» – фильма куда более дорогого (на самом деле – самого дорогого на тот момент в шведском кино) и куда более амбициозного, чем «Вдова пастора». В 1920 г. шли подготовительные работы, Магнуссон даже выкупил для Кристенсена студию в Копенгагене специально для съемок «Ведьм». Может быть, это отчасти стало причиной того, что сотрудничество Дрейера с AB Svensk Filmindustri ограничилось всего лишь одним фильмом. Другой причиной мог стать начавшийся экономический кризис и последовавший за ним спад кинопроизводства.

Так или иначе, Магнуссон не предложил Дрейеру новый контракт, и взгляды последнего устремились в сторону Германии, которая в начале 1920-х гг. стала играть ведущую роль в европейском кинематографе.

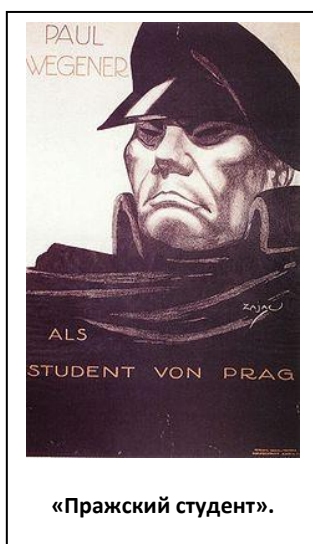
9. Германия: «Заклейменные»

Несмотря на то, что Германия стала одним из пионеров среди производителей пленки и кинооборудования, она долгое время отставала от многих стран по количеству производимых фильмов. В 1905–1910 гг. только 10% фильмов, показываемых в Германии, были немецкими (30% – французскими, 25% – американскими, 20% – итальянскими и 15% – скандинавскими), а перед первой мировой войной их доля выросла всего лишь до 14%⁴⁹.

Одна из ключевых фигур раннего немецкого кинопроизводства – Оскар Месстер. С 1896 г. он занимался самыми разными вещами, так или иначе связанными с кино, – техникой, пленкой, съемками, прокатом, и к концу 1910-х гг. его фирма Messter Film имела очень разветвленную горизонтальную структуру. В 1900-х гг. появилась еще одна значимая фигура – Пауль Давидсон. В отличие от Месстера, он сразу оценил потенциал кино как индустрии развлечений и сделал основной упор на прокате, а затем и производстве фильмов. В конце концов, Давидсон создал вертикальную структуру под названием PAGU (Projektions-Aktiengesellschaft Union), состоящую из киностудий и кинотеатров.

В начале своей карьеры в кино Давидсон сотрудничал с Pathé и Nordisk, а в 1910 г. ему посчастливилось заполучить чету Гад-Нильсен. Но несмотря на то, что Урбан Гад и Аста Нильсен стали далеко не единственными датчанами, работавшими в Германии, немцы в кино никогда не стремились явно подражать датчанам, как это делали, например, шведы. Они постепенно развивали свое жанровое кино – фарсы, комедии,

детективы, а в 1913 г. (во многом под влиянием «Атлантиды» А. Блома) в Германию пришла мода на так называемые Autorenfilm (авторские фильмы). В противоположность «сенсационному фильму» или «сенсационной мелодраме», «авторский фильм» подразумевал большие бюджеты, дорогую рекламу, эксклюзивные премьеры – в общем, был рассчитан на верхнюю часть среднего класса и ставил своей целью заставить публику относиться к кино не как к низкопробному развлечению, а как к искусству. Сюжеты «авторских фильмов» часто были основаны на признанных литературных произведениях или написаны известными драматургами. Одним из первых «авторских фильмов» стал «Пражский студент» («Der Student von Prag: ein romantisches Drama», 1913), снятый, кстати, тоже датчанином, Стелланом Рюэ (правда, в Дании он был режиссером театральным, а кино занялся уже только после переезда в Германию).

«Пражский студент».

Связь между театром и кино ощущалась в Германии даже сильнее, чем в соседних странах. Большинство актеров и режиссеров пришли в кино из театра. Сам Макс Рейнхардт, знаменитый театральный режиссер, с 1905 г. возглавлявший Немецкий театр в Берлине, попробовал снять в начале 1910-х гг. на студии Давидсона несколько фильмов.

После начала первой мировой войны ситуация в немецком кино изменилась. Иностранные фильмы (за исключением датских) перестали поступать в Германию, и потребность в собственном кинопроизводстве резко возросла. В число тех, кто сумел извлечь из создавшейся ситуации наибольшую выгоду, вошел Эрих Поммер, до того являвшийся представителем французских компаний Gaumont и Éclair. "Вражеское" имущество было конфисковано, и на его основе Поммер в 1915 г. организовал собственную фирму Decla («Deutsche Éclair»). Сам Поммер в это время находился на фронте, в действующей армии, и смог вернуться в Берлин только в 1916 г.

Во время войны национальное кинопроизводство резко возросло. Если в 1914 г. соотношение немецких кинокомпаний к иностранным в Германии было 25 к 47, то в 1918 г. – 130 к 10. На немецком кинорынке (включая сферу проката) царили хаос и кустарное производство, присущие ему с самого начала развития киноиндустрии.

Правительство в 1917 г. попыталось создать из компаний Месстера, Давидсона, немецкого филиала Nordisk и еще нескольких, более мелких, кинокомпанию, которая могла бы доминировать на рынке – UFA (Universum Film AG). В руководство новой компании вошел Пауль Давидсон, который привел с собой на UFA Эрнста Любича, прославившегося постановкой комедий еще в середине 1910-х. На UFA тот стал снимать и костюмные фильмы, такие как «Мадам Дюбарри» («Madame DuBarry», 1919), ставший первым послевоенным немецким фильмом, имевшим успех в США.

Изначально перед UFA ставились пропагандистские цели, но вскоре война закончилась, и государство

быстро потеряло контроль над своим детищем, превратившимся в частную компанию – крупнейшую, но далеко не единственную на немецком рынке. В 1920-х гг. фильмы, которые производила и распространяла UFA, никогда не завоевывали больше 40% зрительской аудитории.

Эрих Поммер придерживался собственной политики. В 1919 г. Роберт Вине снял на Decla «Кабинет доктора Калигари» («Das Cabinet des Dr. Caligari»), ставший первым ярким образцом немецкого экспрессионизма. Фильм имел большой успех в Европе, и, наряду с «Мадам Дюбарри», способствовал отмене бойкота немецких фильмов за рубежом. Поммер собрал на Decla замечательную команду профессионалов – режиссеров, сценаристов, операторов, актеров. Он не только предоставлял своим режиссерам большую свободу во время

Эрих Поммер (1889–1966).

съемок и монтажа, но и пытался сделать их звездами, в то время как повсюду в США и Европе система звезд строилась исключительно на актерах. Это не могло не привлекать на Decla талантливых людей. В 1918 г. на студию пришел Фриц Ланг, сначала в качестве сценариста, но в 1919 г. он уже начал снимать свои первые фильмы. В 1920 г. к компании присоединился Фридрих Вильгельм Мурнау.

Послевоенная Германия переживала настоящий кинобум. В 1919 г. было выпущено не менее 470 фильмов, а в 1920 г. их число достигло максимума – 510.

В 1920 г. Decla купила German Bioskop AG и образовала Decla Bioskop AG – вторую по величине компанию после UFA, а в 1921 г. вошла в состав UFA, впрочем, сохранив определенную самостоятельность. Поммер возглавил производственное отделение UFA и смог использовать ее ресурсы, чтобы продвигать свою политику, заключающуюся в первую очередь в производстве «больших», «стильных» фильмов, которые можно было бы назвать произведениями искусства и которые могли бы конкурировать с американскими картинами, все сильнее завоевывавшими европейский рынок в начале 1920-х годов.

Не удивительно, что Дрейер написал Эриху Поммеру письмо с предложением о сотрудничестве. Они договорились о встрече, но когда Дрейер прибыл в офис Поммера, то вынужден был ждать в течение нескольких часов. Раздраженный, он уехал, не дождавшись встречи. Позднее Поммер прислал Дрейеру письмо с извинениями, в котором выразил надежду, что им еще представится возможность поработать вместе. И такая возможность действительно представилась

в 1924 г. Но в тот раз Дрейер заключил контракт с маленькой берлинской фирмой Primusfilm. Планировались съемки фильма «Заклейменные».

Мы очень мало знаем о Primusfilm. Вероятно, это была одна из множества фирмочек, образовавшихся в послевоенное время, многие из которых так и не успели снять ни одного фильма. Но Primusfilm снял, и это был ремейк «Четырех дьяволов», поставленный в 1920 г. датским режиссером А. В. Сандбергом. Вероятно, на этой почве директор Primusfilm Отто Шмидт познакомился с техническим директором Nordisk Фростом, а через Фроста – с Дрейером.

Дрейер говорил в интервью вскоре после выхода «Заклейменных», что это была именно его идея – экранизировать роман Оге Маделунга о судьбе евреев в предреволюционной России. Отто Шмидт хотел лишь, чтобы тема фильма была подходящей для Англии и США. Совсем недавно прекратился бойкот немецких фильмов за границей, и немцы были настроены оптимистично – они хотели выйти на мировые рынки. К тому же, в условиях сильной инфляции даже ограниченный прокат фильма за рубежом мог не только полностью окупить дешевое местное производство, но и принести заметную прибыль.

Роман Маделунга «Возлюби ближнего своего» («Elsker Hverandre»), изданный в 1912 г., стал международным бестселлером (было продано около 70 000 экземпляров книги) и хорошо подходил для этой цели. Маделунг уже получил несколько предложений об экранизации, но, как он объяснил это сам, предпочел, чтобы фильм снял скандинав. К тому же Маделунг был лично знаком с Дрейером, и, как показывает

их переписка, они довольно близко общались. Будущий фильм получил название по немецкому названию романа – «Заклейменные» («Die Gezeichneten»)

Детство Маделунга прошло в Швеции, а затем он 17 лет прожил в России: управлял имением, торговал маслом, работал военным корреспондентом для берлинской газеты. Он сблизился с кругом русских символистов (сохранилась переписка Маделунга с Брюсовым и Ремизовым⁵⁰) и публиковался на русском языке в журнале «Весы» и альманахе «Северные цветы», но настоящая литературная слава пришла к нему после выхода «Возлюби ближнего своего».

Тема романа – положение евреев в царской России и погромы – была для Маделунга в определенной степени личной, поскольку его жена была еврейкой из России. Он настолько хорошо знал материал, что иногда его книга кажется не художественной, а документальной. В то же время во всей прозе Маделунга прослеживаются определенные мистические мотивы, что было характерным веянием того времени. В «Возлюби ближнего своего» действует некто Саламандров – мученик, теолог и мистик, способный предсказывать будущее по руке человека. Однако Дрейер, заинтересованный на тот момент в реализме куда больше, чем в мистицизме, исключил этот персонаж из своего сценария.

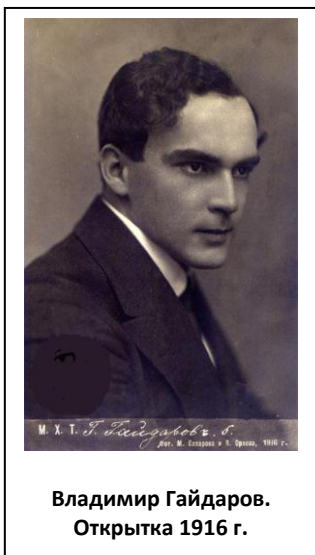
Дрейер провел много времени, изучая материал, необходимый для съемок. В то время Берлин наводнили беженцы из России, с которыми Дрейер много общался во время подготовки к съемкам. Он слушал их рассказы, смотрел фотографии из семейных альбомов. Также Дрейер и его художник-постановщик Йенс Линд специально съездили в Люблин, восточноевропейский

город со значительной долей еврейского населения, и некоторые архитектурные элементы попали в фильм именно оттуда.

Актерский состав отличался большой разнородностью. Ведущие роли играли преимущественно профессионалы, причем Дрейер пригласил несколько актеров-иммигрантов, в разное время игравших в МХТ или прошедших школу-студию Станиславского. Среди них были Исаак Эзрович Дуван-Торцов (купец Суховерский), Рышард Болеславски (сын Суховерского Федя), Владимир Гайдаров (брат Ханны-Либы). Все они имели большой актерский опыт, причем Болеславски и Гайдаров играли до этого и в кино, в том числе у Протазанова.

Рышард Болеславски также имел опыт постановки фильмов. В начале 1922 г. в качестве режиссера парижского Театра миниатюр М. Кузнецовой он уехал в США, где впоследствии стал относительно успешным голливудским режиссером.

Владимир Гайдаров в начале 1930-х вернулся в Москву и продолжил актерскую карьеру в СССР, получил Сталинскую премию за роль генерала Паулюса в «Сталинградской битве». Он написал мемуары, в которых отзывался о Дрейере, как о режиссере, с которым было приятно работать, благодаря его спокойствию и доброжелательности, а также отмечал, что Дрейер,

по его собственным словам, был поклонником Макса Рейнхардта и Эрнста Любича⁵¹.

Главную роль Ханны-Либы, еврейской девушки, оказавшейся в центре трагических событий, очень

Оригинальный постер к фильму «Заклейменные»

хотела сыграть дочь Маделунга, и Дрейер всячески поддерживал эту идею, но в последний момент она отказалась, испугавшись неодобрения отца. В результате Дрейер остановил свой выбор на русской эмигрантке, графине Полине Пековской*. К сожалению, о ней известно очень мало. В ноябре 1921 г. Дрейер написал статью для копенгагенской газеты National Tidende о русских эмигрантах, с которыми он работал над фильмом, и с которыми общался и за пределами съемочной площадки. В статье он рассказывает, что мужа Пековской расстреляли революционеры, а сама она чудом спаслась только потому, что у них закончились патроны. Не известно, был ли у Пековской какой-либо актерский опыт прежде, но после «Заклейменных» она в кино больше не играла.

Среди актеров были и немцы, и скандинавы. На роль возлюбленного Ханна русского студента Саши, увлеченного революционными идеями, Дрейер пригласил норвежца Турлайфа Райсса, недавно дебютировавшего в Норвежском национальном театре, а на роль провокатора Рыловича – датчанина Йоханнеса Мейера, игравшего монаха в «Страницах из книги Сатаны». В сценах погрома Дрейер задействовал около 600 статистов – преимущественно иммигрантов и жителей еврейского квартала Берлина.

Съемки начались в июне 1921 г. и продолжались семь месяцев. Primusfilm не располагал собственной студией и снял студию «Альгамбра» недалеко от Берлина. Там под руководством Дрейера и Линда (и при участии двух русских консультантов) была построена часть русского провинциального городка – не декорации

* Если это транскрибированная по-немецки фамилия польского происхождения, то правильнее писать Пенковская (*прим. ред.*).

для съемок, а настоящие дома, чтобы создать соответствующую атмосферу.

Премьера «Заклейменных» состоялась в Копенгагене 7 февраля 1922 г. и в Берлине спустя две недели, 23 февраля. В Дании критики и автор романа, Маделунг, были в восторге. Маделунг высоко оценил как атмосферу фильма, так и найденные Дрейером типажи. Но в прокате фильм продержался всего неделю – публика сочла его слишком длинным и неровным. Сам Дрейер заметил:

“Во время моей работы над этим фильмом я обнаружил, что даже самые совершенные в артистическом смысле маски не выразительны и банальны по сравнению с аутентичными и неприкрашенными лицами, и что за гримом не видно истинного лица”⁵²

Действительно, грим, использованный в фильме, кажется чрезмерным даже по сравнению с другими европейскими фильмами той эпохи, и это очень странно, учитывая, что Дрейер был противником использования грима начиная с самого первого фильма. Можно предположить, что на него оказали определенное влияние русские актеры, с которыми он работал.

В Германии фильм «Заклейменные» тоже прошел практически незамеченным. В начале 1920-х годов в результате массового притока беженцев-евреев из Восточной Европы и экономической нестабильности в Германии наблюдался заметный рост антисемитизма. Некоторые критики⁵³ находят его отражение даже в таких фильмах-сказках, как «Голем: как он пришел в мир» Вегенера («Der Golem, wie er in die Welt kam», 1920) – из-за того, что евреи изображены как темная и загадочная сила, до поры до времени скрытая за массивными воротами своего гетто. Были и фильмы, направленные на борьбу с антисемитизмом, например несохранившийся фильм Йозефа Дельмонта

«Человеческое жертвоприношение» («Der Ritualmord», 1919), который позиционировался как «просветительский». Его сюжет чем-то напоминает «Заклейменных». Действие тоже происходит в царской России, и русский студент Саша (влюбленный в молодую еврейку) спасает еврейскую общину небольшого провинциального городка от погрома, разоблачив лживый навет о человеческих жертвоприношениях среди евреев.

«Заклейменные», несмотря на неоспоримые художественные достоинства, не являлся ни «образовательным», ни «развлекательным» фильмом, а тема, затронутая в нем, была хотя и чрезвычайно актуальна, но не особенно популярна в Германии. Вероятно поэтому он быстро сошел с экранов Германии, да и надежды Шмидта на прокат в Англии и США тоже, по-видимому, не оправдались. Фильм долго считался утраченным, пока в 1961 г. Владимир Матусевич, страстный поклонник Дрейера, не обнаружил, что фильм, хранящийся в Госфильмофонде под названием «Погром» на самом деле – «Заклейменные». К сожалению, копия оказалась неполной, сохранилось всего 105 минут из более чем двухчасового произведения.

Но хотя фильм и не упрочил положение Дрейера как кинорежиссера и не позволил ему продолжить работу в Германии, он все же сыграл важную роль в его жизни. Много лет спустя Дрейер вспоминал, что впервые задумался о корнях антисемитизма, общаясь с еврейскими беженцами во время съемок «Заклейменных». Вновь ему пришлось столкнуться с антисемитизмом в Германии начала 1930-х во время монтажа «Вампира», а в последние двадцать лет жизни он постоянно работал над так и не снятым фильмом «Иисус», в котором собирался показать Иисуса как еврея, живущего среди евреев, и возложить всю вину за распятие Христа на римлян.

10. «Однажды» – попытка датского национального фильма

А тем временем на родине Дрейера, в Дании, продолжался глубокий кризис киноиндустрии. Nordisk снимала всего несколько фильмов в год. Ее ведущим режиссером стал А. В. Сандберг, поставивший в начале 1920-х несколько экранизаций по Диккенсу. Эти фильмы были неплохо приняты в Дании, но международного успеха не имели. С Nordisk конкурировала Palladium – выкупленная датчанами компания шведского происхождения, на которую в 1920 г. перешел с Nordisk главный датский комедиограф Лау Лауритцен (старший).

Другие скандинавские страны (Финляндия, Норвегия) пошли по «шведскому» пути и стали снимать «национальные» фильмы. Дания в этом отношении заметно отставала, ведь здесь «национальные» фильмы были фактически запрещены внутренним сводом правил для сценаристов Nordisk 1915 г. Однако многие чувствовали потребность в «национальном датском фильме» – не только коммерческую, но и политическую.

В 1919 г. при датском Министерстве иностранных дел был основан пресс-центр, в задачи которого, в частности, входило распространение за границей фильмов (в первую очередь для датских эмигрантов), преимущественно документальных, позитивно изображающих Данию. Весной 1920 г. пресс-центр подписал совместный документ с Nordisk, по которому Министерство собиралось закупить три или четыре подобных фильма⁵⁴.

Возможно, именно поэтому Nordisk решила снять помимо документальных и художественный национальный фильм. Им стал «Пастор из Вальбю» («Presten i

Vejby», 1922) Августа Блома по одному из самых известных романов датского писателя первой половины XIX в. Стена Стенсена Бликера. Но сюжет этого фильма далек от той «счастливой, мирной Дании», которую хотело показать Министерство иностранных дел. Действие трагической истории, легшей в основу фильма, разворачивается в начале XVII в. в местечке Вальбю. Местный пастор по лживому навету обвинен в убийстве и казнен; судья, вынужденный вынести смертный приговор и влюбленный в дочь пастора, не может больше рассчитывать на брак с ней; и лишь спустя много лет выясняется, что виновником трагических событий стал обиженный пастором крестьянин.

Пьеса «Однажды» («Der var Engang»), написанная поэтом-драматургом Хольгером Драхманом в 1884 г., подходила для «национального» фильма, каким представляло его Министерство иностранных дел, намного больше. Сюжет о перевоспитании строптивой жены, часто встречающийся в фольклоре*, лег в основу десятка литературных сказок, в том числе, «Пентамерон» Джамбаттисты Базиле и «Короля Дроздоборода» братьев Гримм. Отголоски этого сюжета можно найти и в «Свинопасе» Ганса Христиана Андерсена, однако у последнего строптивая принцесса не перевоспитана, а наказана. Прямую связь своей пьесы со сказкой Андерсона Драхман отрицал, хотя критики считали, что и сказка Андерсена, и «Укрощение строптивой» Шекспира (недаром принцессу зовут Катерина) повлияли на пьесу «Однажды».

* Имеет номер 900 по системе классификации сказочных сюжетов Аарне-Томпсона.

Музыку к спектаклю написал Петер Ланге-Мюллер, представитель позднего романтизма. Всего в спектакле более часа музыки – 9 увертур (к каждой сцене), 8 песен, 3 танца – и именно музыка связывает элементы довольно-таки рыхлой драматургии воедино. Сначала, в 1885 г., пьесу отказались принять в Копенгагенском театре, но два года спустя, значительно переработанную, все же поставили, и спектакль сразу же завоевал симпатии зрителей. «Однажды», при всей его лиричности, оказался в то же время и патриотическим произведением, о чем, например, свидетельствуют слова финальной песни – «наша страна, которую мы любим». Эта песня стала традиционной на праздниках, посвященных середине лета, проходящих каждый год в Дании.

Пьеса постоянно присутствовала в репертуарах театров, и в 1907 г. была экранизирована Вигго Ларсеном,

Кадр из фильма Вигго Ларсена 1907 г.

но этот короткий фильм, снятый в театральных декорациях, конечно, выглядел очень архаичным в начале 1920-х годов.

Неизвестно, кому именно пришла идея переснять этот фильм в 1922 г. Продюсером выступил Софус Мадсен, который начал снимать документальные фильмы еще в 1898 г., а в 1918 г. построил кинотеатр Paladsteater на 1800 мест, остававшийся самым большим кинотеатром в Копенгагене до начала 1930-х. Мадсен показывал в Paladsteater много шведских фильмов и был их поклонником, так что понятно, почему он загорелся идеей снять датский национальный фильм по аналогии со шведскими.

Впоследствии Дрейер, очень недовольный результатами, всегда предпочитал позиционировать себя в этом проекте исключительно как наемного работника. Однако есть основания считать, что он являлся, по меньшей мере, соавтором идеи. В начале 1922 г. в журнале *Kinobladet* была опубликована статья, в которой говорилось, что Карл Дрейер создает новую компанию для производства датских фильмов. Там также отмечалось, что Дрейер получил права на экранизацию классического романа Йенса Петера Якобсена «Фру Мария Груббе» («*Fru Marie Grubbe*», 1876), которая, вероятно, должна стать следующим проектом. Мадсену же Дрейер предложил экранизировать «Однажды», поскольку видел в этой пьесе андерсеновские мотивы – а Ганс Христиан Андерсен был единственным датским писателем с бесспорной мировой славой. Поэтому можно предположить, что Дрейер вновь надеялся на мировое признание своей будущей картины.

И многое говорит за то, что Дрейер и Мадсен взялись за дело очень серьезно. Дрейер написал сценарий совместно с Палле Розенкранцем. Розенкранц – юрист по образованию, автор пьес, детективных романов, а также примерно десятка киносценариев (написанных, преимущественно в 1911–1914 гг. для RSH и Nordisk), был до первой мировой войны, вероятно, одним из самых продаваемых авторов в Дании. Натурные съемки собрались провести вокруг замка Фредериксборг – во дворе и в окрестных деревнях, а для павильонных съемок решили снять студию в Хеллерупе (северном пригороде Копенгагена), на которой Беньямин Кристенсен в 1921 г. снимал «Ведьм» и переоборудовал по последнему слову техники.

Но тут начались проблемы. Мадсен очень долго торговался с AB Svensk Filmindustri из-за стоимости аренды студии, и драгоценное время было упущено. Дрейер выбрал для съемок преимущественно театральных актеров, но у них были контракты с театрами, и они могли сниматься в фильме только во время летних каникул. Когда с опозданием на месяц соглашение все-таки было достигнуто, чтобы наверстать упущенное время пришлось очень быстро строить декорации и платить рабочим сверхурочные, в результате чего проект быстро вышел за рамки бюджета.

Сначала Дрейер хотел построить декорации по принципу матрешки – начать съемки со сцен в самой маленькой комнате, затем разобрать стены, и снять комнату побольше, и так далее, завершив все съемками в тронном зале. Но тут выяснилось, что все сцены с Петером Йерндоффом (включая сцену в тронном зале) должны быть сняты в первую очередь, поскольку он

собирался в отпуск, и часть уже построенных декораций пришлось разобрать. Но, несмотря на спешку, декорации все равно были построены очень основательно. Йерндофф в интервью по случаю премьеры фильма говорил, что был очень впечатлен их аутентичностью и детальностью. В королевских покоях дворца стены были затянуты шелком в золоченых рамах, а пол вымощен настоящим камнем: мрамором в тронном зале и кирпичом на кухне⁵⁵.

Сохранился экземпляр сценария Дрейера с его личными рукописными пометками, которые указывают на то, что он детально изучал обстановку и обычаи XVI в., в который перенес действие пьесы. Сам Дрейер так прокомментировал это изменение в интервью, которое дал во время съемок фильма:

«Важно, что мы отодвинули время действия в средневековье, потому что, мне кажется, это более романтический и поэтический период, нежели несколько громоздкий датский Ренессанс. Нелегко было достать подходящие костюмы. Тщательное исследование фресок на стенах средневековых церквей позволило нам добиться максимальной аутентичности в одежде.

У нас есть свой портной, и мы не заказываем все костюмы в Германии – как делают многие театры и киностудии. Это обойдется дороже, зато будет лучше»⁵⁶.

Стремление Дрейера к аутентичности выразилось и во многих других мелочах. Так, лесная хижина была построена заблаговременно, чтобы к моменту съемок из-за воздействия погоды она уже не выглядела новой, а для того, чтобы научить Клару Понтоппидан,

Хижина, которую Дрейер распорядился построить заранее, чтобы к моменту съемок она успела бы «состариться».

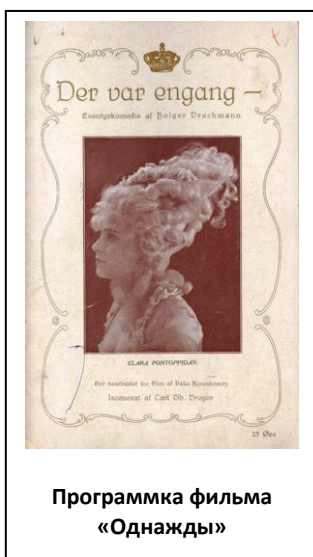
игравшую принцессу, лепить горшки, был нанят настоящий гончар.

Однако финансовые проблемы заставили Дрейера значительно сократить сценарий. Пришлось, например, полностью отказаться от сюжетной линии, рассказывающей о правлении Данией Каспера Рёгхата в отсутствие принца. Но главное, о чем жалел Дрейер, – это сцена на городском рынке, куда принцесса пришла продавать горшки, и где ей их разбили. Ее пришлось ради экономии заменить сценой на проселочной дороге, где повозку принцессы с горшками переворачивают солдаты.

Но даже несмотря на экономию, предполагаемый бюджет фильма был превышен в несколько раз. В 1938 г. Мадсен вспоминал, что вместо запланированных 90 000 крон пришлось потратить 222 000.

Кроме ситуации с отсроченной арендой студии и сокращением сценария, Дрейер был недоволен и выбором актрисы на роль главной героини. Пригласить Клару Понтоппидан на роль принцессы (которую она исполняла до этого на театральной сцене) было идеей Мадсена. Дрейер очень уважал Понтоппидан как актрису (она играла в финском эпизоде его «Страниц из книги Сатаны»), но считал, что она слишком стара для роли юной принцессы – на момент съемок ей было уже 39 лет. Несмотря на это Клара сохранила очень хорошие воспоминания о съемках «Однажды» и много лет спустя с гордостью отмечала, что она – единственная актриса, сыгравшая у Дрейера дважды*. Она всегда восторженно отзывалась о Дрейере, и говорила, что он совсем не похож на Кристенсена (в «Ведьмах» которого Понтоппидан снималась незадолго до «Однажды»).

Несмотря на несколько хаотичную атмосферу, в которой делался фильм, съемки были завершены 11 сентября 1922 г., а премьера с большой помпой состоялась 3 октября, естественно, в Paladsteater. Фильм вышел с подзаголовком "Первый по-настоящему датский фильм". Он демонстрировался до 30 октября (почти месяц, что было очень долго по сравнению с другими

Программка фильма
«Однажды»

* На самом деле, это не так. Матильда Нильсен тоже сыграла в двух фильмах Дрейера

фильмами), и к 22 октября его уже посмотрело 45 000 человек. Это определенно означало успех, но успех только в пределах Дании. Международные дистрибьюторы не проявили к фильму никакого интереса. Министерство иностранных дел Дании очень хотело показать «Однажды» в США, но в августе 1923 г. Мадсен запросил за него 5 000 крон, что оказалось чересчур дорого для Министерства. Позднее «Однажды» все же был показан в США, но очень ограниченно, в основном, в среде датских эмигрантов.

Сам Дрейер остался очень недоволен результатом, и неоднократно называл фильм своим «полным поражением»:

«От жесткого реализма [в “Заклейменных”] я резко повернул к волшебной сказке, – “Однажды” Хольгера Драхманна, – которая преподала мне горький урок, что фильм нельзя построить только на атмосфере. За фильмом должна стоять драматическая сила, и кульминация действия должна приходиться на противостояние двух людей, а этот сценарий оставался спокойным, как погожий летний день. Я вынес из этого фильма, что люди прежде всего интересуются людьми»⁵⁷.

В одной из газетных рецензий, вышедших после премьеры «Однажды», указывалось, что Дрейер взял сказочные фигуры и поместил в тела настоящих людей и реальную обстановку⁵⁸. Персонажи у Драхманна действительно условны, к тому же из немого фильма выпала музыка, играющая в спектакле важную роль. Возможно, здесь Дрейер столкнулся с границами своего метода (создавать максимально реалистичную, хотя и «очищенную» от всего второстепенного атмосферу),

который не сработал для волшебной сказки. Из сценария видно, что Дрейер пытался привнести в сюжет психологическую глубину. Так, если у Драхманна все происходит строго в соответствии с планом принца, то в сценарии своим духовным перерождением принцесса обязана в первую очередь близостью к датской природе во время ее жизни с принцем в лесу. Например, одна из сцен описана так:

«Он [Принц] возвращается домой и видит купающуюся Принцессу. Он улыбается: она начала находить удовольствие в природе. Заметное улучшение».

Несмотря на то, что эта сцена была тщательно распланирована, она или так и не была снята, или не сохранилась. Фильм долгое время считался утраченным и был найден в архивах только в 1964 г., когда датское радио при подготовке передачи, посвященной 75-летию Дрейера, искало новый и необычный материал. Однако фильм сохранился не полностью. После первой трети, снятой, в основном, в замке, следуют комические сцены с участием слуг принца и кухарок, повторяющиеся по три-четыре раза. Это определенно не окончательный монтаж, а черновой материал – отпечаток с непосредственно отснятой пленки, содержащей все дубли. Как он попал в архив вместе с окончательной версией фильма – неизвестно. Далее отсутствует часть длиной от 10 до 30 минут. Наиболее вероятное объяснение, что вместо одной катушки пленки случайно взяли другой. Сюжет возобновляется сразу в лесной хижине и дальше выглядит полным.

После завершения работы над «Однажды» в кинематографической деятельности Дрейера наступил перерыв более чем на год – первый в череде многих

последующих. Драм предполагает, что Дрейер просто решил посвятить этот год семье: как раз в это время, 20 февраля 1923 г., у него родился второй ребенок – сын Эрик. Одновременно Дрейер участвовал в деятельности, связанной с журналом о кино *Det Ny Magasin* (Новый Журнал), основанным его свяком, Йенсом Эрво. Имя Дрейера стояло в выходных данных журнала, и он просил нескольких людей написать для него статьи, но этим его участие и ограничилось.

Но, возможно, Дрейеру в 1923 г. было не так-то просто найти работу режиссера. У него еще не было широкой международной известности; все его фильмы показывались преимущественно в скандинавских странах; критики высоко оценивали его ленты, но это были преимущественно датские критики; в Дании же кино практически не снималось. Софус Мадсен хотя и говорил впоследствии, что полностью доволен результатом с художественной точки зрения, не окупил свои затраты, и решил отказаться от финансирования кинопроизводства. На самом деле, он сделал еще одну попытку – в 1923 г. выступил сопродюсером фильма «Жизнь – это карнавал» («*Livets Karneval*»), который снимала кинокомпания *Palladium*, – но, вероятно, его затраты там были не очень велики, а опыт вновь оказался неудачным. Но хотя Мадсен и не работал больше с Дрейером, ему предстояло еще раз сыграть важную роль в его биографии: он оказался одним из тех, кому мы обязаны сохранившейся копией «Страстей Жанны д'Арк», о чем будет рассказано позже.

В Швеции тоже начался спад кинопроизводства. В начале 1920-х Швеция погрузилась в экономический кризис; аграрную экономику нужно было

перестраивать, а это не давалось безболезненно. С другой стороны, в это же время активно развивалось радио. Приемники подешевели и появились практически в каждом доме, составляя конкуренцию кинематографу. Так, если в 1920 г. стокгольмские кинотеатры посетило 8 миллионов зрителей, то в 1923 г. – всего лишь четверть от этого числа. Вырос налог на развлечения (к которым относилось и кино). Росла конкуренция со стороны американцев, которые к середине 1920-х захватили 70 % шведского рынка, – что, впрочем, стало общей проблемой всех европейских кинопроизводителей.

В Германии в 1921 г. началась гиперинфляция, которая достигла своего максимума к 1923 г. В 1923 г. было снято 253 фильма, т. е. в два раза меньше, чем в 1920 г. Нигде в Европе обстановка для кинопроизводства не была благоприятной. Но, к счастью, в конце 1923 г. о своем обещании как-нибудь поработать с Дрейером вспомнил Эрих Поммер.

11. Первая сознательная попытка применить стиль: «Михаэль»

К началу 1920-х Эрих Поммер собрал вокруг себя замечательную команду профессионалов. Среди них были не только режиссеры (список которых возглавляли Ланг и Мурнау), но и сценаристы (Теа фон Харбоу, Карл Майер, Роберт Либман), операторы (Карл Фройнд, Карл Хоффман, Вилли Хамистер), художники-постановщики и актеры.

Поммер поддерживал две стратегии – производство «стильных и больших» фильмов (в первую очередь на экспорт) и массовых (жанровых, использующих систему звезд) – для внутреннего рынка. Перед «большими» фильмами ставился целый ряд задач: они были лицом компании, часто их премьеры привязывались к открытию дорогих кинотеатров; именно для них закупалось новое оборудование, которое затем использовалось для других фильмов; и они должны были составить конкуренцию американским блокбастерам – дома, в Европе, а, если возможно, и в США. Вопрос о конкуренции с американскими фильмами стоял тогда в Европе очень остро. Так, например, во Франции и Великобритании доля рынка, которую занимали европейские фильмы, снизилась с 50 % в 1920 г. до 20-30 % в 1925 г. В США уже начиная с 1915 г. доля европейских фильмов никогда не составляла более 7-8 % рынка, и в 1920-х гг. продолжала неуклонно снижаться.

Поммер считал, что экспрессионизм как нельзя лучше подходит для продвижения немецкого кино за рубежом. С одной стороны, его вдохновлял успех «Кабинета доктора Калигари» Роберта Вине. С другой, он

понимал, что в глазах бывших противников в первой мировой войне Германия имела негативный имидж, и реалистичные фильмы о немецкой действительности едва ли могли найти отклик у иностранной аудитории. Наконец, Поммер был не просто коммерсантом, он хотел, чтобы кино стало полноценным искусством. Но несмотря на все его усилия, интеллектуальная элита Германии относилась к экспрессионистским творениям, выходящим из студии Поммера, с некоторым сомнением и часто считала кичем.

Интересы Поммера не ограничивались экспрессионизмом. В 1923 г. в Германии наконец-то вышел в прокат фильм Беньямина Кристенсена «Ведьмы» (правда, заметно сокращенный из-за требований цензуры). Критики писали, что этот наполовину художественный, наполовину документальный фильм, посвященный истории ведьм и ведьмовства в Европе, на четверть века опередил свое время. Во многих европейских странах за пределами Скандинавии «Ведьм» запретили к показу, и этот запрет действовал в течение нескольких лет. На Поммера «Ведьмы» произвели такое большое впечатление, что он пригласил Кристенсена работать на UFA.

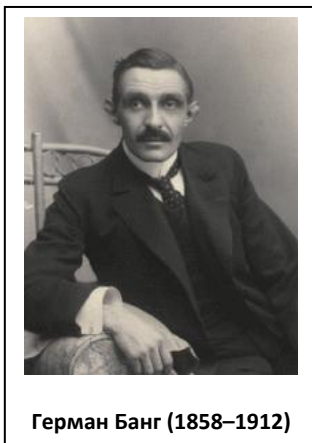
Кристенсен находился в 1923 г. практически в том же положении, что и Дрейер. В Дании работы для кинорежиссера не было. Правда, в отличие от Дрейера, он мог бы продолжить сотрудничество со своим предыдущим продюсером Карлом Магнуссоном на AB Svensk Filmindustri, но там речь шла фактически о сериале из восьми фильмов, продолжавшем тему «Ведьм», а Кристенсен не хотел повторяться. На студии UFA Поммер поручил Кристенсену снять не «большой»,

а коммерческий фильм «Его жена, незнакомка» («Seine Frau, die Unbekannte», 1923).

Но когда Поммер вспомнил об обещании, данном Дрейеру двумя годами ранее, – когда-нибудь поработать вместе, речь шла именно о «большом» фильме. Поммер предложил для экранизации роман Германа Банга «Микаэль» (в немецком переводе – «Михаэль»), и Дрейер согласился, хотя позднее говорил, что сам выбрал бы другой роман того же автора – «Тине» («Tine», 1889), потому что в «Микаэле» *«слишком много мишуры, слишком много несущественного. Но в нем есть величественная и красивая линия. В нем есть чистая трагедия, истинная меланхолия и он наполнен плотной атмосферой»*⁵⁹.

Герман Банг считался на рубеже веков одним из самых знаменитых датских писателей в Европе, если не самым знаменитым. Кроме того, в качестве известного театрального режиссера его высоко ценили, например, Макс Рейнхардт и Станиславский. Его романы, импрессионистские по стилю, были очень «кинематографичны», содержали выразительные описания и много диалогов.

В одном из интервью Дрейер заметил, что если бы Банг родился немного позже, то стал бы кинорежиссером. Но даже косвенное влияние Банга на кино очень заметно. По его роману «Четыре дьявола» снят один из первых знаменитых датских фильмов, заслуживших

Герман Банг (1858–1912)

международную популярность. Стеллан Рюэ, режиссер одного из первых значимых немецких фильмов, «Пражского студента», был человеком из окружения Банга и несколько лет работал вместе с ним в копенгагенском театре. И даже Яльмар Сёдерберг, автор пьесы «Гертруда», которая легла в основу последнего фильма Дрейера, считал себя учеником Банга.

Банг являлся одним из немногих «открытых» гомосексуалистов своего времени, насколько это было возможно в Европе, где гомосексуализм преследовался по закону и грозил тюрьмой. Так, например, Стеллан Рюэ был в 1911 г. приговорен к ста дням заключения и вскоре после выхода на свободу покинул Данию. Банг переехал из Копенгагена в Берлин еще в 1907 г. по тем же причинам – до тюрьмы тогда дело, правда, не дошло, но пресса устроила настоящую травлю в адрес гомосексуальной богемы Копенгагена, и, в первую очередь, Банга.

Известно, что Дрейер встречался с Бангом в 1912 г. в Берлине за несколько месяцев до смерти последнего. Дрейер работал тогда репортером и, вероятно, собирался взять у Банга интервью; однако, если оно и состоялось, никакие записи не сохранились.

Роман «Микаэль» вышел в 1904 г. и почти сразу же был переведен на немецкий язык, как и другие книги Банга. «Микаэль» во многом основан на личных переживаниях автора, в жизни которого была история несчастной любви, подобная описанной в романе. Но главный герой романа, Клод Зоре, – не датский писатель, а французский художник, к которому все обращаются не иначе, как «Мастер». Многие его черты

(не говоря уже об имени) отсылают к Клоду Моне, с которым Банг встречался в Норвегии.

Впервые «Микаэля» под названием «Крылья» («Vingarne») экранизировал в 1916 г. Мориц Стиллер – режиссер, которого Дрейер очень высоко ценил. Однако Дрейер утверждал, что никогда не видел фильм Стиллера. Скорее всего, так оно и было. «Крылья» не пользовались большим коммерческим успехом, и в Копенгагене продержались в прокате всего три дня.

Долгое время фильм Стиллера считался утраченным. Только в 1980-х гг. неполная копия нашлась в Норвегии. Фильмы Стиллера и Дрейера, действительно, имеют мало общего. Стиллер использовал лишь центральную линию романа Банга, и то в достаточно вольной интерпретации. Он изменил финал, а также окружил центральную историю Банга псевдодокументальной историей съемок фильма, не имеющей к роману Банга никакого отношения.

Итак, «Михаэль» (далее будет использоваться немецкое название фильма) должен был стать «большим» фильмом, и Поммер предоставил Дрейеру внушительный бюджет, современную студию, своего лучшего оператора – Карла Фройнда, а также практически полную свободу, как он это делал обычно с другими своими режиссерами-звездами, такими, как Ланг и Мурнау.

Сценарий, как всегда, написал сам Дрейер. Затем его отредактировала Теа фон Харбоу, ведущая сценаристка UFA. Дрейер отверг практически все предложенные ею изменения, и Поммер вынужден был уступить, хотя Теа фон Харбоу и осталась в титрах как сценарист. Дрейер старался максимально точно придерживаться

текста романа, он внес лишь необходимые сокращения и некоторые не очень существенные, но любопытные изменения.

В романах Банга тема гомосексуализма никогда не поднималась открыто. Однако в «Михаэле» не может не возникнуть вопрос о характере отношений, связывающих Михаэля и Мастера. Ничто прямо не указывает на любовную связь, но только она правдоподобно объясняет последние слова Мастера, произнесенные им на смертном одре и вынесенные в эпитафию фильма: *«Я могу умереть спокойно, потому что я видел великую любовь»*. Когда Дрейера в 1960-х гг. спрашивали, есть ли в фильме гомосексуальные отношения, он уклончиво отвечал, что старался, чтобы в его фильме гомосексуализма было не больше, но и не меньше, чем в романе Банга, и что, в конце концов, в жизни на гомосексуалистах не написано, кто они такие.

На самом деле, Дрейер все же немного усилил гомосексуальные мотивы по сравнению с романом. Так у Банга сцена в театре разворачивается на фоне современной пьесы, а у Дрейера – на фоне «Лебединого озера» Чайковского, который является своего рода гей-иконой. Свитт, биограф и друг Мастера, в романе увлечен женщинами, в фильме же он не видит никого, кроме Зоре. В качестве музыкального сопровождения фильма Дрейер тоже предполагал использовать тему из Чайковского.

Но если даже считать «Михаэля» гей-фильмом, он не стал бы первым в немецком кино. В 1919 г., когда на непродолжительное время цензура в немецком кино была отменена, на экраны вышло множество так называемых «образовательных» фильмов, затрагивающих

тему секса. Среди них был «Не такой, как другие» («Anders als die Andern», 1919) Рихарда Освальда, сценарий которого он написал в соавторстве с Магнусом Хиршфельдом, сексологом, боровавшимся против 175-й статьи уголовного кодекса, предусматривающей наказание за гомосексуализм. В квартире главного героя – скрипача-виртуоза, гомосексуалиста, в конечном счете доведенного обществом до самоубийства, есть небольшая скульптура, поза которой очень напоминает позу «Победителя» в «Михаэле» – хотя, возможно, это и случайное совпадение.

Все произведения живописи, показанные в фильме, написаны специально для «Михаэля» и, конечно, не являлись шедеврами. Впрочем, большой вопрос, можно ли назвать шедеврами картины литературного прототипа – художника, скорее модного, чем великого. В интервью 1965 г. Дрейер так охарактеризовал эпоху, в которую происходит действие «Михаэля»:

«Действие происходит в тот период, когда в моде были страсть и преувеличение, когда чувства были намеренно обострены; в период, который характеризует определенно очень фальшивый стиль, отражающийся во внутреннем убранстве помещений со всеми этими вопиюще перегруженными интерьерами»⁶⁰.

Много позже в интервью Йоргену Роосу⁶¹ Дрейер говорил, что «Михаэль», возможно, стал первым фильмом, в котором стиль был применен сознательно. Над декорациями фильма Дрейер работал вместе с немецким архитектором Гуго Херингом, более всего известным в наше время за труды по органической архитектуре. Херинг ни до, ни после «Михаэля» не работал

в кино, «Михаэль» стал для него небольшим отдыхом перед очередным архитектурным проектом. Дрейер хотел воссоздать искусственную атмосферу студии богатого французского художника конца XIX века. Чаще всего он упоминал в этой связи студию Огюста Родена на улице Инвалидов, которую не видел, но о которой читал.

Хотя для Банга прототипом Зоре послужил Моне, Дрейер ушел в фильме от этой аналогии: так, например, Зоре у него значительно моложе, чем в романе, и не носит большой белой бороды (которая «досталась» в фильме его мажордому). Возможно, это было связано с тем, что на момент съемок Клод Моне был еще жив, и UFA хотела избежать возможных проблем. Роден же был одним из немногих французских мастеров того времени, кто еще при жизни добился славы и богатства.

Впрочем, в окончательном виде декорации приобрели скорее немецкий, чем французский стиль. Но для целей, которые ставил перед собой Дрейер, это было неважно, главным для него было передать искусственность окружения Мастера, поскольку, как он заметил, «*"Михаэль" – это подлинная картина фальшивого мира*».⁶²

Любопытно, что в «Михаэле» Дрейер ввел один из очень немногих в его фильмах анахронизмов. В комнате Михаэля стоят куклы кинозвезд начала 20-х годов, в том числе Чарли Чаплин с Джеки Куганом из «Малыша» («The Kid», 1921).

Дрейер хотел, чтобы в фильме играли актеры, лица которых еще не примелькались на экране, но которые были бы в то же время достаточно профессиональны. В первую же очередь, как отмечал Дрейер в одном

из интервью после выхода фильма на экраны, он хотел подобрать людей, которые по характеру соответствовали бы персонажам романа Банга.

На роль русской княгини Замиков Поммер хотел пригласить Асту Нильсен, но та отказалась, заявив, что играет только главные роли⁶³. Однако в следующем году она согласилась сыграть роль второго плана в «Безрадостном переулке» Пабста. Вполне возможно, что в случае с Дрейером истиной причиной отказа послужила давняя обида на статью, в которой тот раскритиковал ее фигуру. В конечном счете, Дрейер выбрал Нору Грегор, актрису оперетты, снимавшуюся в кино с 1920 г. На вторую женскую роль (Алисы), несмотря на сопротивление Поммера, Дрейер пригласил Грету Мосхайм, восходящую звезду театра Рейнхардта, и это стало ее дебютом в кино.

Заглавную роль Михаэля, начинающего художника, протеже, модели и приемного сына Клода Зоре, сыграл Вальтер Слезак, сын знаменитого австрийского тенора Лео Слезака. Вероятно, Дрейер увидел его в дебютном фильме «Содом и Гоморра» («Sodom und Gomorrha», 1922) Майкла Кёртиса. Дрейер вполне мог быть знаком и с самим Кёртисом, в 1913 г. проработавшим полгода на Nordisk помощником режиссера у Августа Блома.

Вальтер Слезак оставил мемуары⁶⁴, в которых вспоминал, как получил приглашение UFA участвовать в пробах на роль Михаэля для их «элитной кинопродукции». Пробы прошли успешно, но для самих съемок в мемуарах Слезака места не нашлось. Куда больше его интересовала светская жизнь в Берлине в условиях гиперинфляции. «Михаэль» положил начало длительному

сотрудничеству Слезака с UFA, но уже в жанровых фильмах, и в 1920-х годах он пользовался большой популярностью у немецких зрительниц. Затем Слезак продолжил актерскую карьеру в других странах и, в конце концов, перебрался в Голливуд.

Много проблем возникло у Дрейера при выборе актера на главную роль Клода Зоре. Он рассматривал разные кандидатуры, в том числе и Альберта Бассермана, снимавшегося в кино начиная с 1913 г. и являвшегося одним из ведущих актеров театра Рейнхардта. Но на предполагаемый период съемок актер был занят. Тридцать лет спустя Дрейер вспоминал:

«Фильм должен расти из своего материала, достоверно, естественно. Поэтому я не хочу использовать знаменитых актеров. В случае с Гретой Гарбо,

На съемках «Михаэля».

Мари Дреслер, Конрадом Фейдтом или Мозжухиным, ваши глаза видят только их и ничего больше. Они могут играть Дюма или Пиранделло – без разницы.

Впрочем, я хотел бы пригласить Фрица Кортнера. Я видел его в пьесе “Патриот”. Он был намного тоньше Яннингса – меньше мишуры, больше настоящего чувства. Он очень взволновал меня. И я понял, что он – то, что мне нужно для “Михаэля”. Но Кортнер был занят на месяцы вперед. “Михаэль” требовал особенной обстановки, требовал знаменитости.

Тогда я подумал о Вернере Краусе, сыгравшем Калигари, но Эрих Поммер терпеть не мог Крауса и не поддержал мою идею. В то время в Берлине работал Беньямин Кристенсен, мы встретились с ним и решили проблему – он сыграл эту роль».⁶⁵

Выбор Дрейера никак нельзя назвать делом случая, творчество коллеги по цеху привлекало его внимание. В 1920 г. в статье, посвященной шведским фильмам, Дрейер отметил, что Кристенсен – единственный датский режиссер, который не «производит» фильмы, как массовый товар, а работает над ними, уделяя внимание мельчайшим деталям. В начале 1922 г. в статье «Новые идеи о кино: Беньямин Кристенсен и его идеи»⁶⁶ Дрейер высоко оценил работы Кристенсена, хотя и не согласился с ним в том, что режиссеры должны сами писать оригинальные сценарии для своих фильмов. Методы Кристенсена и Дрейера были похожи: Кристенсен тоже детально изучал перед съемками «Ведьм» исторические источники, и на съемочной площадке был построен настоящий средневековый город, в котором могли бы жить 250 человек.

Кристенсен имел и актерский опыт, он всегда играл в своих фильмах. Но сперва Поммер сомневался, как один режиссер сможет работать в качестве актера у другого режиссера. Дрейер настоял на своем.

Кристенсен и Дрейер были двумя очень упрямыми и своевольными людьми, и Поммер, как и многие другие, предвидел проблемы во время съемок. У Дрейера и Кристенсена часто снимались одни и те же актеры, они работали на одной и той же студии, но еще никогда им не доводилось работать вместе над одним фильмом.

Действительно, без конфликтов не обошлось. Два датчанина даже договорились не называть друг друга на публике "идиотами", поскольку это слово понимали и остальные члены съемочной группы, не знающие датского. Несмотря на все разногласия, результат получился потрясающий. Возможно, Кристенсену нравилось играть роль Мастера, Художника еще и потому, что в тот момент большинство уже рассматривало "Ведьм" как фиаско, и ему нужно было реабилитироваться хотя бы в собственных глазах.

Подавляющее большинство критиков очень высоко оценило игру Кристенсена в «Михаэле», хотя некоторые и отмечали, что он переигрывает. Но, возможно, таков и был замысел Дрейера, потому что Бассерман, которого он сначала хотел пригласить на эту роль, тоже отличался несколько искусственной манерой игры.

В небольших эпизодах Дрейер снова использовал непрофессиональных актеров. Каспер Тьюберг в комментарии говорит, что в роли банкира, который рассказал Мастеру о долгах Михаэля, снялся бывший министр русского царского правительства (хотя иностранцам

Съемочная группа «Михаэля».

свойственно преувеличивать титулы и должности русских эмигрантов). А небольшую роль арт-дилера исполнил оператор Карл Фройнд – и это практически единственное его появление на экране за всю многолетнюю работу в кино*.

Карл Фройнд, бывший основным оператором в «Михаэле», готовился в то же время к другому проекту – съемкам «Последнего человека» («Der letzte Mann», 1924) Мурнау, который явно считал более приоритетным. Поэтому он не мог уделять работе у Дрейера все время, и вторым оператором был назначен Рудольф Мате, ответственный за съемки вне студии (и в том числе, вероятно, за эпизод в театре). В дальнейшем сотрудничество Дрейера и Мате продолжилось: они

* Есть информация, что Карл Фройнд снялся в качестве статиста в еще одном, утраченном ныне фильме 1920 г.

работали вместе над «Страстями Жанны д'Арк» и «Вампиром».

«Михаэль» в определенном смысле оказался очень «немецким» фильмом, в нем отразились многие веяния, имевшие место в немецком кино начала 1920-х годов. С определенной долей условности можно сказать, что жанр, к которому относится «Михаэль» – это «каммершпиль» («камерная драма»), пришедший в немецкое кино из театра Рейнхардта. В камерной драме главное внимание уделялось людям, их психологии, в ней никогда не было счастливого конца, действие разворачивалось преимущественно в небольшом количестве замкнутых помещений. Многие из таких фильмов были сняты по сценариям Карла Майера: «Черный ход» («Hintertreppe», 1921), «Осколки» («Scherben», 1921), «Новый год» («Sylvester», 1923), уже упоминавшийся выше «Последний человек» (1924), и почти все они стали классикой.

Именно с развитием «каммершпиле» связаны и технические новшества – движущаяся камера и новое использование крупных планов. Дрейер хотел чаще использовать движущуюся камеру и панорамные съемки в «Михаэле», но Фройнд готовил много технических новинок специально для «Последнего человека» и решил не показывать их раньше времени. Зато он много работал с Дрейером над техникой крупных планов. В частности, они подробно исследовали соотношение между длиной фокуса и продолжительностью кадра, которое позволило бы задать правильный ритм.

Конечно, крупные планы использовались в кино и ранее, но обычно играли роль своего рода театрального бинокля, укрупняя для зрителя главную картинку и

позволяя рассмотреть детали. Использование крупных планов как основного средства для выражения психологического состояния героев оставалось редкостью. В 1939 г. Дрейер вспоминал:

«Во время работы над “Микаэлем” Германа Банга я много экспериментировал, потому что “Микаэль” был – должен был быть в случае успеха – драмой камершпиль, перенесенной на экран. Ничто в этом фильме не имело значения, кроме внутреннего конфликта, чье драматическое развитие отражалось только выражением лиц, которое можно воспроизвести лишь на крупных планах. Во время работы над этим фильмом я понял, что нужно делать для правильной игры актеров. Я понял, что у режиссера есть очень точная и важная задача, которая состоит в том, чтобы корректировать игру актеров снаружи и направлять их к цели – например, в крупных планах заставить забыть о себе, перестать рассуждать и открыть сердце»⁶⁷.

На съемках «Михаэля» зародилась забавная традиция. Когда Дрейер был особенно доволен работой актера, он дарил ему банкноту в одну датскую крону. По большей части это был символический жест, хотя во времена гиперинфляции в Германии и одна датская крона чего-то стоила. Впоследствии, эти банкноты стали называться в кинематографических кругах «дрейеровские кроны»⁶⁸.

Премьера «Михаэля» состоялась 26 сентября 1924 г. в Берлине и 17 ноября 1924 г. в Копенгагене. Отзывы немецких критиков были исключительно хвалебными. Датские критики присоединились к ним,

Страницы из немецкой программки «Михаэля».

сожалея, что «Михаэль» — не датский фильм, но, признавая, что для Дании он был бы слишком дорогим.

Однако в датском прокате фильм провалился — Софус Мадсен вынужден был прекратить его демонстрацию меньше, чем через неделю после премьеры. Не повезло «Михаэлю» с прокатом и в США. Премьера состоялась только спустя два года, 11 декабря 1926 г. Фильм вышел под названием «Скованные», и Дрейер, неизвестный в США, не был указан в программке. Некоторые из критиков в своих обзорах даже указали Кристенсена в качестве режиссера.

В США «Михаэля» восприняли вполне однозначно как фильм о гомосексуализме, и это предопределило негативную или, по крайней мере, настороженную реакцию. В 1930 г. «Михаэль» вновь появился в прокате — на этот раз в бродвейском грайндхаусе под названием «Скованные: история третьего пола». Фильм демонстрировался в сопровождении «научной» лекции,

без какого-либо упоминания о Дрейере или других создателях фильма.

Но сотрудничество Дрейера и Поммера, по-видимому, прекратилось после «Михаэля» не из-за неудачной прокатной судьбы последнего. Во время съемок «Михаэля» Дрейер вел переговоры с Nordisk о покупке прав на экранизацию пьесы Софуса Михаэлиса «Революционная свадьба» («Revolutionsbryllup», 1906), которую он собирался снимать на UFA. Но этому проекту не суждено было осуществиться. В письме Дрейера Фросту, хранящемся в Датском институте кинематографии, есть указания на ссору между Поммером и Дрейером, которая произошла из-за того, что Поммер, не предупредив Дрейера, изменил финал «Михаэля»⁶⁹. В чем именно состояло изменение – не ясно, финал «Михаэля» в сохранившейся версии никак нельзя назвать счастливым, да и впоследствии Дрейер никогда не упоминал о произошедшем и очень хорошо отзывался о Поммере:

«Для добросовестного кинорежиссера Поммер был идеальным продюсером. Как только решения по основным вопросам (сценарий, кастинг, декорации и т. д.) были приняты, он не вмешивался в работу режиссера. Время от времени он появлялся на съемочной площадке и, если все было в порядке, широко улыбался. В художественных вопросах он легко уступал перед лицом здравых аргументов»⁷⁰.

Кристенсен тоже не задержался надолго в Германии после «Михаэля». Он снял для UFA еще один фильм, а в начале 1925 г. уехал в Голливуд по приглашению MGM, руководству которого Виктор Шёстрём

(перебравшийся в Голливуд чуть ранее) показал «Ведьм».

Гиперинфляция в Германии закончилась, а Поммер продолжал снимать очень дорогие фильмы, которым так и не удалось в достаточной степени завоевать мировой рынок, и ограниченный зарубежный прокат уже не покрывал расходы. К 1926 г. UFA оказалась на грани банкротства. Поммер оставил UFA и уехал работать в Голливуд за несколько месяцев до завершения «Метрополиса» и «Фауста». На его место пришел Людвиг Клицш, которому удалось вывести UFA из кризиса. В 1927 г. Клицш нанял Поммера в качестве одного из трех основных продюсеров UFA, но о былой «элитной» продукции речи уже не шло. Все было поставлено на коммерческие рельсы, и UFA полностью перешла на «продюсерскую» модель производства фильмов.

12. Международный успех: «Уважай жену свою»

К 1925 г. Palladium осталась единственной кинокомпанией в Дании, выпускавшей фильмы для международного рынка. Единственным ее постоянным режиссером был Лау Лауритцен, являвшийся по совместительству и художественным руководителем компании; а единственной значимой продукцией – его комедии про Маяка и Прицепа (Fyrtarnet og Bivognen), которых играли датские актеры Карл Шенстрём и Харальд Мадсен. В СССР, Франции, Германии эти персонажи получили известность как Пат и Паташон, в Великобритании – как Длинный и Короткий. Фильмы с Патом и Паташоном имели большой успех в Европе, и в 1925 г. Лауритцен решил снять с этой парой «серьезный» фильм – экранизацию «Дон Кихота» Сервантеса в Испании.

Таким образом, студия Palladium в Копенгагене на какое-то время освободилась, и именно на это «окно» и были запланированы съемки следующего фильма Дрейера – «Уважай жену свою» («Du skal ære din Hustru», в международном прокате фильм был также известен под названием «Хозяин дома») по пьесе Свена Риндома «Падение тирана» («Tygannens Fald», 1919). Пьеса имела большой успех в копенгагенском Новом театре (Det nye Teater), где она шла с 1919 по 1921 гг. и выдержала 98 представлений.

Риндом являлся не только драматургом и театральным деятелем, с 1912 по 1916 гг. он сыграл в десятке фильмов, а один даже поставил. В 1924 г. он участвовал в написании сценария для пятнадцатого фильма о Пате и Паташоне, и, вероятно, именно через него

Дрейер и получил приглашение снять фильм по пьесе «Падение тирана» – комедии, которая вполне укладывалась в общую стратегию Palladium. Риндом и Дрейер вместе написали сценарий для фильма, и это единственный случай, когда Дрейер работал над сценарием вместе с автором литературного первоисточника.

Дрейер исключил из сценария всех второстепенных персонажей: брата Виктора (главного героя), который влюблен в болтливую соседку; властного хозяина дома, который хочет купить у Виктора унаследованную им антикварную мебель, и некоторых других. Он убрал также и почти все сцены, которые нарушали драматическое единство места и требовали выхода зрителя за пределы двухкомнатной квартиры. Идея «очищения», которую Дрейер последовательно проводил, начиная с «Президента», достигла в «Уважай жену свою» максимума. Дрейер отмечал, что его целью было *«рассмотреть под микроскопом ту ежедневную обыденность, которая составляет жизнь тысяч жителей большого города»*⁷¹.

Сначала Дрейер хотел снимать фильм не в студии, а в настоящей копенгагенской двухкомнатной квартире, но это оказалось технически невозможным. Тогда он настоял, чтобы в студии была построена модель реальной квартиры одного из старых районов Копенгагена, не только со всеми четырьмя стенами, но и с подключенными электричеством и водой. Такое стремление к реалистичности стало к этому времени своего рода «фирменной чертой» Дрейера, и совсем не было в порядке вещей. Для примера можно привести воспоминания Роберта Херлта, художника-постановщика Мурнау, о съемках «Последнего человека», которые

иллюстрируют совсем другой подход режиссера к декорациям:

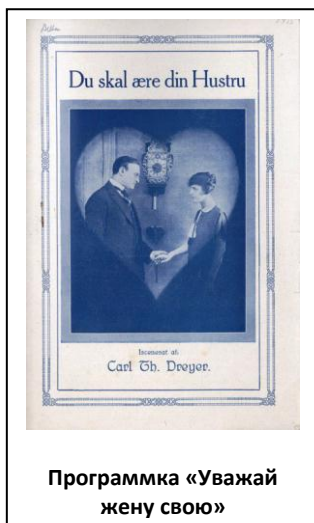
«Последней декорацией в "Последнем человеке" была комната Яннингса. Чем дальше мы снимали, тем больше и больше исчезали стены, пока, в конце концов, не осталось только зеркало в углу и потолок. Перед зеркалом стоял Яннингс, и камера снимала его сзади так, что была видна только голова и потолок, на котором кружились тени и на который затем накладывался его сон. Мы работали над этим единственным кадром весь день, с утра до вечера»⁷².

Дрейер же, напротив, очень усложнил «реалистичными» декорациями работу своего оператора, Георга Шнеевойгта, работавшего с Дрейером начиная со «Страниц из книги Сатаны».

На две главные роли (деспотичного мужа и его старой няни) Дрейер пригласил актеров, с которыми уже работал ранее, – Йоханнеса Мейера (монах в «Страницах из книги Сатаны» и провокатор Рылович в «Заклейменных») и Матильду Нильсен (старая служанка во «Вдове пастора»). И хотя Мейер продолжал сниматься в кино до 1967 г., после этого фильма ему уже не доводилось сниматься у Дрейера. Мейер всегда очень хорошо отзывался о Дрейере и в интервью 1950-х годов выражал сожаление, что последний не пригласил его играть в «Слове».

В роли дочери Виктора снялась Карин Неллемосе, что стало ее дебютом в кино. Любопытно, что в 1942 г. был снят римейк «Уважай жену свою», в котором Матильда Нильсен вновь сыграла няню, а Карин Неллемосе на этот раз – жену Виктора.

Съемки продолжались с 21 марта по 15 июля 1925 г. и заняли на 15 дней меньше, чем планировалось. Дрейер любил упоминать об этом как о факте, противоречащем общему мнению, что он слишком долго снимает свои фильмы. В интервью 1928 г. Дрейер говорил, что фильм стоил 78 000 крон⁷³ – совсем недорого, учитывая, например, что «Страницы из книги Сатаны» стоили шесть лет назад в два раза дороже.

Премьера «Уважай жену свою» состоялась 5 октября 1925 г., и публика аплодировала после показа. Фильм демонстрировался в Копенгагене в течение трех недель. Журналисты написали в целом доброжелательные (но отнюдь не восторженные) рецензии, выделяя высокую степень реалистичности и игру Матильды Нильсен. В них отмечалось, что копенгагенская публика хорошо приняла фильм в силу своего патриотизма, и делался вывод, что фильм едва ли будет иметь хоть какой-то успех за рубежом. Но все оказалось иначе.

В феврале 1926 г. в Париже был устроен закрытый показ «Уважай жену свою» для директоров кинотеатров и критиков. Лента сразу же вызвала огромный энтузиазм, и 150 кинотеатров заявили о желании ее демонстрировать. Французская премьера состоялась 26 марта в Париже и одновременно в 72 провинциальных кинотеатрах.

Дрейер вместе с Марселем л'Эрбье присутствовал на одном из сеансов в кинотеатре на Елисейских Полях, во время которого разделившаяся на два лагеря публика подняла такой шум, что демонстрацию на время пришлось прервать. И только после сеанса л'Эрбье объяснил испуганному Дрейеру, что такая реакция публики говорит в его пользу и служит хорошей рекламой⁷⁴.

Французские критики превратили успех в настоящий триумф, превознося фильм как «исследование характеров». Прокатчики заинтересовались прежними фильмами Дрейера, и один из них купил права на «Михаэля». «Уважай жену свою» с успехом (хотя и не таким громким, как во Франции) прошел и в других европейских странах, и наконец-то за Дрейером закрепился статус режиссера международного уровня.

13. Импровизация: «Невеста из Гломдала»

Уже в начале 1926 г. успех «Уважай жену свою» позволил Дрейеру заключить контракт с французской компанией Société Générale de Films на съемки «Страстей Жанны д'Арк», но до этого он успел снять еще один фильм (на этот раз в Норвегии) – «Невесту из Гломдала» («Glomdalsbruden», 1926).

Этот проект возник очень неожиданно. Кому-то пришла идея снять фильм с ведущими норвежскими театральными актерами, которые были свободны на время театральных каникул. Формально в качестве компании, выпустившей фильм, значится никому не известная Victoria-Film (Осло), но на самом деле финансировала проект AB Svensk Filmindustri⁷⁵, вместе с которой Дрейер снимал (тоже в Норвегии) «Вдову пастора».

Возможно, именно из-за хороших воспоминаний о том лете в Норвегии Дрейер и принял это предложение, а возможно, он все еще не был уверен, что легко сможет найти другой проект. Но, так или иначе, Дрейер согласился – хотя условия, в которых должен был сниматься фильм, противоречили многим уже устоявшимся принципам его работы.

Дело в том, что не только не существовало сценария (и не имелось времени на его написание), но и не было даже точно известно, что именно предполагалось снимать. Организаторы заручились лишь согласием актеров Стаба Виберга и Харальда Стурмоэна участвовать в съемках. Оба никогда ранее не снимались в кино, а для Виберга его роль в «Невесте из Гломдала» так и осталась единственной.

Первоначально предполагалось экранизировать пьесу «Банкротство» («En Fallit», 1874) норвежского писателя, лауреата нобелевской премии, Бьёрнстjerne Бьёрнсона⁷⁶. Однако этот сюжет оказался слишком сложным, чтобы можно было уложиться в диктуемые ситуацией сжатые сроки, поэтому Дрейер предложил использовать повесть норвежского писателя Якоба Булля «Невеста из Гломдала» (1908). Некоторые сюжетные ходы для фильма были взяты из другой повести Булля «Пойманная Элине» («Eline Vangen», 1906) – с разрешения автора.

Буль, выросший в семье священника, имевший ученую степень по теологии и работавший журналистом, был в начале XX века известным в Норвегии писателем, популярность которого уступала разве что Кнуту Гамсуну. Повести и романы Булля можно отнести к неоромантическому направлению в норвежской литературе. В них описывались, главным образом, истории из жизни простых людей, а также исторические предания о норвежских народных героях. Повесть «Невеста из Гломдала» вошла в десяток изданий и была хорошо известна в Норвегии.

Сам Дрейер так охарактеризовал основную идею фильма:

«И я снова вернулся к норвежскому и шведскому кинематографу; я отправился в Норвегию снимать на шведские деньги «Невесту из Гломдала» Булля с двумя чудесными актерами, ныне покойными, Стабом Вибергом и Харальдом Стурмоэном, которые должны были играть богатого крестьянина и бедного крестьянина, чьи дети любят друг друга. Оба они живут на разных берегах реки, богатый – на той стороне,

где раскинулись луга, над которыми летают пчелы, а вокруг растут березы, бедный – на каменистой стороне, где земля скудная и суровая, и растут ели и сосны. Я хотел показать в фильме сына бедного крестьянина в окружении суровой природы и дочь богатого в более мягком окружении; на заднем плане у юноши – сосны и ели, у девушки – березы и пчелы. Она сама ранимая и гибкая как береза, а он – стойкий и прочный, как коренастая ель. Похожий замысел был и в моем первом фильме»⁷⁷.

Подбор актеров занял всего несколько дней. Участие Стаба Виберга и Харальда Стурмоэна планировалось изначально, но остальных актеров Дрейер выбирал сам. На главную роль Торе Бротена Дрейер пригласил Эйнара Сиссенера, известного комического театрального актера, хотя роль совсем не была комической. Сиссенер, никогда ранее не снимавшийся в кино, с энтузиазмом принял предложение, поскольку ему было интересно выйти за рамки привычного амплуа. Жену героя Харальда Стурмоэна сыграла жена актера, Альфхиль Стурмоэн.

Норвегия в то время все еще не имела не только развитой кинопромышленности, но даже киностудии. Для интерьерных съемок Дрейеру пришлось использовать крепость Акерсхус в Осло, построенную в XVII в., поскольку там имелись наиболее удобные (из имевшихся) крытые помещения. Натурные сцены снимались в Эстердалене, районе Норвегии, где жил и работал сам Буль. Через этот район протекает несколько рек, и одна из них, Гломма, дала название повести и фильму (Гломдал означает «долина Гломмы»).

Кажется, все участники сохранили хорошие воспоминания о съемках и о сотрудничестве с Дрейером. Лишь немногие из них имели ранее опыт работы в кино. Драм приводит в биографии Дрейера воспоминания двух участников съемок.

Сиссенер на вечере, посвященном 75-летию Дрейера, вспоминал (в присутствии последнего):

«Да, я дебютировал в кино в фильме Карла Теодора Дрейера. Это была «Невеста из Гломдала». Я играл молодого человека, главного героя, и в конце фильма я оказывался на лошади в реке с сильным течением недалеко от водопада; лошадь сбрасывала меня, и я должен был плыть против течения. Для этой сцены был нанят чемпион Норвегии по плаванию. Но, когда дошло до съемок, он не рискнул плыть. Я в то время был в Осло, в Национальном театре. Вдруг звонил телефон. Звонил Карл Т. Дрейер. “Здравствуйте, Сиссенер. Ваша жизнь застрахована?” “Нет”, – ответил я. “Пойдите и застрахуйтесь прямо сейчас. Попрощайтесь с семьей, возьмите с собой две бутылки коньяка и ничего не говорите директору театра. Вы должны играть в сцене с водопадом”. Я приехал. Съемки проходили в сентябре и заняли пять дней. Коньяк Дрейер дал лошади. Мне досталось только лекарство от кашля. Да, Дрейер мог добиться от людей того, чего хотел. Дай Бог ему здоровья»⁷⁸.

На долю Эйнара Твейто, игравшего соперника героя Сиссенера, выпали не столь тяжкие испытания:

«В фильме Тове Теллбак, прекрасная, как сон, едет в церковь на белой лошади. Мне поручили найти белую лошадь, и режиссер сказал, что она должна быть белоснежной, по-настоящему белоснежной. Я прочесал всю долину, и нашел самую белую лошадь

из всех возможных, она паслась неподалеку на лугу. Фермер должен был подойти вместе с лошастью в день съемок. Был летний солнечный день. Многие в Эстердалене нарядились в национальные платья по этому случаю, и вышли на улицу, и никто даже не думал о какой-нибудь плате. Эстердаленцы – это эстердаленцы, они не алчные. На пути к Ханнестаду, где должна была сниматься эта сцена, мы остановились, и режиссер воспользовался этим, чтобы спросить меня о лошади, и о том, действительно ли она белоснежная. “Ну, фермерские лошади никогда не бывают летом совсем уж белоснежными”, – сказал я, – “обычно они немного крапчатые”. Ну, это привело его в ярость, и он сказал, что я хочу угробить фильм. Мы оба вспыхнули.

Ну, мы двинулись дальше, и подошел крестьянин с лошастью, и режиссер очень расстроился, и пошел к телефону, и стал звонить на север и на юг в поисках абсолютно белоснежной лошади. Он звонил два часа – в Эльверум, Хамар и Лиллехаммер. В Лиллехаммере обратились в цирк, и там нашлась “белоснежная” лошадь. Режиссер хотел, чтобы ее прислали на специальном поезде, но туда было 25 миль, и это оказалось невозможно.

Тем временем, семьдесят эстердаленцев терпеливо стояли и ждали. И тут мне пришла блестящая мысль. Я пошел в деревенский магазин и купил десять фунтов цинковых белил и кисть. Я поставил лошадь перед амбаром и выкрасил ее в “белоснежный” цвет с ног до головы. Закончив, я гордо вывел лошадь. Режиссер вышел и посмотрел на мой шедевр. Он был в легком замешательстве.

Страницы из норвежской программки «Невесты из Гломдала».

Наконец-то мы были готовы к съемкам, но сперва нужно было пройти полмили через лес. Краска высохла, и пока мы шли между деревьев, ветки и листья задевали ноги и туловище лошади, так что ее вид несколько изменился. Когда я пришел с лошадью, режиссер сказал: "Господин Твейто, я просил вас привести лошадь, а вы пришли с зеброй". И лошадь действительно выглядела немного похожей на зебру. Так что пришлось загнать ее в реку и отмывать шампунем"⁷⁹.

Премьера «Невесты из Гломдала» состоялась 1 января 1926 г. в Осло и 15 апреля 1926 г. в Копенгагене. Отзывы критиков были, в целом, положительными, хотя газеты не уделили этому фильму особенного внимания. Сам Дрейер не присутствовал на копенгагенской премьере, поскольку согласно подписанному контракту с французской компанией Société Générale de Films он должен был начать работу над новым фильмом как раз 15 апреля.

14. Авангард: «Страсти Жанны д'Арк»

До первой мировой войны Франция, по праву претендующая на звание родины кинематографа, уверенно лидировала в сфере кинопроизводства. Братья Люмьер не относились к кинематографу серьезно и рассматривали его как аттракцион. Но быстро нашлись другие предприниматели, поставившие их изобретение на промышленную основу: братья Патэ (Pathé-Frères), известные производители граммофонных пластинок; Леон Гомон, выпускавший фотопластинки и фотооборудование; и иллюзионист Жорж Мельес, сразу оценивший «магические» возможности кино. В довоенном французском кино правили капиталисты, а не романтики, и с 1909 г. Мельес, утративший самостоятельность, вынужден был работать на братьев Патэ, а в 1914 г. вообще продал свою студию.

Pathé-Frères стала крупнейшей кинокомпанией в мире. Уже в 1906–1907 гг. она выпускала до дюжины фильмов в неделю и продавала их сотнями экземпляров. Вскоре она открыла филиалы по всему миру. Второе место по кинопроизводству удерживал Gaumont, несмотря на то, что к концу 1900-х гг. во Франции появилось множество кинокомпаний. Некоторые из них ставили своей целью превратить кино в искусство – в первую очередь, здесь можно назвать Film d'Art (созданную не без участия Pathé-Frères), на которой в 1908 г. был снят нашумевший фильм «Убийство герцога Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise») с участием ведущих актеров Комеди-Франсез.

Первые тревожные симптомы появились еще в 1911 г., когда Франция начала медленно, но неуклонно

терять американский рынок в связи с развитием американского кино. С началом первой мировой войны ситуация приняла катастрофический характер. В августе 1914 г. в связи со всеобщей мобилизацией французское кинопроизводство было в буквальном смысле остановлено. И хотя крупнейшие компании восстановили производство в 1915 г., о довоенном уровне уже не было и речи. Помимо вполне понятных трудностей военного времени французские кинопромышленники столкнулись с жесткой конкуренцией американских дистрибьюторов, которые привезли во Францию американские фильмы, быстро завоевавшие популярность.

Борьба оказалась неравной, и в 1923 г. Pathé-Frères окончательно прекратила выпуск своих фильмов. Gaumont продержался чуть дольше, – благодаря популярным сериалам, которые снимал Луи Фейад, – но после смерти последнего в 1925 г. тоже практически прекратил собственное производство, выпустив в последние годы лишь несколько фильмов.

Но еще во времена господства Pathé-Frères и Gaumont, принципиально не распространявших фильмы других компаний, возникли прокатные компании, имевшие свои сети кинотеатров, в которых они показывали фильмы мелких кинопроизводителей. В первую очередь здесь нужно отметить деятельность Луи Обера, который в 1910 г. основал «Compagnie générale du cinématographe».

Благодаря этим прокатным компаниям после войны появилось множество мелких «независимых» кинопроизводителей, некоторые из которых умудрялись даже процветать. Жак де Баронселли, Жермина Дюлак, Леонс Перре, Абель Ганс, Жак Фейдер, Луи Деллюк,

Жан Ренуар, Марсель л'Эрбье, Жан Эпштейн, – все они работали в 1920-х годах преимущественно в небольших кинокомпаниях, иногда – собственных, зачастую самостоятельно привлекая средства, и в некоторых случаях – значительные. Так Жак Фейдер получил на съемки «Атлантиды» («L'Atlantide», 1921) два миллиона франков (огромные деньги, во много раз превышающие бюджет не только среднего французского, но и американского фильма той поры) через своего кузена – директора крупного банка.

На этом фоне выделилось несколько более крупных компаний. Кинокомпания Société des Cinéromans, основанная в 1918 г. при участии Гастона Леру, но выкупленная у него в 1922 г., начинала с производства исторических сериалов. Эта деятельность оказалась столь коммерчески успешной, что в конце двадцатых Société des Cinéromans стала одной из ведущих французских кинокомпаний, на ней были сняты, в частности, «Деньги» («L'Argent», 1928) л'Эрбье и «Казанова» («Casanova», 1927) Волкова, а всего в 1922–1929 гг. она выпустила около 50 фильмов.

Группа русских эмигрантов выкупила студию Pathé-Frères в Монтрёй и преобразовала ее сначала в компанию Films Ermolieffand, а затем в Films Albatros, ключевыми фигурами которой стали Александр Волков и Иван Мозжухин. Однако компания сотрудничала и с другими режиссерами. Так, например, Жак Фейдер снял на ней три фильма.

Еще один русский эмигрант, которого, по всей видимости, звали Яков Гринев (во французской транскрипции – Jacques Grinieff), вложил в 1923 г. большие средства в создание кинокомпания Société des Films

Historiques, которая заявила, что ее цель – «визуально воспроизвести всю историю Франции». Первый фильм Société des Films Historiques – «Чудо волков» («Le Miracle des loups», 1924) стал самым популярным фильмом 1924 г. Именно Гринев позднее сыграл значительную роль и в создании кинокомпании Société Générale des Films, финансировавшей «Страсти Жанны д'Арк» Дрейера.

Но, несмотря на такое обилие имен, французских фильмов в 1920-х гг. выходило очень мало. И число их сокращалось. Так, в 1921 г. было произведено 150 фильмов, в 1922 г. – 130, а в 1925 г. – только 55. Даже Германия производила в два-три раза больше фильмов, не говоря уже о США. При этом если немецкая кинопромышленность в 1923 г. удерживала 60 % своего рынка, а в 1926 г. – 40 %, то французские ленты составляли по метражу всего 10-20 % от того, что было во французском прокате. Разрозненные мелкие французские кинопроизводители, к тому же лишенные какой-либо государственной поддержки, не могли противостоять экспансии американских фильмов.

С другой стороны, при отсутствии жесткой студийной производственной системы, французские режиссеры пользовались относительной свободой в своих творческих поисках⁸⁰. Начало 1920-х гг. характеризуется развитием импрессионизма*, дань которому в той или

* В 1925–1926 гг. этот термин стал использоваться, чтобы обозначить определенный тип фильмов и определенную стадию развития французского кино вообще. Согласно Дюлак, импрессионистские фильмы – это психологические фильмы, которые ставят персонаж в определенную ситуацию, чтобы проникнуть в глубины его внутренней жизни через изображения света, тени, цветов и прочих, казалось бы, внешних атрибутов.

иной степени отдали Луи Деллюк, Жермена Дюлак, Абель Ганс, Марсель л'Эрбье и Жан Эпштейн. Их фильмы, часто оставаясь в рамках жанра мелодрамы по содержанию, отличались новаторской формой.

После 1924 г. в кино к импрессионистам добавилось много новых экспериментальных течений – сюрреалисты, дадаисты и многие другие, все те, которых сегодня обобщенно называют «авангардом». Этим термином мы обязаны л'Эрбье, который во время полемики, развернувшейся вокруг его фильма «Эльдорадо» («Eldorado», 1921), заявил, что направление, к которому принадлежит «Эльдорадо» является авангардом французского и мирового кино.

В 1920-х гг. во Франции сложилась целая сеть для распространения, как сейчас ска-зали бы, "другого кино" – у него были свои критики, свои клубы, свои журналы, и даже свои кинотеатры. Но разделение на коммерческие фильмы

и авангард не было таким жестким, как сейчас. Если режиссер коммерчески успешных фильмов участвовал в работе кино-клубов, выступал с лекциями, о нем начинали говорить, как о лидере авангарда. То же самое происходило и в случае, если его фильм высоко оценивали некоторые критики, в первую очередь Леон Мусинак, или если фильм показывали в кинотеатре Vieux-Colombier – центре показа авангардных фильмов.

Обложка одного из многочисленных французских киножурналов.

Одним из наиболее интересных французских режиссеров того времени являлся, безусловно, Абель Ганс. В начале 1925 г. он начал снимать свой самый амбициозный и самый масштабный фильм – «Наполеон» («Napoleon», 1927). Однако в ноябре из-за отсутствия финансирования съемки пришлось приостановить. И тут на помощь Гансу пришел Гринева. При активном участии Гринева была организована новая компания Société Générale des Films, благодаря которой Ганс и смог завершить съемки первых двух частей своего фильма (всего их планировалось восемь, но остальные так никогда и не были сняты). Премьера состоялась в 1927 г.

Société Générale des Films объединила в себе представителей Pathé-Frères, Gaumont и французской аристократии, совет директоров возглавил потомок одного из древних французских родов граф д'Эйен. Компания предоставляла режиссерам уникальные для того времени возможности: огромные бюджеты и практически полную независимость. После того, как съемки «Наполеона» были завершены, компания решила пригласить Дрейера для постановки следующего фильма, что было в существенной степени вызвано большим успехом, который имел во Франции его фильм «Уважай жену свою».

Для работы над фильмом Дрейер переехал в Париж вместе с семьей – женой и двумя детьми, двенадцатилетней Гунни и четырехлетним Эриком. Семья поселилась в небольшой квартире на улице Маронье⁸¹, неподалеку от Булонского леса. Вскоре Гунни отправили в Оксфорд, в "хорошую женскую школу", как вспоминал Дрейер⁸², где она проучилась около года, пока не заболела полиомиелитом. По мнению Дрейера, Гунни

не получила в Оксфорде должного лечения, и он был вынужден приехать за ней сам и привезти французского врача. По словам Дрейера, его дочь полностью поправилась, и затем училась уже во французской школе.

Почти сразу же после переезда в Париж Дрейер посмотрел «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна, который впечатлил его множеством деталей, но в целом не понравился из-за второстепенной роли сюжета. Дрейер также посмотрел несколько сцен из «Наполеона» Ганса, о чем написал заметку, опубликованную в датской газете Politiken 1 мая 1926 г. В ней он особенно хвалил реалистичность батальных сцен. А на следующий день в журнальном приложении к Politiken вышла большая, на разворот, статья Дрейера о французских фильмах.

Из статьи видно, что Дрейер очень оптимистично смотрел на современный французский кинематограф. По его мнению, после периода увлечения исключительно фотографической, технической стороной кинематографа, французские режиссеры вернулись к задаче выражения человеческих эмоций. При этом теория не отставала от практики. Дрейер считал, что этот новый расцвет французского кино принципиально отличался от расцвета кино немецкого в начале 1920-х гг., ведь в немецких фильмах *«единственной жизненной силой было желание произвести впечатление, надежда подавить. Но ни один из фильмов того времени, которые сопровождалась огромной шумихой, не сохранил свое значение как монумент. И "Варьете", на долю которого недавно выпал столь большой успех, не смотря на этот успех, не выводит немецкое кино вперед»*⁸³.

В первые же недели пребывания во Франции Дрейер посетил студию Абеля Ганса в Бьянкуре, про которую написал, что она *«технически оснащена лучше любой берлинской студии и, вероятно, на том же уровне, что и американские»*. Он восхищался размахом съемок, а также высоко оценил режиссерский талант Ганса, который был способен так грамотно подготовить съемку батальных сцен с участием от 500 до 800 статистов, что обходился без репетиций и дублей.

Подготовка к съемкам своего фильма заняла у Дрейера чуть больше года. Сначала он предполагал экранизировать пьесу Викторьена Сарду «Тоска» («La Tosca», 1887), но компания не согласилась и предложила на выбор три персонажа – Екатерину Медичи, Марию Антуанетту и Жанну д'Арк. Фильмы и сериалы на исторические темы пользовались во Франции большой популярностью, и, помимо того, очевидно, были личным пристрастием Гринева.

В разных интервью Дрейер по-разному рассказывал о том, как был сделан выбор: то ли они тянули жребий, то ли его сразу же привлекла личность Жанны д'Арк, интерес к которой в те годы возрос в связи с ее канонизацией 16 мая 1920 г. папой Бенедиктом XV. Были подняты исторические материалы, вышло несколько книг, да и фильм Дрейера не стал единственным – параллельно с ним снималась еще одна постановка об Орлеанской Деве – «Удивительная жизнь Жанны д'Арк» («La merveilleuse vie de Jeanne d'Arc», 1929), что даже дало повод для карикатуры в «La critique cinematographique».

В 1925 г. вышла книга Жозефа Дельтеля «Жанна д'Арк» («Jeanne d'Arc»), не претендующая на большую

глубину и рассчитанная на широкую публику. Роман завоевал определенную популярность и получил "женскую" премию Фемина*, а сюрреалисты исключили за него Дельтеля из своего кружка. Société Générale des Films купила права на экранизацию и предполагала, что Дельтель будет сотрудничать с Дрейером при написании сценария. Дельтель действительно написал свой вариант «Страстей Жанны д'Арк», в который полностью включил две главы из книги.

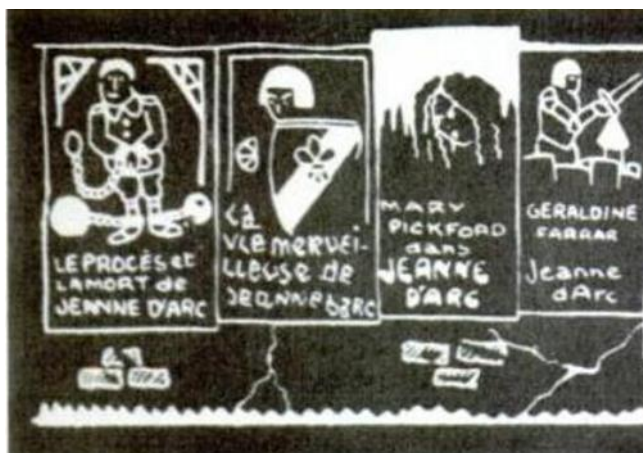
Оставаясь в первую очередь поэтом, Дельтель стремился уйти от приземленности исторических документов. Дрейеру не был близок этот стиль, сотрудничество с французским писателем продолжалось всего лишь около месяца. Впрочем, формально Дельтель остался в качестве сценариста в титрах, тем более, несколько мест в фильме позаимствовано непосредственно из его текста, например, соломенная корона и тень на полу камеры Жанны в форме креста⁸⁴.

По мнению Мориса Друзи, Дрейер собственноручно написал сценарий «Страстей Жанны д'Арк», поскольку в сохранившемся оригинале присутствуют грамматические ошибки, которые едва ли мог сделать француз. Главным образом, Дрейер основывался на исторических документах – протоколах процесса над Жанной д'Арк 1431 г. и оправдательного процесса 1455 г., предпринятого по приказу Карла VII. Консультантом сценария выступил историк Пьер

* Премия Фемина (фр. Prix Femina) – французская литературная премия, учрежденная в 1904 г. 22 сотрудниками журнала "Счастливая жизнь" (ныне "Фемина") во главе с Анной де Ноай. По замыслу основательниц, Фемина должна была составить альтернативу исключительно "мужской" Гонкуровской премии.

Шампион*, опубликовавший в 1920 г. текст процесса над Жанной с переводом и примечаниями.

Протоколы процесса фигурируют в самом начале фильма, почти сразу же Дрейер показывает и писца, который является сквозным персонажем. Все это служит

Карикатура в «La critique cinematographique», которая представляет Жанну д'Арк в исполнении Мэри Пикфорд, Асты Нильсен, Джеральдины Фаррар и даже Чарли Чаплина.

цели придать фильму максимальную "документальность". С этой же целью фильм вышел без вступительных титров. Не были названы не только актеры, но и персонажи, которых они играли, хотя к настоящему моменту историки кино назвали исторические имена всех персонажей. Даже в интервью Дрейер очень редко называл персонажей по именам, вероятно, желая создать некие обобщенные образы, а не рассказать конкретную историю.

Однако сценарий, конечно же, не является полным кинематографическим эквивалентом протоколов. Во-первых, Дрейер оставил только ключевые моменты и "сжал" несколько месяцев суда над Жанной в один день, а 29 заседаний – в одно. Во-вторых, из трех основных направлений, по которым обвинялась Жанна, Дрейер оставил обвинения только по одному – теологическому. В фильме ничего не говорится ни о политике – роли, которую сыграла Жанна в Столетней войне, ни о ведьмовстве – Жанну обвиняли и в том, что она ведьма, что было, кстати говоря, довольно редким обвинением в середине XV в.* Не все интертитры, которые есть в фильме, взяты непосредственно из протоколов. Так, например, в протоколах не зафиксированы слова Жанны о том, что она была призвана Господом для спасения Франции. Вероятно, Дрейер, и так очень отклонившийся от канонического изображения Жанны из французских школьных учебников (где она предстала либо в виде рыцаря, ведущего французскую армию к победе, либо в виде девы, слышащей Голоса), хотел подчеркнуть ее роль как национальной героини Франции. Другой пример – один из судей, хотя и выступал в защиту Жанны

* Охота на ведьм началась столетие спустя.

на процессе, не провозглашал ее святой, как это произошло в фильме, что явно является ссылкой на современную Дрейеру позицию католической церкви⁸⁵.

Интересен момент и с подписью Жанны на признании. Дрейер постарался скопировать подлинную подпись Жанны с одного из писем. Крест, поставленный ею в конце, вероятно, имеет особый смысл. Из исторических документов (и в том числе из материалов процесса) известно, что Жанна ставила крест на посланиях к своим войскам как знак того, что ее распоряжения в этом письме не должны выполняться⁸⁶.

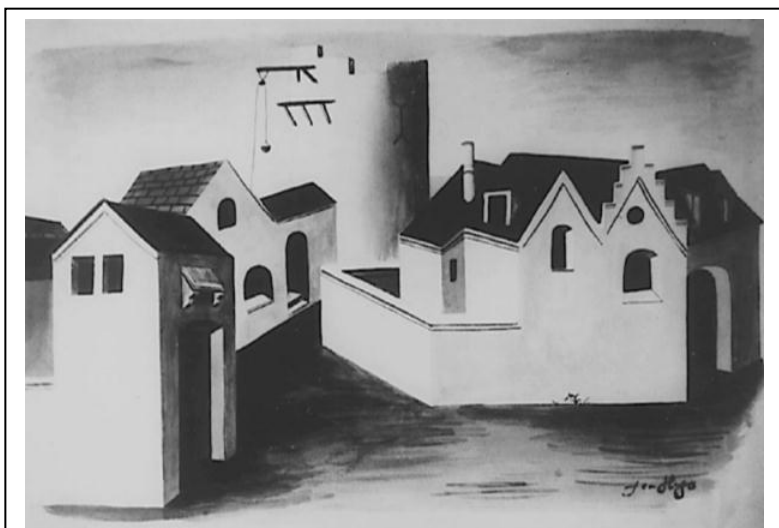
Для работы над декорациями Дрейер привлек француза Жана Гюго и немца Германа Варма. Жан Гюго, внук Виктора Гюго, – художник, иллюстратор, театральный дизайнер. Он входил в парижские художественные круги, работал в начале 1920-х гг. над дизайном пьес Жана Кокто и Раймона Родиге, был близко знаком с Пабло Пикассо, Марселем Прустом, Эриком Сати, Блезом

Иллюстрация из «Приключений сэра Джона Мандевиля».

Сардаром и многими другими писателями, художниками, театральными деятелями своей эпохи. Герман Варм работал в кино с 1912 г., получил известность как дизайнер или художник-постановщик многих фильмов немецкого экспрессионизма, в том числе «Кабинета доктора Калигари» Вине и «Усталой смерти» («Der müde Tod», 1921) Ланга.

Вине предложил использовать в качестве художественной основы для декораций иллюминированные рукописи XV века, и в первую очередь «Приключения сэра Джона Мандевиля» («Livre des merveilles du monde») – знаменитую средневековую книгу путешествий, написанную в середине XIV века, и неоднократно переписанную в XV веке⁸⁷. Другой называет другой манускрипт XV века, «Великолепный часослов герцога Беррийского» («Très Riches Heures du Duc de Berry»), хранящийся недалеко от Парижа в музее Конде,

Эскиз декораций Жана Гюго (Датский институт кинематографии).

но внешний вид башни и то, что декорации были выкрашены снаружи в розовый цвет (который на черно-белой пленке кажется светло-серым), напрямую отсылает нас к миниатюре из «Приключений Сэра Джона Мандевиля».

Следуя средневековым манускриптам буквально, Варм предложил сделать здания непропорционально маленького размера по сравнению с людьми и внести определенные искажения – так, окна и двери в фильме никогда не имеют строго прямоугольную форму, стены наклонены, что немного напоминает не только миниатюры из иллюминированных рукописей, но и декорации «Кабинета доктора Калигари».

В 1965 г. DFI купил у Варма сохранившиеся макеты декораций, фотографии которых можно посмотреть на сайте DFI, посвященном Дрейеру. В том же 1965 г. Варм вспоминал о своем сотрудничестве с Дрейером:

«Дрейер на настоящий момент является одним из режиссеров, которые немало сделали для визуального становления кино. Он повлиял на меня как

Макет декораций, переданный Вармом DFI.

дирижер, который руководит оркестром и знает, когда должен вступить каждый инструмент. Наша совместная работа над “Страстями Жанны д’Арк” была самой прекрасной в моей жизни»⁸⁸.

Художником по костюмам стала жена Жана Гюго – Валентин, тоже театральный дизайнер и иллюстратор, дружившая с Полем Элюаром и принадлежавшая к кружку сюрреалистов. Дрейер хотел, чтобы костюмы были аутентичными для XV века, но чтобы при этом они выглядели вполне современно и в двадцатом. Это оказалось не так уж трудно. Например, выяснилось, что шлемы английских солдат в Столетнюю войну не сильно отличались от тех, которые они носили в первую мировую.

Впрочем, Дрейера не смущали и явные анахронизмы – например, один из монахов в фильме носит

Дрейер на фоне декораций «Страстей Жанны д’Арк».

вполне современные очки. Дрейер неоднократно говорил впоследствии, что не хотел, чтобы «Страсти Жанны д'Арк» стали костюмным фильмом:

«Было необходимо тщательно изучить документы реабилитационного процесса, а не костюмы той эпохи и т.п. Мне кажется, важен не столько год, когда это происходило, сколько сам факт его удаленности от настоящего. Я хотел сделать интерпретацию гимна триумфа духа над жизнью. Это должно вытекать из неслучайно подобранных странных крупных планов. Все эти кадры отражают характер героини и дух того времени. Чтобы добиться правды, я обошёлся без приукрашивания. Моим актерам было запрещено прикасаться к гриму. Я также отбросил традиционный способ сооружения декораций. Все декорации были созданы до начала съемок, и фильм был отснят с первой до последней сцены в правильном порядке. Оператор Рудольф Мате понял требования, исходящие от психологической драмы в крупных планах, и сделал то, что я хочу, воплотил мои чувства и мысли: реалистичный мистицизм»⁸⁹.

Декорации для павильонных съемок были построены в пригороде Парижа – Бийанкуре, в пустующем фабричном здании, принадлежащем автомобильной компании Рено. Натурные съемки проходили в другом пригороде Парижа, Пети-Кламаре. В настоящее время он застроен жилыми домами, а в 1926 г. там был возведен настоящий средневековый город, с домами, башнями, крепостной стеной в форме семиугольника, окружающим стену рвом с водой и подъемным мостом. В центре располагался церковный двор, на котором сожгли Жанну. Все было построено очень основательно,

из цемента и бревен, стены могли выдержать вес техников и камер. Ральф Холм, один из помощников режиссера, вспоминал, что после окончания съемок декорации пришлось взрывать с помощью динамита⁹⁰.

Однако во время съемок построенный город пришлось «испортить» – в стенах нужно было просверлить множество отверстий, чтобы камеры могли снимать сцены с нужного ракурса. Из-за этого французские техники прозвали Дрейера «Грюйер» – в честь знаменитого швейцарского сыра⁹¹. Также было вырыто множество траншей для съемок с нижнего ракурса. Но, несмотря на то, что эти декорации стали на тот момент самыми дорогими в истории французского кино и создали много технических проблем при съемках, в фильме они практически не видны. Город был нужен Дрейеру в большей степени для того, чтобы создать на съемочной площадке атмосферу подлинности, к чему он стремился и в своих предыдущих фильмах, а не для того, чтобы показать его на экране. Однако продюсеров очень расстроили бессмысленные (с их точки зрения) затраты, и о Дрейере пошла слава, как об очень дорогом и экстравагантном режиссере.

В качестве оператора картины Дрейер выбрал Рудольфа Мате, второго оператора «Михаэля». Мате сотрудничал с Карлом Фройндом, первым применившим движущуюся камеру в Германии. Технический персонал был так же очень квалифицированным, многие из сотрудников работали над «Наполеоном» с Абелем Гансом (французским пионером в работе с движущейся камерой). Таким образом, в распоряжении Дрейера оказались передовые технические достижения кинематографии двух разных школ.

Как и прежде, Дрейер сам подбирал актеров для фильма. Основная проблема заключалась в том, чтобы найти исполнительницу на главную роль. Сам Дрейер был уверен, что узнает нужную актрису, когда увидит, но формальные требования предъявить заранее не мог.

Каспер Тюбьерг в комментарии к фильму говорит, что продюсеры хотели пригласить на роль Жанны какую-нибудь американскую «звезду» и рассматривали кандидатуру Лилиан Гиш. Эти слухи вызвали негодование среди французских националистов, которые, впрочем, не меньше были возмущены и тем, что фильм о Жанне будет снимать датчанин. Переговоры велись, в частности, со знаменитыми французскими театральными актрисами Мадлен Рено и Мари Бель⁹², но они отказались, напуганные перспективой работать под руководством такого необычного человека, как Дрейер. Но вот, наконец, поиски завершились – Дрейер встретил Рене Фальконетти. Сохранились воспоминания обоих участников этой встречи.

Мадлен Рено (1900–1994)

Мари Бель (1900–1985)

Дрейер:

«Тогда кто-то сказал, что мне нужно посмотреть на Фальконетти в одном из бульварных театров. Она играла в Театр де Пари, феминистку в комедии Виктора Маргерита^{}. Я пошел посмотреть на нее. Она была элегантна, прелестна, парижанка с головы до ног, но что-то в ней меня очаровало. Я спросил, могу ли я прийти к ней домой, и она согласилась. Я пришел и понял, что заинтересован в ней как в актрисе на эту роль. Я попросил ее прийти на следующий день в студию на пробы совершенно без макияжа. Она приехала, но полностью накрашенная. Но мне понравилась ее личность, скрывавшаяся за косметикой. Мне понравилось ее обнаженное лицо. Я пришел в большое волнение от результатов проб, потому что увидел в них так много всего. Но она сказала, “о, я страшнее, чем я думала”. И все же, я видел больше и предложил ей роль. Руководство студии сопротивлялось, но я сказал, что беру на себя всю ответственность за это решение, и, в конце концов, они согласились. Фальконетти боролась за высокий гонорар и получила его. Она была очень умной женщиной. Не знаю, что именно я увидел в ее лице, но почувствовал, что никого лучше мне не найти. Она не играла для меня, она просто использовала свое лицо»⁹³.*

Фальконетти:

«Жанна д’Арк была моей первой ролью в кино, хотя у меня и было раньше несколько предложений, и делались пробные снимки, но после них продолжения

^{*} Речь идет о комедии по роману «Холостячка» («La Garçonne», 1922). Публикация романа вызвала во Франции столь бурный скандал, что он стоил автору Ордена Почетного Легиона.

никогда не следовало. Я спрашивала, почему, и мне говорили, что мое лицо не подходит для кино. Через друга, молодого писателя, я познакомилась с его соотечественником Карлом Теодором Дрейером. Я пригласила его на чай, и когда он увидел меня впервые, он попросил меня встать, обошел вокруг меня, посмотрел на меня при всех возможных освещениях, откинул мои волосы со лба, исследовал меня в мельчайших деталях, как никто до него. Я сказала ему, что едва ли я подхожу для кино, но он, казалось, не слышал. Он сказал, что ему не нужно совершенство и что мое лицо такое живое, что у него есть свой собственный микроклимат, чтобы сыграть Жанну д'Арк. И как только он сам подписал контракт, я, к моему огромному удивлению и восторгу, оказалась первой, кто был нанят»⁹⁴.

Рене Фальконетти. Почтовая открытка начала 1920-х.

Рене Фальконетти родилась в 1892 г. недалеко от Парижа в бедной семье и воспитывалась монашками, которые не приветствовали ее актерские наклонности. Наперекор всему она поступила в Консерваторию, где ее учителем был Эжен Сильвен, впоследствии тоже сыгравший в «Жанне д'Арк». Актерский дебют Фальконетти состоялся во время первой мировой войны, и ее карьера протекала успешно. Она играла в бульварных театрах в драмах и водевилях, в которых также много пела. На непродолжительное время она стала членом труппы

Комеди Франсэз, но затем вернулась в бульварные театры, так как предпочитала большую свободу в выборе ролей и амплу, чем мог предоставить ей национальный театр Франции.

На момент съемок «Страстей Жанны д'Арк» Рене Фальконетти исполнилось 34 года, и она была звездой бульварных театров; о спектаклях, в которых главную роль играла «Фалько», говорил весь Париж. Во время съемок Фальконетти, одетая по последней моде, в дорогих украшениях, приезжала на студию в роскошном белом лимузине. По воспоминаниям ее дочери, Рене Фальконетти всегда была экстравагантна и несколько неуравновешенна. Но на съемочной площадке она преобразалась, полностью сосредотачиваясь на работе.

После съемок у Дрейера жизнь Рене Фальконетти сложилась не очень счастливо. В 1929 г. на деньги своего покровителя она купила собственный театр, но быстро разорилась. Вскоре покровитель умер, и карьера Фальконетти пошла на спад: в начале 1930-х гг. парижская публика больше говорила об экстравагантности актрисы, чем о ее ролях. Однако до 1935 г. Фальконетти еще играла на сцене, в том числе роль Жанны д'Арк в спектакле театра «Одеон» по пьесе Сен-Жоржа де Бюелье. Затем она уехала из Франции и провела несколько лет в Италии и Швейцарии. Фальконетти была практически разорена, но по-прежнему вела легкомысленный образ жизни, строя несбыточные планы о громком возвращении на сцену. Она планировала уехать в США, но не смогла получить визу и вместо этого уехала в Южную Америку, сначала в Рио-де-Жанейро, затем в Буэнос-Айрес, где окончательно разорилась, предположительно, играя на бегах, и умерла в 1946 г.⁹⁵

Остальные актеры, приглашенные Дрейером, как правило, уже имели опыт работы в кино, многие из них снимались перед этим в «Наполеоне». В эпизодической роли одного из судей буквально на секунды на экране появляется Мишель Симон, один из самых знаменитых французских киноактеров 1930-х гг. «Страсти Жанны д'Арк» стали кинематографическим дебютом для двух известных театральных актеров – Андре Берли и упомянутого выше Эжена Сильвена, с 1916 г. сосьетера* Комеди Франсез и преподавателя актерской школы, сыгравшего роль председателя суда Пьера Кошона. Для Сильвена эта роль в кино оказалась единственной: вскоре после съемок, в 1930 г., он скончался. Непрофессионалов на этот раз практически не было, хотя роль английского губернатора Уорика Дрейер предложил русскому владельцу кафе, а в ролях горожан, ставших свидетелями сожжения Жанны, выступили русские беженцы, *«раны которых еще не зажили. И было не трудно заставить их прочувствовать эту ситуацию так, чтобы они заплакали»*⁹⁶.

Жана Массье, сочувствующего Жанне, сыграл Антонен Арто. Знаменитый французский писатель, поэт, режиссёр, художник и актер (который в начале тридцатых провозгласит концепцию «театра жестокости»), давно интересовался кино и впервые снялся в фильме «Матерь скорбящая» («Mater Dolorosa») Абея Ганса еще в 1917 г., а в «Наполеоне» играл роль Марата. В своих воспоминаниях Арто так отзывался о Дрейере:

«У меня остались незабываемые воспоминания о работе с Дрейером. На этот раз я работал

* От фр. sociétaire – актер театра "Комеди Франсез", имеющий право на часть доходов театра.

с человеком, который заставил меня поверить в правильность, красоту и человеческий интерес концепции. И что бы я ни думал о кино, о поэзии, о жизни, только теперь я осознал, что сейчас имею дело не с эстетикой, тенденциозностью, а с производением искусства, с человеком, который намерен пролить свет на самую мучительную проблему, которая только существует. Дрейер решил показать Жанну д'Арк как жертву одного из самых болезненных искажений, какие только могут быть – искажения божественных принципов, когда они проходят через мозги людей, неважно, называют ли себя эти люди Церковью, Правительством или как-то еще.

И модальность, чистая техника его работы были потрясающими, потому что, хотя я обнаружил, что Дрейер весьма требователен, я также увидел в нем не режиссера, а человека – в самом деликатном, человеческом и полном смысле этого слова. Дрейер был требователен к актерам, он пытался вселить в них дух снимаемой сцены, а затем давал им свободу направления, они могли рассматривать ее под любым личным углом – пока он верил, что сохраняется требуемый дух. В финальной сцене морального мученичества Жанны, перед казнью, в которой брат Массье спрашивает Жанну, верит ли она до сих пор, что попадет в рай, Дрейер знал, что тот уровень экзальтации, на котором Жанна общается с Массье, не является чем-то произвольным, а диктуется эмоциями самих фактов, и он и не думал как-то этому воспрепятствовать»⁹⁷.

Съемки начались 17 мая 1927 г. и продолжались около шести месяцев. Они проходили

Карл Дрейер и Рудольф Мате.

в хронологическом порядке сцен. На этот раз Дрейер не написал заранее поккадровую раскладку, как он делал ранее. В сценарии отдельные сцены (всего 219) были описаны как более-менее самостоятельные эпизоды, а не как набор планов. Конкретную реализацию сцены Дрейер разрабатывал непосредственно на съемочной площадке – возможно, сказался его опыт импровизации во время работы над предыдущим фильмом, «Невестой из Гломдала».

Сначала съемки продвигались очень медленно. Дрейер много экспериментировал вместе с Рудольфом Мате над техникой съемок крупных планов. Используемое ими оборудование было намного проще, чем то, которое они использовали в Берлине. Но Дрейер хотел все проверить сам; сначала он продвигался на ощупь,

основываясь на предчувствии того, что он хотел получить в результате.

Каждое утро актеры приезжали на съемочную площадку, переодевались, подновляли тонзуры, если требовалось (за этим Дрейер следил лично), и ждали. Большинство из них участвовали в съемках лишь раз в десять дней или даже реже. Это тоже привело к увеличению стоимости постановки – даже если актер появлялся на экране суммарно в течение одной минуты времени, он проводил в студии недели или даже месяцы. Общая стоимость фильма составила 9 миллионов франков. Для сравнения, многочасовой «Наполеон» Ганса с множеством батальных сцен стоил около 17 миллионов, а «Удивительная жизнь Жанны д'Арк», в которой показывалась вся жизнь Жанны, включая снятие осады Орлеана, а не только процесс и ее смерть, – 8 миллионов.

Каждая сцена переснималась по пять-десять раз, пока Дрейер не достигал желаемого результата. Дрейер настаивал, чтобы актеры в точности произносили реплики из сценария. Однажды Эжен Сильвен, чтобы подшутить над Фальконетти, начал говорить непристойности вместо своих реплик, но Дрейер прервал его, заметив, что нужно говорить в точности слова из сценария, потому что зрители могут прочесть их по губам.

Постепенно все стало складываться, съемочная группа привыкла к методам работы Дрейера. Больше всего он работал с Фальконетти, отсылая во время съемок всех, кто не был абсолютно необходим. Они часто задерживались в студии до глубокой ночи и вместе просматривали отснятый материал, думая, что можно улучшить. Реалистичность игры Фальконетти была

настолько поразительной, что после выхода фильма на экраны родилась легенда, согласно которой Дрейер чуть ли не пытал актрису, чтобы добиться нужной реакции. Эти слухи Дрейер вынужден был опровергать всю жизнь. Фальконетти действительно вжилась в роль, стала Жанной. Дрейер писал вскоре после премьеры: *«В ней я нашел то, что я мог бы, грубо говоря, назвать "реинкарнацией святой"»*⁹⁸.

Одной из центральных сцен фильма является та, в которой Жанне состригают волосы перед казнью. Дрейер рассказал Фальконетти об этой сцене с самого начала, и она согласилась; но когда дошло до дела, это оказалось непростым испытанием:

*«По мере того, как приближался момент, когда это должно было случиться, я все больше и больше впадала в отчаяние, и последние две ночи перед этим совсем не спала. Когда день настал, мои товарищи по съемочной группе прислали мне огромный букет, но это лишь еще больше меня расстроило. Но, наконец, это должно было случиться. Всех отослали прочь, и я села на стул. Я чувствовала себя как осужденная, чувствовала, что меня казнят. Мне не нужно было играть в этой сцене, достаточно было просто быть собой. Для женщины нет, наверное, ничего унижительней, чем дать состричь свои волосы».*⁹⁹

Дрейер построил фильм на использовании крупных планов, что было беспрецедентным для того времени. Уже в 1960-х гг. Дрейер дал подробное обоснование этому решению:

«Я использовал их с особенной целью. Работая над сценарием "Жанны", я хорошо изучил детали процесса, утонченное вероломство вопросов

клерикальных судей и замечательно одухотворенные ответы Жанны. Протокол дает ужасающую картину того, как процесс принимал форму поединка между одинокой Жанной, смело отвечавшей судьям, и судьями, пытающимися с дьявольской хитростью поймать ее в свои сети. Этот поединок мог быть интерпретирован на экране только через огромные крупные планы, которые показали с беспощадным реализмом бессердечный цинизм судей, спрятанный за лицемерным сочувствием. И это противопоставлено крупным планам Жанны, чье ясное лицо показывает, что ее сила идет лишь от Бога. Когда незагримированные лица судей, раскаляющиеся от ненависти к Жанне, заполняют экран, это усиливает реализм. С недоуменным видом и неослабевающим вниманием зрители следят за неравной битвой между Жанной и судьями – и именно в этом и есть цель крупных планов: растормошить зрителей, пока они не почувствуют на собственной шкуре агонию Жанны.

Я знаю, что такое использование крупных планов находилось в открытом конфликте с теоретическими принципами, лежавшими тогда в основе кинематографии, но мне были абсолютно необходимы крупные планы. Я не знаю, как иначе можно было рассказать историю суда над Жанной и ее смерти, если бы я не воспользовался помощью крупных планов для того, чтобы полностью погрузить зрителя в сердца и души как Жанны, так и ее судей. Но это верно, что моя идея рассказать историю агонии Жанны через крупные планы едва ли согласуется с правилами “правильного” драматического фильма того времени. Действовало негласное правило, что один крупный план должен

работать как часть длинной “гармоничной” последовательности и быть лишь деталью в общем материале. А тут появились мои крупные планы, они неожиданно выпрыгнули из экрана и настаивали на своем праве на независимое существование. Крупные планы вслед за крупным планом – они требовали себе место безотносительно длинной “гармоничной” последовательности – все эти крупные планы, подобные толпе неистовых смутьянов – но столь необходимые мне не только потому, что с их помощью стало возможным приблизить зрителя к психической и физической пытке Жанны, но и потому, что они показывали, как ее судьбы и палачи реагировали на ее слезы и печаль. Это можно было сделать только через шокирующий эффект крупных планов. Фильм построен не на массовых сценах, а на глубоком исследовании души.

Если бы эти диалоги между Жанной и ее судьбами были показаны длинными последовательностями, то и утонченность ее ответов, и яростное желание священников отправить ее на костер были бы потеряны.

Я вижу в этом концентрированном использовании крупных планов идею новой формы фильма, которую сможет развить и довести до завершения кто-то другой»¹⁰⁰.

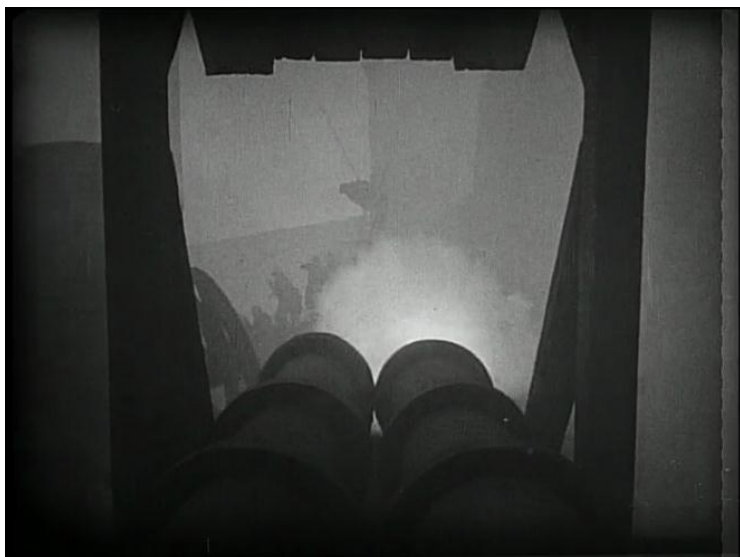
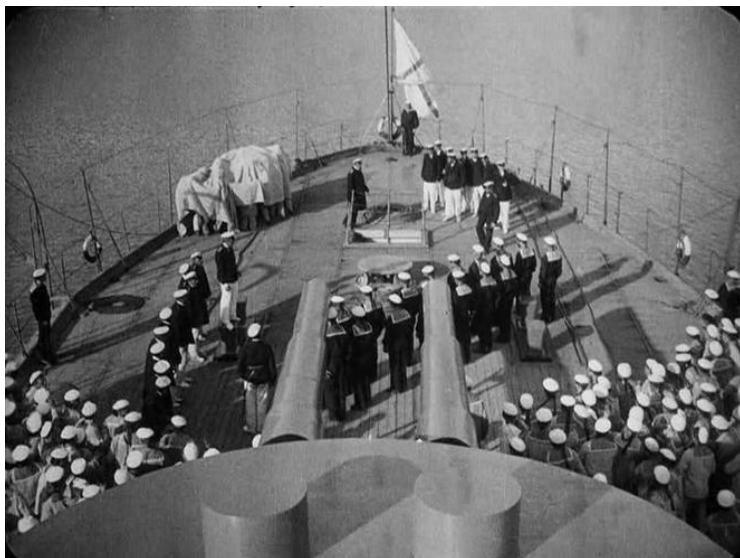
В связи с крупными планами еще два момента привлекли к себе внимание большинства критиков – полное отсутствие грима и быстрый монтаж. Отказаться от использования грима стало возможно благодаря применению панхроматической пленки. Ортохроматическая пленка, преимущественно использовавшаяся до 1926 г., была не чувствительна к желтой и красной

областям спектра, и использование грима становилось необходимостью, чтобы как-то выделить лица актеров.

Даже с использованием панхроматической пленки, требования, выдвинутые Дрейером, оказались непростой технической задачей. Для ее оптимального решения стены помещений выкрасили в светло-желтый цвет (который выглядит на панхроматической пленке как белый) и использовали яркое освещение. Дрейер предпочел бы использовать только естественное освещение, но здесь он вынужден был пойти на компромисс¹⁰¹.

Всего отсняли более чем 85 000 метров пленки, из которых в окончательную версию вошло примерно 2 200 метров. Всего в фильме 1 333 кадров и 174 интертитров, итого 1 517 кадров, что довольно много для того времени. Средний голливудский фильм содержал от 500 до 1 000 кадров, включая интертитры.

Быстрый монтаж характерен для фильмов французского импрессионизма, в первую очередь для Абеля Ганса. И, конечно же, для «Броненосца Потемкина» Эйзенштейна – около 2 000 кадров. Прямые отсылки к «Броненосцу Потемкину» можно увидеть в финале «Страстей Жанны д'Арк». В толпе присутствуют два характерных персонажа – безногий и одноногий, как и у Эйзенштейна в знаменитой сцене на Потемкинской лестнице, а пушки данного типа в «Страстях Жанны д'Арк» являются явным анахронизмом, зато очень напоминают пушки «Потемкина».

Пушки в «Броненосце «Потемкине»» (сверху) и в «Страстях Жанны д'Арк» (снизу).

Во время съемок немых фильмов часто использовалась музыка, но Дрейер отказался от этой практики, поскольку это нарушило бы реалистичную атмосферу; он также замечал, что предпочел бы, чтобы фильм и демонстрировался без музыки. Однако музыка к фильму была заказана двум известным французским композиторам оперетт и мюзиклов Лео Пуже и Виктору Аликсу, которые специально для фильма написали симфоническую поэму в тринадцати частях. Партитуру опубликовали с пометкой «исполнение обязательно во время демонстрации фильма». Вероятно, именно эта музыка сопровождала премьеру фильма в копенгагенском Paladsteater 21 апреля 1928 г.¹⁰²

В Дании фильм не вызвал бурной реакции ни у критиков, ни у зрителей. Он демонстрировался в течение двух недель в Paladsteater, а затем еще по одной неделе в двух датских кинотеатрах. Софус Мадсен, директор Paladsteater и продюсер фильма Дрейера «Однажды», предпринял беспрецедентную акцию – организовал в Paladsteater три бесплатных сеанса, на которых «Страсти Жанны д'Арк» посмотрело 1 800 безработных, которые сразу после просмотра фильма должны были выразить свое мнение, заполнив опросный лист. Мадсен так же послал одну из двух купленных им копий фильма норвежскому врачу Харалю Арнесену, хотя не сохранилось никакой информации о том, что фильм демонстрировался в Норвегии. Но именно эта пленка была найдена 53 года спустя на чердаке госпиталя в Осло, и именно ее мы и смотрим сейчас.

Французская премьера состоялась только через полгода, в октябре 1928 г. Ей предшествовало несколько предварительных закрытых показов, в том числе и

для руководства французской католической церкви, которое отнеслось к фильму насторожено – ведь его снимал датчанин и протестант. Официальная цензура потребовала вырезать несколько сцен (в частности, ту, в которой Жанне делают кровопускание, и часть сцены в камере пыток), поэтому французская версия стала на 8 минут короче датской.

26 июня состоялся закрытый показ для директоров кинотеатров и критиков, и фильм сразу же был признан исключительным. Им восторгались не только критики, но и писатели, в их числе Жан Кокто, Жак Лакретель и Поль Моран. Восторгался даже архиепископ Парижа, кардинал Дюбуа, который (вместе с Кокто и Мораном) назвал «Страсти Жанны д'Арк» лучшим фильмом 1928 г., оценив его выше, чем «Терезу Ракен» («Thérèse Raquin») Фейдера, «Цирк» («The Circus») Чаплина, «Заблуждения» («Abwege») Пабста, вышедшие в том же году¹⁰³.

Среди тех, кто высоко оценил «Страсти Жанны д'Арк», был и Луис Бунюэль, только начинавший в то время работать в кино. В 1930 г. он назвал фильм Дрейера *«определенно самым оригинальным и интересным фильмом нового кинематографа»*.

Но с финансовой точки зрения фильм провалился. Дрейер всегда протестовал, когда «Страсти Жанны д'Арк» называли авангардным фильмом:

«Мой фильм о Жанне д'Арк ошибочно называли авангардным фильмом, хотя он совершенно определенно им не был. Этот фильм предназначен не для теоретиков кино, а для самой широкой публики, поскольку в нем затронуты общечеловеческие интересы»

и содержится идея, которую может понять любой непредубежденный человек»¹⁰⁴.

Но как еще можно назвать фильм, в котором нарушены все основные правила съемок и монтажа, уже сформировавшиеся к тому времени и действующие до сих пор? И это касается не только использования крупных планов. Например, одним из основных правил съемки диалога является так называемое правило «восьмерки», согласно которому, камера не должна пересекать линию, соединяющую двух взаимодействующих персонажей. Движение камеры должно быть подчинено драматическому действию, а мизансцены построены так, чтобы кадр обладал определенной вертикальной симметрией и основное действие разворачивалось в центре верхней половины кадра. И так далее. Дэвид Бордвел в своей книге¹⁰⁵ подробно разбирает все «нарушения» этих и других правил, допущенные Дрейером в «Страстях Жанны д'Арк». Не удивительно, что фильм не был принят массовым зрителем, все более и более отдававшим предпочтение «правильному» голливудскому кино.

С международным прокатом фильму тоже не очень повезло. В Англии он на несколько лет был положен на полку, потому что прокатчики, хотя и купили права на фильм, боялись, что некоторые сцены окажутся шокирующими для публики, да и англичане в нем были показаны не в выигрышном свете. В США премьера состоялась 28 марта 1929 г. в Нью-Йорке, но фильм не вызвал большого резонанса, отчасти и потому, что наступила эра звукового кино.

Права на международное распространение «Страстей Жанны д'Арк» купила UFA, и именно туда был отправлен оригинальный негатив фильма. Но,

к сожалению, он погиб во время пожара в декабре 1928 г. Это означало, что ни одна новая копия для проката не сможет быть сделана, и после того, как существующие копии выйдут из обращения в результате износа, фильм будет утерян. Тогда Дрейер собрал другую версию фильма – из оставшихся дублей. Естественно, в этой версии отсутствовала сцена, в которой Жанне остригали волосы, в остальном же лишь сам Дрейер и монтажер могли отличить вторую версию от первой. Но фильм словно преследовал злой рок – в начале 1929 г. пожар возник уже во французской лаборатории, где хранилась вторая версия. Долгие годы фильм был практически утерян, сохранилось лишь несколько копий второй версии очень плохого качества.

Начиная с 1949 г. французский историк кино Дж. М. Лодюка просил у Дрейера разрешение сделать сначала 16 мм, а затем и 35 мм версию «Страстей Жанны д'Арк» с одной из сохранившихся копий второй версии, но Дрейер каждый раз отвечал, что у него нет прав на фильм. Тем временем Лодюка нашел негатив второй версии, до этого считавшийся погибшим в пожаре, на складе Gaumont. Gaumont и Лодюка заявили свои права на эту версию, вставили новые интертитры, стилизованные «под старину» и добавили музыкальное сопровождение на основе классических произведений. Эта версия категорически не понравилась Дрейеру, но он ничего не мог сделать, поскольку сам неоднократно заявлял, что не владеет правами на фильм. Версия Лодюка оставалась «официальной» версией «Страстей Жанны д'Арк» до 1981 г., когда была обнаружена копия первой версии фильма, отправленная Софусом Мадсенем доктору Арнесену, директору больницы в Осло.

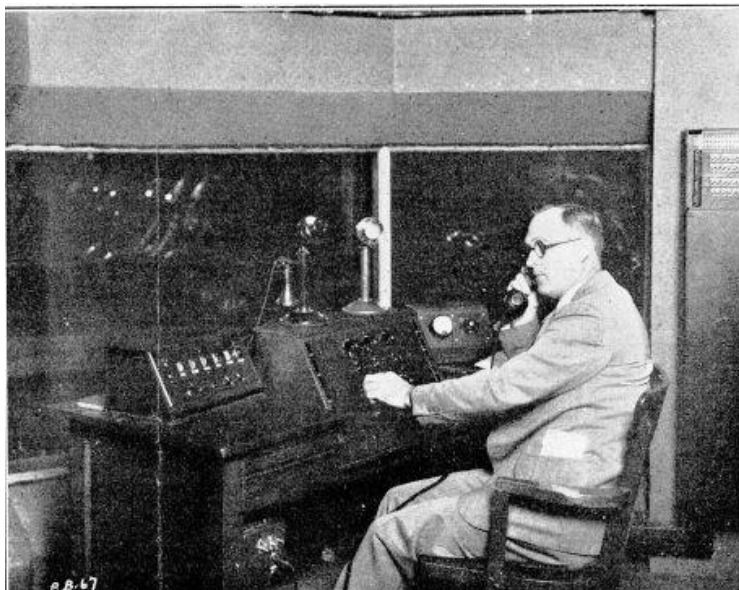
15. Абстракция: «Вампир»

После завершения работы над «Страстями Жанны д'Арк» Дрейер на какое-то время остался жить в Париже. Есть много указаний на то, что контракт Дрейера с SGF предполагал работу более чем над одним фильмом. В разное время появлялась информация о том, что планируется снять еще один фильм с Фальконетти, а сам Дрейер в интервью 1967 г. с Драмом утверждал, что речь шла о фильме на тему жизни Христа. Это довольно странное утверждение, учитывая, что интересы SGF лежали в первую очередь в области исторических реконструкций из французской истории.

Но из этих планов все равно ничего не вышло. Безусловно, два столь дорогих фильма, как «Наполеон» и «Страсти Жанны д'Арк», провалившиеся в прокате, подорвали финансовые возможности SGF. Возможно, имел место и некий конфликт между режиссером и компанией, хотя Дрейер всегда это отрицал. Так или иначе, осенью 1931 г. Дрейер возбудил дело о расторжении контракта с компанией и выиграл его.

Но в его карьере кинорежиссера вновь наступил заметный перерыв. Дрейер подумывал о том, чтобы вернуться в Данию. Он хотел снять фильм по роману норвежского писателя Юхана Бойера «Последний викинг» («Den siste viking», 1921) о жизни рыбаков Лофотенских островов. Не совсем ясно, с кем именно Дрейер вел переговоры в Дании, но они сорвались – возможно, из-за того, что Дрейер хотел использовать в фильме непрофессиональных актеров¹⁰⁶.

В эти годы кинематограф переживал революцию, в кино пришел звук. Попытки объединить изображение и

Так выглядело сведение звука в студии Universal в 1929 г.

звук делались практически с момента возникновения кино, но они никогда не были коммерчески успешными – из-за технического несовершенства и дороговизны аппаратуры. Однако в первой половине 1920-х гг. были предприняты новые попытки заставить фильмы заговорить. В первую очередь, такие попытки делались в Германии и США, а Франция в техническом плане заметно отставала.

О звуковых фильмах нового поколения во Франции заговорили в 1926 г. К 1928 г. доходило все больше слухов о коммерческих удачах звуковых фильмов в США и Англии, и многие работники французского кинопроизводства отправлялись в Англию, чтобы посмотреть на звуковое кино. Большинство признавало, что за ним

будущее, хотя и жаловалось на плохое качество звука и статичность фильмов.

Во Франции первые звуковые фильмы появились в конце 1928 г., и Gaumont даже успел опередить американцев, представив фильм «Воды Нила» («L'Eau du Nil»), звуковая дорожка которого состояла только из музыки и песен. Месяц спустя MGM и Paramount показали в Париже свои фильмы, тоже без диалогов. В начале января 1929 г. показ «Денег» л'Эрбье («L'Argent», 1928) сопровождался звуковой записью с шумом толпы. Но окончательный перелом наступил после того, как 26 января 1929 г. в Париже был показан фильм Warner Bros. «Певец джаза» («The Jazz Singer», 1927) – первый фильм с диалогами. Успех был неимоверный. «Певца джаза» показывали целый год, и сборы за этот год почти в два раза превысили сборы кинотеатра за предыдущий.

В 1929 г. французская кинопромышленность срочно перестраивалась для производства звуковых фильмов, в результате чего было выпущено всего 52 фильма (по сравнению с 94 в 1928 г.). Первые звуковые французские фильмы снимались в Англии и Германии или же озвучивались там после съемок. Но довольно быстро французы и сами научились снимать звуковое кино. Из 95 фильмов, вышедших в 1930 г., 76 были звуковыми, а большинство остальных являлись изначально немыми фильмами с наскоро наложенным звуком. Переход от немного кино к звуковому завершился окончательно.

Естественно, он не прошел безболезненно. С одной стороны, звуковая дорожка на родном языке повысила конкурентоспособность французских фильмов по сравнению с американскими, с другой – звуковые технологии заметно удорожили производство.

Образовалось два гигантских консорциума Pathe-Natan и Gaumont-Franco-Film-Aubert, которые практически монополизировали кинопроизводство во Франции. Остальные компании, которые не смогли быстро перестроиться (а среди них была и SGF), вынуждены были уйти со сцены.

Приход звука означал и конец независимого французского кинематографа, который дал столько авангардных фильмов в 1920-х гг. С ростом стоимости постпродакшена и установившейся монополией крупных компаний производство независимых фильмов стало практически невозможным. Франция вслед за Америкой и Германией тоже перешла на студийную, продюсерскую модель кинопроизводства.

Но все же были и исключения. Так, например, в 1930 г. вышло два фильма, которые финансировал французский аристократ и покровитель искусств Шарль де Ноай – «Золотой век» Бунюэля и «Кровь поэта» Кокто. Нашелся аристократический покровитель и у Дрейера – молодой барон русско-польско-бразильского происхождения Николая де Гинзбург.

Согласно официальной версии событий, известной нам через Нергора от самого Дрейера, Гинзбург предложил Дрейеру финансирование его фильма в обмен на условие, что он сыграет в нем главную роль. Сам Гинзбург в интервью вспоминает об этом несколько иначе:

«Однажды граф Этьен де Бомон^{} давал модный костюмированный бал на тему оперы. Мы с Валентин*

^{*} Этьен де Бомон (Etienne de Beaumont, 1883–1956) — известный покровитель искусств, театральный меценат и организатор знаменитых экстравагантных балов-маскарадов. На его костюмированные вечеринки собирался весь парижский высший свет и богема.

Гюго были одеты как гугеноты. Там был и Карл Дрейер...

Как и все, я ужасно хотел попасть в кино. Через общих друзей, Жана Гюго и его жену, Валентин, театрального дизайнера (Дрейер был знаком с ними обоими) – Жан Гюго работал с ним над Страстями Жанны д'Арк – я познакомился с Дрейером. На следующий день он спросил супругов Гюго, что они думают по поводу моего участия в качестве актера в его будущем фильме, и, конечно, я подпрыгнул от радости, услышав об этой возможности. Он хотел снять три версии фильма, французскую, английскую и немецкую, и я говорил на всех трех языках. Сначала не предполагалось, что я буду продюсером фильма, но другие варианты сорвались, и я решил взяться за дело»¹⁰⁷.

Едва ли Гинзбург осознавал тогда всю значимость совместной работы с Дрейером. С некоторой долей

Серж Лифарь, Николая де Гинзбург и Наталья Палей. 1930 г.

иронии он вспоминал: *«Я был очень важным в те дни. У меня был роллс-ройс, маленькая белая собачка и шофер – бывший полковник русской армии»*, и одно из самых ярких его воспоминаний о съемках было связано с кониной, поданной на ужин, о чем сначала никто не подозревал. «Вампир» окончательно разорил Гинзбурга (впрочем, его финансовые дела не были блестящими и до этого), и в 1934 г. он эмигрировал в США. Дальнейшая его карьера была связана преимущественно с работой в различных журналах о моде и стиле. В тот период времени, к которому относится интервью, он уже много лет был главным редактором отдела моды Vogue.

С трудом верится, что Дрейер сразу же оценил именно актерский потенциал Гинзбурга, тем более что он еще не знал в точности, какой именно фильм собирается снимать. Скорее, его все же заинтересовала возможность создать собственную компанию, «Film-Production Carl Dreyer», которая была зарегистрирована в Париже в начале 1930 г. Когда именно произошло первое знакомство Дрейера и Гинзбурга точно не известно, но определенно до того, как был написан сценарий, поскольку в нем Дрейер называет главного героя «Николя» – по имени Гинзбурга.

Дрейер был среди тех, кто почти сразу же понял, что эпоха немого кино завершилась. Драм цитирует интервью Дрейера, данное им еще до выхода на экраны «Вампира»:

«До сих пор есть те, кто считает, что у немых фильмов есть будущее, например, Джон Голсуорси и Томас Манн. Но нет сомнений в том, что мы должны найти компромисс и производить звуковые фильмы с ясными, отточенными диалогами. Американцы верят

в звуковой фильм, а их влияние огромно, как прямое, так и косвенное. Такие фильмы как “Потемкин”, “Нибелунги”, “Жанна д’Арк” сегодня уже не снимешь»¹⁰⁸.

В конце 1929 г. Дрейер отправился в Англию, чтобы изучить звуковые технологии. Там он и написал сценарий своего нового фильма. Вопрос, почему Дрейер решил снять «Вампира», который по тематике стоит особняком среди остальных его работ, и по настоящий день занимает критиков и историков кино. Сам Дрейер объяснял это в 1932 г. так:

«Если бы я продолжил работать в этом жанре [то есть, в жанре “Жанны д’Арк”], меня бы стали называть “режиссером святых”. Это было бы ужасно. Поэтому я выбрал «Вампира», чтобы снять что-то совершенно противоположное. Фильм как сон наяву. Я просто хотел снять фильм, непохожий на другие фильмы. Я хотел – если угодно – проложить новый путь для кино. И я его проложил. Одним из новшеств, использованных в “Вампире”, стал способ, при помощи которого я попытался перенести на экран зловещую атмосферу. Когда американцы хотят показать людям что-то страшное, они показывают кровь, капающую на пол и, наконец, образующую лужу. В “Вампире” нет крови, лишь ощущение крови. Это чувство крови, зловещая атмосфера, тайна исходит откуда-то из-за сцены»¹⁰⁹.*

В 1940 г. Дрейер развил эту мысль:

«Представьте, что вы сидите в обычной комнате. Внезапно вы понимаете, что за дверью находится мертвое тело. И в этот самый момент комната,

* Внимательный зритель может заметить, что в одном эпизоде в «Вампире» кровь все-таки есть.

в которой вы находитесь, начинает меняться, каждая обыденная вещь в ней выглядит по-другому, без каких-либо физических изменений меняются освещение и атмосфера. Это мы изменились, и вещи становятся такими, какими мы их воспринимаем. И этот эффект я хотел воспроизвести в своем фильме»¹¹⁰.

Помимо художественных задач Дрейер, безусловно, думал и о коммерческих. Вампиры вошли в моду. В 1927 г. в Лондоне и Нью-Йорке театральные постановки по «Дракуле» Брэма Стокера были очень популярны. В 1928 г. в Европе с большим успехом прошел фильм Тода Браунинга «Лондон после полуночи» («London After Midnight», 1927) с Лоном Чейни.

Дрейер решил, что тоже вполне способен создать нечто подобное. Он прочитал более тридцати мистических историй и нашел в них повторяющиеся элементы, например двери, загадочно открывающиеся сами по себе.¹¹¹

Над сценарием Дрейер работал с другим датчанином, Кристеном Юлем, который жил в Лондоне начиная с 1922 г. Музыкант по образованию, Юль несколько лет занимался бизнесом, а затем переехал в Англию, где работал преимущественно как театральным режиссер и написал пьесу «Валькирия» для Вестминстерского театра. В 1938 г. Юль вернулся в Данию, где работал как режиссер театра и кино¹¹².

В качестве основы для сценария был выбран сборник рассказов ирландского писателя Шеридана Ле Фаню «Сквозь темное стекло» («In a Glass Darkly», 1872), однако от него осталось совсем немного. В сценарии использованы элементы из четвертого рассказа «Комната в Летящем Драконе» и из пятого «Кармила».

В «Комнате в Летящем Драконе» рассказывается о человеке, похороненном заживо, в «Кармилле» изложена собственно вампирская история. Однако, если у Ле Фаню вампир – молодая прекрасная женщина, и в истории определенно чувствуется лесбийский подтекст, то Дрейер радикально ушел от этой темы; его вампир – зловещая старуха.

Много позже, в 1964 г. в одном из интервью Дрейер и вообще отказывался от того, что в сценарии были использованы элементы «Сквозь темное стекло»:

«В.: В сценарии что-нибудь осталось от оригинальной книги?»

О.: Абсолютно ничего... но мы черпали у Шерида на Ле Фаню вдохновение... в то время срок действия авторских прав уже истек...да, и мы использовали туман, который нашли в книге»¹¹³.

Ответ на вопрос о том, почему же в таком случае Дрейер оставил Ле Фаню в титрах фильма, вероятно, не так уж сложен. Дрейер сам заявлял, что сценарий должен быть основан на литературном источнике, и уже дважды до этого ссылался на авторов книг, имеющих мало общего со сценарием – Марию Корелли в «Страницах из книги Сатаны» и Жозефа Дельтеля в «Страстях Жанны д'Арк».

Однако Морис Друзи видит в этом проявление конспирации. Он считает, что Дрейер хотел рассказать в «Вампире» свою личную историю и в роли вампира вывел свою мачеху, а в роли Жизель – мать; ссылка же на книгу Ле Фаню была призвана скрыть автобиографический смысл фильма. Выводы Друзи сделаны в лучших традициях теории заговоров, ниже для примера приводится один из них:

«Но и это не все. Две юные девушки, пациентка и ее сестра, одна из которых кажется alter ego другой, названы Жизель и Леон (Gisele и Leone). Эти два имени перетекают друг в друга, благодаря входящим в них общим буквам и образуют одно имя: gisè-le-one. Если убрать общую часть, останется семь букв giséone, которые являются практически точной анаграммой имени José (pH) ine, поскольку J фонетически эквивалентно G. Две девушки в фильме представляют мать Дрейера, которую он не знал, и о которой не прекращал думать»¹¹⁴.

Вероятно, теория Друзи находит своих приверженцев, но в данном случае нет особых оснований не верить Дрейеру.

Кроме сборника Ле Фаню Дрейер, вероятно, использовал в сценарии и эпизод из «Дракулы» Брэма

Не вошедший в финальную версию кадр с дикими собаками.

Стокера, в котором стая волков окружает и почти убивает Джонатана Харкера, когда тот прибывает в замок графа Дракулы. У Дрейера же стая диких собак преследовала пастушонка около гостиницы, в которой остановился протагонист. Подразумевалось, что они его догнали и убили. Однако Дрейер не включил этот эпизод в окончательную версию, хотя сцена и была снята (по крайней мере – частично; несколько кадров сохранилось). Возможно, он побоялся судебного преследования со стороны вдовы Стокера, Флоренс, аналогичного тому, которое она возбудила против создателей «Носферату» («Nosferatu, eine Symphonie des Grauens», 1922). А возможно, Дрейер считал, что такой эпизод противоречит его концепции показывать на экране не кровь, а ощущение крови¹¹⁵.

Дрейер никогда не говорил о «Носферату» Мурнау, но с очень большой вероятностью он его видел. Премьера «Носферату» состоялась 15 марта 1922 г. в Берлине в кинотеатре «Primus-Palast», принадлежащем той самой компании Primus-film, на которой Дрейер снимал «Заклейменных». Немецкая премьера «Заклейменных» состоялась всего тремя неделями раньше, 22 февраля. Николя де Гинзбург вспоминал, что «Носферату» был единственным фильмом ужасов, который ему когда-либо нравился.

Итак, сценарий был готов, и теперь нужно было выбрать место для съемок неподалеку от Парижа, поскольку денег для дальних экспедиций не хватило бы. Подходящие условия нашлись в местечке Куртампьер, провинция Луаре, чуть более чем в ста километрах к северу от Парижа. Эббе Нергор писал:

«В малонаселенной местности к северу от Парижа Дрейер арендовал за 3 000 франков в неделю старое шато, которое наряду с тем, что послужило домом для 35 членов съемочной группы, обеспечило и 9 площадок для съемок; в студии это обошлось бы

На съемках «Вампира»

раз в 20 дорожке. За 50 франков в день он арендовал старую водяную мельницу, на которой было организовано еще 5 площадок, за ту же цену – заброшенный ледник с дополнительными семью площадками, дом викария за 500 франков в неделю – 6 площадок, и деревянную гостиницу по 500 франков за 2 недели – 4 площадки»¹¹⁶.

Все было старым и заброшенным – именно таким, как и требовалось Дрейеру. Единственное, чего не хватало – это паутины в доме доктора. Но и эту проблему решила Элиан Тайар, помощник режиссера. Ливанка по происхождению и очень красивая женщина, она снялась до этого в нескольких эпизодических ролях, а в компанию Дрейера попала, вероятно, через свои связи с парижскими художественными кругами. Элиан проявила большую предприимчивость, она собрала окрестных детей и велела им наловить как можно больше мух и пауков. Насекомые были выпущены в доме, где также были оставлены блюдца с патокой, медом и фаршем, и к моменту съемок все было в великолепной густой паутине.

Кастингом занимался другой помощник Дрейера, датчанин Ральф Хольм, который был его ассистентом и во время съемок «Страстей Жанны д'Арк». Дрейер так объяснял принципы, положенные в основу подбора актеров:

«Для "Вампира" я нанимал случайных людей. Нельзя давать известным актерам роли, настолько зловещие, как в этом фильме. Что бы, например, подумали люди, если бы вдруг Конрад Вейдт появился в фильме в роли Христа? Никто не поверил бы, что Вейдт – именно тот, кем он пытается быть.

В фильме такого типа нужно использовать совершенно новые лица и ни в коем случае не использовать грим. Тогда люди действительно поверят в фильм»¹¹⁷.

Перед Хольмом была поставлена непростая задача – найти людей, которые выглядели бы зловеще и без грима. После долгих поисков в первом классе парижского метро он встретил идеального кандидата на роль доктора. Им оказался польский журналист Ян Иеронимко; сам Хольм принял его за поэта, к тому же перепутал с Адамом Мицкевичем, памятник которому был незадолго перед этим установлен в Париже на площади Альма. Вампиршу Хольм нашел так же случайно в лице матери одной из актрис, к которой зашел в гости.

Рена Мандел, сыгравшая Жизель, была фотомоделлю. В «Вампире» задействовано только два профессиональных актера: Морис Шутц, игравший и в «Страстях Жанны д'Арк», и Сибилла Шмиц, будущая звезда немецкого кино, только начинавшая карьеру актрисы.

К сожалению, не совсем ясно, как Сибилла Шмиц попала в число актеров «Вампира». Возможно, Дрейер заметил в ней что-то демоническое в «Дневнике падшей» («Tagebuch einer Verlorenen», 1929) Пабста, где она появляется на экране буквально на несколько минут. На Сибиллу съемки у Дрейера произвели большое впечатление:

«Для меня было честью работать с Дрейером. То, как он руководил мной, было изумительно. Ему было достаточно сказать лишь несколько слов, и ты включался в работу и погружался в нее без остатка»¹¹⁸.

Режиссер-постановщик и художник постановщик остались теми же, что работали с Дрейером в «Страстях Жанны д'Арк». Рудольф Мате и Герман Варм продолжили художественные эксперименты, начатые в «Жанне». Поэтому «Вампир» оказался очень загадочным фильмом и с кинематографической точки зрения.

Бордвелл отмечает, что Дрейер продолжил разрушать в «Вампире» кинематографическое пространство. Зритель, как и в «Жанне», не видит декораций целиком (впрочем, в случае «Вампира» это объясняется еще и экономией на декорациях) и не знает, как расположены друг относительно друга различные места действия.

Более того, часто зритель не знает даже, как расположены друг относительно друга действующие лица. В «Вампире» очень небольшое количество групповых сцен. Обычно герои сведены вместе только при помощи монтажа, и этот монтаж лишь еще больше вводит в заблуждение. Так, например, иногда кадр начинается с точки зрения героя, а, когда он заканчивается, мы обнаруживаем, что герой уже ушел в противоположном направлении. Все это очень дезориентирует зрителя.

Съемки начались 1 апреля и продолжались до середины октября 1930 г. Дрейер вспоминал, что сначала он и Мате хотели использовать «тяжелый стиль» для фильма, но по ходу съемок придумали «нечто лучшее»:

«Изучая первые пробы, мы остановились на сцене, будто бы снятой в тумане, в серой белизне. Для нас это было решением, по крайней мере, для съемок в помещении»¹¹⁹.

Чтобы воспроизвести этот эффект, Мате при съемках размещал чуть меньше, чем в метре от объектива,

марлю. Правда, Гинзбург в своем интервью отрицает, будто Дрейер использовал какие-либо технические приемы, и утверждает, что режиссер поднимал съемочную группу в 4 часа утра, чтобы поймать утренний свет. Впрочем, это утверждение не противоречит использованию марли при съемках в помещении.

Не только стиль пришел в процессе съемок, но и некоторые сюжетные решения. Так Дрейер вспоминал, что согласно сценарию доктор должен был погибнуть в трясине. Но вмешался случай:

«Однажды мы искали подходящее болото и увидели дом у дороги, где в окнах и дверях танцевали странные белые тени, как будто бы в лучах ясного белого пламени, горящего внутри. Мы не смогли удержаться и решили выяснить, что это за белое пламя. Вошли внутрь и увидели какие-то темные силуэты, движущиеся вокруг жернова и изготавливающие гипс. Воздух был наполнен белой пылью. Когда мы это увидели, то поняли, каким должен быть наш стиль – темные силуэты на белом фоне и финал на белой мельнице. Мы знали, как должен умереть наш доктор – задохнуться под бесконечным потоком муки»¹²⁰.

Вслед за Генри Хелльсенем, бывшим коллегой Дрейера по газете, многие критики отмечали в «Вампире» влияние на Дрейера различных художников, в первую очередь Жана Батиста Коро. Ральф Хольм, помощник Дрейера, вспоминает, что последний показывал Рене Мандел, игравшей Жизель, репродукции картин Гойи. Сам же Дрейер всегда отрицал прямое цитирование картин или чьего-то художественного стиля в своих фильмах после «Президента»:

«Мы создавали стиль день за днем. Он не был скопирован с какого-либо художника. Было очень трудно воспроизводить стиль снова и снова... К тому моменту, как я снял “Вампира”, я уже жил в Париже четыре или пять лет. В то время в Париже вы волею-неволей оказывались захвачены азартом и творческой фантазией различных художников и создаваемых течений, будь то «кубизм», «дадаизм», «сюрреализм» или что-то еще. Я знал некоторых художников и участвовал в различных дискуссиях с ними и о них. Так что, конечно, влияние было, но это было влияние азарта, энергии, разнообразия работ, воображения, а не какого-то конкретного художника или движения. Во время работы над “Вампиром” я с головой погрузился в абстрактное искусство.

Несколько лет назад меня пригласили с лекцией на Эдинбургский фестиваль. Я говорил там, что, если кино суждено развиваться, оно должно уйти от реализма и натурализма, и попробовать себя в абстракции. И тогда меня попросили назвать фильм, который мог бы это проиллюстрировать. Я сказал, что не знаю ни одного абстрактного фильма. И тогда один из участников фестиваля сказал: “Но ведь Вы сами сняли такой фильм – «Вампир»”. Я никогда о нем не думал как об абстрактном фильме, но так оно и было. И не удивительно. Я жил и работал в Париже и погрузился во все эти художественные “измы”. Я не задумывался тогда об этом, но, не задумываясь, я снял абстрактный фильм. Его не очень хорошо приняли.

Но я был удовлетворен: мы методически выработали стиль»¹²¹.

Когда съемки были завершены, началась стадия работы со звуком, которая проходила в Берлине на одной из студий UFA летом 1931 г. Звук тогда был очень дорог, и Дрейер с Гинзбургом не могли позволить себе звуковую аппаратуру во время съемок. Но с самого начала предполагалось, что будет выпущено три версии фильма – английская, немецкая и французская. Английская версия не сохранилась, и нет полной уверенности, что она вообще существовала. Все сцены с репликами, в которых видны лица актеров, снимались в трех вариантах на трех языках. Выпуск различных версий фильма на разных языках (как правило, с разными актерами, а иногда и в разном жанре*) был тогда обычной практикой. Лишь через несколько лет все компании перешли на дубляж и субтитры, поскольку эти технологии оказались намного дешевле.

В Берлине Дрейер обратился за помощью к датчанину Бёрге Нильсену, другу четы Нергоров. Нергоры жили в Берлине с 1930 г., и Дрейер часто общался с ними во время визитов в Германию. Нильсен, архитектор по роду занятий, в 1928 г. работал с Фрицем Лангом над декорациями к фильму «Женщина на Луне» («Frau im Mond», 1929) и имел знакомых на немецких студиях, которые могли пригодиться, чтобы найти актеров

* Самый удивительный пример такого рода – это фильм л'Эрбье «Женщина на одну ночь» («La Femme d'une nuit», 1930), который на французском языке был психологической драмой, на итальянском – легкой комедией, а на немецком – опереттой.

для озвучки. Музыка к «Вампиру» заказали композитору Вольфгангу Целлеру*.

Процесс создания трех звуковых версий фильма оказался очень непростым, учитывая тот факт, что техника для синхронизации звука была в то время очень примитивной и результат получался несовершенным. Эпизоды, снятые на разных языках, имели немного разную длину, поскольку актеры не могли играть совершенно одинаково. Во французской версии можно заметить пустые черные кадры, вставленные, вероятно, для выравнивания длины эпизодов. А в сцене с танцами старуха-вампир прерывает музыку криком «*Ruhe!*»[†] во всех трех версиях; очевидно, этот крик был записан вместе с музыкой Целлера, чтобы упростить звуковой монтаж.

Многие звуковые эффекты приходилось изобретать, а звуки животных издавали имитаторы. Николя Гинзбург вспоминал:

«Звуки животных не настоящие. Все звуковые эффекты были наложены на UFA, и звуки животных, такие, как кукареканье петуха, лай собак, крик попугая, на самом деле исполняли профессиональные имитаторы. Не думаю, что кому-нибудь тогда приходила в голову мысль о естественных звуках, и, очевидно, было легче использовать имитаторов, чем ждать,

* Вольфганг Цёллер (Wolfgang Zeller, 1893 – 1967 года) — немецкий композитор с 1926 г. писавший музыку к фильмам – немым и звуковым. Целлер работал в качестве кинокомпозитора до самой смерти, и написал музыку, в том числе, к печально известному «Еврею Зюссу» и документальному фильму «Серенити не должен умереть» («*Serengeti darf nicht sterben*», 1959), удостоенному премии Оскар.

[†] Тихо! (нем.)

пока петух закукарекает. В те дни никто не умел работать с естественными звуками.

Каждый актер специализировался на звуке только одного животного. Всего их было около десятка, и они издавали дикий шум. Из актеров сами озвучивали фильм только я и Сибилла Шмиц, которая находилась тогда в Берлине»¹²².

Но помимо чисто технических проблем, возникли проблемы и другого порядка. Во-первых, в 1931 г. в Германии разразился банковский кризис, банки разорялись, вводились ограничения на снятие денежных средств и переводы за границу (что было важно для Дрейера в рамках его международного проекта). Однажды Дрейер и Нильсен успели снять деньги буквально за полчаса до того, как выплаты были прекращены. Финансовая ответственность, лежавшая на Дрейере как на продюсере, очень на него давила. Много позднее, в беседе с Драммом, он вспоминал:

«Мне не нравилось, что на мне лежит экономическая ответственность. Это утомляло намного больше, чем художественная сторона. Я чувствовал огромную ответственность за все, тогда как вполне достаточно и просто художественной и экономической ответственности, связанной со съемками»¹²³.

Другая проблема (реальная или мнимая) была связана с противостоянием Дрейера и крупных кинокомпаний. В 1965 г. вдова Нергора Беата записала воспоминания Нильсена, в которых он, в частности, говорил:

«Однако были некоторые особые обстоятельства, вызывавшие сложности. Дрейер настаивал на том, чтобы работать совершенно независимо от киноиндустрии или от трастов. И в результате они

начали ставить ему палки в колеса – как только могли. Они хотели заставить его сдать и пойти на поклон к индустрии.

Например, у нас было три или четыре различных адвоката, про которых мы думали, что они куплены другой стороной – и, соответственно, не могут отстаивать интересы Дрейера. Приходилось по очереди с ними расставаться. Или, например, однажды меня пригласил на обед директор TOBIS, чтобы выудить из меня информацию. Когда это не вышло, были пущены в ход другие средства.*

«Вампир» полностью финансировался бароном Гинзбургом, который играл в фильме главную роль. Однажды он позвонил в нашу гостиницу из Парижа и спросил, на месте ли Дрейер. Я ответил, что да. Он повесил трубку. Затем такой же звонок повторился еще три раза, и мне все это стало казаться очень подозрительным. Я предложил Дрейеру уйти из отеля

Съемочная группа «Вампира»

через черный ход. Тут снова позвонил Гинзбург, на этот раз желая поговорить с самим Дрейером, на что я ответил, что его нет. Тогда барон Гинзбург разозлился и сказал, что это не может быть правдой, на что я сказал, что Дрейер был здесь, но ушел. Затем я встретился с Дрейером в условленном ресторане, и мы покинули отель на две недели, и каждый раз обедали в разных ресторанах. Мы постоянно находились под давлением, но обо всем этом слишком долго рассказывать»¹²⁴.

Все это выглядит как паранойя, хотя Морис Друзи, комментируя эти воспоминания, заметил, что в условиях жесткой конкуренции в начале эры звукового кино кинопроизводители действительно боялись, что кто-нибудь вырвется вперед, используя новые технологии. Так или иначе, можно сказать, что работа над «Вампиром» в Берлине проходила в очень нервной обстановке.

Название фильма очень долго не было определено. Сначала рассматривались такие варианты, как «Судьба» и «Тени ада», но в мартовском номере журнала *Close up* за 1931 г. фильм Дрейера был назван «Странное приключение Дэвида Грея». Однако в немецком прокате фильм вышел под названием «Странное приключение Алана Грея. Вампир», при этом последнее слово было написано очень нетрадиционным образом – VAMPYR. В 1961 г. Дрейер прокомментировал это следующим образом:

«VAMPYR вместо VAMPIRE – это ошибка дистрибьюторов, поскольку и по-французски, и по-английски правильно было бы VAMPIRE. В немецком это слово пишется VAMPIR, поэтому я совершенно не понимаю, от какого слова происходит VAMPYR»¹²⁵

фильм освистали, отзывы критиков звучали преимущественно негативно. Еще перед премьерой два эпизода были сокращены по требованию немецкой цензуры – смерть доктора и уничтожение вампира. После премьеры Дрейер перемонтировал фильм, вырезав несколько эпизодов.

В Париже «Вампир» был показан в сентябре того же года. Французским дистрибьютором стала SGF, несмотря на предшествующие судебные разбирательства с Дрейером. Но и во Франции фильм получил прохладный прием, хотя в определенных художественных кругах имел успех.

Датская премьера состоялась почти год спустя после немецкой, в конце марта 1933 г. Новый фильм Дрейера очень ждали, и в Копенгагене он понравился и критикам, и, как ни странно, зрителям. Его показывали в Metropol-Teatret в течение трех недель; в первые две было продано более 25 000 билетов¹²⁶. Но на копенгагенской премьере Дрейер не присутствовал. Вероятно, он лечился в это время в одной из парижских психиатрических клиник от последствий нервного срыва.

Нет никакой информации о коммерческом прокате «Вампира» в США, однако 16 мм копия там хранилась, и была доступна в течение многих лет. Интерес к фильму в профессиональных кругах с течением времени только рос. В 1972 г. сам Альфред Хичкок назвал «Вампира» единственным фильмом, который стоит посмотреть дважды. Его называли среди своих любимых фильмов многие известные режиссеры, от Луиса Бунюэля до Гильермо дель Торо.

Через тридцать лет после премьеры встал вопрос о перевыпуске «Вампира» и, соответственно,

об авторских правах. Гинзбург рассказывал в интервью, что к нему обратился известный американский коллекционер Рэймонд Рохауэр с предложением продать права на «Вампира» и Гинзбург с радостью согласился. Рохауэр обращался и к Дрейеру, но тот опять не считал, что обладает какими-либо правами на свой фильм.

В 1999 г. была осуществлена реставрация «Вампира». Процесс осложнялся тем, что оригинальные негативы не сохранились ни для одной из версий фильма, а существующие копии имели значительные повреждения в различных местах. За основу взяли немецкую версию фильма, как наиболее хорошо сохранившуюся, но она не содержала те два эпизода, которые были вырезаны немецкой цензурой. Эти эпизоды сохранились во французской версии, но их невозможно было добавить, не нарушая целостность звукового ряда.

Есть основания считать, что были вырезаны и некоторые другие части фильма. Сохранившийся материал составляет в сумме 2 004 метра, тогда как в официальных выходных данных немецкой версии значится 2 271 метр (после двух удаленных цензурой сцен). Разница составляет около 10 процентов! Причины этого не совсем ясны; одно из предположений состоит в том, что Дрейер существенно перемонтировал фильм после провальной берлинской премьеры¹²⁷.

16. Планы, которым не суждено было сбыться

Подводя итоги французского периода жизни Дрейера, можно сказать, что, несмотря на его собственные воспоминания, согласно которым он находился в гуще всевозможных художественных течений, датский режиссер имел довольно ограниченный круг общения и в число его ближайших знакомых входили преимущественно скандинавы.

Одним из них был норвежский скульптор Эмиль Ли, живший в то время в Париже. По его воспоминаниям, Дрейер, во всяком случае в начале своего пребывания в Париже, был жизнерадостен, много шутил, проводил время с друзьями (хотя, вероятно, и немногочисленными) – как в Париже, так и на природе.

Ли встречал в доме Дрейера Рене Клера, и, как упоминалось ранее, Дрейер был знаком с л'Эрбье; но эти связи не стали дружескими. Дрейер всюду находил датчан; в Лондоне – Юля, а в Париже, среди прочих, Ральфа Хольма, сына директора музея из Орхуса, проживавшего в Париже с 1924 г. и работавшего одно время у Альберто Кавальканти. Хольм стал помощником режиссера в обоих французских фильмах Дрейера и, судя по всему, близко общался с семьей последнего.

Но после окончания работы над «Вампиром» ситуация изменилась. Многие из знавших Дрейера в те годы (Эмиль Ли, жена Нергора Беата, Ральф Хольм, журналист и бывший коллега Хенри Хеллесен) отмечали, что после «Вампира» тот стал другим человеком – разочарованным, подавленным и депрессивным. По сообщению Каспера Тьюберга, в начале января 1933 г.

у Дрейера случился нервный срыв, в результате чего в середине февраля он был вынужден лечь в психиатрическую клинику в Париже, где пробыл до начала апреля, из-за чего и пропустил датскую премьеру «Вампира». Сам Дрейер никогда не говорил об этом – что не удивительно, учитывая его почти маниакальную скрытность во всем, что относилось к личной жизни, особенно, если факты имели негативную окраску.

Конечно, напряженная работа над «Вампиром», постоянная ответственность за все аспекты производства (поскольку Дрейер в первый и последний раз выступал продюсером собственного фильма) и последующий коммерческий провал могли привести к нервному срыву. Но есть много указаний на то, что имели место и личные причины.

Драм, ссылаясь на воспоминания Хольма, говорит о непростой ситуации с дочерью Дрейеров Гунни, которая в то время начала играть небольшие роли в театре и кино, сначала в Германии, потом во Франции. Известен, по крайней мере, один фильм с участием Гунни – «Восемь девушек в лодке» («Acht Mädels im Boot», 1932). Очевидно, имел место конфликт с родителями, и Гунни вскоре стала жить отдельно от них. Согласно Хольму, в Париже Гунни против воли родителей продолжила карьеру актрисы, влюбилась в «очень известного» актера и заразилась от него сифилисом. В декабре 1933 г. (уже после возвращения Дрейеров в Копенгаген) Гунни все еще жила в Париже (она упоминается в переписке

Шарля Эдгара дю Перрона^{*}). Девушку забрал домой ее дядя в 1936 г., когда проявления болезни стало уже невозможно игнорировать.

Согласно Мартину Друзи, была и еще одна причина – брак Дрейера с Эббой подошел к критической точке. Дрейер все больше думал о разводе (хотя прямых свидетельств этого и не осталось). От развода его удерживало то, что в этом случае сын Эрик наверняка остался бы с матерью. Дрейер был привязан к Эрику; он часто брал его в период кризиса на длинные прогулки по вечерам.

После того, как в апреле 1933 г. Дрейер покинул клинику, он предпринял ряд попыток вернуться в кино. Об этом периоде его жизни сохранились лишь отрывочные сведения. Дрейер пытался найти работу в Европе, поскольку в США он никому не был известен, да и сам придерживался очень невысокого мнения об американской системе кинопроизводства. В интервью 1931 г. по поводу предстоящей премьеры «Вампира» он сказал:

«Чтобы ответить на этот вопрос (почему столько американских фильмов беспомощны в художественном отношении) необходимо посмотреть на производственные методы в Голливуде. “Организация” – предмет гордости каждой кинокомпании. Фильм – это не результат работы одного или даже

^{*} Шарль Эдгар дю Перрон (Perron; 1899–1940) – голландский писатель, работал журналистом в Париже. В одном из его писем, датированном 6 декабря 1933 г. упоминается, что в комнате по соседству живет Гунни Дрейер, дочь режиссера «Страстей Жанны д’Арк» и «Вампира». Этот факт свидетельствует также и об известности Дрейера во французской артистической среде.

нескольких людей. Фильм создается “организацией”, чем-то вроде мясорубки. У автора выкупается сценарий, затем он перерабатывается вторым автором, обсуждается в сценарном отделе, снова перерабатывается третьим автором, сцены разрабатываются четвертым, а пятый работает над диалогами, которые в свою очередь дорабатываются шестым и так далее. Организация, которая представляет собой абсолютно безличную форму администрации, держит в своих руках каждый аспект фильма, костюмов, декораций, подбора актеров, режиссуры. Режиссер может советовать, но не принимает главные решения. Он идет в студию и работает в полном соответствии с расписанием “организации”, которого должен строго придерживаться. Нет ничего важнее этого расписания. Сделать плохой фильм – куда меньшее преступление, чем выйти из расписания хотя бы на час. Продюсер отвечает за то, чтобы фильм производился с надлежащей скоростью. Вся честь принадлежит именно ему, и никто не сочувствует режиссеру, который должен идти на компромисс с совестью художника. И ему некому пожаловаться, ибо, куда бы он ни обратился, он везде натывается на глухую стену – организацию – безличную и безответственную.

До пришествия звукового кино принципам организации противостояли европейские принципы – принцип индивидуальности. Здесь режиссер был движущей силой. В его руках сосредотачивались власть и ответственность. Он с помощью продюсера выбирал сценарий, работал над его подготовкой, выбирал членов съемочной группы и актеров, и у него было время

на режиссерскую работу. Качество было первой и главной целью. Фильмы снимались дольше, но они были лучше и имели индивидуальный характер. Именно так работали Шёстрём и Стиллер, пока не уехали в Америку, где от их личности и индивидуальности не осталось и следа. Именно так работал Любич, пока не был американизирован.

С европейской точки зрения, это правильный путь. Вообразите писателя, который пишет пьесу или роман в соответствии с принципами организации. Каждая пьеса или роман были бы как две капли воды похожи на другие, как это и происходит с американскими фильмами. Несколько лет назад в американской киноиндустрии начался спад, потому что европейцы и даже сами американцы не хотели больше смотреть такие фильмы, но сейчас, с приходом звукового кино, американцы делают фильмы, похожие друг на друга как две сосиски, выпущенные на одном конвейере. Можно было бы подумать, они сняты одними и теми же автором, режиссером, оператором, дизайнером, не имея вы дополнительной информации.

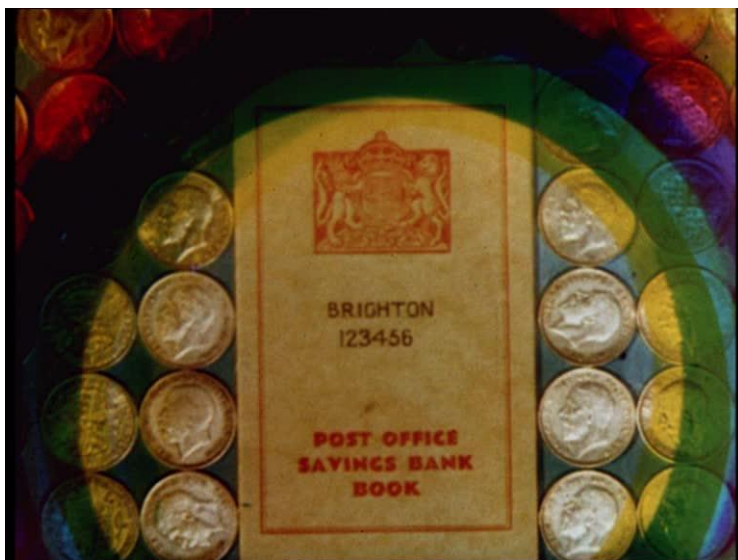
Теодор Драйзер приехал в Голливуд и продал права на экранизацию своей книги, “Американской трагедии”, но остался не удовлетворен фильмом, который прошел через организационную мясорубку, и хотел, чтобы в него внесли изменения. Над ним посмеялись и сказали, что он старомоден и что Голливуду не нужны советы от замшелых авторов. Драйзер возбудил дело против того, что он назвал голливудской вивисекцией»¹²⁸.

Но и Европа постепенно переходила на американские принципы кинопроизводства.

Летом 1933 г. Дрейер направился в Англию, которая долгое время в отношении кино оставалась далеко позади других европейских стран. Но к 1930-м годам ситуация начала меняться. Еще в 1925 г. в Лондоне было создано Кинематографическое общество (Film Society), объединившее киноманов, в 1927 г. начал выходить журнал *Close Up*, уделявший особое внимание авангарду, а в 1932 г. вышел первый номер журнала *Sight and Sound*, до сих пор остающегося одним из самых влиятельных журналов в области кино. В следующем, 1933 г., был основан Британский Институт Кинематографии (British Film Institute, BFI).

В 1926 г. была создана новая организация – Empire Marketing Board (EMB), имевшая главной целью содействие торговле и взаимопониманию между странами Британской колониальной империи. Ее возглавлял Стивен Таллентс, страстно любивший кино и бывший поклонником Довженко и советской школы кинематографии. Стивен Таллентс вместе с Джоном Грирсоном (который незадолго до этого вернулся из США, где он изучал кино и познакомился с Флаэрти) основали на EMB отдел фильмов (Film Unit), а после того, как в 1933 г. EMB закрыли, перешли в Почтовое Ведомство Великобритании (General Post Office, GPO).

1930-е годы стали непростым временем для кинематографистов, не влившихся в мейнстрим. Мелкие независимые компании не могли купить звуковое оборудование. Кинопроизводство подорожало настолько, что мало кто мог позволить себе снимать некоммерческое кино. В этом смысле GPO Film Unit был исключением. Конечно, за его деятельностью осуществлялся правительственный контроль и темы большинства фильмов

Кадр из анимационного фильма GPO, снятого новозеландским живописцем, аниматором и кинетическим скульптором Леном Лаем

должны были быть так или иначе связаны с деятельностью почты, но он, по крайней мере, не зависел от рынка. А политика, которую проводили Таллентс и Грирсон, способствовала тому, что GPO Film Unit стал одним из самых значительных творческих объединений за всю историю британского кинематографа. Среди многих известных людей, сотрудничавших с GPO Film Unit можно назвать, например, молодых Бенджамина Бриттена и Уистена Хью Одена.

Важную роль в деятельности GPO Film Unit сыграл Альберто Кавальканти, приглашенный Грирсоном в 1933 г. Бразилец по происхождению, Кавальканти в 1920-х гг. работал во Франции, в частности с л'Эрбье, и принадлежал к плеяде режиссеров французского авангарда. Именно Кавальканти пригласил Дрейера

в Англию и поручил ему снять фильм (основанный на реальном событии) о подводомственных GPO радиостанциях, поддерживающих связь с рыболовецкими траулерами. Он вспоминал:

«Я пригласил Карла Дрейера приехать к нам и представил его Грирсону, который немедленно, почти что в манере Муссолини, постановил, что Дрейер должен снять “Северное море”. Дрейеру были даны материалы о реальном происшествии, он взял их с собой и написал сценарий. Я прочитал сценарий и отказался иметь с ним дело дальше. Возможно, Дрейер как режиссер обладал многими достоинствами, но чутья документалиста у него не было. Например, в тот момент, когда суровые шотландские рыбаки видят спасенный траулер, он заставил их обливаться слезами! Вы можете такое представить? Я здорово поругался с Грирсоном из-за этого, но, к счастью, Дрейер нашел другую работу, и данная история не имела продолжения»¹²⁹.

Фильм «Северное море» («North Sea») в результате был снят Гарри Уоттом, и вышел на экраны в 1938 г.

В октябре 1933 г. Дрейер хотел получить права на экранизацию «Ноктюрна» («Nocturne», 1917) английского романиста Франка Свиннертона, действие которого происходит в течение одного вечера, ночи и утра. За это время в жизнь двух старых дев, ухаживающих за калек-отцом, входит любовь, и мрачная, подавляющая атмосфера, наполненная горечью и агрессией, как по волшебству уступает место оптимизму.

Другой проект, относящийся примерно к этому же времени, касался экранизации пьесы французского драматурга Луи Вернейля «Мсье Ламбертье»

(«Monsieur Lamberthier ou Satan», 1928), которую Дрейер увидел в Датском Королевском театре в Копенгагене. Эта пьеса, в которой играют всего два актера, рассказывает историю любви, подозрительности и ревности, приводящей к трагедии. Дрейер написал на 9 страницах черновой вариант сценария.

Ни одному из этих проектов не суждено было осуществиться. Однако в феврале 1934 г. длительный период поисков работы, казалось, завершился. Гринев, бывший когда-то продюсером «Страстей Жанны д'Арк», пригласил Дрейера принять участие в съемках фильма, действие которого проходило в Сомали (в то время итальянской колонии).

Незадолго до этого туринская газета La Stampa отправила в Африку вместе с охотничьей экспедицией своего журналиста Эрнесто Квадроне, который написал для нее серию репортажей. В Сомали Квадроне узнал историю одного белого мужчины, ушедшего в буш, чтобы жить с негритянкой, и загорелся идеей снять полудокументальный фильм на эту тему. Вернувшись в Италию, он нашел инвесторов, главным из которых стала его газета. Но Квадроне нужна была еще и производственная компания, тут он и вышел на Гринева, который, в свою очередь, пригласил Дрейера.

Не любивший говорить о своих неудачах, сам Дрейер никогда не рассказывал об этом проекте до того, как Квадроне в 1951 г. опубликовал статью со своими воспоминаниями. Да и после Дрейер был очень немногословен. Практически все, что известно об этом периоде его жизни, известно из воспоминаний Квадроне. Последний очень хорошо отзывается о Дрейере и очень

плохо о Гриневе, которого по этой причине называет «Русский», а не по имени.

Согласно Квадроне, Гринев принял их в роскошном парижском офисе и заявил, что является самой влиятельной фигурой французского кино. На этой встрече в не совсем понятном качестве присутствовала леди Абди (урожденная Ия Ге), тоже русская эмигрантка, светская львица, законодательница мод, внешне очень похожая на Грету Гарбо. После короткой встречи (которая состоялась в конце февраля 1934 г.) соглашение было достигнуто, и Квадроне с Дрейером отправились в Турин работать над сценарием будущего фильма. Через несколько недель они сели в Генуе на корабль и отплыли в Сомали. По словам Квадроне, единственное, что вложил «Русский» в фильм – старая камера, которую он вручил им перед отплытием.

Квадроне подробно рассказывает о методе работы Дрейера, в котором видны все те же, уже знакомые нам по описаниям других людей, работавших с Дрейером, характерные черты:

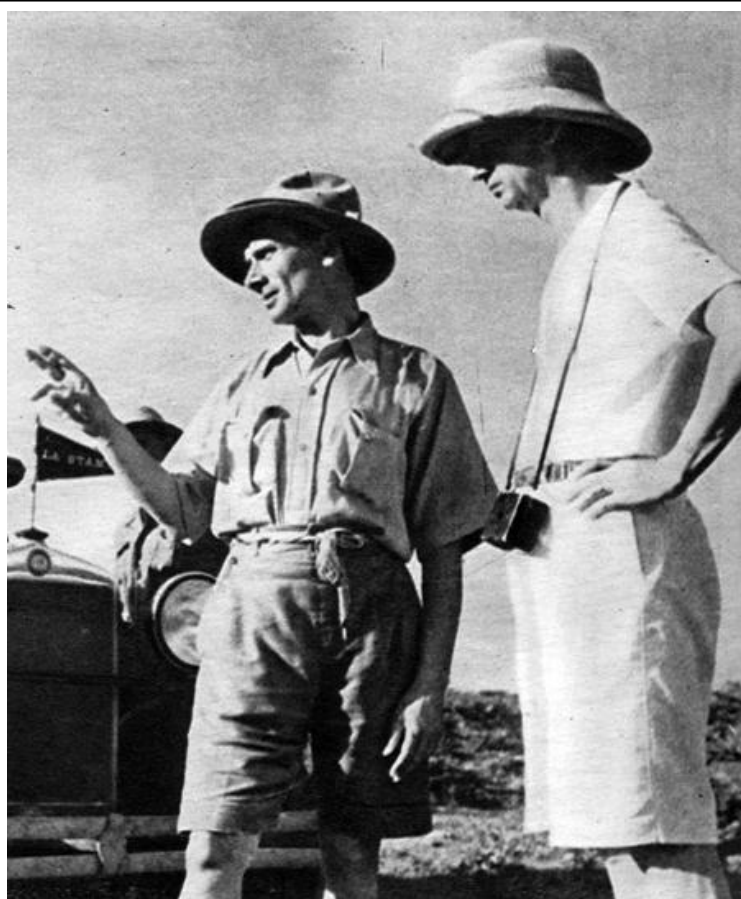
«Дрейер искал типаж, который мы могли бы использовать, обычного человека, который никогда не был актером, но мог бы им стать. Однажды, когда Дрейер переходил из одного театра в другой, он наконец-то нашел человека, отвечавшего всем требованиям, в переполненном Teatro Alfieri. Дрейер мгновенно предложил ему работу, но дружелюбно настроенный джентльмен отказался. Он только что вернулся из Конго, где прожил больше десяти лет и хотел отдохнуть. Дрейеру достаточно было одного взгляда, чтобы выбрать из тысяч туринцев идеального исполнителя главной роли для фильма об Африке.

К тому моменту, когда мы приехали в Сомали, Дрейер был не хуже меня знаком с той частью страны, которая располагалась между Магадишем и Кисмайо и реками Уэби-Шабелле и Джубба. Он знал, и не только по названиям, все местные деревья, которые он заставил меня описывать от кроны до корней и среди ветвей которых он намеревался спрятать "бунтовщиков". Он знал пропорции местной квадратной хижины ("harisc"), и уже сделал набросок, как превратить ее в будущую тюрьму. Он знал о колонии прокаженных, расположенной на маленьком островке на реке Джубба, из которой должны были бежать пятнадцать человек. Он знал пятнадцатилетнюю девушку. Он звал ее "Фэй" и на своего рода "пресс-конференции", проведение которой согласовал заранее, потребовал, чтобы никто другой с ней не говорил, поскольку у нее должен быть единственный учитель.

На корабле Дрейер работал в своей каюте, а я в своей, и ни разу он не позволил мне покинуть пост в "рабочее время", даже в пекле Красного моря. Каждый раз, как только я записывал одно, два, три или больше предложений для сценария (в зависимости от моего воображения и того, насколько хорошо работал вентилятор), я отсылал их Дрейеру, который многократно их перечитывал и отсылал мне обратно – либо потому что они не работали, и я должен был заменить их на другие, либо для того, чтобы "заархивировать" их вместе с теми, которые он предварительно одобрил. По вечерам мы наконец-то встречались на палубе, вытягивали ноги и говорили о дневной

работе. А в редкие часы отдыха великий режиссер проявил себя как несравненный попутчик»¹³⁰.

По прибытии в Магадиш Дрейеру оказали все возможные почести, поселили в доме губернатора Витторио Равы, страстного киномана, охотника, художника, фотографа, исследователя. Но Дрейер как будто бы не замечал торжественного приема. Затем все

Квадроне и Дрейер в Сомали.

отправились на место съемок рядом с Кисмайо. Немногочисленная съемочная группа поселилась в небольшом отеле, где, кроме них, было очень мало постояльцев.

Почти сразу же стали поступать сведения о других европейских съемочных группах в Африке, и у всех были проблемы. Большая часть сотрудников Дрейера и Квадроне заболела малярией. Дошла очередь и до самого Дрейера. Вероятно, именно из-за болезни он довольно быстро покинул Африку и уже в июле 1934 г. вернулся в Париж, где оставалась его семья.

Квадроне почти ничего не пишет о причинах, по которым Дрейер вынужден был оставить проект, хотя и намекает на некоторые трудности в общении, которые возникли между ними, а сам Дрейер незадолго до смерти жаловался Дэйлу Драмму на невыносимые условия работы: ужасную жару, болезни членов съемочной группы, отсутствие профессиональных актеров и студии. Африка, которая произвела столь сильное впечатление на многих знаменитых европейцев и американцев (Хемингуэя, Рембо, Делакура, Гумилева, Пазолини и многих других, почувствовавших в Африке поэтичность огромной притягательной силы) оставила Дрейера совершенно равнодушным и вызвала у него только раздражение. Последней каплей, по словам Дрейера, стало то, что продюсеры, якобы, решили навязать ему леди Абди в качестве исполнительницы главной роли, на которую она совершенно не подходила.

Здесь остается много неясностей. Во-первых, судя по воспоминаниям Квадроне, участие в проекте леди Абди не должно было стать для Дрейера очень большим сюрпризом, поскольку она присутствовала на первой встрече в офисе Гринева. Во-вторых, Гринев ранее

всегда предоставлял режиссерам полную свободу и не навязывал свои творческие условия. И, в-третьих, когда Дрейер внезапно отказался от работы над фильмом и покинул Африку, Квадроне через La Stampa вынужден был срочно искать нового режиссера и нашел 32-летнего Жана-Поля Полена, снявшего перед этим три фильма на небольшой студии. Полену никто не ставил условий по поводу исполнительницы главной женской роли, он сам быстро набрал актеров и вылетел с ними в Сомали. Через 4 месяца съемки завершились. При этом Квадроне использовал свой сценарий, а не Дрейера, который был готов, и за который Гринев (по утверждению Квадроне) даже заплатил. Вероятно, Гринев вышел из проекта вместе с Дрейером.

Сценарий, написанный Дрейером (62 страницы машинописного текста, разделенные на 309 эпизодов), носил название «L'Homme ensablé»*, но во время съемок оно было изменено на «Mudundu». Фильм Жана-Поля Полена называется «Белый раб» («L'Esclave Blanc») и, насколько известно, не содержит кадров, снятых Дрейером. «Белый раб» не имел большого успеха у публики и критиков.

В конце августа 1934 г. Дрейер вместе с семьей (кроме Гунни, оставшейся в Париже) вернулся в Копенгаген. Он рассчитывал снимать фильмы в Дании, но все оказалось непросто. Как и другие страны, Дания в начале 1930-х гг. перешла на звук. Первым звуковым фильмом стал «Пастор из Вальбю» («Presten i Vejby», 1931), снятый Георгом Шнеевойгтом, бывшим оператором Дрейера, работавшим с ним на всех его датских фильмах. «Пастор из Вальбю» принес прибыль в два раза

* «Утонувший в песках» (фр.)

превышавшую вложения (впрочем, не очень большие), что вызвало определенные надежды на возрождение датского кинематографа. И, действительно, в 1930-х гг. датские фильмы занимали третье место в домашнем прокате, сразу после американских и немецких.

Но рынок для них Данией и ограничивался, а в ней проживало на тот момент всего 4 миллиона человек, и производственные компании с очень большим вниманием следили за тем, чтобы выпускаемые ими фильмы отвечали вкусам аудитории. Так, например, когда опрос 1937 г. показал, что примерно треть зрителей проживает в сельской местности, это сразу же привело к возросшему количеству «сельских фильмов»¹³¹. Датские кинокомпании даже и не мечтали снова выйти на международный рынок.

В 1930-х гг. выходило 10-15 датских фильмов в год. Основными производственными кинокомпаниями оставались Nordisk и Palladium, в конце десятилетия к ним добавилась ASA. Большинство продукции составляли музыкальные комедии.

Самым продуктивным датским режиссером оставался Лау Лауритцен, прославившийся еще в немом кинематографе комедиями про Пата и Паташона. Примерно по фильму в год снимал упомянутый выше Шнеевойгт. Хольгер-Мадсен и А. В. Сандберг, ветераны датского кино, сняли всего по два фильма каждый.

Беньямин Кристенсен, вернувшийся в 1935 г. из США, где его карьера в кино не сложилась, смог снять свой первый фильм «Дети развода» («Skilsmisens børn») только в 1939 г., хотя работал над сценарием с 1936 г. Этот фильм о детях, живущих с одним из разведенных родителей, стал первым в «социальной»

трилогии Кристенсена. За ним последовали «Ребенок» («Barnet», 1940) – о проблеме аборт и тяжелой ситуации, в которую попала молодая семья из-за нежелательной беременности, и «Пойдем со мной домой» («Gå med mig hjem», 1941) – о женщине-адвокате, которая тратила много сил и сочувствия, чтобы помочь своим клиентам, в то время как больше всего в сочувствии и участии нуждался ее собственный муж. Однако в этих фильмах, технически грамотных, трудно было узнать автора «Ведьм».

Но социальные фильмы появились только в конце 1930-х, а до этого датские студии снимали преимущественно музыкальные мелодрамы и комедии. Типичным примером раннего звукового датского фильма является «Нюхавн, 17» («Nyhavn 17», 1933), снятый Шнеевойгтом. Примула – дочь хозяйки кафе. Она живет в районе доков и работает продавщицей мебели в одном из больших универмагов. И однажды, когда она едет на велосипеде на работу, ее сбивает машина. Примула цела, но велосипед сломан и Примула опаздывает на работу, за что директор ее сразу же увольняет. Но водитель сбившей Примулу машины оказывается в магазине, чтобы купить мебель, и влюбляется в Примулу с первого взгляда. Их встреча сопровождается первой из многих песен. Примула оказывается незаконной дочерью директора магазина, директор воссоединяется с ее матерью, а Примула – с влюбленным в нее молодым человеком.

136-страничный сценарий фильма «Отец», написанный Дрейером по возвращении в Данию, заметно отличался от этой музыкально-мелодраматической продукции и перекликался с темой будущего фильма

Кристенсена. Впервые после сценариев, написанных в 1910-х гг., Дрейер даже формально не опирался ни на какой литературный источник.

Главная тема «Отца» – право ребенка на выбор, с кем из родителей он хочет жить после развода. Семейная жизнь Эйнара и Эллен не сложилась, они разводятся. Дети, естественно, остаются с матерью. Но младший сын хочет быть с отцом, и Эйнар бежит с ним и с его гувернанткой в Швейцарию, где они живут почти в нищете. Однако спустя некоторое время Эйнар вынужден вернуться в Копенгаген к умирающей матери. Там его арестовывают по обвинению Эллен в похищении ребенка. Эллен мечтает посадить бывшего мужа в тюрьму, но судья решает, что ребенок имеет право выбирать, с кем из родителей ему жить¹³².

Этот сценарий не вызвал интереса у продюсеров. Дрейер обсуждал с ними и возможность постановки фильма по пьесе Стриндберга «Преступление и преступление» («Brott och Brott», 1899), но тоже безрезультатно.

До конца не ясно, почему в 1930-х гг. у Дрейера не получилось снять ни одного фильма в Дании. Да, ситуация была непростой, но и Кристенсен, и Хольгер-Мадсен, и А. В. Содеберг сняли хотя бы по два-три фильма. Почему такая возможность не была предоставлена Дрейеру, режиссеру, международной известностью которого датчане гордились?

Дрейер был не из тех людей, которые рассказывают о своих неудачах. Скорее всего, он сам не захотел идти на компромиссы, которые были неизбежны. В 1954 г. во время съемок «Слова» Дрейер вспоминал, что в 1938 г. получил предложение от MGM переснять

«Страсти Жанны д'Арк» с Гретой Гарбо в главной роли, но отказался, поскольку ему было неинтересно повторять уже сделанное ранее. А в апреле 1936 г. в дискуссии с доктором Шибергом по поводу все большей коммерциализации кино и потери роли индивидуальности на примере последних фильмов Рене Клера, Дрейер прямо заявил:

«Др. Шиберг оказал мне честь, упомянув меня и выразив сожаление, что я не преуспел здесь, в этой стране, в совмещении художественности фильма и симпатий зрителей. Могу его утешить, что на самом деле не оплакиваю свою судьбу. Предпочитаю остаться одним из победителей, а не быть среди побежденных и платить ту цену, которую заплатил Рене Клер»¹³³.

Так или иначе, к 1936 г. Дрейер оставил попытки снимать фильмы в Дании и вынужден был вернуться к своей прежней профессии репортера. Он устроился на работу в В.Т., вечерний таблоид, причем сразу в двух качествах – как кинокритик и как ведущий колонки новостей из городского суда.

Карьера Дрейера в качестве кинокритика оказалась недолгой. Первая рецензия* вышла 21 января, последняя – 12 мая. Среди фильмов, о которых писал Дрейер, были «Анна Каренина» («Anna Karenina», 1935) Кларенса Брауна с Гретой Гарбо в главной роли, «Млечный путь» («The Milky Way», 1936) Лео МакКери с Гарольдом Ллойдом, «Новые времена» («Modern Times», 1936) Чарли Чаплина, «Деревянные кресты» («Les croix de bois», 1932) Раймона Бернара, «Мечтатель» («Traumulus», 1936) Карла Фройлиха с Эмилем Яннингсом и

* На фильм Фрица Вендхаузена «Пер Гюнт» («Peer Gynt», 1934).

«Батальон иностранного легиона» («La bandera», 1935) Жюльена Дювивье.

Из всех вышеперечисленных фильмов только «Новые времена» Дрейер удостоил сдержанного одобрения, все остальные рецензии были отрицательными.

Свою позицию как киноcritика Дрейер ясно выразил в той же дискуссии с доктором Шибергом:

«Подводя итог, позвольте мне заявить, что критику следует выносить оценку фильмам с точки зрения их художественных достоинств и только лишь с этой точки зрения, и не беспокоиться о сборах или житейских делах режиссера. Рассматривать нужно лишь достоинства и недостатки фильма как произведения искусства»¹³⁴.

Типичным примером такой бескомпромиссности может послужить отрывок из последней статьи Дрейера-кинокритика, опубликованной в В.Т. под заголовком «За бульварами Парижа». Она была

Колонка Дрейера в В.Т.

посвящена датской премьере фильма французского режиссера Бернара Дешама «Малышня» («La marmaille», 1936):

«Как режиссер, Бернар Дешам не отличается большим размахом. Он никогда не погружался в бездну эмоций и не поднимался на вершины поэзии. Он летает низко и наблюдает, и затем с бесконечным трудолюбием применяет свои наблюдения к той очень малой составляющей, которая представляет сюжет его фильма. Нудная работа с мелочами, с толкотней из сотен деталей, которые доставляют удовольствие и наводят скуку одновременно. В итоге – скромные результаты, потому что составные части крайне малы. Фильм претендует на то, чтобы быть натуралистическим, но не является таковым, потому что режиссер впадает в сентиментальность и мелодраматизм»¹³⁵.

Во второй части статьи досталось и переводчику фильма на датский, который, по мнению Дрейера, не слишком аккуратно перевел французские жаргонизмы.

Вероятно, точка зрения автора на кинокритику не совпадала с точкой зрения редакции, поэтому профессиональная деятельность Дрейера в этом качестве вскоре завершилась. Однако он продолжал время от времени пытаться публиковать свои мысли о кино, в основном, в виде писем в редакцию.

Единственным источником заработка для Дрейера остались репортажи из зала городского суда, которые он под псевдонимом Tomten писал на протяжении нескольких лет 5-6 раз в неделю. Всего таких репортажей, героями которых становились люди, представшие

перед судом за мелкие правонарушения, вышло около тысячи, и они пользовались популярностью.

Казалось, Дрейер, как и многие его коллеги, не смог приспособиться к звуковому кино и навсегда оставил кинорежиссуру. В копенгагенских справочниках 1937 г. он значился как журналист, а в марте 1937 г. в статье, которая вышла в местной газете, его назвали «известным в прошлом режиссером»¹³⁶. И хотя в 1939 г. в интервью, которое Дрейер дал по случаю своего 50-летия, он сказал, что все еще надеется снимать фильмы¹³⁷, было мало оснований считать, что этим надеждам суждено сбыться.

17. Возвращение в кино: «День гнева»

В 1940 г. Эббе Нергор – датский критик, ученый и друг Дрейера – написал его биографию. Небольшая книга, озаглавленная «Работа кинорежиссера» («En Filminstruktørs Arbejde»), вышла в копенгагенском издательстве Atheneum Forlag. Хотя объем публикации был не велик, она напомнила о значении Дрейера как режиссера.

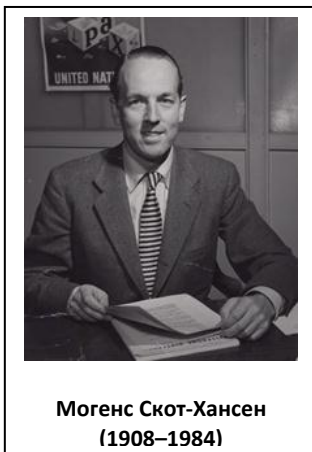
По случаю выхода книги Нергора издатель организовал прием, на котором присутствовали многие деятели кино. Там Дрейер познакомился с Могенсом Скотом-Хансеном, который отвечал за производство в Министерстве документальных фильмов (Ministeriernes Filmudvalg)*.

На следующий после приема день Дрейер позвонил Скоту-Хансену и предложил написать сценарий для полнометражного фильма по пьесе «Анна, дочь Педера» («Anne Pedersdotter», 1908) норвежского драматурга Ханса Вьерса-Енсена. Пьеса рассказывала о трагической судьбе Анны, вдовы норвежского гуманиста XVI в. Абсалона Бейера, и стала в начале века международным хитом. Она более ста раз ставилась на сцене, в том числе и на Бродвее (под названием «Ведьма»). Сам Дрейер увидел «Анну» впервые в Копенгагене весной 1909 г. И вновь выбор пьесы говорит о том, что Дрейер

* В 1930-х гг. кинематограф Дании был практически полностью коммерческим, никаких государственных фильмов не выпускалось. Но с началом немецкой оккупации в апреле 1940 г. возникла угроза прихода на датские экраны немецких нацистских пропагандистских фильмов. Датское правительство хотело воспрепятствовать этому и создало Министерство документальных фильмов, которое и возглавил Скот-Хансен.

хотел поставить фильм, который мог бы рассчитывать на международное признание, несмотря на не самое удачное для этого время.

Хотя пьеса и основывалась на реальных событиях, Вьерс-Енсен далеко отошел от исторической правды. Его героя нельзя назвать одним из первых норвежских гуманистов, каковым являлся реальный Абсалон Бейер. Помимо прочего, Бейер способствовал развитию норвежского театра, его ученики в церковной школе ставили пьесы на латыни и норвежском. Абсалон Бейер умер в возрасте 47 лет, а не 60, как в пьесе. Анна была его первой и единственной женой, у них родилось восемь детей. Анну сожгли на костре лишь через 15 лет после смерти Абсалона, обвинив в том, что она сжила со света при помощи магии пять человек (но не мужа). И ее осуждение поддержал один из ее собственных сыновей (а не пасынок, которого у нее никогда не было).

**Могенс Скот-Хансен
(1908–1984)**

Скот-Хансен, который очень уважал Дрейера, заинтересовался его предложением. Права на экранизацию принадлежали датскому писателю Паулю Кнудсену, с которым Скот-Хансен провел переговоры. Скот-Хансен очень хотел, чтобы фильм был доступен массовой аудитории, и пытался убедить в этом Дрейера. Но Дрейер и так всегда считал, что снимает достаточно «массовые» фильмы.

В результате Дрейер написал сценарий, на котором стояли еще имена Скота-Хансена и Кнудсена, хотя их участие можно считать минимальным. Дрейер внес в пьесу типичные для него изменения, продолжая развивать идеи «визуального очищения» и оставляя в декорациях лишь самые необходимые предметы. Он также убрал лишние второстепенные персонажи и сократил диалоги.

Каспер Тьюберг в комментарии к «Дню Гнева» отмечает, что сценарий Дрейера имеет куда большую антиклерикальную направленность, чем пьеса¹³⁸. Дрейер перенес действие из Норвегии 1575 г. в Данию 1623 г., почти на полвека вперед. Сдвиг по времени был связан в первую очередь с тем, что пик охоты на ведьм в Дании пришелся на 1617–1625 гг. Но в то же время Дрейер отодвинул события фильма от реформации, которая произошла в Норвегии (вслед за Данией) в 1539 г. В пьесе герои часто вспоминают о более человеческой религии, которая предшествовала нынешней, с ее пытками и кострами. В сценарии фильма от этого не осталось и следа.

Другое существенное изменение касалось характера Абсалона. В пьесе Абсалона никак нельзя назвать положительным героем. Он обуреваем страстями, и именно сексуальное влечение к Анне побуждает его спасти ее мать ради того, чтобы жениться на дочери. А вот его мать, Мерете, напротив, не испытывает к Анне ненависти, пока не начинает подозревать о ее любовной связи с Мартином. Дрейер сместил акценты. Отношение Абсалона к Анне больше похоже на отношение дедушки к внучке и полностью лишено какой-либо сексуальности. Он спас ее мать из жалости и потом,

вероятно, главным образом из той же жалости, взял в свой дом сироту. В комментарии, который Дрейер подготовил для актеров, чтобы они лучше поняли свои роли, Абсалон характеризуется следующим образом:

«Абсалон – любящий и добрый муж и сын. Хороший сын. На самом деле, даже слишком хороший и послушный, потому что он так никогда и не смог освободиться от влияния своей матери. Он добр и доверчив. Абсалон – верный служитель церкви, строгий как к себе, так и к другим. Он мыслит достаточно свободно для своего времени, когда предрассудки являлись нормой. Он человечен, терпим и симпатизирует людям. В характере этого человека при всей его целостности есть единственный разлом, вызванный внутренним конфликтом между человечностью и узостью теологических взглядов, которые он исповедует. Он не сомневается, что мать Анны колдовала и, значит, заслуживала быть сожженной, но его человечность побудила его спасти ей жизнь»¹³⁹.

Далее, все, что происходит в фильме между арестом Марты и ее казнью (а это, главным образом, ее допрос и пытки) в пьесе лишь упоминается вскользь в диалогах. Дрейер сам добавил в сценарий сцены, относящиеся собственно к процессу. Процесс в фильме ведут исключительно клерикалы, хотя на самом деле в Дании того времени за подавляющее большинство подобных процессов были ответственны светские власти. Показательно и то, что Дрейер заменил название «Анна, дочь Педера» на «День гнева».

Как и многие другие скандинавские писатели начала XX в. (Банг, Маделунг, по произведениям которых Дрейер снимал свои ранние фильмы), Вьерс-Енсен

увлекался мистицизмом и верил в тайные сверхъестественные силы человеческой души. В «Анне, дочери Педера» наиболее «мистической» сценой является та, где Анна при помощи магии призывает к себе Мартина. Дрейер смягчил мистический смысл этой сцены; все, что происходит в фильме, могло быть и простым совпадением.

Друзи и некоторые другие критики усматривают в «Дне гнева» протест против немецкой оккупации Дании и фашизма, сравнивая клерикалов с нацистами, а преследуемых ведьм – с евреями. Действительно, Дрейер, как и большинство датчан, принадлежал к противникам нацизма; и именно фашистская оккупация навела его на мысль снять фильм об Иисусе, проповедовавшем в Иудее, оккупированной римлянами, – проект, которому Дрейер посвятил многие годы.

Но, что касается «Дня гнева», Дрейер всегда отрицал какую-либо политическую подоплеку. Он говорил после выхода фильма на экраны в 1943 г.:

«Я хотел снять фильм на основе этого материала в течение многих лет из-за его драматической силы, трагического сюжета, возможности превосходно сыграть роли, которую он предоставлял актерам, и, наконец, потому что здесь можно было применить великолепные визуальные эффекты»¹⁴⁰.

Этой же позиции он придерживался до конца жизни. Ее разделяет и Каспер Тьюберг, отмечая, что если принять предположение, что Марта и Анна (на роль которой Дрейер выбрал, кстати, актрису с подчеркнуто несемитской внешностью) олицетворяют евреев, то Абсалон и Мерете должны представлять фашистов, что, по его мнению, абсурдно.

По завершении сценария, Скот-Хансен предложил его Nordisk Film. Но руководство студии было напугано слухами о Дрейере, согласно которым он считался очень дорогим и экстравагантным режиссером. Тогда Скот-Хансен сделал следующее предложение: Дрейер снимет для Nordisk короткометражный документальный фильм по госзаказу (который Скот-Хансен мог обеспечить), а затем, если Дрейер докажет, что может снимать фильмы в рамках бюджета и расписания, Nordisk профинансирует его полнометражный фильм. Руководство Nordisk согласилось.

Этим «пробным» проектом оказался короткометражный фильм «Помощь матерям» («Mødrehjælpen», 1942) о государственной программе по поддержке матерей (не обязательно одиноких), попавших в тяжелое положение. Дрейер за три дня написал подробный сценарий для этого двенадцатиминутного фильма, а затем так же в сжатые сроки и с минимальным бюджетом снял его летом 1942 г.

Основную часть фильма занимает история незамужней женщины, обратившейся в один из центров. Там ее уговаривают сохранить беременность, оказывают всевозможную помощь и обещают найти для ее будущего ребенка приемную семью, если она этого захочет. Женщина соглашается, но когда ребенок рождается, решает воспитывать его сама (при поддержке «Помощи матерям»). Здесь нельзя не вспомнить об истории рождения самого Дрейера, которую он, впрочем, в то время тщательно скрывал. Любопытно, что закадровый текст читает друг Дрейера Эббе Нергор.

Дрейер вновь работал с непрофессиональными актерами, как часто делал в своих предыдущих

фильмах, но результат оказался не столь впечатляющим. Фильм определенно страдает от излишнего мелодраматизма и не является шедевром кинодокументалистики. Возможно, излишняя, по мнению продюсеров, расточительность Дрейера не была такой уж излишней; чтобы заставить непрофессионалов играть лучше профессиональных актеров, требовалось много времени, сил и ресурсов. Здесь же Дрейер сконцентрировался на выполнении главной задачи – уложиться в сроки и бюджет.

Впрочем, «Помощь матерям» даже заслужила несколько одобрительных строк в обзорах двух копенгагенских критиков, после того, как была показана в кинотеатрах перед художественным фильмом самого Скота Хансена, снятого на Palladium в соавторстве с Кристеном Юлем (соавтором сценария дрейеровского «Вампира») – «Как весело могло бы быть!» («Vi kunne ha' det saa rart!», 1942).

Дрейер выполнил свою часть соглашения – снял «пробный фильм» в заданные сроки, уложившись в бюджет. Несмотря на это, руководство Nordisk отказалось снимать «Анну, дочь Педера». Впоследствии Скот Хансен говорил, что это случилось из-за Бодил Ипсен, актрисы, а затем и режиссера Nordisk, которая была замужем за редактором В.Т., в которой Дрейер работал журналистом. Ипсен недолюбливала Дрейера, а, возможно, и боялась конкуренции, поэтому заявила директору студии Хольгеру Брондуму, что Дрейер абсолютно сумасшедший¹⁴¹.

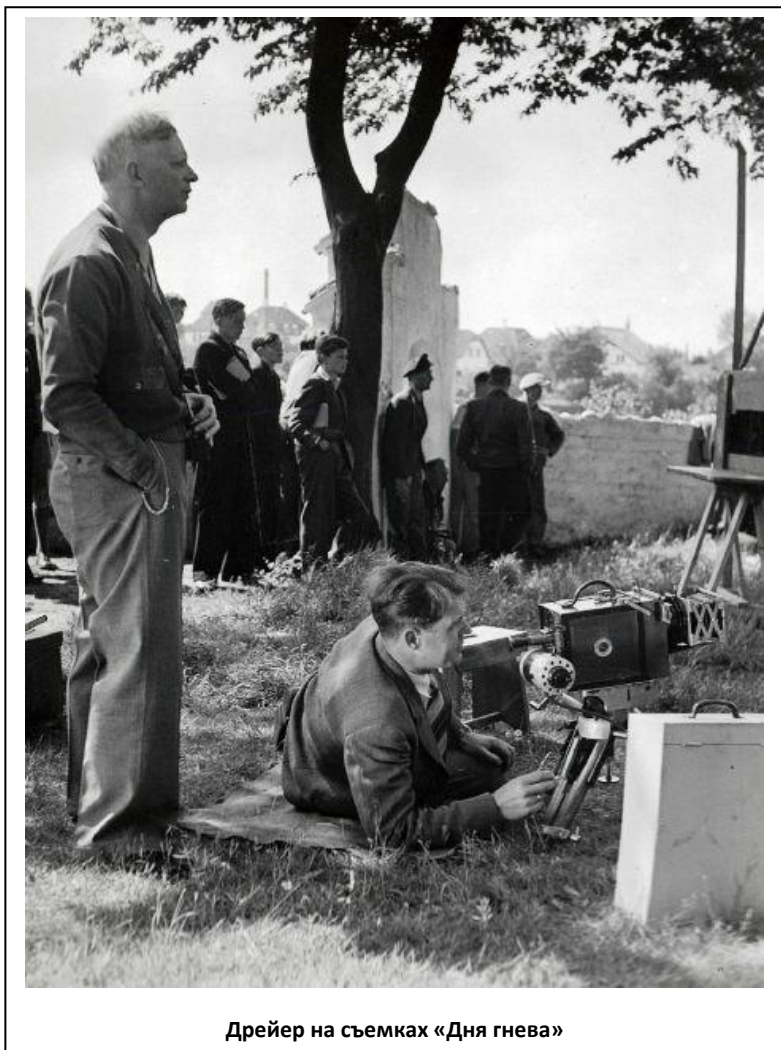
Тогда Скот-Хансен обратился к главе компании Palladium Tage Нильсену и показал ему сценарий «Анны», а также все финансовые выкладки, касающиеся «Помощи

матерям». Нильсен согласился дать Дрейеру возможность снять фильм, который впоследствии стал называться «День гнева». Более того, Нильсен подписал с Дрейером контракт не на один, а на три фильма.

Дрейер пригласил на главные роли как ветеранов Королевского театра, так и новичков, сыгравших лишь несколько небольших ролей. Торкильд Роосе был актером и режиссером в течение сорока лет, Сигрид Нейендам и Анна Свиркир играли в театре еще дольше. Лисбет Мовин и Пребен Лердофф Рюэ еще учились в Драматической школе Королевского театра.

Лисбет Мовин вспоминала, что была очень удивлена, когда ее пригласили к Дрейеру на пробы. Они проговорили примерно четверть часа. Дрейер показался ей маленьким, аккуратно одетым, любезным и очень вежливым человеком, почти что клерком. В конце разговора Дрейер спросил Лисбет, сможет ли она заплакать по приказу. Мовин была обижена и возмущена, ведь она была актрисой, оканчивала актерскую школу. Вероятно, именно та ярость, которую она продемонстрировала, когда усомнились в ее профессиональном мастерстве, и убедила Дрейера – тем же вечером он позвонил Мовин и предложил ей главную роль.

Анне Свикир, мечтавшей сыграть хотя бы еще одну роль в театре, позвонила по поручению мужа жена Дрейера. Анна ничего не знала о Дрейере, но с радостью приняла приглашение. Когда она приехала на пробы, Дрейер спросил ее, были ли у нее в роду сумасшедшие. Когда Свикир ответила, что все люди в большей или меньшей степени сумасшедшие, Дрейер рассмехался и дал ей роль Марты – старой ведьмы.

Дрейер на съемках «Дня гнева»

Съемки начались в апреле 1943 г. на студии Palladium в Хеллерупе и продолжались до начала июля. Натурные съемки проходили в Frilandsmuseet – датском музее под открытым небом, расположенном

в северном пригороде Копенгагена. В коллекции музея имелось множество подлинных строений XVII–XVIII вв.

Дрейеру помогал Кай Улдалл, историк и музейный работник, приложивший много сил для развития музея. Улдалл интересовался кино, и с 1938 г. регулярно выступал в качестве исторического консультанта в датских фильмах. С Дрейером он познакомился еще во время съемок «Однажды». На съемочной площадке Дрейеру помогала и его жена, Эбба, которая выполняла функции помощника режиссера по сценарию.

Художником-постановщиком «Дня гнева» стал Эрик Оэс. В 1920-х гг. он работал дизайнером в берлинском театре, а затем перехал в Париж, где был художником-постановщиком у таких знаменитых режиссеров, как л'Эрбье, Ренуар и Кавальканти. Дрейер очень высоко ценил Эрика Оэса.

Как только дело дошло до съемок настоящего фильма, его фильма, Дрейер сразу же забыл об экономии и стал тем бескомпромиссным режиссером, который наводил ужас на продюсеров «Страстей Жанны д'Арк». Все на съемках должно было быть настоящим. В домах действительно можно было жить. Дрейер с огромной настойчивостью разыскивал аутентичную мебель и предметы быта. В фильме можно увидеть тяжелый буфет с цифрами 1635 – анахронизм, поскольку действие фильма происходит в 1623 г. Но Дрейер счел возможным пойти на это; куда важнее для него было использовать «правильные» вещи, соответствующие эпохе.

Скот-Хансен рассказывал, что какую-то мыльницу он разыскивал полгода, а Лисбет Мовин вспоминала, как Дрейер забраковал лодку (построенную,

естественно, специально для фильма именно так, как их строили в XVII веке) только потому, что она была сделана из березы, а не из дуба. Сцена на чердаке, где в начале фильма прячется от преследователей Марта, занимает всего лишь несколько секунд, но, тем не менее, можно видеть, как тщательно продуманы декорации. Все это привело к тому, что «День гнева» стал очень дорогим. По словам Таге Нильсена, стоимость фильма составила 250 тысяч крон, в то время как стоимость среднего датского фильма не превышала 200 тысяч.

Дрейер, как всегда, изучал исторические источники, и нашел в одной из книг иллюстрацию с сожжением ведьмы – именно так, как это показано в фильме. Тюберг в комментарии к фильму отмечает, что представления Дрейера об охоте на ведьм во многом опередили историческую науку. В 1940-х гг. точка зрения,

На съемках «Дня гнева»

что многие женщины сами верили в свои сверхъестественные способности (как, определенно, верит в фильме Марта, и, по крайней мере, отчасти – Анна), не была общепринятой среди историков и стала преобладать позднее.

Дрейер, как и раньше, хотел проводить съемки в хронологической последовательности, но это было невозможно из-за того, что Торкильд Роосе помимо съемок в фильме был занят и в театре.

И Мовин, и Рюэ, актерская карьера которых в 1943 г. только начиналась, на протяжении долгих последующих лет не переставали восхищаться Дрейером как режиссером. Мовин говорила, что, зная о многочисленных репетициях, которые проводил Дрейер с Фальконетти перед каждой сценой, она ожидала чего-то подобного. Но в случае с Мовин Дрейер отказался от репетиций. Он считал, что у нее очень сильное драматическое дарование, и из-за репетиций она стала бы переигрывать. Дрейер лишь объяснял ей роль, говорил, чего от нее хочет, пытался создать нужную атмосферу.

Мовин вспоминала, что, когда они не успели доснять финальную сцену в один день из-за того, что техники устали и отказались работать, Дрейер нанял на следующий день за свои деньги хор мальчиков (который был уже не нужен в оставшихся сценах) только для того, чтобы Мовин смогла прийти в нужное состояние. На всех натурных съемках Дрейер всегда просил, чтобы Мовин не отходила от него далеко, держал ее отдельно от съемочной группы, хотя особенно с ней и не разговаривал. Но он не хотел, чтобы она болтала с другими о посторонних вещах и теряла нужный настрой. Ну и, конечно же, Дрейер запретил ей (как и всем остальным

членам съемочной группы) пользоваться косметикой, хотя Мовин и признавалась впоследствии, что все же немного пудрила нос.

Рюэ особенно удивило, насколько точно Дрейер знал, что хочет сделать:

«Меня поражала уверенность Дрейера. На меня производило большое впечатление то, как он часто стоял в студии спиной к прожекторам и спокойно говорил: немного поднимите номер 7 и сдвиньте номер 13 вправо. Все в его работе было просто фантастически организовано. Тем не менее, он всегда выслушивал, если кто-то подходил к нему и говорил, как, по его мнению, лучше сыграть ту или иную сцену. Он никогда не боялся пробовать. Это могло занять целый день. Если получалось хорошо, он это использовал. Или же он мог сказать: нет, я думаю лучше сделать так, как я сказал»¹⁴².

Рюэ рассказывал, как Дрейер однажды позвонил ему в два часа ночи, чтобы обсудить какие-то изменения в сценарии. Он совершенно забыл о времени, но при этом ничуть не смутился, что разбудил Рюэ. Похоже, Дрейеру просто не приходило в голову, что кто-то из съемочной группы может сомневаться в том, что работа над фильмом важнее всего.

Это проявлялось даже в работе с актерами второго плана. Олаф Уссинг, игравший небольшую роль Лаврентиса, вспоминал:

«Когда мы впервые встретились, Дрейер показал мне картинку с человеком, на которого он хотел, чтобы я был похож. Когда я первый раз приехал на студию для съемок, он громко закричал: “Почему вы полностью не сбрили волосы?” Я не помнил, чтобы

на той картинке человек был совсем без волос. А он хотел, чтобы я побрился наголо. Это было очень сложно для меня, поскольку для моей роли в театре мне были нужны волосы. Но он был настолько недружелюбен – нет, это не то слово – настолько ужасен, что я хотел тут же все бросить, но это было невозможно. Когда я сдался и обрил мою бедную голову, и мы встретились снова, он мгновенно преобразился и стал добрым, любезным, скромным»¹⁴³.

Да, как заметил Эйнар Сиссенер, которого Дрейер когда-то заставил переплыть ледяную реку в «Невесте из Гломдала», Дрейер умел добиваться от людей того, чего хотел. Как правило, просто разговаривая с ними, но иногда ему приходилось идти и на хитрости. Так, например, Анна Свиркир, которая играла Марту, отличалась живостью и энергичностью, несмотря на почтенный возраст, почти 70 лет. Дрейер просил актрису двигаться помедленнее, потому что ее героиня находилась в собственном доме, из которого смогла бы выбраться и без лишней спешки. Но Свиркир была чересчур поглощена ролью и ничего не слышала. Дрейер рассказывал:

«Тогда я вспомнил, как она говорила, что купила пару новых туфель, которые оказались ей малы. Я попросил ее надеть их и провел несколько репетиций. Ноги у нее болели все больше и больше, и спустя какое-то время она уже не могла двигаться быстро, и сцена получилась совершенно удачной. Она сказала мне: “Как Вы могли?”. В конце концов, когда она увидела отснятую сцену, то поблагодарила меня. Но кроме этого случая, я никого не пытал»¹⁴⁴.

Последнюю фразу Дрейер произнес с улыбкой, намекая на слухи о том, что он чуть ли не пытал

Фальконетти, чтобы добиться потрясающего драматического эффекта.

Конечно, он не пытал актеров, но и не ограничивался только инструкциями, когда хотел добиться результата. Так, например, в сцене казни Анна Свиркир оставалась привязанной к лестнице почти час, пока Дрейер ждал, чтобы солнце выглянуло из-за туч. У Свиркир очень болела спина, и она почти плакала. Дрейер, заметив состояние пожилой женщины, воскликнул, что это просто замечательно, и что Анна должна сохранить такое выражение лица до момента съемок¹⁴⁵. Впрочем, Свиркир очень высоко оценила Дрейера как режиссера, называла его очаровательным человеком и говорила, что *«у него было замечательное качество не отбирать у Вас Вашу личность. Это оправдывало все усилия. Вы играли то, что могли играть сами»*¹⁴⁶.

В то же время Дрейер был очень внимателен к актерам. Рюэ вспоминал, что, если он уставал и просил Дрейера о передышке, тот всегда соглашался и предлагал ему выпить кофе или пиво. В последующей карьере Рюэ редко доводилось встречаться с таким человеческим отношением режиссера к актерам.

Хотя Дрейер всегда был сторонником интуитивной игры актеров, то есть игры, которая должна идти изнутри, многие жесты и выражения лиц были прописаны в сценарии. Каспер Тьюберг отмечает в комментарии, что очень часто они совпадают с тем, что мы видим в фильме. Учитывая, что Дрейер практически не давал актерам прямых указаний по этому поводу, такое совпадение кажется чудом.

До работы над «Днем гнева» Дрейер не снимал фильмы около десяти лет, но, по его собственным словам, продолжал следить за кино – за новым звуковым кино, в котором ему фактически не довелось пока поработать. Поэтому, можно сказать, «День гнева» стал практическим результатом его теоретических размышлений. И главным из них явилось то, каким должен быть ритм звукового фильма:

«Быстрый монтаж был необходимостью в немых фильмах. Позвольте, я приведу пример. Человек лежит на рельсах в то время, как приближается поезд. В немом фильме вы вынуждены чередовать кадры с человеком и поездом, чтобы зрители понимали, что происходит, и чтобы передать соответствующее ощущение. Но если бы я снимал это в звуковом фильме, то даже не показал бы поезд. Я показал бы человека, а о поезде позаботился бы звук. Я бы все время приближал и приближал его к человеку в рамках одного кадра»¹⁴⁷.

Дрейер воплотил эту идею в первых же кадрах «Дня гнева»: старая Марта слышит в своем доме шум толпы, которая собирается схватить ее, но саму толпу мы не увидим, потому что камера, не отрываясь, следит за Мартой. Средняя продолжительность кадра составляет в «Дне Гнева» 14,8 секунды, что существенно больше 10-11 секунд, характерных для типичного голливудского фильма начала 1940-х гг. К замедлению скорости монтажа зритель привык лишь в 1960-х гг.

Избавленный от необходимости перемежать диалоги интертитрами с репликами, Дрейер разработал технику «скользящих крупных планов», когда камера медленно перемещается с лица одного героя на лицо

другого без смены кадра – прием, не часто встречающийся в кино того времени. Дрейер продолжил применять небанальные ракурсы и освещение, хотя последние и не так бросаются в глаза, как в «Страстях Жанны д'Арк» и «Вампире». Например, часто свет падает словно бы ниоткуда, и отсутствие источника освещения также способствует созданию мистической атмосферы.

Каспер Тьюберг назвал сценографию «Дня гнева» «каллиграфической», настолько тщательно она продумана со всех точек зрения. На роли клириков, членов суда над Мартой, были приглашены несколько художников, потому что их бороды выглядели подходящими, и Дрейер считал, что у них хорошие лица, и есть чувство ритма. Однажды Дрейер, выстраивая групповую сцену, попросил кого-то убрать руку, положение которой ему не понравилось, и один из художников сказал: «Да, я только что сам увидел это и подумал, что руку нужно бы подвинуть, потому что в кадре получается слишком много рук»¹⁴⁸.

Неудивительно, что кадры в «Дне гнева» часто напоминают живописные полотна. Многие указывали на сходство с картинами Рембрандта, но Дрейер всегда отрицал, что использовал их в работе, и говорил, что сходство вызвано лишь тем, что изображения, как у него, так и у Рембрандта, относятся к одной эпохе.

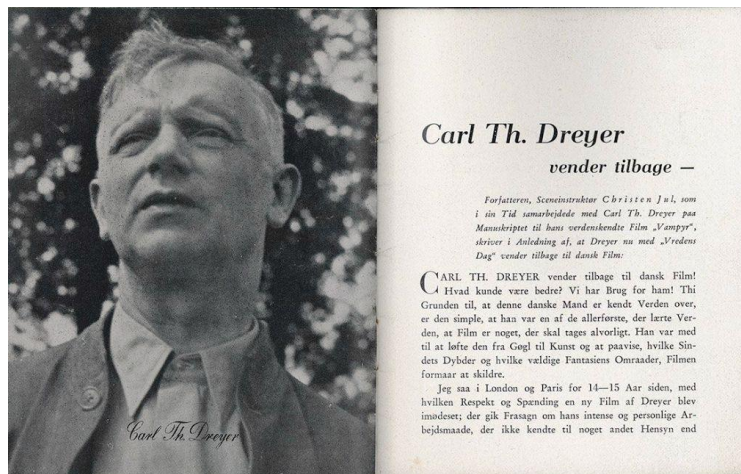
Музыку к фильму написал известный датский композитор и органист Пол Ширбек. Естественно, Дрейер придавал музыке большое значение. Он даже написал специальные указания для тех, кто будет демонстрировать фильм в кинотеатрах, где, в частности, говорилось, что в начале фильма музыка должна играть максимально громко, на пределе возможности аппаратуры, чтобы

воздействовать на зрителя соответствующим образом. Как и к остальным средствам художественной выразительности, Дрейер относился к музыке очень продуманно и был против того, чтобы использовать ее просто для фона и заполнения пауз между диалогами.

Премьера состоялась 13 ноября 1943 г. в Копенгагене. Отзывы датских критиков оказались резко негативными. Причины этого сейчас довольно трудно понять. Когда война закончилась, и фильм стал доступен в Европе, он сразу же завоевал высокую оценку критиков.

Возможно, датские критики отвыкли за предшествующее десятилетие развлекательного кино от сколько-нибудь серьезных фильмов. Еще более вероятно, что «День гнева» производил слишком мрачное впечатление среди той мрачной атмосферы, которая установилась в Дании с середины 1943 г.

Дело в том, что поначалу Дания не слишком страдала от немецкой оккупации. Германия хотела сделать

Страницы из программки «Дня гнева»

из Дании своеобразную витрину, чтобы продемонстрировать миру, как хорошо можно жить под немецким протекторатом. До лета 1943 г. Дания сохраняла свою армию, полицию и правительство. Конечно, реальная власть находилась в руках оккупационных властей, но до поры до времени они ею не злоупотребляли.

Однако летом 1943 г. ситуация изменилась. Оккупационные власти издали распоряжение о депортации датских евреев. В знак протеста 29 августа датское правительство ушло в отставку. В стране формировалось активное сопротивление. 9 сентября в Копенгагене был убит немецкий солдат, и город должен был заплатить за это штраф оккупационным властям в размере 1 миллиона крон. В ночь на 1 октября немцы организовали масштабную облаву и арестовали многих не успевших скрыться евреев и других лиц, в благонадежности которых нацисты сомневались. Был выдан ордер и на арест друга Дрейера Эббе Нергора, которого, к счастью в ту ночь не оказалось дома. Вскоре он, как и многие другие датчане, бежали в нейтральную Швецию.

По контрасту с окружающей действительностью в кино шли в основном комедии и мелодрамы. Даже немецкие оперетты пользовались популярностью. А комедию «Мои дорогие жены» («Mine kære koner», 1943), выпущенную Palladium в мае 1943 г., за десять недель посмотрело 225 000 зрителей. В этом фильме рассказывалось об актере, собирающемся жениться на молоденькой инженеру, и его четырех бывших женах, образовавших союз с целью спасти бедную девушку от их бывшего мужа.

И все же Дрейер считал, что зрителям (в отличие от критиков) фильм понравился:

«У меня возникло твердое ощущение, что публика была очень тронута. Я заметил, что в зале на протяжении всего фильма царила особенная тишина. Это была благоговейная тишина, как в церкви. И на следующий день мне позвонило множество незнакомых людей, которым очень понравился фильм и которые были злы на критиков, чьи статьи они только что прочитали. Раньше со мной такого никогда не случалось. И позднее пришли письма от людей, которых я едва знал, и которые захотели поблагодарить меня за фильм»¹⁴⁹.

Но кому «День гнева» точно понравился, так это оккупационным властям. В их центральном печатном органе появилась хвалебная статья, в которой, в частности, говорилось, что, если датчане столь узколобы, что не могут оценить Дрейера, ему стоит поработать где-нибудь в другом месте. Под другим местом, очевидно, подразумевалась Германия.

18. «Двое» – фильм, от которого отрекся автор.

Много лет спустя Дрейер говорил в интервью своему биографу Дэйлу Драмму, что настойчивый интерес к нему оккупационных властей стал единственной причиной, заставившей его выехать на время из Дании. Якобы Дрейеру поступали от немцев постоянные предложения о сотрудничестве, от которых он уклонялся, но так не могло продолжаться бесконечно. Поэтому, взяв с собой жену, Дрейер фактически бежал в нейтральную Швецию, назвав немцам в качестве цели поездки поиск шведского дистрибьютора для «Дня гнева».

Однако, согласно сохранившимся документам, все произошло не совсем так.

Накануне и в начале второй мировой войны Швеция в культурном отношении была очень зависима от Германии, но к 1942 г. нейтральная Швеция все больше и больше дистанцировалась от нацистов.

Новым руководителем главной шведской киностудии Svensk Filmindustri в 1942 г. стал Карл Дюмлиг, англофил, шекспировед, до этого возглавлявший отделение драмы на национальном радио. Перед Дюмлигом стояла задача вывести шведское кино на новый уровень и обеспечить производство фильмов, более значимых в художественном отношении, чем коммерческие комедии и мелодрамы.

В конечном счете, Дюмлиг справился со своей задачей. Именно он всячески поддерживал Ингмара Бергмана, в 1944 г. еще писавшего на студии свои первые сценарии. Бергман отзывался о Дюмлиге в своих воспоминаниях с большой благодарностью и

симпатией. Но с Карлом Дрейером отношения у Дюмлинга не сложились.

Дюмлинг сразу же пригласил в качестве художественного руководителя Svensk Filmindustri Виктора Шёстрема, прославленного режиссера немого кино, которого Дрейер очень уважал, и о котором очень хорошо отзывался не только в эпоху «золотого века» шведского кино, но и совсем незадолго до описываемых событий, в автобиографической записке в 1939 г., адресованной Эббе Нергору.

Еще до поездки Дрейер написал Виктору Шёстрему письмо с предложением поставить фильм по пьесе Луи Вернейля «Мсье Ламбертье», т. е., фактически, возобновить один из проектов, над которым Дрейер работал еще в 1933 г.

Шёстрем выразил заинтересованность. В качестве поручителей в заявлении на выдачу визы Дрейер указал своего друга Свена Нюгрена, работавшего в кинокомпании Film AB Lux, а также руководителей Svensk Filmindustri – Виктора Шёстрема и Карла Дюмлинга. В декабре 1943 г. Дрейер официально получил визу и отправился в Стокгольм, один, без жены (которая присоединилась к нему лишь в августе 1944 г.) и детей (все время оккупации не покидавших Копенгаген).

Прибыв в Стокгольм, Дрейер сразу же подписал контракт с Карлом Дюмлингом. Контракт подразумевал, в частности, что Дрейер до конца января 1944 г. напишет синопсис сценария по пьесе швейцарского писателя Вилли Оскара Сомина «Посягательство» («Attentat!», 1935). Дело в том, что права на экранизацию «Мсье Ламбертье» были уже проданы Warner Bros. Поэтому Дрейер выбрал другую пьесу, по сюжету, однако же,

очень похожую – она тоже была написана всего для двух актеров с соблюдением единства места, времени и действия.

Хотя Дрейер много позже и говорил своему биографу, что пьеса выглядела слабой, и выбирал ее Дюмлинг, едва ли это действительно так. Сам Дрейер еще с начала 1930-х гг. хотел поставить фильм всего лишь с двумя персонажами, действие которого разворачивалось бы в одной квартире. Кстати, американцы, снявшие по «Мсье Ламбертье» фильм «Обман» («Deception», 1946) не рискнули пойти на подобный эксперимент; в фильме по сравнению с пьесой больше действующих лиц и мест действия.

Даже в 1949 г. в письме своему другу Эббе Нергору Дрейер все еще защищал пьесу Сомина:

«Действие с участием всего лишь двух человек можно охарактеризовать как тривиальное, но разве не справедливо, что практически все преступления на почве страсти в действительности совершенно банальны? Я не собирался снимать прекрасный полицейский фильм. Напротив. Я хотел показать, что за психологическим конфликтом двух людей, который привел к убийству, стоят очень простые, достоверные, можно сказать, “ежедневные” вещи. Само по себе убийство имеет не такое большое значение, для меня оно было лишь средством, позволяющим достичь цели, а именно, показать психологические события, которые естественным образом привели к убийству, и, в конечном счете, заставили эту пару выбрать смерть. Если представление цепочки таких событий кажется обескураживающим, даже банальным, критики и прочие зрители должны винить в этом

не меня. За это мы должны быть благодарны господину Дюмлиngu и Виктору Шёстрему»¹⁵⁰.

Дрейер быстро написал первый вариант сценария «Двое» («Två människor») вместе с датским писателем Мартином Голдштейном, бежавшим в Швецию от нацистов. Как и ранее в подобных соавторствах, сценарий получился практически полностью дрейеровским.

Руководству студии сценарий не понравился, и Голдштейну поручили его переписать. Дрейер очень беспокоился, что снимать фильм поручат какому-нибудь другому режиссеру, ведь контракт у него был подписан только на сценарий, а не на фильм. Они с Дюмлиngом обменялись несколькими довольно-таки напряженными письмами.

Конфликт был улажен, и 23 мая Дюмлиng предложил Дрейеру подписать контракт на съемки фильма. При этом он поставил два условия. Во-первых, Дрейер снимет фильм по переработанному Голдштейном сценарию. Во-вторых, главную роль исполнит Ванда Ротгардт, поскольку у Svensk Filmindustri заключен с нею контракт на несколько фильмов.

Ванде Ротгардт исполнилось на момент съемок 39 лет, она играла еще у Морица Стиллера в «Деньгах господина Арне». Дрейеру требовалась существенно более молодая актриса, причем совершенно другого типажа, и он пытался настоять, чтобы была приглашена тридцатилетняя Гунн Волльгрэн, тогда еще мало кому известная. Но из этого ничего не вышло.

Казалось, Дрейер смирился с Ротгардт, но он хотел, чтобы мужскую роль сыграл Андерс Эк. Дрейер писал Дюмлиngу:

«Он и Ванда Ротгардт превосходно подойдут друг другу – лучшего партнера для нее не найти. Я не думаю, что она будет выглядеть старше его – но даже если и так, не важно. Наоборот! Это только объяснит ее страсть и материнскую любовь к нему»¹⁵¹.

Но и здесь Дюмлиг не согласился с выбором Дрейера и назначил на роль Арне другого актера – Георга Рюдеберга, намного более известного в то время. Якобы выбранных Дрейером Гунн Волльгрэн и Андерса Эка забраковал и Шёстрем, который заявил, что Волльгрэн – «страшная», а у Эка слишком большой кадык.

В результате, Дрейер получил совсем не тех актеров, которых хотел. В 1948 г., когда разгорелся скандал с Дюмлигом по поводу фильма, он писал про главных героев:

«Он должен быть молодым, с чистым умом и сердцем – без хитрости и коварства. Идеалист, настолько погруженный в свои исследования, что не видит ничего, кроме работы, ассистент

Андерс Эк и Гунн Волльгрэн

в психиатрической клинике. Он любит свою жену и слепо доверяет ей.

На эту роль мне дали актера совершенно другого типажа: загадочного, интригующего, коварного и даже демонического.

Она, его жена, должна быть молодой, горячей и чувственной, с несколько темным прошлым. С другой стороны, с тех пор, как она встретила своего мужа, она настолько всепоглощающе любит его, что находится в постоянном страхе, что он узнает о ее прошлых делишках. По характеру она не искренна, ей не трудно притворяться и лгать. Она театральна и слегка искусственна, с определенной склонностью к истерии.

На ее роль я получил милую, естественную и простую домохозяйку, совсем не соответствующую личности женщины в сценарии. В обоих случаях мне дали прямо противоположное тому, что я хотел»¹⁵².

Интуиция не подвела Дрейера в отношении Волльгрена и Эка, оба они стали известными актерами театра и кино.

Андерса Эка называли «интеллектуальным актером, сторонником системы Станиславского, с особенным голосом и сильной внешностью». Его игру (особенно в театре) очень высоко ценил Ингмар Бергман, у которого Эк снялся в нескольких фильмах.

Гунн Волльгрена прославилась своей хрупкой и чувственной манерой игры, и рассматривается на данный момент как одна из прекраснейших и признанных шведских актрис. Ее исполнение ролей в пьесах Чехова и Ибсена до сих пор считается непревзойденным.

Несмотря на то, что Дрейер не получил подходящих исполнителей ролей, он продолжил работу над фильмом, причем не менее тщательно, чем делал это всегда. Сам он объяснял это невозможностью разорвать контракт, потому что ему нужна была работа, чтобы выжить в тяжелое военное время. Возможно, так оно и было, а, возможно, он все еще не потерял надежды снять такой «камерный» фильм, как и планировал вначале.

Через неделю после подписания контракта Дрейер получил переработанный вариант сценария, по которому обязался снимать фильм. Почти сразу же он написал Дюмлиngu письмо, в котором выдвинул множество обоснованных возражений против внесенных правок. Дрейер продолжил менять сценарий и дальше, во время съемок, все больше возвращаясь к своему первоначальному варианту.

Съемки проходили в студии Кунгсхольм в Стокгольме с 5 июля по 23 августа 1944 г. Согласно производственному плану на них было отведено 35 дней, и Дрейер почти не вышел из расписания. Но, как всегда, он работал очень тщательно, уделяя огромное внимание мелочам.

Svensk Filmindustri выделила ему в качестве оператора Гуннара Фишера, тогда еще молодого и неопытного. Впоследствии Фишер стал постоянным оператором Бергмана и снял с ним 12 фильмов до того, как его сменил Свен Нюквист.

Дрейер в целом хорошо отзывался о Фишере, хотя и отмечал приверженность последнего шведской операторской школе, что в устах датчанина звучало упреком. Фишер, в свою очередь, похоже, был

На съемках «Двое»

единственным человеком, сохранившим хорошие воспоминания о съемках «Двое»¹⁵³. По его словам, Дрейер заранее знал, что фильм не будет успешным. И все же он работал на съемках с полной отдачей.

Принятый Дрейером способ организации съемок всегда предполагал, что сотрудничество с оператором не будет формальным. Как обычно, Дрейер решил не писать детальный постановочный сценарий. Его сценарий не содержал никакой технической информации, все было у Дрейера в голове. Каждый вечер режиссер и оператор тщательно готовились к следующему рабочему дню. Они договаривались об освещении, кадрировании, месте съемок и движении камеры. Уже в этот момент закладывался подход к монтажу, без спешки и нервозности.

Фишер отмечал, что, в отличие от Бергмана, драматурга, заинтересованного в работе с актерами

намного больше, чем в решении технических проблем, Дрейер был именно кинематографистом и говорил с техническими работниками на одном языке.

Как всегда, Дрейер придавал огромное значение мельчайшим деталям и стремился, чтобы «квартира» в качестве съемочной площадки выглядела подлинной. Он приезжал в студию еще за несколько недель до начала съемок и наблюдал за строительством декораций, внося необходимые поправки.

Согласно воспоминаниям Фишера, у Дрейера всегда были очень точные представления о большинстве вещей, и он не хотел идти на компромисс. Три недели Дрейер посвятил исключительно технической подготовке съемок. Режиссер с оператором экспериментировали, пытаясь добиться специфического мягкого стиля фотографии, требовавшегося Дрейеру, и получили нужный эффект, снимая через шелковый чулок.

С актерами Дрейер тоже работал очень тщательно, но взаимопонимания достичь не удавалось. По воспоминаниям Фишера, конфликты между актерами и режиссером превратились в обычное дело, и Ротгардт нередко плакала. Фишер считал, что это было в порядке вещей, явно находясь под влиянием мифов о «деспотичном датчанине». Однако воспоминания подавляющего большинства актеров, когда-либо работавших с Дрейером, говорят об обратном – Дрейер был вежлив и внимателен по отношению к актерам, хотя и очень требователен; возможно, они его и побаивались, но неизменно восхищались и уважали.

После совместной вечерней работы режиссер и оператор часто отправлялись вместе в кино. Фильм выбирал Дрейер, который хотел показать своему

оператору определенные сцены. Фишер отмечал, что Дрейер отлично ориентировался в текущем репертуаре.

Премьера «Двое» состоялась в Стокгольме 23 марта 1945 г. Дрейер обнаружил, что в последний момент Дюмлиг и Шёстрем внесли без согласования с ним два изменения. Во-первых, добавили вырезанную режиссером во время окончательного монтажа сцену объяснения героини со своим любовником, в которой мы лишь слышим голос мужчины и видим его тень. Довольно эффектная визуально, это сцена явно нарушала единство места и времени, которые Дрейер считал более важными для фильма. Во-вторых, самостоятельно наложили на финальную сцену мелодраматическую музыку.

Но вряд ли эти два изменения могли существенно ухудшить этот неудавшийся фильм. «Двое» продержались на экране всего пять дней, после чего Дюмлиг положил его на полку. Отзывы критиков были резко отрицательными. О международном прокате не шло и речи.

Все же Датское общество кинематографии организовало показ «Двое» в Копенгагене 7 декабря 1947 г. Показу предшествовало вступительное слово оператора-документалиста Йоргена Рооса. Датские критики в целом согласились со своими шведскими коллегами, что фильм следует признать неудачей, хотя в одной из статей и отмечалось, что неудача Дрейера все же интересней, чем большинство современных фильмов.

Сам Дрейер после публичной ссоры с Дюмлигом в 1948 г. на страницах стокгольмской газеты Aftontidningen предпочитал о фильме не вспоминать, был против его показа в рамках ретроспектив и исключил из своих фильмографий, заявив, что «Двое» – это фильм Шёстрема и Дюмлига, а не его.

Несмотря на провал «Двое» и на испорченные отношения с Svensk Filmindustri, Дрейер задержался на некоторое время в Швеции. Он рассчитывал поставить фильм для небольшой шведской кинокомпании Film AB Lux, где работал его друг Свен Нюгрен.

Вместе с Сигурдом Хёлем, известным норвежским писателем, участником Сопrotивления, вынужденным в 1943 г. бежать в Швецию, Дрейер написал сценарий фильма «Почему я – убийца» по книге ирландского писателя Макса Кэтто «Они ходят поодиночке» («They Walk Alone», 1939). Молодая девушка, Эмми, приехавшая из города, заняла место служанки в семье овдовевшего пастора, живущего с тремя детьми в небольшой шведской деревушке. Она быстро подружилась со своими нанимателями, но в деревне начинают происходить загадочные убийства молодых людей. А вскоре находят убитым и младшего сына пастора, служанка же исчезает. В финале Эмми признается пастору, что она была изнасилована в 17 лет и теперь убивает мужчин, движимая какой-то непреодолимой силой. Вскоре после признания Эмми ищет убежища в церкви, где падает замертво. Пастор, несмотря на горе из-за потери сына, приходит к мысли, что людям не дано в этом случае судить, кто более достоин жалости – жертвы или их убийца.

Подготовка к съемкам фильма зашла достаточно далеко. К февралю 1945 г. были найдены места для натуральных съемок и нарисованы планы дома пастора для съемок в студии. На главную роль Дрейер собирался пригласить двадцатитрехлетнюю Вивеку Линдфорс, тогда еще начинающую актрису. Но по неизвестной причине работа внезапно была остановлена. Права

на экранизацию купила английская компания, и в 1948 г. вышел фильм Лэнса Комфорта «Дочь тьмы» («Daughter of Darkness»).

Во время последних месяцев пребывания в Стокгольме Дрейер работал еще над одним проектом – документальным фильмом об экспедиции шведского исследователя Саломона Августа Андре к Северному полюсу¹⁵⁴. В 1897 г. Андре с двумя спутниками вылетел с острова Шпицберген на аэростате собственной конструкции. Однако спустя три дня они были вынуждены приземлиться на паковый лед, откуда добрались до острова Белый, где разбились лагерь. Журналы экспедиции, а также останки Андре и его спутников были обнаружены лишь в 1930 г.

Как всегда в случае новых проектов, Дрейер начал скрупулезно собирать всю имеющуюся информацию об этой экспедиции. Фильму предстояло стать максимально правдоподобным воссозданием трагического путешествия. Вместо диалогов, которые были сведены до минимума, Дрейер предполагал использовать закадровый комментарий, полностью написанный во время подготовок к съемкам.

Как бывший аэронавт, Дрейер уделял особое внимание проблемам аэронавтики в полярных широтах. Он планировал на апрель–ноябрь 1946 г. новую экспедицию для съемок фильма – практически аналогичную той, которую предпринял в свое время Андре. Неудивительно, что в Швеции не нашлось продюсера, готового поддержать столь дорогой и рискованный проект.

5 мая 1945 г. Дания была освобождена, и вскоре Дрейер с женой смогли вернуться домой, в свою старую квартиру в Копенгагене.

19. Короткометражные фильмы и не-реализованные проекты

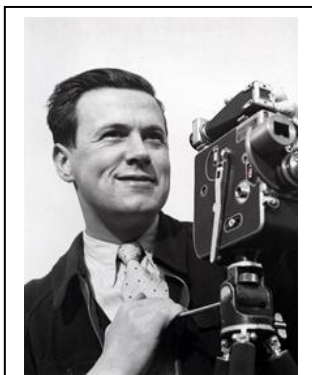
В разговоре с Драмом Дрейер вспоминал, что с радостью вернулся из Швеции домой. Но какой-либо работы у него по-прежнему не было, как не было и денег, по счетам же требовалось платить.

Поэтому Дрейер снова обратился к Могенсу Скоту-Хансену, возглавлявшему Dansk Kulturfilm. Именно Скот-Хансен предложил снять фильм «Вода из-под земли» («Vandet paa Landet», 1946), который стал первым из семи документальных фильмов, снятых Дрейером для Dansk Kulturfilm.

Дрейер приступил к работе над «Водой из-под земли» сразу же, как вернулся из Швеции. К сентябрю 1945 г. сценарий был готов и одобрен Комитетом Здравоохранения, которое и заказало этот фильм, чтобы привлечь внимание общественности к загрязнению воды в колодцах Ютландии.

Дрейер должен был снимать «Воду из-под земли» вместе с молодым датским документалистом Пребеном Франком.

Пребен Франк заинтересовался фотографией еще в 1925 г., когда ему было всего девять лет. В 1936 г. двадцатилетний Франк стал активным членом Dansk Smalfilmklub – общества, объединяющего кинолюбителей, снимавших на 16-мм пленку. Он снял несколько

Пребен Франк (1916–1949)

фильмов, самым известным из которых стала цветная лента «Вот прекрасная страна»* («Der er et yndigt Land», 1940), снятая им во время велосипедной поездки по Дании. Этот фильм стал одним из любимейших и наиболее часто показываемых во время оккупации фильмов Датской Ассоциации Туристов.

Франк работал для Dansk Kulturfilm с 1942 г., для чего создал свою маленькую производственную компанию. И сначала он охотно согласился работать с именитым режиссером, сам довольствуясь лишь ролью оператора.

Основные съемки «Воды из-под земли» проходили в октябре-ноябре 1945 г., а завершены были весной 1946 г. из-за проблем с финансированием. В то время, когда фильм монтировался, Дрейер уже занялся подготовительными работами для следующего проекта – «Датские деревенские церкви» («Landsbykirken», 1947). Он предложил Скоту-Хансену самому заняться озвучкой фильма. Последний очень волновался, что его работа в качестве звукорежиссера не понравится Дрейеру, но Дрейера мало волновала дальнейшая судьба документального фильма (в отличие от художественных картин).

А вот Комитет Здравоохранения пришел от «Воды из-под земли» в ужас, но не из-за работы Дрейера или Скота-Хансена. Чиновников поразила острая критика, прозвучавшая в фильме, хотя с формальной точки зрения там не содержалось ничего нового по сравнению с одобренным Комитетом сценарием. Правительство испугалось, что в результате демонстрации «Воды из-под земли» может снизиться привлекательность датского экспорта сельскохозяйственной продукции, и положило

* Строка из национального гимна Дании

фильм на полку. Он долго считался утраченным, пока, наконец, не был случайно обнаружен в архивах под названием «Фильм о колодцах».

Сценарий следующего фильма Дрейера (о деревенских церквях) принадлежал Бернарду Йенсену, редактору и директору школы. После того, как фильм поручили снимать Дрейеру, последний совместно с Йенсеном переработал сценарий.

В апреле 1946 г. сценарий был утвержден специальной комиссией, в которую входили два архитектора и куратор Национального Музея Дании. В июле 1946 г. Дрейер объездил всю Данию в поисках подходящих для съемок церквей, в поездке его сопровождала жена. Согласно указаниям Дрейера, для съемок были сделаны некоторые изменения, призванные скрыть современные элементы. Например, с крыш одной из церквей убрали изоляторы электрических проводов. Также в фильме Дрейер использовал некоторые костюмы из «Дня гнева», которые были позаимствованы у Palladium.

Во время съемок в городке Рингкёбинг Пребен Франк упал с лестницы и сломал ногу, однако уже через несколько дней вернулся к работе оператора (с загипсованной ногой!). В остальном же съемки проходили гладко. Церковные служащие везде гостеприимно принимали съемочную группу, и Дрейер с Франком всегда могли легко найти статистов для съемок.

К 1-му августа оставалось отснять только церковь в Скелби (где с первого раза это не удалось сделать из-за погоды) и деревянную церковь в шведской деревне Хедаред. Заграничная командировка даже к ближайшим соседям была достаточно затратной для Dansk Kulturfilm, но в Дании не осталось ни одной деревянной

церкви. Итоговая стоимость фильма составила 43 000 крон, что примерно на двадцать процентов превысило изначально планируемый бюджет.

Съемки были завершены к середине октября 1946 г., звуковой монтаж проходил с января по июль 1947 г., первый показ состоялся в конце 1947 г. Фильм в целом был хорошо встречен прессой, хотя едва ли в нем можно было бы узнать руку Дрейера – это был добротный учебный фильм об архитектуре сельских церквей и их влиянии на жизнь общины. Тем не менее, в 1948 г. фильм был направлен на два фестиваля – в Эдинбурге и в Венеции, причем на последнем получил приз как лучшая работа в области документалистики.

Параллельно с работой над «Датскими деревенскими церквями» Дрейер и Пребен Франк сняли еще один фильм для Dansk Kulturfilm по заказу Общества по борьбе с раком. Написанный в самый разгар съемок «Церквей», сценарий Дрейера к концу лета получил одобрение консультанта – профессора Кребса. Вскоре начались съемки, которые проходили в течение двух недель в Орхусе и завершились 4 ноября 1946 г. Дрейера на этих съемках вновь сопровождала жена.

По непонятным причинам Дрейер был категорически против того, чтобы его имя появилось в титрах. Об этом есть специальное упоминание на карточке в архиве и указание в одном из писем Дрейера, согласно которому Кох-Ольсен будто бы обещал вообще не упоминать имя Дрейера в связи с фильмами, снятыми для Dansk Kulturfilm. Конечно, фильм по заказу Общества по борьбе с раком не обладал какими-либо значительными художественными достоинствами, но был не хуже, чем «Помощь матерям» или «Вода из-под земли».

В 1946 г. Скот-Хансен возглавил одну из организаций при ЮНЕСКО в Париже. Место главы Dansk Kulturfilm занял Иб Кох-Ольсен, продолживший развивать датскую документалистику по английскому образцу. Кох-Ольсен, как и Скот-Хансен, высоко ценил возможность работать с Дрейером. В 1947 г. Дрейер даже был принят в штат Dansk Kulturfilm в качестве режиссера.

Помимо режиссерской работы, Дрейер написал для Dansk Kulturfilm несколько сценариев, в том числе сценарий для документального фильма о пожилых датчанах «Седьмой возраст» («De gamle», 1947). Также Дрейер выполнял для Dansk Kulturfilm и другую работу. Он выезжал на натуру и составил план съемок для документального фильма «Граждане будущего» («Fremtidens Borgere», 1946) о профессионально-технических школах нового типа, призванных дать некоторые профессиональные навыки молодежи 15-18 лет.

Кроме того, Дрейер работал над фильмом «Детство радио» («Statsradiofoniens barndom», 1949) – о создании датского национального радио Statsradiofonien. Существовало два немых фильма на эту тему, 1929 г. и 1932 г., к которым руководство Dansk Kulturfilm хотело сделать звуковой комментарий и добавить фоновую музыку.

Дрейер вновь подошел к работе основательно. Он запросил у Nordisk Film все материалы по этим документальным фильмам, в том числе и интертитры, которые так никогда и не были к ним добавлены. Затем он встретился с Олафом Лундом-Йохансенем, который был редактором двух программ на датском радио 1920-х гг. Вместе они отобрали все стоящее из сохранившегося

материала, а также договорились о тех сценах, которые нужно добавить. Ник. Лихтенберг отснял новый материал, а Дрейер написал новые субтитры, которые попросил оформить в том же стиле, что и субтитры немых фильмов. Таким образом, был фактически создан новый немой фильм, а не просто наложен звук на старый видеоряд.

Несмотря на напряженный график занятости на Dansk Kulturfilm, Дрейер не оставлял надежду снять полнометражный художественный фильм. Все это время он продолжал работать над различными проектами, ни один из которых так и не дошел до стадии съемок.

Еще в 1941–1942 гг. Дрейер начал работать над сценарием по мотивам книги «Венец» («The Crown», 1939) Элизабет Бергстранд-Поулсен, шведки, вышедшей замуж за датского скульптора и жившей в Дании. Дрейер знал ее лично и регулярно работал вместе с ней над сценарием. Вернувшись из Швеции, Дрейер продолжил эту работу, результатом которой стал неоконченный сценарий размером в 152 печатные страницы.

Главная героиня – молодая крестьянка, Кристина (в романе – Серафина), живет с грубым и бесчувственным отцом, а затем выходит замуж за соблазнившего ее развратного и безответственного парня, который, как только проходит несколько месяцев после свадьбы, возвращается к прежнему образу жизни.

Неизвестно, ни чем должен был закончиться фильм (его сценарий сильно отличается от романа), ни причины, по которым Дрейер перестал над ним работать. По-видимому, потенциальным заказчиком являлся Tage Нильсен, директор Palladium, но по чьей

инициативе работа была прекращена – Нильсена или Дрейера – до конца не ясно.

В декабре 1946 г. Дрейер подписал контракт с маленькой английской компанией, Film Traders Ltd., согласно которому он должен был написать сценарий для фильма о жизни Марии Стюарт, и, как обычно, начал кропотливую работу. Эдит Ортман-Нильсен, библиотекарь, вспоминала, что иногда видела Дрейера в библиотеке по несколько раз в день:

«Он всегда приходил со списком книг, и мы доставали их для него. Он читал и читал. Однажды он сказал: “Не могли бы Вы достать мне что-нибудь о символике цветов?” Я нашла для него три книги, и он их все прочитал. Так он проводил исследования. Если в фильме был цветок, он должен был знать, что он может символизировать. Он регулярно приходил ко мне в библиотеку в течение 9 или 10 лет. Всегда был очень скромным; был знаком со мной столько лет и каждый раз с поклоном спрашивал меня: “Могу я заглянуть в энциклопедию?”»¹⁵⁵

Дрейер работал над «Марией Стюарт» около года. Результатом стал сценарий объемом в 241 страницу, а сам фильм должен был длиться около трех часов. Но когда Дрейер отправил сценарий заказчику, фильм оказался слишком дорогим для этой маленькой английской компании. Продюсеры предложили переписать сценарий, но Дрейер отказался. Когда позднее Дрейер поехал на Эдинбургский фестиваль, он взял с собой сценарий «Марии Стюарт», но и там не сумел никого им заинтересовать.

Морис Друзи упоминает еще о трех сценариях, которые Дрейер хотел, по всей видимости, предложить

американским продюсерам, потому что перед поездкой в США в 1948 г. он перевел их на английский язык.

Один из них, объемом всего в 10 страниц, назывался «Первое открытие Америки» и рассказывал об экспедициях в Америку из Гренландии Эрика Рыжего и его дочери, Фрейдис. Согласно так называемым «винландским сагам»^{*}, Фрейдис заключила сделку с двумя мужчинами, договорившись с ними организовать совместную экспедицию в Винланд и разделить добычу поровну, а затем вероломно убила своих компаньонов.

Однако в сценарии Дрейера именно мужчины предали Фрейдис, а она лишь отомстила им. Главная героиня, столь же решительная, как и Жанна д'Арк, не боялась проливать кровь как своих врагов, так и бывших друзей, ставших предателями. После ее возвращения домой об убийствах распространились слухи, и Фрейдис умерла в изгнании, впрочем, никогда не сожалея о содеянном.

Другой сценарий основывался на единственном романе Йоргена-Франца Якобсена «Барбара» («Barbara: Roman», 1939), посвященном отношениям молодого пастора, направленного из Копенгагена на Фарерские острова, и Барбары, вдовы двух его предшественников. В отличие от главной героини «Вдовы пастора», Барбара молода и красива. Следуя за своими чувствами, она бросает пастора, за которого вышла замуж, ради другого мужчины, который в свою очередь бросает ее.

Основой третьего сценария стали две пьесы французского драматурга Марселя Паньоля «Мариус» («Marius», 1929) и «Фанни» («Fanny», 1931), действие которых

^{*} Исландцы называли Америку Винланд – страна винограда.

Дрейер перенес из Марсея в американский порт. Он предполагал, что съемки должны проходить не в студии, а в настоящем порту, и в главных ролях следовало занять непрофессионалов, разговаривающих на реальном повседневном языке. Сюжет вращался вокруг главной героини, Евы, которая разрывается между двумя мужчинами – молодым, но бедным Маком и старым, но богатым мистером Хендерсоном. Ева, беременная от Мака, выходит замуж за Хендерсона, поскольку молодой человек не способен вести оседлый образ жизни. Мак уезжает, а через пять лет возвращается и пытается уговорить Еву вернуться к нему, но та отказывается, хотя и продолжает его любить.

По-видимому, ни один из этих сценариев никого не заинтересовал, и Дрейеру ничего не оставалось, как продолжить работу над документальными фильмами. К счастью, у него появилась возможность снять нечто, выходящее за рамки простого образовательного или пропагандистского фильма.

Иб Кох-Ольсен хотел экранизировать один из «мифов» Йоханнеса Вильгельма Йенсена, датского писателя и поэта, которому в 1944 г. была присуждена Нобелевская премия по литературе за эпический цикл «Долгий путь». Помимо романов и стихов, Йенсен всю жизнь писал небольшие философско-литературные

зарисовки, которые называл «мифами»^{*}. Всего их насчитывается около 160.

Один из «мифов», «Успели ли они на паром?» («Naaede de Færgen?») рассказывал о Софусе и Вире, которые по дороге от одного парома к другому устроили на мотоцикле гонки с автомобилем, управляемым самой Смертью. В результате они успели на паром, но паромом оказалась ладья Харона. Кох-Ольсен решил, что на основе этого «мифа» вполне можно сделать «пропагандистский фильм» о безопасности дорожного движения.

В начале 1947 г. Кох-Ольсен поделился своей идеей с Дрейером, и последнему она понравилась. К июлю 1947 г. Дрейер завершил сценарий. Снимать фильм было решено на Nordisk.

Компания Fisker & Nielsen, производитель известных датских мотоциклов Nimbus, согласилась одолжить для съемок несколько мотоциклов. Также она выделила своего механика. «Машину Смерти» собрали из частей разбитых форда и шевроле и разрисовали костями по указанию Дрейера: *«Конечно, кости должны быть, но*

^{*} *«Художественное построение «мифов», как правило, сводится к бытовой зарисовке отдельного случая или события. Иногда это впечатления автора от увиденного им предмета, пейзажа, животного, человека и так далее; в ряде «мифов» — от услышанной истории, предания или сказки. Этот частный, на первый взгляд незначительный, опыт или наблюдение наталкивает писателя на глубокие философские размышления культурологического, эстетического или антропологического характера».* Цит. по ст.: Салтыков А. А. «Мифы» Й. В. Йенсена – новый жанр малой прозы в датской литературе? // Скандинавская филология = Scandi-navica. СПб., 2009. Вып. 10.

не следует рисовать их слишком реалистично. Желательно их немного искривить».

Оператором фильма был назначен Йорген Роос, на которого совместная работа с Дрейером произвела очень большое впечатление. Роос впервые встретился с Дрейером еще раньше, когда тот искал любую работу в кино:

«Для меня Дрейер был Великим Мастером, которым я восхищался. Поэтому я испытал смешанные чувства, когда увидел его в нашем офисе в "Technical Film". Он пришел, чтобы поговорить с управляющим, Кнудом Хьертё. Но Хьертё послал за мной, поэтому именно мне выпало сидеть в небольшом кинозале и слушать рассказ о финансовых проблемах Дрейера. Он не мог платить за жилье, его жена болела, и его отчаяние было беспредельно. Он умолял меня найти ему работу. Он был готов делать все, что угодно»¹⁵⁶.

Йорген Роос (1922–1998)

Из воспоминаний Рооса не ясно, к какому именно периоду времени относилась эта беседа. В следующий раз они встретились уже в офисе Коха-Ольсена, чтобы обсудить работу над фильмом «Они успели на паром». Роос вспоминал:

«После оккупации прошло всего несколько лет, процессы против датских предателей и нацистов еще не завершились, и некоторые из преступников были приговорены к смерти. Государственный комитет

по кинематографии, по чьему заказу снимался фильм, являлся частью Министерства юстиции, и Дрейеру пришла в голову следующая идея. Если использовать в качестве исполнителя главной роли одного из приговоренных преступников, то можно было бы разбить мотоцикл о дерево, как это описано в рассказе. Выжи-ви преступник при столкновении, можно было бы смягчить приговор. Кох-Ольсен внимательно выслушал это предложение, но сказал, что ведь совсем не факт, что приговоренный имеет права на управление мотоциклом, и после некоторых раздумий Дрейер отбросил идею связаться с Министерством юстиции»¹⁵⁷.

Вместо военного преступника на главную роль был приглашен постоянный испытатель компании Fisker & Nielsen Йозеф Кох, известный как «Мистер Нимбус». Он сам предложил на роль Эльвиры, жены главного героя, свою жену Камму, которая часто ездила с ним на мотоцикле в качестве пассажирки. На роль Харона Дрейер хотел найти старца с бородой, и они с Роосом в поисках подходящего типажа объездили несколько домов престарелых на острове Фунен, где проходили съемки.

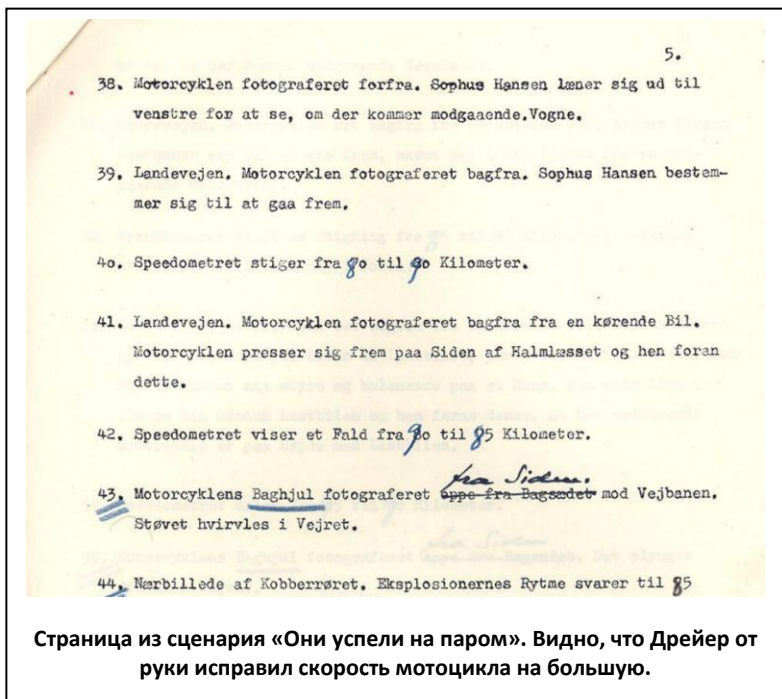
Съемки начались в октябре 1947 г. Камма Кох вспоминала:

«Йоханнес В. Йенсен сам был мотоциклистом и владельцем Нимбуса. Все было похоже на каникулы. После работы мы не часто видели Карла Т. Дрейера. Он был не очень общителен. Он был спокоен и сосредоточен, и я никогда не видела, чтобы он сердился. Каждый вечер он посылал мне в номер розу, и когда мы закончили, сказал: “Я доволен Вами. Вы – первый непрофессионал, который так и остался

непрофессионалом до конца фильма. Все остальные, с кем я работал, менялись уже через несколько дней съемок»¹⁵⁸

Дрейер в сценарии указал скорость, на которой должна была сниматься каждая сцена. Роос предложил снимать в замедленном темпе, чтобы создать видимость скорости, но Дрейер категорически отверг этот вариант. Все должно было быть по-настоящему, даже если речь шла о кадре со спидометром крупным планом.

Механик Fisker & Nielsen специально переоборудовал один из мотоциклов, чтобы можно было закрепить на нем камеру. Иногда Дрейер сам сидел в коляске мотоцикла во время съемок, иногда оставлял все

Страница из сценария «Они успели на паром». Видно, что Дрейер от руки исправил скорость мотоцикла на большую.

на усмотрение оператора. В отличие от Коха-Ольсена, Роос не слишком любил быструю езду; но он был вынужден не только осуществлять съемки, находясь на мчащемся мотоцикле, но и почти каждую ночь ездить с Кохом-Ольсеном в Копенгаген, чтобы отдать отснятый материал в проявку.

Однажды съемки чуть не завершились трагедией. Из воспоминаний Рооса:

«Как-то раз мы собирались снять, как мотоцикл обгоняет грузовик справа. Я сидел в коляске другого мотоцикла, обгонявшего грузовик слева. Все получилось, но мотоцикл вошел в кадр чуть позже, чем нужно. Я предложил попробовать еще раз на обратном пути после обеда.

Но на этот раз все вышло ужасно. Мотоцикл разогнался слишком сильно, водитель грузовика занервничал и слишком резко повернул влево, где как раз находились мы. Он ударил нас левым крылом, и мы потеряли равновесие. Мы врезались в дерево на обочине, которое оказалось между мотоциклом и коляской. К счастью, я сидел на корточках в коляске, и меня выбросило мимо дерева далеко в поле. Когда я пришел в себя, то по-прежнему лежал на земле и увидел, как подъехало такси. Из него выскочил Дрейер и устремился к поврежденному мотоциклу, чтобы исследовать прикрепленную к нему камеру. По-видимому, она была цела, а вот меня отправили в больницу и наложили на руку гипс. Я сломал несколько ребер и левое запястье.

Совсем не здорово менять пленку в камере, когда одна рука у тебя не работает. И из-за этого я однажды совершил прискорбную ошибку, зарядив уже

отснятую пленку. Когда это обнаружилось на следующий день во время просмотра отснятого материала, Дрейер сказал “Такие вещи недопустимы, мистер Роос”. Да уж, конечно, нет!»¹⁵⁹

Несмотря на такое, казалось бы, невнимательное отношение Дрейера, Роос остался его страстным поклонником. Они продолжили совместную работу еще на двух документальных фильмах, а в 1964 г. во время съемок «Гертруды» Дрейер разрешил Роосу снять документальный фильм о себе.

Съемочная группа осталась на Фунене еще на четыре дня, чтобы переснять испорченный материал. Всего съемки продлились шестнадцать дней. После этого Дрейер почти сразу же уехал в Нью-Йорк, где 24 апреля собирался присутствовать на американской премьере «Дня гнева» и провести переговоры о возможности реализации своего очередного проекта – фильма о жизни

Дрейер во время съемок «Они успели на паром».

Иисуса, над которым он думал уже довольно долго. Поэтому звуковой монтаж «Они успели на паром» выполнил Роос.

Премьера фильма состоялась 12 мая 1948 г., и вскоре после этого он был показан на Втором Международном фестивале документального кино в Эдинбурге. Отзывы были положительными, а много лет спустя знаменитый французский писатель и режиссер Алан Роб-Грийе заявил, что именно фильм «Они успели на паром» произвел на него самое большое впечатление:

«Многие из фильмов Дрейера вызывали у меня энтузиазм. Фильм, который больше всего захватил меня, который я помню наиболее отчетливо и чье влияние на меня оказалось, несомненно, самым значительным, – короткометражка, снятая с целью пропаганды безопасности дорожного движения, которая по-французски называется “Ils n’ont pas pris le bac” (“Они успели на паром”). Я не знаю, считал ли сам Дрейер этот короткометражный шедевр значительной работой. Что касается меня, возможно, именно в это время я открыл, чем может стать воображаемый реализм в фильме (и в романе)»¹⁶⁰.

После возвращения из США Дрейер приступил к съемкам другого документального фильма «Мост Сторстрем» («Storstrømsbroen», 1950), сценарий которого был написан еще год назад. Этот мост длиной более 3 километров, построенный в 1937 г., связывает два датских острова Фальстер и Зелландию. В 1940-х гг. этот мост, безусловно, являлся одним из передовых достижений техники и гордостью Дании. Дрейер писал в сценарии:

«Предполагается, что фильм будет снят с чисто эстетической точки зрения. Это должен быть фильм о динамике линий и плоскостей, фильм, который показывает великолепие и простоту моста и красоту, появляющуюся, когда сталь и бетон соединены правильным образом. Этот фильм должен показать, что техника и искусство не чужды друг другу»¹⁶¹.

Дрейер вновь работал с Пребенем Франком, и хотя последний вновь удовольствовался ролью оператора, вероятно, уже на этом этапе между ними стали возникать определенные разногласия. Из дневников Франка следует, что съемки заняли 45 дней вместо запланированных 10, расходы тоже превысили ожидаемые (а производством фильма также занималась компания Франка). Съемки проходили в июле 1948 г., но монтаж «Моста Сторстрем» был отложен из-за другого проекта – фильма о датском скульпторе начала XIX в. Бертеле Торвальдсене. Дрейер вернулся к работе над «Мостом Сторстрем» только в середине 1949 г, уже после смерти Франка, а премьера состоялась 22 марта 1950 г.

Идея снять фильм «Торвальдсен» («Thorvaldsen», 1949) о самом знаменитом датском скульпторе появилась после того, как в начале 1941 г. в Дании был показан немецкий фильм о Микеланджело. Однако мнения о том, как именно это следует сделать, расходились. В 1947 г. Дрейеру поручили написать сценарий. В письме Коху-Ольсену от 12 ноября 1948 г. Дрейер так описывал основную идею фильма:

«Целью фильма о Торвальдсене было не создать обширное исследование о его искусстве, а, используя его наиболее популярные и легкие для понимания

работы, дать возможность неспециалисту увидеть и понять своеобразие искусства Торвальдсена в целом. Настоящая цель фильма заключалась в том, чтобы убедить людей, прежде равнодушных к искусству Торвальдсена, что на самом деле его легко понять»¹⁶².

Снимала фильм снова компания Пребена Франка по заказу Dansk Kulturfilm. Но на этот раз Франк не хотел быть просто оператором, он хотел быть полноправным режиссером, таким же, как Дрейер. Впрочем, согласно записям Франка, гонорар Дрейера как режиссера составил 5 500 крон, тогда как самого Франка только 2 500.

Съемки начались в конце августа 1948 г. Они проходили в Музее Торвальдсена и кафедральном соборе Копенгагена и продолжались около месяца. Иб Кох-Ольсен написал письмо Сигурду Шульцу, директору Музея Торвальдсена, с просьбой оказывать Дрейеру и Франку всяческое содействие. В частности, требовалось переместить для съемок некоторые скульптуры и поставить их на вращающиеся подставки. Шульц выразил крайнее недовольство, поскольку беспокоился за сохранность коллекции, но пошел навстречу съемочной группе.

Ситуация осложнялась тем, что Франк во время съемок был уже серьезно болен, у него обнаружили рак. Поэтому он не мог работать над фильмом столько времени, сколько хотелось Дрейеру, что вызывало раздражение последнего. Неизвестно, знал ли Дрейер о диагнозе, но он неоднократно писал Коху-Ольсену письма с требованиями заставить Франка полностью отдаться работе.

Отношения между двумя режиссерами ухудшились. Франк завершил работу только потому, что

на этом настаивал Кох-Ольсен. Последний считал, что некоторые эпизоды Франк в знак протеста специально снял без участия Дрейера, с целью доказать, что может работать самостоятельно, и эти эпизоды выглядели заметно хуже.

Съемки завершились в двадцатых числах сентября, и директор Шульц наконец-то смог вздохнуть с облегчением – все бесценные экспонаты были целы.

Дрейер, видимо, не признавал работу Франка в качестве режиссера значимой, потому что в первой версии титров Франк значился лишь оператором. Но Франк возмутился. Он написал Коху-Ольсену, что не хотел участвовать в съемках «Торвальдсена», поскольку еще во время съемок «Моста Сторстрем» устал быть всего лишь оператором при знаменитом режиссере и согласился на эту работу лишь при условии, что будет

Съемки в Музее Торвальдсена

сорежиссером фильма. Кох-Ольсен сделал пометку на полях этого письма о том, что, действительно, упоминал такую возможность, но окончательное решение оставлял за Дрейером.

Кох-Ольсен предложил Франку компромисс, предложив указать его в титрах в качестве режиссера «Моста Сторстрем», но последний с обидой отверг этот «утешительный приз». В конечном счете, Франк добился своего – он был указан в титрах в качестве режиссера вместе с Дрейером. И это стало его последней победой, он умер 21 февраля 1949 г., через месяц после премьеры «Торвальдсена».

После премьеры Сигурд Шульц писал Коху-Ольсену:

«Позвольте мне поздравить Вас и выразить Вам огромную благодарность за замечательную премьеру в прошлую среду! Я свидетельствую, что фильм о Торвальдсене лучше показывает пластические качества его работ, чем музей (из-за того, что скульптурам не всегда повезло с размещением в музее, не всегда удачное освещение, расположение спиной к стене да еще сантиметров на 20 выше, чем нужно).

Фильм, безусловно, доставит огромное удовольствие как Вам, так и Музею, – что бы там ни говорили уважаемые критики. Более того, то, как был сделан этот фильм о скульптуре, означает новый способ, должен сказать, весьма убедительный, который, возможно, даже станет нормой для подобных фильмов. Я все еще думаю над тем, стоило ли так поспешно вырезать кадры с «Пастушонком». Возможно, их стоило сохранить, а попытаться вырезать те места, где скульптура плохо видна? И мне все больше и больше нравится музыка для фильма. Она имеет

то точное абстрактное качество, которое, как мне кажется, вызывает восприятие пластического искусства Торвальдсена»¹⁶³.

Фильм о Торвальдсене имел успех. В ближайшие пять лет его показывали больше 400 раз на различных мероприятиях, в школах, других организациях, 10 раз – по телевидению, а 105 копий было продано в США. Таким образом, «Торвальдсен» стал не только самым эротическим фильмом Дрейера, в котором весьма чувственно показана обнаженная натура (хотя и в мраморе), но, на тот момент, и самым продаваемым.

Последними проектами Дрейера в документальном кино стали два фильма о месте действия шекспировского «Гамлета» – замке Кронборг, расположенном неподалеку от города Эльсинор. После мировой премьеры «Гамлета» Лоуренса Оливье в мае 1948 г. один датский журналист спросил у Коха-Ольсена, почему нет датских фильмов о Кронборге, и последний ответил, что такие планы есть, в качестве режиссера назначен Карл

Спектакль в Кронборге

Дрейер и подготовка к съемкам начнется, как только тот вернется в июле из США.

Вернувшись, Дрейер действительно за несколько месяцев написал два сценария – один «Шекспир и Кронборг» («Shakespeare og Kronborg», 1950) о тех местах в Кронборге, которые мог видеть Шекспир, когда его труппа была там на гастролях, и другой «Замок в замке» («Et Slot i et Slot», 1954) о более древнем замке Кроген, чьи остатки были найдены внутри Кронборга.

Съемки начались весной 1949 г. И тут произошло событие, которое определило всю дальнейшую жизнь Дрейера. По существующей традиции в Кронборг часто приезжали различные театральные труппы и играли там «Гамлета». Одна из них, американская труппа Нэта Карсона, должна была играть в Кронборге в конце июня. Дрейер хотел использовать в своем фильме отрывок из их спектакля.

7 июня Дрейер познакомился с продюсером труппы, Блевинсом Дэвисом, а три дня спустя подписал с ним контракт на создание фильма об Иисусе и бросил съемки фильмов о Шекспире. С этого момента и до конца жизни практически вся творческая деятельность Дрейера была так или иначе связана с подготовкой к съемкам «Иисуса», которым так и не суждено было осуществиться.

Фильм «Шекспир и Кронборг» завершил в том же 1949 г. Роос, который вновь сотрудничал с Дрейером в качестве оператора. Премьера состоялась в марте 1950 г. Завершение «Замка в замке» было отложено до 1954 г. из-за финансовых трудностей, которые испытывала Dansk Kulturfilm.

20. «Иисус» – главный фильм Дрейера, который так и не был снят

Первые записи, относящиеся к «Иисусу», датируются 1930 г. Сам Дрейер вспоминал, что идея снять фильм о древней Иудее появилась у него еще во время работы над «Заклейменными», когда он познакомился со многими евреями, бежавшими из России.

В 1935 г. вышел фильм «Голгофа» («Golgotha», 1935) Жюльена Дювивье. Датский режиссер А. В. Сандберг, когда-то работавший на Nordisk вместе с Дрейером, написал в одной из копенгагенских газет резко негативную рецензию на фильм. В частности, Сандберг отметил, что лично он предпочитает эпизод о жизни Христа из фильма Дрейера «Страницы из книги Сатаны».

В ответ на это Дрейер написал Сандбергу частное письмо, в котором указал, что, хотя и не видел фильм Дювивье, не может согласиться с высокой оценкой собственного фильма, который представляет собой, главным образом, набор открыток или плохой театр, причем библейский эпизод – в первую очередь.

Однако, добавил Дрейер в письме, фильм об Иисусе не представляется ему какой-то невозможной задачей, нужно лишь абстрагироваться

от традиционных клише и создать новый оригинальный образ. И вскоре Дрейер взялся за эту задачу.

Первый вариант сценария был написан еще до войны и основывался преимущественно на исследовании Иосифа Клаузнера^{*}. Его книга об Иисусе и христианстве «Иисус из Назарета, его время, жизнь и учение» («Иешу ха-Ноцри, зманно, хайяв ве-торато», 1922) была переведена на многие европейские языки и вызвала большой интерес в Европе и Америке. На основании еврейских источников Клаузнер показал жизнь Иисуса как представителя еврейского народа, никогда не отвергавшего иудаизм и считавшего себя еврейским Мессией.

В заметках к первому варианту сценария Дрейер писал:

«Цель этого фильма заключается в том, чтобы перенести образ Иисуса из мрака церквей на природу, туда, где сам Иисус так любил странствовать, и показать, что Иисус не летал в облаках, а ходил по земле как один из людей, как человек, в котором созидательные способности, живущие в любой человеческой душе, приняли такую форму, как ни до, ни после него за всю историю человечества»¹⁶⁴.

Дрейер не бросал работу над сценарием и в годы войны, а сразу после ее окончания в 1945 г. на собственные средства отправился ненадолго в Нью-Йорк,

^{*} Иосиф Львович Клаузнер (Йосеф Гедалия Клаузнер; 1874–1958) – еврейский историк, литературовед, лингвист, общественный деятель, один из инициаторов возрождения ивритской культуры, лауреат Премии Израиля (1958). Автор пятитомной «Истории Второго храма» (1949). Первый редактор «Еврейской энциклопедии» на иврите.

чтобы провести необходимые исследования. Весной 1948 г., во время следующей поездки в Нью-Йорк по поводу американской премьеры «Дня гнева», Дрейер собирался обсудить с американскими продюсерами возможность съемок фильма об Иисусе (а также предложить некоторые другие сценарии), однако о результатах этих переговоров ничего не известно.

3 февраля 1949 г. в интервью, взятом по поводу его шестидесятилетия, Дрейер упомянул, что завершил работу над очередным вариантом сценария и ждет ответа от американских продюсеров, которые, кажется, заинтересовались как этим его проектом, так и сценарием «Марии Стюарт».

4 мая Дрейер написал Нергору, что постоянно думает над стилем фильма и не хочет смотреть другие фильмы на библейскую тему, чтобы они не оказали на него влияния. Он также упомянул, что ждет ответ от Артура Рэнка*.

Несомненно, Дрейер был очень увлечен идеей фильма об Иисусе. Но до сих пор он не был одержим ею. Дрейер думал и о других проектах, писал другие наброски сценариев.

Все изменилось летом 1949 г., когда на съемках в Кронборге Дрейер познакомился с американцем Блевинсом Дэвисом. С этого момента все действия Дрейера были подчинены единственной цели. И хотя он

* Артур Рэнк (Arthur Rank; 1888–1972) – британский промышленник, ревностный методист, в 1940-х – 1950-х гг. – самый влиятельный киномагнат Англии, контролирующий до 2/3 киноиндустрии Великобритании. Его интерес к кинопромышленности изначально был вызван возможностью использовать кинематограф для пропаганды идей методистской церкви

снял еще два фильма, «Слово» и «Гертруду», а также написал сценарий «Медеи», сам он рассматривал их скорее не как независимые проекты, а лишь как репетиции к «Иисусу».

Что же представлял собой Блевинс Дэвис, сыгравший столь значительную роль в судьбе Дрейера?

Дэвис родился в 1903 г. в городе Индепенденс, штат Миссури. Его отец дружил с будущим президентом США, Гарри Трумэном, а сам он в школе был приятелем брата Бесс Трумэн, будущей Первой леди. В 1925 г. Дэвис окончил университет в Индепенденсе и после недолгого периода преподавания перешел работать на телевидение, где около десяти лет оставался директором различных образовательных программ на NBC.

Блевинс Дэвис (справа), Бэсс Трумэн (в центре) и неизвестная женщина (слева).

В 1946 г. сорокатрехлетний Дэвис женился на вдове крупного железнодорожного магната, которой было уже за семьдесят. Свадьбу отпраздновали в Белом доме. Брак оказался недолгим, хотя многие и уверяли, что, несмотря на разницу в возрасте, счастливым; молодоженов связывала общая любовь к искусству и особенно театру. В 1948 г. жена Дэвиса умерла от инфаркта, оставив ему в наследство состояние в 9 миллионов долларов.

В 1949 г. Дэвис вместе с одной из театральных трупп приехал в Данию, чтобы, согласно сложившейся традиции, поставить «Гамлета» в Эльсиноре. Там его и познакомили с Дрейером. Дэвис, похоже, был человеком, легко загоравшимся самыми разными идеями. Мысль о том, что он выступит продюсером фильма об Иисусе, снятым знаменитым европейским режиссером, чрезвычайно его вдохновила.

Отчасти Дэвису нельзя отказать в чутье – тема была актуальной, и последующие годы действительно можно назвать эпохой голливудских эпических библейских фильмов. За вышедшим в 1949 г. «Самсон и Далила» («Samson and Delilah») последовали «Камо грядеши» («Quo Vadis», 1951), «Плащаница» («The Robe», 1953»), «Деметрий и гладиаторы» («Demetrius and the Gladiators», 1954), «Десять Заповедей» («The Ten Commandments», 1956), «Бен-Гур» («Ben-Hur», 1959), «Соломон и царица Савская» («Solomon and Sheba», 1959), «Царь царей» («King of Kings», 1961), «Варавва» («Barabba», 1961), «Величайшая из когда-либо рассказанных историй» («The Greatest Story Ever Told», 1965), «Библия: в начале...» («The Bible: In the Beginning...», 1966).

Бюджеты этих фильмов составляли в среднем от 3 до 5 миллионов долларов, а в исключительных случаях доходили и до 20. Но, несмотря на большие капиталовложения, почти все они приносили прибыль, многократно превышающую расходы.

10 июня 1949 г. между Дэвисом и Дрейером был подписан контракт следующего содержания:

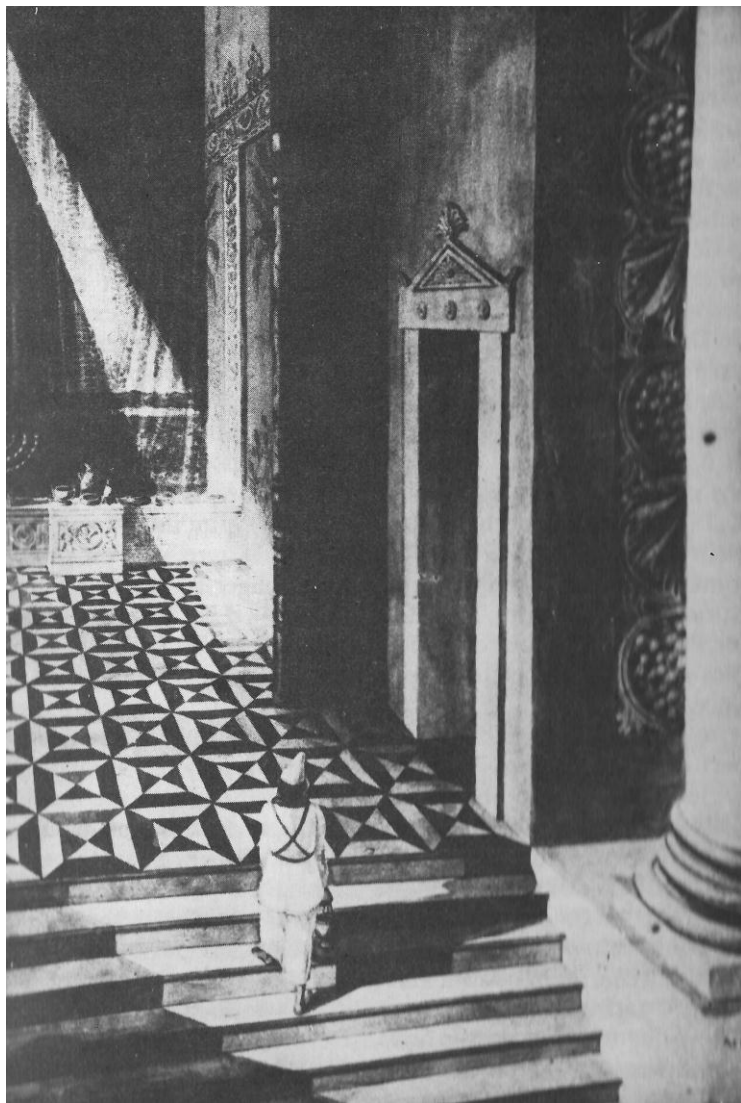
«1. Карл Т. Дрейер в течение срока от 6 месяцев до года пишет сценарий фильма о жизни и Страстях Христа, основанный на Евангелиях.

В соответствии с планом, Карл Т. Дрейер должен отправиться в Палестину около 1 июля для того, чтобы провести предварительные исследования в течение примерно месяца, а затем сразу же приехать в США, чтобы закончить подготовительную работу и написать сценарий.

2. Блевинс Дэвис обязуется финансировать эту работу, стоимость которой по оценкам не должна превысить 14 350 долларов, 5 000 из которых должны быть помещены на депозит Дрейера в Копенгагене в течение недели, остальное – до того, как он уедет в США.

3. Блевинс Дэвис и Карл Т. Дрейер являются совместными владельцами сценария, и фильм по нему может быть снят только в том случае, если режиссером будет Карл Т. Дрейер»¹⁶⁵.

Эта встреча и подписанный контракт определили всю оставшуюся жизнь Дрейера, и, по мнению многих, именно на Блевинсе Дэвисе лежит ответственность за то, что огромная работа, проделанная Дрейером, фактически пропала. Но начиналось все замечательно.

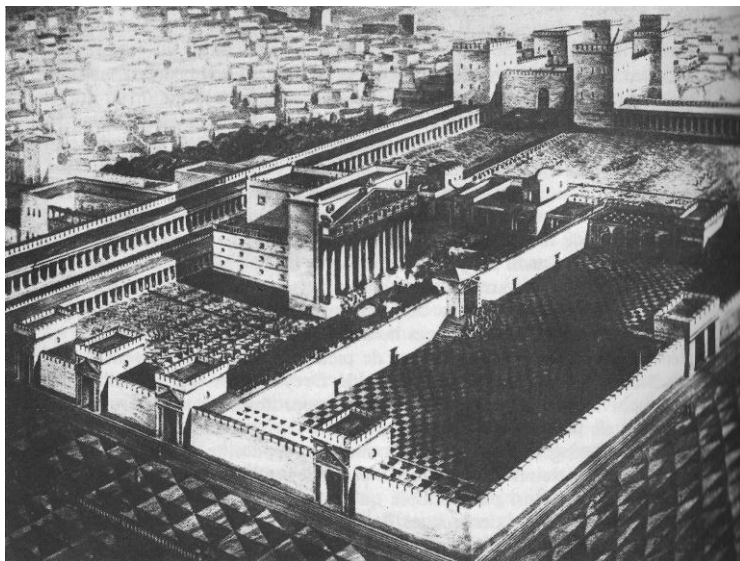
Храм в Иерусалиме. Эскиз декораций к будущему фильму.

Как и планировалось, Дрейер в начале июля 1949 г. отправился в Израиль, бросив незавершенными съемки двух документальных шекспировских фильмов. Дэвис же за неделю до отъезда Дрейера в Израиль вернулся в США.

Дрейер провел в Израиле чуть больше месяца. Там он познакомился с археологом Джулиусом Джотэмом Ротшильдом, с которым консультировался по поводу будущих декораций и даже подписал контракт на девять рисунков, которые и были позднее высланы Дрейеру. В Ротшильде Дрейер нашел единомышленника, который прекрасно понимал его стремление правдиво воспроизвести в фильме даже мельчайшие детали.

Но все же Ротшильд считал, что снимать фильм об Иисусе лучше в Калифорнии, поскольку рельеф там почти такой же, как и на Святой земле, а рабочая сила – более квалифицированная. К тому же Палестина за 2 000 лет так изменилась, что Иисус едва ли узнал бы ее, доведись ему вернуться. Но Дрейер, несмотря ни на что, хотел снимать только в Израиле.

Вскоре после возвращения из Израиля Дрейер отправился в США. В конце сентября 1949 г. он прибыл в Нью-Йорк, а оттуда 1 ноября приехал в Индепенденс. Дэвис предложил Дрейеру жить и работать в своем поместье, и Дрейер с благодарностью принял это приглашение. Там он познакомился и подружился с отцом Блевинса, а также встречался с президентом США Гарри Трумэном, который отнесся к Дрейеру очень доброжелательно и проявлял большой интерес к «Иисусу», рассматривая его в первую очередь как фильм об антисемитизме.

Храм в Иерусалиме. Эскиз декораций к будущему фильму.

И, действительно, основная идея фильма – показать Иисуса как еврея среди евреев – оставалась неизменной все эти годы и со временем только усиливалась. Очередной толчок в этом направлении Дрейер получил во время немецкой оккупации Дании:

«Естественно, у меня уже была своя теория по поводу событий, предшествовавших аресту Иисуса. Через несколько дней после того, как немцы оккупировали Данию, мне пришло в голову, что, должно быть, евреи тогда были в ситуации, очень похожей на нашу нынешнюю. Ненависть, которую мы испытывали по отношению к нацистам, евреи должны были испытывать по отношению к римлянам. Именно из этого понимания и выросла моя теория. Я подозревал, что арест, осуждение и смерть Христа на самом деле

были результатом конфликта между евреями и римскими оккупационными властями»¹⁶⁶.

Уже после приезда в США, Дрейер прочитал работу «Кто распял Иисуса» известного исследователя еврейской истории Соломона Цейтлина*. В марте 1950 г. Дрейер поехал к нему в Филадельфию, чтобы показать только что завершённую рукопись. Оказалось, что Дрейер даже более лоялен к евреям, чем Цейтлин; в отличие от последнего Дрейер оправдывал даже Каиафу, считая его действия вынужденными и направленными на то, чтобы смягчить участь своего народа под гнетом римской оккупации. По всем остальным вопросам Дрейер получил полное одобрение Цейтлина.

Дрейер писал сценарий по-английски, но, сознавая, что не владеет языком в достаточной мере, попросил затем его отредактировать. 14 апреля 1950 г. сценарий был полностью готов. Оставалось найти деньги. Хотя Дрейер и предполагал в тот момент снимать на черно-белую плёнку (поскольку не представлял историю Иисуса в цвете), стоимость фильма должна была составить от 3 до 5 миллионов долларов – очень большая сумма для европейского кино, но вполне представимая для Голливуда.

С самого начала знакомства Дрейер не переставал интересоваться у Дэвиса, какие попытки по поиску финансирования фильма тот предпринимает. Дэвис всякий раз уклончиво отвечал, что деньги не будут проблемой, но чтобы начать переговоры о финансировании, ему

* Соломон Цейтлин (Solomon Zeitlin, 1892–1976) – американский историк-востоковед, филолог, д-р философии (1917). Автор свыше 400 научных работ по проблемам древнейшей еврейской истории, гебраистики и раввинистической литературы.

нужно иметь на руках готовый сценарий. Дэвис говорил, что не хочет обращаться к голливудским киностудиям, а создаст собственную производственную компанию, самостоятельно собрав средства на фильм. Возможно, нежелание обращаться в Голливуд было связано и с тем фактом, что Дэвис, хотя и имел обширные связи в театральном мире, с кинобизнесом до знакомства с Дрейером дела не имел.

Дэвис сказал, что ему нужно три месяца, чтобы собрать деньги на фильм, и предложил Дрейеру на это время вернуться в Копенгаген. При этом Дэвис великодушно оплатил поездку Дрейера домой. На самом деле, на этом месте им обоим стоило бы поставить точку.

Есть все основания считать, что Дэвис почти сразу же охладел к проекту. Но Дрейер практически безоговорочно верил в Дэвиса еще семнадцать лет. За это время между двумя компаньонами произошла лишь одна встреча, а сохранившаяся корреспонденция состоит из 256 писем и телеграмм (210 из них написаны Дрейером и только 46 – Дэвисом).

Дрейер вернулся в Копенгаген 4 июня 1950 г. Он был полон энтузиазма и продолжал прорабатывать в деталях постановочный сценарий, с нетерпением ожидая новостей от Дэвиса. Но новостей не было. Более того, после письма от 7 сентября 1950 г., в котором Дэвис сообщил, что собирается встретиться с четырьмя промышленниками, чтобы обсудить финансирование фильма, корреспондент Дрейера замолк на полгода.

Можно лишь строить предположения, предпринимал ли Дэвис какие-то реальные попытки найти финансирование для «Иисуса» или его интерес угас еще до отъезда Дрейера из США. Йорген Роос, посвятивший

в своих неопубликованных мемуарах Дрейеру целую главу, высказал следующую точку зрения:

«Несколько лет спустя я встретил Валентайна Дэвиса. Он возглавлял Paramount. Он рассказал мне о визите Дрейера. Дрейер приехал и захотел познакомиться с самым современным кинопроизводством у ведущих компаний. Он записал имена лучших технических работников и посетил студии, чтобы выбрать лучшее оборудование. С этим списком пожеланий в руках он встретился с лидерами ведущих компаний, и несмотря на их обычную практику, они согласились передать своих сотрудников и технологии в распоряжение Дрейера для осуществления его проекта. До этого момента Блевинс Дэвис покрывал все расходы.

Но тут Дрейеру пришла в голову новая идея. Он решил купить корабль и отвезти все оборудование в Израиль, где должны были проходить съемки. На этом корабле нужно было создать кинолабораторию, потому что на израильские нельзя было полагаться. Языком фильма должен быть древнееврейский.

*С Блевинса Дэвиса было довольно. Он вышел из проекта и перестал отвечать на письма Дрейера. Валентайн должен был использовать свои связи с Рут Форд в Нью-Йорке. Она обратилась к Блевинсу Дэвису, и тот сказал ей, что не является продюсером фильмов, так что пусть теперь этим займутся другие».*¹⁶⁷

Воспоминания Рооса не очень точны. Так, например, Валентайн Дэвис никогда не возглавлял Paramount, поэтому не совсем ясно, о какой именно встрече идет речь. Но как бы то ни было, в 1950 г. Дрейер пребывал в уверенности, что их с Блевинсом Дэвисом цели полностью совпадают, и продолжал работу.

20 января 1951 г. он написал Эббе Нергору, что знает, как снимать каждую сцену. Разве что вопрос о том, кто сыграет роль Иисуса, оставался открытым. Дрейер был уверен, что узнает подходящего человека, как только его увидит.

Долгое молчание Дэвиса не могло не беспокоить Дрейера, и 1 марта он написал своему юристу:

«Я хотел бы знать следующее. (1) Думает ли Блевинс Дэвис, что он сможет в ближайшее время определиться в отношении фильма о Христе и предложить мне контракт – например, в течение двух или трех месяцев? (2) Если нет, уполномочит ли меня Блевинс Дэвис начать переговоры с какими-нибудь американскими компаниями по поводу финансирования фильма о Христе? (3) Если нет, заинтересован ли Блевинс Дэвис в финансировании какого-либо другого фильма, который я мог бы снять в США? (4) Если нет, какова будет предполагаемая реакция Блевинса Дэвиса в случае, если мне самому представится возможность снять фильм для американской компании в США? Я считаю несомненным, что в любом случае отношения между Блевинсом Дэвисом и этой компанией могут быть установлены позднее»¹⁶⁸.

Тревога Дрейера становится еще более понятной, если вспомнить, что, подписав контракт с Дэвисом летом 1949 г., он остался фактически без иных средств к существованию и мог жить только на собственные сбережения.

Ответ, вероятно, был получен, потому что 10 марта 1951 г. Дрейер написал Нергору, что со съемками придется подождать из-за непростой ситуации в мире, а в начале апреля сам обратился в Metro-Goldwyn-Mayer,

предлагая им поставить «Иисуса», для чего запросить сценарий у Дэвиса. Ответ пришел быстро: к сожалению, MGM уже снимает «Камо грядеши», и поэтому компания не готова браться за другой масштабный проект на библейскую тему. Дрейер обратился также в Samuel Goldwyn Productions и 20th Century Fox Film, но, очевидно, безрезультатно – ответы от них не сохранились. В середине апреля пришло очередное письмо от Дэвиса – теплое и дружеское, в котором Дэвис вновь подтвердил свой неизменный интерес к «Иисусу», после чего замолк еще на год.

Тем временем, финансовое положение Дрейера стало очень тяжелым. Он начал искать работу, и в марте 1952 г. правительство Дании назначило его директором кинотеатра «Дагмар», в результате чего Дрейер до конца дней получил финансовую независимость. Теперь ему больше не нужно было снимать фильмы ради денег, и он вновь смог посвятить все время, остающееся от управленческой деятельности, подготовке к съемкам «Иисуса».

В апреле 1952 г. Дрейер получил письмо от Дэвиса, в котором тот вновь подтвердил интерес к «Иисусу» и нежелание, чтобы фильм ставили в Голливуде. В начале 1953 г. Дэвис провел около полугода в Европе, и Дрейер настойчиво предлагал ему встретиться в Лондоне, на что Дэвис ответил, что лучше сам приедет в Копенгаген. Однако он так и не встретился с Дрейером до отъезда в США.

В переписке Дэвис упоминал о возможном привлечении к проекту Джона Хьюстона (что кажется маловероятным, поскольку Хьюстон всегда выступал продюсером только собственных фильмов). В июле 1953 г.

Дрейер попытался получить от Дэвиса 7 500 долларов для продолжения исследований, но безуспешно.

Помощь пришла от датского правительства, которое присудило Дрейеру грант в размере 8 000 крон (около 1 000 долларов) на исследования в Британском музее. Дрейер был тронут вниманием к его работе:

«Я очень рад, что получил этот грант. Думаю, не буду нескромным, если сочту его признанием моей работы. Сценарий завершен, но я собираюсь в Лондон, чтобы провести исследования в Британском музее, обладающем самой большой в мире коллекцией предметов из Палестины времен Иисуса.

Моя идея заключается в том, чтобы показать в этом фильме жизнь Иисуса с исторической точки зрения, на социальном и политическом фоне того времени, а для этого необходимо доскональное знание повседневной жизни.

Я хотел бы также поехать в Иерусалим и переговорить с экспертами, которые окажут мне помощь во время съемок. Кроме того, в Лондоне я проведу переговоры с Рэнком. Он проявлял интерес к фильму. Если переговоры пройдут хорошо, Рэнк смог бы взять на себя прокат фильма и организовать техническую поддержку во время съемок»¹⁶⁹.

Дрейер привез из Лондона сотни зарисовок одежды, украшений, жилищ, утвари. Но Рэнк ответил холодным отказом, сообщив, что проект представляется ему слишком амбициозным в это непростое время.

Вскоре после возвращения из Лондона Дрейер получил очередное письмо от Дэвиса, в котором тот предлагал опубликовать сценарий «Иисуса», ссылаясь

на успех «Плещаницы» Ллойда Кассела Дугласа* – исторического романа о распятии Христа и его последующей экранизации. Вероятно, Дрейер согласился, потому что Дэвис отдал сценарий на рецензию Альберту Н. Вильямсу, исследователю Библии из Денверского университета, который вскоре сам написал Дрейеру и предложил внести «небольшие правки».

Главным образом правки Вильямса сводились к тому, чтобы подчеркнуть безусловную божественность Иисуса и закончить фильм сценой Воскресения Христа и реакцией на это событие апостолов. Это, считал Вильямс, сделало бы фильм более привлекательным для христиан. Дрейер ответил, что не имеет ничего против сцены Воскресения, но его главным намерением является сохранить в сценарии про-еврейскую тему, и он сомневается, стоит ли вносить изменения, которые ведут в сторону от этой линии. Его, Дрейера, интересуют не столько теологические идеи, сколько личность Иисуса, еврея Иисуса, который вышел за пределы ожидаемого, и правки, предложенные Вильямсом, едва ли ведут в этом направлении¹⁷⁰. В результате сценарий «Иисуса» был опубликован только после смерти Дрейера.

В 1954 г. Дрейер был занят съемками «Слова» – фильма, который он рассматривал не иначе, как репетицию «Иисуса», проверку того, возможно ли достоверно показать чудо на экране. В августе Дэвис вновь

* Ллойд Касселл Дуглас (1877–1951) – американский писатель, автор популярных книг на религиозные и моральные темы. Его книга «Магическое притяжение» вышла в США в 1929 году и сразу же завоевала огромную популярность. Роман «Плещаница» был издан в 1942 г.

приезжал в Европу, но снова не предпринял никаких попыток встретиться с Дрейером.

Во время съемок «Слова» Дрейер много рассказывал об «Иисусе» Яну Валу, американскому студенту, десятилетия спустя опубликовавшему свои воспоминания:

«"Жизнь Иисуса" будет сниматься в Палестине на древнееврейском. Субтитров для международного проката в фильме тоже не будет. Вместо этого введение для каждого эпизода будет читать закадровый голос. Но как только начнутся хорошо знакомые сцены, будет звучать только древнееврейский, чтобы создать ощущение, что перед нами документ – не воссоздание, а запись.

Сегодня в Израиле очень много талантов – в искусстве, театре, музыке. Я не переживаю по поводу того, что не найду нужных людей. Найму евреев на месте и выпишу итальянцев на роли римлян.

В фильме будет музыка, являющаяся его неотъемлемой частью, – древнееврейская. Я нашел древние песнопения и инструменты двухтысячелетней давности. А еще в музее народного творчества Израиля есть диск для фонографа, сделанный археологами-музыковедами.

Фильм будет непрерывным, так чтобы один эпизод плавно перетекал в другой. Иисус станет делать и говорить только то, что написано в тексте Евангелий. Но возникает ряд проблем, которые понимает любой, кто делал хотя бы поверхностное сравнение текстов четырех Евангелий. Они передавались из поколения в поколение из уст в уста, точно так же, как жизнь и учение Сократа дошли до нас через его учеников.

Мы должны осознать, что прошел целый век, прежде чем слова и деяния Иисуса были записаны. Каждый евангелист имел свою специализацию. Марк главенствует во всем, что связано с чудесами и экзорцизмом. Иоанн, при всем его отличии от других, дает бесценные детали, касающиеся последних часов жизни Иисуса. Мало-помалу, многие из пробелов заполняются. И все четверо вместе, они позволяют получить сводную картину того, что Он говорил и делал, хотя и не вполне того, кем Он был.

Для этого нам нужно найти внутреннее доказательство – что-то вроде стенографической записи, которую теологи обычно называют пятым Евангелием. Например: действительно ли Иисус сам нес крест на Голгофу? Матвей и Марк утверждают, что крест заставили нести Симона Кириянина, а версия Луки добавляет еще один штрих – Иисус шел впереди, а за ним, согнувшись под тяжестью, следовал Симон.

Наше общепринятое представление об этой сцене нарисовано только со слов одного Иоанна – что Иисус метафорически склонился под тяжестью своего креста. Из тех источников, которые мы имеем, можно сделать следующий принципиальный вывод: Матвей был логиком, репортером дискурса; Марк – историком, репортером чудес; Лука – художником, мечтателем, биографом; Иоанн же – апологетом, репортером Страстей.

Все эти осколки можно собрать воедино, только если будет найден ключ. И если это получится, освещенный экран станет огромным Платом св. Вероники, представляющим истинный образ Иисуса Христа!

Иисус был блестящим раввином, исполняющим божественную Мессиянскую задачу. Иисус-освободитель предвосхитил философию Ганди наших дней»¹⁷¹.

В 1955 г. Дрейер на собственные средства совершил недолгую поездку в Израиль. Он явно планировал вскоре вернуться, потому что оставил там три коробки с материалами, найденными и возвращенными в Данию уже после его смерти. Только опись всего, содержащегося в коробках, занимает 110 машинописных страниц.

Все материалы были разложены по конвертам, с аккуратными надписями: чудеса, прокаженные, керамика, ткачество и прядение, монеты, одежда и обувь, костюмы, закон и правосудие, медицинские вопросы, музыка, песни и танцы, римская армия, революционеры, гипнотизм, карты.

В коробках хранилось минимум 150 книг (на английском, датском, немецком, французском и шведском языках) – о Евангелиях, повседневной жизни в библейские времена, еврейских народных песнях, свитках Мертвого моря. Среди книг имелись произведения Эдит Гамильтон^{*}, Хаима Вейцмана[†], Давида Бен-Гуриона[‡], Аббы Эвена[§], Никоса Казандзакиса^{**}.

^{*} Эдит Гамильтон (1868–1963) – американская писательница, наиболее известная своими трудами по греческой драме и мифологии. Однако среди ее работ есть также книги «The Prophets of Israel» (1936) и «Witness to the Truth: Christ and His Interpreters» (1949)

[†] Хаим Азриэль Вейцман (1874–1952) – учёный-химик, политик, президент Всемирной сионистской организации (1921–1931, 1935–1946), первый президент государства Израиль

[‡] Давид Бен-Гурион (1886–1973) – израильский государственный деятель, премьер-министр Израиля

[§] Абба Эвен (1915–2002) – израильский государственный и политический деятель

^{**} Никос Казандзакис (1883–1957) – греческий писатель, автор романа «Последнее искушение» (1951, внесен католической церковью в Индекс запрещенных книг)

В августе 1955 г. Блевинс Дэвис написал Дрейеру, что «Иисусом» заинтересовался Кэй Харрисон, президент европейского отделения Technicolor.

Казалось, проект обрел новое дыхание. В конце августа Дэвис и Дрейер наконец-то встретились в Лондоне (в первый раз после того, как они расстались в США), и Дэвис даже передал Дрейеру 2 500 долларов, чтобы последний мог продолжить работу над фильмом. Шесть лет спустя Дэвис в письме Харрисону утверждал, что тогда, в 1955 г., передал Дрейеру сумму в 30 000 долларов для создания совместной независимой кинокомпании, но никаких других подтверждений этого факта нет.

Осенью 1955 г. к Дрейеру обратились представители London Films с предложением поставить «Марию Стюарт» – фильм, сценарий которого был написан еще в 1946 г. и который Дрейер больше всего хотел снять до того, как начал работать над «Иисусом». Но на этот раз Дрейер отказался. Впрочем, несколько месяцев спустя он обратился к Дэвису с вопросом, не стоит ли все же поставить «Марию Стюарт», пока идут приготовления к съемкам «Иисуса»?

Но Дэвис был против того, чтобы Дрейер отвлекался на другой проект. Вместо этого он предложил Дрейеру отправиться в Израиль, уверяя, что в самое ближайшее время найдет деньги для поездки. В интервью, которое Дрейер дал 19 февраля 1956 г., он все еще был настроен оптимистично и готов в течение часа собраться и вылететь в Израиль для начала съемок. Но деньги от Дэвиса так и не пришли, а затем разразился Суэцкий кризис.

В первой половине 1956 г. Дрейер начал брать уроки вождения. В Дании ему не предоставлялась возможность сесть за руль, но он чувствовал, что в Израиле это может понадобиться.

Одновременно с этим он решил изучить иврит, для чего обратился за помощью к Бенту Мельхиору*, у которого регулярно в течение двух лет брал уроки два раза в неделю. К 1960 г. Дрейер уже неплохо знал иврит и восхищался им. Дрейер утверждал, что иногда даже думал на иврите. В 1960 г. вышла книга Дрейера «Om filmen»; один экземпляр он надписал на иврите Эббе Нергору, умершему три года назад, в 1957 г.: «Эббе. Дорогой друг, помоги мне снять мой фильм об Иисусе. Было бы здорово, если б ты помог. Весна 1960. Карл Т. Дрейер». Эту книгу он подарил вдове Нергора¹⁷².

Чем дольше Дрейер занимался фильмом об Иисусе, тем более произраильски настроенным становился. Он поддерживал тесные связи с еврейской общиной Копенгагена и послом Израиля в Дании, был однозначно на стороне Израиля в арабо-израильском конфликте и восхищался Моше Даяном. Это даже привело к слухам о том, что Дрейер был евреем или перешел в иудаизм, что совершенно не соответствовало действительности.

В 1956 г. ситуация на Ближнем Востоке ухудшилась, и Дрейер пообещал Харрисону, с которым в то время активно общался, подумать над переносом хотя бы части съемок в Испанию. Кажется, Блевинс Дэвис

* Бент Маркус Мельхиор (род. 1929) – сын Маркуса Мельхиора, Главного раввина Дании (1947–1969). Принимал участие в войне за независимость Израиля. С 1963 г. – раввин в синагоге Копенгагена, а после смерти отца с 1969 г. по 1996 г. был Главным раввином Дании.

снова устранился из переговоров по проекту, потому что 7 ноября 1958 г. Дрейер отправил последнему телеграмму:

«Настоящим подтверждаю, что Кэй Харрисон сообщил мне о вашем решении выйти из проекта создания фильма об Иисусе, так что я волен вести переговоры сам. Попробую продать сценарий, прибыль разделю с Вами. Пожалуйста, пришлите мне Ваши копии сценария. С уважением, Дрейер».

В том же месяце Дрейер обратился с предложением поставить «Иисуса» в Paramount Pictures. Но в августе 1959 г. получил отрицательный ответ – на Paramount Pictures только что сняли «Десять заповедей» и руководство компании считало библейскую тему на время исчерпанной.

Однако Дэвис пропал ненадолго, вскоре он вновь принял участие как третья сторона в переговорах между Харрисоном и Дрейером. На этот раз идея заключалась в том, чтобы снять «Иисуса» на итальянской киностудии (вероятно, речь шла о Globe Film International), но на этот раз категорически против был Дрейер. Свой отказ он объяснил Харрисону следующим образом:

«Я пришел к заключению, что моему фильму об Иисусе грозила бы большая опасность, если бы его производством занялась итальянская компания. Помню, сколь агрессивны были католики, когда я снимал Жанну д'Арк. Они начали с вежливого "можно ли задать вопросы", но позднее уже "предъявляли требования". Безусловно, видные официальные лица католической церкви столпятся вокруг со своими требованиями, когда услышат о моем фильме. Руководство итальянской компании не сможет противостоять

давлению, и либо меня заставят расторгнуть контракт, либо убрать из "Иисуса" то, ради чего и делался фильм. Мой фильм – фильм об Иисусе, но это в большей степени еврейский фильм, чем христианский. Так что Израиль – это правильное место для съемок»¹⁷³.

Йорген Роос вспоминает (не указывая даты) о другом случае:

«В какой-то момент с Дрейером связался Карло Понти. Он слышал о провалившемся проекте и пригласил Дрейера приехать в Рим, чтобы обсудить финансирование фильма на условиях Дрейера. Дрейер размышлял над этим неделю, но все же поехал домой, а не в Рим. Он сказал, что ему пришлось принять очень тяжелое решение – отклонить предложение Карло Понти. Он не хотел, чтобы фильм финансировали римляне – "ведь именно они приговорили Христа к распятию!"»¹⁷⁴

Кэй Харрисон в 1959 г., судя по сохранившейся переписке, испытывал большой интерес к сотрудничеству с Дрейером. Они обсуждали не только «Иисуса». Дрейер упоминал пьесу «Траур — участь Электры» («Mourning Becomes Electra», 1931) Юджина О'Нила, в которой роли матери и дочери должны были сыграть Ингрид Бергман и ее дочь Пиа Линдстрем. Другой вариант – романы Уильяма Фолкнера, чьим восторженным поклонником Дрейер себя считал. Еще один проект – «Король Лир» с исключительно темнокожим составом актеров и шекспировскими стихами, переведенными в прозу. Возможно – ремейк драмы «Грозди гнева» по роману Джона Стейнбека. А также фильм о трагической экспедиции на Северный полюс на аэростате трех

шведов и экранизация трилогии «Кристин, дочь Лавранса» («Kristin Lavransdatter», 1920–1922) норвежской писательницы, лауреата Нобелевской премии, Сигрид Унсет.

Но дальше перечисления возможностей дело не пошло. Когда вскоре Харрисон, находившийся в то время в Югославии, предложил реальный проект – снять в Греции с участием югославских кинокомпаний «Медею» с греческой актрисой Элли Ламбети в главной роли (для чего он надеялся, используя свои связи, получить достаточное финансирование), Дрейер решительно отказался, и вновь по политическим причинам: *«Мы, кто ближе к коммунизму, чем вы, американцы, должны быть очень осторожны с политической точки зрения»*. К тому же Дрейер заявил, что не хочет принимать никаких решений о том, чтобы снимать другой фильм перед «Иисусом», не получив одобрение Дэвиса, а это, как видно, не всегда было легко.

В ноябре 1959 г. уже Дэвис предложил Дрейеру снять пока что фильм о Вагнере с Лоуренсом Оливье в главной роли. Едва ли, учитывая все, что известно о Дэвисе, за этим предложением стояли какие-то реальные переговоры, но Дрейер по-прежнему относился к Дэвису серьезно. Однако он гневно отменил это предложение, на том основании, что не собирался вместо просемитского фильма снимать картину об антисемите Вагнере.

После этого Дэвис снова пропал, и с апреля 1960 г. Дрейер не мог с ним связаться. На этот раз исчезновение американца неудивительно, поскольку он испытывал большие финансовые трудности. По решению суда Дэвис должен был продать свое поместье в уплату долга в 400 000 долларов, но он проигнорировал это

решение и уехал в Перу. В ноябре 1960 г. Дрейер получил телеграмму, что Блевинс Дэвис больше не живет в Индепенденсе и его новый адрес неизвестен. На самом деле Дэвис переехал в Лиму, где занимался уже совсем не искусством, а молибденовыми шахтами, изредка приезжая оттуда в Рим и Лондон.

Начиная с 1960 г. к проекту «Иисуса» подключился Бьорн Расмуссен, критик датской ежедневной газеты *Aktuelt*. Через различные организации он пытался привлечь внимание к фильму Дрейера и собрать средства на его постановку.

Так или иначе, проект получил широкую известность, и предложения о сборе средств приходили из самых разных источников. Один швед, живущий в Америке, выразил готовность финансировать фильм, если Дрейер снимет его вместе с Бергманом, – от чего Дрейер, естественно, категорически отказался.

В Дании к Дрейеру уже относились как к живому классику, и там началась кампания за то, чтобы добиться государственного финансирования фильма, которая ни к чему, впрочем, не привела.

Сам Дрейер в январе 1960 г. обратился в *Columbia Pictures* и уже в феврале получил отрицательный ответ.

В 1961 г. неожиданно объявился Блевинс Дэвис, находящийся в Лиме, и предложил Дрейеру поставить небольшой фильм о Гамлете. Дрейера это не заинтересовало, и Блевинс Дэвис вновь пропал на три с половиной года.

В начале 1960-х гг. Дрейеру написал Дино Де Лаурентис с предложением принять участие в своем библейском проекте. Де Лаурентис сообщил, что намерен также обратиться к Куросаве, Феллини и Висконти,

но первым пишет именно датскому режиссеру. Дрейер вежливо ответил, что обещал Блевинсу Дэвису (о котором не имел никаких сведений уже много месяцев) не снимать никаких библейских фильмов до «Иисуса».

В 1964 г. Дрейер снял свой последний фильм, «Гертруду», причем он рассматривал его как эксперимент со «статуарным стилем», который затем собирался использовать в «Иисусе». После завершения работы над фильмом Дрейер попытался разыскать Блевинса Дэвиса и преуспел в этом. 20 июня 1965 г. Дэвис написал Дрейеру длинное письмо из Лимы, в котором совершенно несправедливо обвинил последнего в нежелании работать с голливудскими компаниями (что и привело, по мнению Дэвиса, к провалу проекта) и предложил уступить свои права на сценарий за 25 000 долларов. Таково последнее письмо от Дэвиса, который пережил Дрейера на три года и скончался в 1971 г. в Лондоне от инфаркта.

В 1967 г. продюсер наконец-то нашелся. Это был Камило Бассото из итальянской ТВ-компании RAI, готовый принять все условия Дрейера. На этот раз Дрейер уже не возражал против участия в проекте итальянцев. На встрече, которая состоялась 23 октября 1967 г. Дрейер сформулировал свои условия: съемки должны проходить в Израиле; просемитская направленность фильма остается неизменной; оператором должен быть Хеннинг Бендстен. При выполнении этих условий Дрейер готов работать от восхода до заката.

В том же году пришла и еще одна хорошая новость: Фонд датского кино присудил Дрейеру 3 миллиона крон (около 300 000 долларов) – по сути, не грант, а

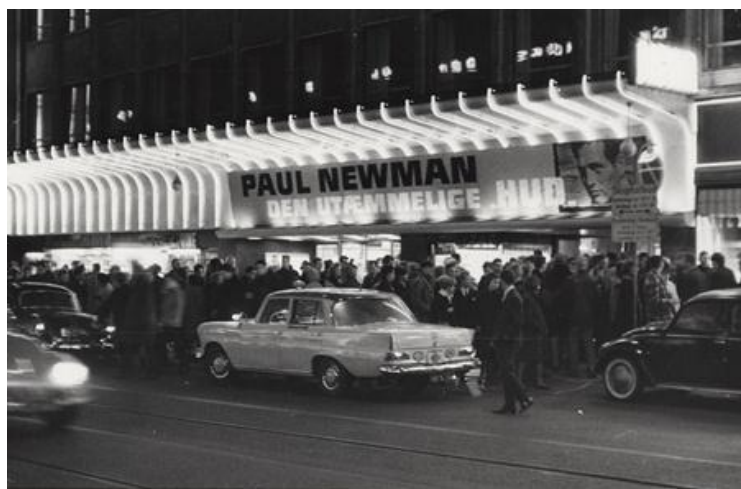
гарантированное возмещение возможных убытков любому продюсеру, который возьмется за проект.

Казалось бы, «Иисус» получил новый шанс ...но слишком поздно. Дрейеру исполнилось уже 77 лет. Еще в прошлом, 1966 г., он начал испытывать трудности со здоровьем и много времени провел в больнице. В 1967 г. к нему ненадолго вернулась энергия, но в марте 1968 г. он вновь заболел и вскоре умер, так и не приступив к съемкам фильма своей жизни.

21. «Дагмар» – коммерчески успешный и уважаемый кинотеатр

Согласно датскому законодательству того времени, лицензии на управление кинотеатрами выдавались Министерством юстиции. При этом один человек не мог управлять более чем одним кинотеатром. Как правило, лицензии бесплатно получали люди, имевшие заслуги перед датским кино, или их вдовы. Это становилось своего рода пенсией – и хорошей, поскольку управление кинотеатром считалось весьма доходным бизнесом.

Многие коллеги Дрейера, работавшие вместе с ним в киноиндустрии во времена золотого века датского кино, уже получили в управление кинотеатры. Например, Бенъямин Кристенсен с 1944 г. управлял кинотеатром в пригороде Копенгагена.

Кинотеатр «Дагмар», 1964 г.

В 1951 г. освободилась лицензия на управление кинотеатром «Дагмар», расположенным в самом центре Копенгагена. Кинотеатр занимал (и до нынешних дней занимает) здание, построенное в конце XIX в. для одноименного театра.

Под кинопоказы «Дагмар» переоборудовали лишь в 1939 г., но вскоре началась война, и здание использовало сначала немецкое, а затем британское командование. Однако летом 1945 г. прежний управляющий Хильмар Клаусен (актер эпохи золотого века датского кино) был восстановлен в должности, которую и занимал до самой смерти в августе 1951 г.

Каждый из претендентов на освободившуюся должность должен был предоставить краткое резюме с описанием своих заслуг, а также пять рекомендаций от лиц, обладавших авторитетом в области культуры.

Дрейер впервые участвовал в подобном конкурсе. Он представил рекомендации своего друга Эббе Нергора, Иба Коха-Ольсена, еще одного коллеги из Dansk Kulturfilm и двух редакторов копенгагенских газет. По слухам (хотя все данные о претендентах были строго засекречены), конкуренцию Дрейеру составили Скот-Хансен (который в свое время так помог Дрейеру с «Днем гнева») и несколько бывших актеров, в том числе Йоханнес Мейер, сыгравший главную роль в фильме Дрейера «Уважай жену свою».

Решение министра юстиции о назначении управляющим Дрейера было объявлено в марте 1952 г. и не всеми было воспринято однозначно положительно, в одной из копенгагенских газет даже появилась критическая статья. Но сам Дрейер был по-настоящему счастлив. Наконец-то он получил финансовую независимость

и мог больше не думать, за счет чего оплачивать аренду квартиры и на какие средства содержать семью, состоящую из неработающей жены и постоянно проживающей с ними дочери-инвалида.

Репортер В.Т. застал Дрейера в тот момент, когда его жена принесла в комнату очередные поздравления и подарки (вино, цветы, телеграммы), в основном, от людей, работавших в киноиндустрии.

«Дрейер подошел и посмотрел на подарки. “Откуда люди берут на все это деньги?”, – сказал он наконец. “Должно быть, кто-то зарабатывает деньги, снимая кино”.

Репортер: Вы давно хотели управлять кинотеатром?

Дрейер: Я никогда раньше не обращался за лицензией. Я впервые подумал об этом, когда освободился “Дагмар”, потому что это изысканный, артистически ориентированный театр. Я попытаюсь найти лучшие фильмы. И это вовсе не значит – как многие, возможно, от меня ожидают – тяжелые, серьезные фильмы. Я и сам большой поклонник хороших комедий. Хочу показывать такие фильмы, как “Рожденная вчера”^{}.*

Репортер: Ваш сын – кинокритик. Вы воспользуетесь его советами при выборе фильмов?

Дрейер: Он, вероятно, будет часто приходить ко мне и ворчать “Вот видишь, папа, как я и говорил, тебе не следовало выбирать этот фильм”»¹⁷⁵

Секретарь предыдущего управляющего Инга Йоргенсен, оставшаяся работать и у Дрейера, рассказывала, что до того, как Дрейер получил лицензию, его семья

^{*} Комедийная мелодрама Джорджа Кьюкора «Рожденная вчера» («Born Yesterday», 1950).

жила практически в нищете. Получив финансовую независимость, Дрейер первым делом купил Эббе те вещи, о которых она много лет могла только мечтать, и открыл для нее счет в одном из центральных универмагов Копенгагена. Впрочем, сам Дрейер всегда отрицал, что терпел какие-то серьезные лишения. Он говорил, что ему не на что жаловаться, а обычные неприятности бывают у всех.

Отделанный темным деревом, «Дагмар» выглядел очень респектабельно. Пол просторного фойе застлали ковры, а на стенах висело большое количество зеркал. Для зрителей были установлены глубокие кресла с хорошим обзором, причём как в партере, так и на балконе.

Офис Дрейера находился на балконе, сразу за гардеробом. Вся мебель небольшой комнаты без окон состояла из стола и стула Дрейера, а также книжной полки, кресла и кушетки. На стене висела фотография прежнего управляющего Хильмара Клаусена, большие часы и динамик, по которому можно было слушать саундтрек демонстрируемого в настоящий момент фильма.

Когда Дрейер работал над собственными фильмами, он практически не появлялся в «Дагмаре». Но его сотрудники обращались к нему с вопросами раз или два в неделю. Программа всегда была составлена заранее, и управляющий мог спокойно оставить кинотеатр на своих подчиненных.

Штат «Дагмара» состоял из 29 человек, куда входили все – от гардеробщиц до заведующего Таге Хертеля. В 1955 г. после смерти Хертеля его сменил Харальд Грут, который вел все финансовые переговоры

с дистрибьюторами, в то время как Дрейер лишь подписывал готовый контракт.

Дрейер всегда переживал из-за болезней или других проблем своих сотрудников и часто оказывал им финансовую помощь. Премия на Рождество была обязательной. Но, хотя Дрейер и знал всех сотрудников по именам, лично он с ними практически не общался, это входило в обязанности миссис Йоргенсен. По ее воспоминаниям, друзья никогда не навещали Дрейера в его офисе, лишь изредка заходила Эбба, иногда с дочерью, иногда с сестрой.

Дрейер приложил много усилий к тому, чтобы сделать «Дагмар» особенным кинотеатром. При нем стали выпускаться бесплатные программки на 8 листах, которые содержали не только синопсис и перечень актеров (что делали и некоторые другие датские кинотеатры, правда, они продавали программки, а не раздавали их бесплатно), но и серьезные дополнительные материалы. Так, например, для фильма Жана Ренуара «Река» («The River», 1951) Дрейер попросил одного профессора санскрита написать статью об Индии.

Дрейер очень не любил титры в фильмах, считая их наследием немного кино, поэтому всю информацию о создателях фильма он тоже размещал в программке. Впрочем, Дрейера иногда обвиняли и в более серьезном редактировании фильмов, например, с таким протестом выступил французский режиссер Ле Шануа. На это Дрейер ответил, что действительно предложил Ле Шануа отредактировать эпизод, связанный с прибытием беженцев в Данию, поскольку каждая страна имеет свою специфику, и нужно быть гибким, но Ле Шануа

отказался, и в результате его фильм не демонстрировался в «Дагмаре».

Присутствовавшие на премьерах дамы часто получали еще и дополнительные небольшие подарки. Так, например, на премьерах «Татуированной розы» («The Rose Tattoo», 1955) и «Кадиллака из чистого золота» («The Solid Gold Cadillac», 1956) это были, соответственно, носовые платочки с вышитой розой и небольшие позолоченные модели каддилака, а на «Зуде седьмого года» («The Seven Year Itch», 1955) – палки для чесания спины.

Премьера в «Дагмаре» всегда становилась светским событием, на нее рассылались именные приглашения. Эбба Дрейер неизменно посещала все премьеры. Сам Дрейер старался на публичных мероприятиях остаться в тени. Если «Дагмар» случалось посетить членам королевской семьи, их приветствовала его секретарша, миссис Йоргенсен. И не со всеми гостями Дрейер был любезен. Например, миссис Йоргенсен вспоминала, что когда в 1958 г. в «Дагмар» приехала Софи Лорен, единственное, что сказал Дрейер, было *«уберите отсюда эту сумасшедшую»*.

Работа управляющего заключалась прежде всего в отборе фильмов и контроле за финансовыми вопросами. Рабочий день Дрейера обычно начинался в 11 часов и продолжался часов до 4 дня. В это время он, главным образом, просматривал новые фильмы. Иногда он смотрел их вместе с секретаршей Ингой Йоргенсен (хотя и никогда не интересовался ее мнением о фильме) и представителями компании-дистрибьютора. Если дистрибьюторы ему нравились, после просмотра он шел с ними обедать.

«Дагмару» часто предоставлялись особые условия на демонстрацию фильма. То, что фильм в течение трех недель демонстрировался в «Дагмаре», считалось отличной рекламой для провинциальных кинотеатров.

Дрейер и Кусто обсуждают премьеру «Мира без солнца» («World Without Sun», 1965).

Ни один фильм не был показан в «Дагмаре» без предварительного просмотра Дрейера. С другой стороны, сам он никогда не ходил в другие копенгагенские кинотеатры.

Каков же был репертуар, лично отбираемый Дрейером? В начале 1950-х гг. около 50-60 % составляли американские фильмы, как и в среднем по Дании. Но в 1955 г. американские прокатчики потребовали повысить отчисления с 30 % до 40 % от стоимости билета. Управляющие датскими кинотеатрами не могли согласиться с этим требованием, так как цены на билеты недавно и так поднялись из-за выросшего налога на развлечения.

В мае 1955 г. датчане решили бойкотировать американские фильмы. Так как некоторые контракты уже были подписаны, блокада полностью вступила в силу только в 1956 г.

Впрочем, вскоре в рядах датских управляющих кинотеатрами наступил раскол. Один из них, Могенс Фискер, заявил, что готов поехать в Париж, чтобы подписать контракт с американцами. Его поддержали восемь датских кинотеатров, включая «Дагмар», подписавших в феврале 1957 г. контракт с Motion Pictures Export Association (МРЕА)*, и уже в июле 1957 г. американские фильмы стали вновь доступны в Дании. После этого в репертуаре «Дагмара» американские фильмы лидировали с большим отрывом.

* Филиал Американской ассоциации кинокомпаний (МРАА, англ. Motion Picture Association of America) – американской некоммерческой организации, объединяющей крупнейших кинопроизводителей и призванной отстаивать их бизнес-интересы.

В последний период жизни Дрейер стал очень проамерикански настроенным, он и сам хотел снимать «Иисуса» только на американской студии. От его негативного отношения к американскому кино и студийной системе 1930-х гг. не осталось и следа. После окончания бойкота «Дагмар» показывал даже больше американских фильмов, чем другие датские кинотеатры.

Всего за время управления Дрейера было показано 134 американских фильма, 26 британских, по 12 итальянских и французских, 11 франко-итальянских и всего 7 датских, два из которых были фильмами самого Дрейера.

Не менее примечательно и распределение фильмов из репертуара «Дагмара» по режиссерам. За очень редкими исключениями, демонстрировались фильмы ведущих режиссеров коммерческого кино. Рекордсменами стали Элиа Казан, Винсент Миннелли и Мартин Ритт, по 5 фильмов каждого из которых были показаны в «Дагмаре». Дрейер выбирал драмы, мелодрамы и комедии, избегая показывать военные и социальные фильмы, вестерны, нуары, а также экспериментальное кино. Так, например, ни «Убийство» («The Killing», 1956) Стэнли Кубрика, ни «Микки Первый» («Mickey One», 1965) Артура Пенна не были показаны в «Дагмаре», хотя и демонстрировались в других датских кинотеатрах¹⁷⁶.

Дэйл Драм приводит в своей книге некоторые отзывы Дрейера, по которым можно составить определенное представление о приоритетах последнего:

«Мы очень заинтересованы в "Мулен Руж" (версия Джона Хьюстена). Я думаю, "Вернись, малышка Шеба" ("Come Back Little Sheba", 1952) слишком

Дрейер встречается с Жюлем Дассеном и Мелиной Меркури во время их визита в Данию.

отталкивающий фильм для датской публики, несмотря на то, что Ширли Бут – просто чудо.

Что касается "Полного дома" ("Full House", 1952), лично мне он понравился, вернее, мне понравились четыре из пяти историй. Мне не нравится четвертая (та, которая с мальчиком). Они довольно сентиментальны, особенно некоторые, но милы.*

Голливудская картина "Злые и красивые" ("The Bad and the Beautiful", 1952), возможно, интересна с точки зрения американцев, но я не думаю, что датчане оценят картину о жизни в Голливуде. "Бульвар Сансет" ("Sunset Boulevard", 1950) стал исключением из-за Глории Свенсон.

* На русском языке этот фильм известен под названием «Вождь краснокожих и другие...»

Некоторое время назад я посмотрел "Не тот человек" ("The Wrong Man", 1956) и договорился с Warner о его прокате в "Дагмаре". Это трогательный фильм и в высшей степени артистичный. Я искренне поздравляю Хичкока и рад, что Вы навели меня на него. Спасибо!

Помимо "Не того человека" "Дагмар" подписал также контракт и на "Куколку" ("Baby Doll", 1956). Недавно я посмотрел в Стокгольме "Долгое жаркое лето" ("The Long, Hot Summer", 1958). Я очень скучал по фолкнеровской атмосфере, столь характерной для этого автора. На самом деле, "Куколка" мне нравится больше, особенно девушка (Кэрролл Бейкер). Она поистине выдающаяся личность. Мне очень нравится и Джоан Вудворт, хотя я ее еще и не видел в "Трех лицах Евы" ("The Three Faces of Eve", 1957)»¹⁷⁷.

Подход Дрейера к выбору европейских фильмов принципиально был тем же, что и к выбору американских. Во французском репертуаре «Дагмара» доминировали старые имена – Жан Ренуар, Жюльен Дювивье, Клод Отан-Лара и Андре Кайат.

Бросается в глаза отсутствие фильмов французской Новой волны, которые демонстрировались в других датских кинотеатрах. В «Дагмаре» никогда не показывали фильмы Жана-Люка Годара и только по одному фильму Клода Шаброля и Франсуа Трюфо – «Ландрю» («Landru», 1963) и «Жюль и Джим» («Jules et Jim», 1962) соответственно.

На французской премьере «Гертруды» Дрейер отозвался о французской «Новой волне» довольно уклончиво:

«В.: У Вас была возможность посмотреть современные французские фильмы?»

О.: Да, дома. Мне нравится Новая Волна.

В.: Этим вечером Вас пришли поприветствовать многие видные представители современного французского кино.

О.: Да, Трюффо, Люк Годар, Клеман и Клузо... и другие, кого я не вполне знаю. Было очень приятно с ними познакомиться. Меня всегда привлекало то, что отклоняется от шаблонов. Это всегда вызывало мое любопытство. В том числе и Новая Волна. Просто у меня есть ощущение, что эти волны всегда откатываются назад в море. Но, возможно, там они породят новые волны»¹⁷⁸.

Клузо, Клеман, Годар, Трюффо и Дрейер на обеде, организованном в честь Дрейера в Париже, 1964 г.

Итальянский репертуар «Дагмара» состоял преимущественно из комедий и драм старых мастеров – Луиджи Коменчини, Альберто Латтуады и Витторио де Сики. За все годы управления кинотеатром Дрейер показал всего два фильма Федерико Феллини – «Мошенники» («Il Bidone», 1955) и «8½» («Otto e mezzo», 1960), а также «Фотоувеличение» («Blow-Up», 1966) Микеланджело Антониони.

Японское кино было представлено лишь двумя фильмами – «Расёмон» («Rashomon», 1950) Куросавы и «Врата ада» («Jigokumon», 1953) Кинугасы.

Датская программа, кроме «Слова» и «Гертруды», состояла из двух фильмов Хеннинга Карлсена (который, кстати, получил лицензию на управление «Дагмаром» после смерти Дрейера), двух фильмов о проблемах современной молодежи и еще одной комедии. Впрочем, возможно, столь малая доля датских фильмов в «Дагмаре» объяснялась и тем фактом, что датские киностудии предпочитали демонстрировать свои фильмы в собственных кинотеатрах.

И в заключение стоит отметить, что в «Дагмаре» не было показано ни одного фильма Ингмара Бергмана. Дрейер исключительно редко говорил о его фильмах, Друзи упоминает лишь, что однажды Дрейер назвал «Молчание» («Tystnaden», 1963) «удачей».

Однако Дрейер прекрасно различал высокохудожественное и массовое кино. При этом он призывал не пренебрегать массовым:

«При всем нашем желании создавать артистические фильмы, мы не должны смотреть свысока на простые популярные фильмы, которые, я думаю, выполняют важную задачу. Обычные люди, живущие

в маленьких квартирках и мечтающие о луче света, который прольется на их жизнь, могут, возможно, целую неделю жить воспоминаниями об одном из таких фильмов. Глупо и самонадеянно рассуждать только в терминах артистических фильмов. Это бы превратило наш мир в очень скучное место для жизни. И остальные получают определенное удовольствие, возможно, смотря именно те фильмы, которые не так уж хороши»¹⁷⁹.

Насколько выбор репертуара «Дагмара» отражал личные вкусы Дрейера? Ян Валь цитирует одно из писем знаменитого режиссера, датированное апрелем 1959 г.:

«Раз уж Вы любезно спросили меня, не возражаю ли я, чтобы Вы поместили меня в своей книге рядом с двумя другими (Мурнау и фон Штрогеймом), я Вам честно отвечаю, что не испытываю большого энтузиазма по поводу этой параллели. С моей точки зрения, между нами тремя нет вообще ничего общего. Я бы куда больше обрадовался, если бы Вы поместили меня рядом с Элиа Казаном или Эрнстом Любичем. Я знаю, что имею много общего с ними, и я большой поклонник их обоих. Или, если это уж совсем Вам не нравится, расположите меня рядом с Шёстрёмом и Морицем Стиллером»¹⁸⁰

Дрейер восхищался не только американскими режиссерами, но и актерами. Известно, что он считал одним из величайших «интуитивных» (в отличие от «играющих») актеров Джеймса Дина, и как-то в конце 1950-х гг. подарил своим друзьям на Рождество фотографию с Дином в роли Кэла Траска из фильма «К востоку от рая» («East of Eden», 1955).

В 1952 г. Дрейер перечислил в интервью Cinematheque Belgique свои любимые фильмы: «Броненосец Потемкин» (1925) Эйзенштейна, «Рождение нации» («The Birth of a Nation», 1915) Гриффита, «Короткая встреча» («Brief Encounter», 1945) Лина, «Золотая лихорадка» («The Gold Rush», 1925) Чаплина, «Генрих V» («Henry V», 1944) Оливье, «Окаменевший лес» («The Petrified Forest», 1936) Майо, «Набережная туманов» («Le Quai des brumes», 1938) Карне, «Рим, открытый город» («Roma, città aperta», 1945) Росселлини, «Деньги господина Арне» («Herr Arnes Pengar», 1919) Стиллера и «Под крышами Парижа» («Sous Les Toits De Paris» Кле-
ра¹⁸¹.

Как видно, в этом списке всего один звуковой американский фильм. Вероятно, если бы Дрейер составлял его позднее, таких фильмов стало бы больше. Но в 1950-х – 1960-х гг. Дрейер редко отзывался о творчестве других режиссеров, а если и делал это, то в частных беседах и переписке. Так Валь, например, приводит высказывание Дрейера о Чаплине:

«У Чаплина я узнал многое о поэтическом единстве. Как если бы вы ходили по музею от одного Рембрандта к другому, наблюдая особую гармонию, но в то же время и открывая неизведанные глубины. Я мог бы посмотреть "Малыша" и "Огни рампы" за одно утро. Как и Пауль Клее, он постоянно изобретает. Я думаю, "На плечо!" и "Великий диктатор" – лучшие антивоенные документы. В "На плечо!" война в траншеях изумительно представлена как дурной сон Бродяги».

Завершая рассказ о «Дагмаре», можно отметить, что Дрейер был очень успешным управляющим.

И все же, он не любил, чтобы его рассматривали именно в этом качестве люди, непосредственно не связанные с его бизнесом. Однажды Дрейер признался: *«Я занялся этим лишь потому, что мне нужны были деньги. Есть так много вещей, которыми я предпочел бы заниматься вместо этого»*¹⁸². С другой стороны, если бы Дрейер не имел доходов от «Дагмара», он, вероятно, не смог бы быть столь разборчивым в выборе проектов, не потратил впустую столько времени на фильм об Иисусе, а снял бы за оставшиеся годы значительно больше двух фильмов.

22. Возможность достоверного изображения чуда на экране: «Слово»

Примерно в то же время, когда Дрейер получил лицензию на управление «Дагмаром», то есть в 1952 г., он начал работать над сценарием своего нового фильма «Слово» («Ordet», 1954). Когда фильм вышел на экраны, Дрейер вспоминал:

«Я захотел снять этот фильм, как только увидел “Слово” в театре, на премьере в 1932 г. В нем есть художественная целостность и нечто вроде художественной естественности, которая очень подходит для фильма.

Вскоре после этого я написал Каю Мунку, с которым никогда не встречался лично, и спросил его, за сколько он готов продать права. Он ответил: “Я продам права за четверть миллиона крон (примерно 40 000 долларов). Как только соберете деньги – получите права”.

Годы спустя я снова подумал, нет, не о деньгах, а о “Слове”. Это было одной из семи-восьми вертящихся в моей голове тем, подходящих для фильма. Но когда Таге Нильсен, для которого я снял “День Гнева”, проявил инициативу по поводу фильма по Каю Мунку, нас уже обогнали шведы со своей версией, и пришлось ждать, пока права снова не освободились. И только два года назад я написал постановочный сценарий»¹⁸³.

Кай Мунк служил лютеранским пастором в рыбацкой общине Ведерсё в Ютландии, куда отправился после окончания теологического факультета Копенгагенского университета. С 1924 г. Мунк занимался и литературным трудом, его перу принадлежат около полутора

десятка пьес. Кроме того, Мунк был публицистом и антифашистом. Еще в 1938 г. он написал статью, направленную против Бенито Муссолини; во время немецкой оккупации не переставал осуждать в своих проповедях фашизм и датских коллаборационистов. Несмотря на уговоры друзей, Мунк не захотел уйти в подполье, и в 1944 г. был расстрелян тремя офицерами гестапо неподалеку от собственного дома. Мунк стал одним из самых известных датчан, погибших за свои убеждения во время оккупации.

В 1943 г. «Слово» было экранизировано в Швеции, причем роль Боргена-старшего сыграл Виктор Шёстрём, а роль Ингер – Ванда Ротгарт, которую год спустя был столь недоволен Дрейер во время съемок «Двое». Дрейер видел шведскую версию, но она ему не понравилась: *«Именно этого мы избежали в Дании. Они сделали из “Слова” шведскую моралите, вместо того чтобы уловить дух Кая Мунка»*¹⁸⁴.

Еще перед съемками «Дня гнева» в 1942 г. глава Palladium Tage Нильсен подписал с Дрейером контракт на три фильма. Не совсем ясно, кто выступил инициатором съемок «Слова» – Дрейер или Нильсен, но, так или иначе, контракт был возобновлен спустя одиннадцать лет.

Хотя Дрейер говорил, что хотел снять «Слово» еще в 1932 г., теперь, в 1953 г., он преследовал особую цель: «Слову» предназначалось стать своего рода репетицией перед «Иисусом». Дрейер хотел проверить, возможно ли показать чудо на экране так, чтобы зритель в него поверил:

«В известном отношении, для меня это промежуточный опыт. Я хочу посмотреть, как люди

отреагируют на чудо, потому что в фильме о Христе будет много чудес. Я думаю, это поможет подготовить зрителя к тому, чтобы увидеть чудо на экране»¹⁸⁵.

И все же, хотя Дрейер снимал фильм, который сам давно хотел снять, и рассматривал его, как репетицию к «Иисусу», во время съемок он неоднократно выражал сожаление, что «Иисуса» на время пришлось отложить. Дрейер даже в шутку объяснял этим плохую погоду, преследующую группу на натурных съемках: *«На все существует ответ. Очень простой. Господь немного сердит на меня, потому что я еще не снимаю своего “Иисуса”»¹⁸⁶.*

Дрейер очень бережно отнесся к тексту Мунка¹⁸⁷, однако, исходя из своих целей, внес в пьесу определенные изменения:

«Я счел необходимым выстроить начало фильма, которое, вообще говоря, мое собственное. Но, надеюсь, все согласятся, что оно находится в гармонии с атмосферой пьесы Кая Мунка. В остальном же я строго придерживался Кая Мунка, но попытался упростить диалоги, поскольку необходимо помнить, что фильм в соответствии со своей формой – в отличие от театра – требует, чтобы речь, которую произносят на экране, была простой и легкой для понимания, так чтобы ее можно было бы ухватить сразу же без рассуждений. Я также исходил из того, что Кай Мунк сам предпочел бы гармоничную кинематографическую работу вместо снятого на пленку театра»¹⁸⁸.

Основные изменения, которые внес Дрейер, заключались в следующем. Во-первых, он опустил предысторию, связанную со смертью невесты

Йоханнеса, отчасти объясняющую его болезнь. Во-вторых, убран диалог в финале, в котором доктор и пастор обсуждали возможность того, что смерть Ингер была констатирована ошибочно, и тем самым давали возможность естественной интерпретации событий. Дрейер до конца колебался, какой вариант выбрать, и были отсняты оба. Но в фильм вошел тот, который больше соответствовал цели заставить зрителя поверить в чудо. Впрочем, для себя Дрейер объяснял это чудо (как и чудеса в «Иисусе») скорее с точки зрения парапсихологии, чем с точки зрения традиционной религии:

«Новые научные достижения, последовавшие за теорией относительности Эйнштейна, показали, что за пределами трехмерного мира, который доступен нашим органам чувств, может быть найдено четвертое измерение, измерение времени, и пятое измерение, ментальное.

Это означает, что сейчас становятся возможными вещи, которые прежде никогда еще не случались. Открылась новая перспектива, которая позволяет нам осознать фундаментальную связь между точной наукой и интуитивной религией.

Новая наука подводит нас ближе к большему пониманию Божественного, а также к естественному объяснению сверхъестественного. Кай Мунк уже подозревал это, когда писал пьесу в 1925 г. и предполагал, что душевнобольной Йоханнес, возможно, ближе к Богу, чем христиане, которые его окружают»¹⁸⁹.

На вопрос, что его больше интересовало в «Слове» – теологические проблемы или человеческие, Дрейер отвечал:

«Совершенно искренне могу сказать, что больше меня интересовали человеческие проблемы. В этой семье главное противоречие – между сыном и его женой, и на самом деле это человеческое противоречие. Здесь я следую Мунку, который никогда не настаивал на религии, а был более заинтересован в человеческом контексте. И убили его не из-за религии, а потому что он постоянно выступал против немцев»¹⁹⁰.

Все изменения в сценарии Дрейер согласовывал со вдовой Кая Мунк Лисе, чтобы убедиться в том, что фильм по-прежнему верен «духу Мунка». Активное участие Лисе Мунк в съемках очень помогло Дрейеру – перед вдовой национального героя открывались все двери. Кроме того, Лисе Мунк часто выступала в роли переводчика: Дрейер, не испытывавший языковых проблем в Норвегии, Швеции, Германии и Франции, столкнулся с ними в родной Дании, поскольку население Ютландии

Дрейер и Лисе Мунк на съемках «Слова».

говорило на нескольких очень специфических диалектах.

Дрейер много внимания уделил языку, на котором говорили герои «Слова». С одной стороны, он хотел, чтобы в фильме звучал один из ютландских диалектов; с другой стороны, у столичных жителей не должно было возникнуть проблем с пониманием языка.

После консультаций со специалистами университета Орхуса Дрейер выбрал один из ютландских диалектов. Более того, консультант по диалекту присутствовал и на съемках.

Но Йоханнес должен был говорить не как все – во-первых, из-за душевной болезни, и во-вторых, из-за того, что долго изучал теологию, жил вне дома и знал многие иностранные языки. Дрейер и Пребен Лердофф Рюэ, игравший Йоханнеса, много раз обсуждали эту проблему. Однажды Дрейер даже взял с собой Рюэ в психиатрическую больницу, где познакомил с одним из пациентов, который выглядел словно сошедший со старинной картины Христос. Он разговаривал в очень странной манере, и Дрейер попросил Рюэ попытаться воспроизвести ее в фильме.

Дрейер, как всегда, очень внимательно отнесся к подбору актеров. Рюэ играл у него ранее в «Дне гнева». Тогда, в 1942 г., под конец съемок Рюэ, измученный перфекционизмом Дрейера, сорвался и наругал режиссеру. Поэтому он никак не ожидал, что ему когда-либо придется работать с Дрейером вновь.

Выяснилось, что Дрейер совершенно забыл о той ссоре, как о чем-то крайне несущественном. Сейчас он выбрал Рюэ в том числе и потому, что последний играл в «Слове» на сцене Королевского театра старшего сына

Боргена, Миккеля. Но на этот раз Рюэ хотел бы сыграть Йоханнеса, и это полностью совпало с намерениями Дрейера.

Роль портного Петера Петерсена была доверена Эйнару Федерспиелу, занятому в роли старшего Боргена во время первой постановки пьесы. Чтобы актер во время съемок не испытывал дискомфорт, Дрейер предложил Федерспиелу заранее потренироваться сидеть со скрещенными ногами, как обычно сидели портные, и подписаться на газету «Внутренней миссии»^{*}.

Роль Ингер сыграла дочь Эйнара Федерспиела, Биргитте. Когда Дрейер предложил ей роль, она была беременна и волновалась, что это может стать препятствием. Но Дрейер, напротив, очень обрадовался, поскольку Ингер в фильме также беременна. Дрейер не знал о положении Биргитте, когда предлагал ей роль, но чутье в очередной раз его не подвело.

На роль старого Мортена Боргена Дрейер сначала думал пригласить Бенъямина Кристенсена. Однако в итоге роль получил Хенрик Мальберг, которому шел уже восемьдесят первый год. Интересно, что Кай Мунк написал роль Мортена именно для Мальберга, но тот был связан контрактом с Королевским театром, никогда

^{*} «Внутренняя миссия» (Indre Mission) – консервативное движение в датской церкви, возникшее в середине XIX в. Его сторонники полагали, что основой духовной жизни являются личные взаимоотношения с Богом, строящиеся на благочестии и строгом следовании Библии. «Внутренняя миссия» ориентировалась в своей проповеди на пиетическую мораль, считая идеалом христианства пуританский образ жизни. Именно к этому движению, очевидно, принадлежит семья портного Петерсена в «Слове», хотя нигде об этом не говорится явно.

не ставившим «Слово». Чтобы лучше соответствовать роли, Мальберг впервые в жизни отрастил бороду.

Анну, дочь Петера Петерсена, влюбленную в сына старого Боргена Андерса, сыграла Герда Нильсен, даже не помышлявшая о карьере актрисы. Дрейер встретил Герду предыдущим летом во время отдыха в курортном городке Хорнбек и вспомнил о ней, когда искал актрису на роль Анны. Найдя ее адрес, он отправился к ней вместе с Лисе Мунк, которая сразу же «узнала» в ней Анну, и контракт был подписан. Герда никогда нигде больше не играла – она, как и собиралась, стала учительницей.

Чтобы найти исполнительницу роли Марен, девятилетней дочери Миккеля и Ингер, Дрейер дал объявление в газету. Его прочитала маленькая Анн Элисабет Грот. Анн Элисабет сама, не спрашивая согласия родителей, написала Дрейеру. Ее мать легко согласилась,

Дрейер и Биргитте Федерспил

а вот отца Дрейеру пришлось долго убеждать, но, в конце концов, согласие было получено. Анн Элисабет вспоминала, что на съемках царила теплая и сердечная атмосфера. Дрейер был очень добр и внимателен к ней, и единственным человеком, которого девочка опасалась, являлся Пребен Лерддорфф Рюэ – из-за его бороды, но и тот оказался очень милым, и страхи юной Анн скоро рассеялись. Дрейер еще долгие годы посылал ей поздравительные открытки на день рождения.

Хеннигу Бендтсену, оператору, назначенному Paladium, не было в то время и тридцати лет, так что он побаивался столь именитого режиссера, как Дрейер. Хотя Бендтсен работал в кино с 1948 г., как правило, он работал в качестве помощника оператора, а самостоятельно снял лишь несколько фильмов.

Дрейер и Бендтсен.

Бендтсен впервые встретился с Дрейером за несколько месяцев до начала съемок на просмотре «Дня гнева». Все лето 1954 г. Бендтсен был очень занят и практически не имел возможности пообщаться с Дрейером до отъезда в Ютландию. Однако они очень хорошо сработались и часто понимали друг друга с полуслова.

В интервью 1955 г. Бендтсен так описывал работу с Дрейером над «Словом»:

«Работа, которая ожидала нас там в следующие дни, отличалась от всего нашего предыдущего опыта. Начать с постановочного сценария. Дрейер написал его сам, и он был куда проще, чем обычно. Например, углы, под которыми должны располагаться камеры, не были определены до начала съемок. Мы работали над ними во время репетиций по мере продвижения фильма.

А затем Дрейер перевернул с ног на голову обычную процедуру съемок. Его главным правилом было размещать актеров, уделяя больше внимания не их действиям, а камерам и свету. Обычной практикой является работать с простым освещением, когда актер не привязан к одному месту, тогда актер имеет возможность играть более свободно.

В «Слове» размещение актеров в каждой отдельно взятой сцене было таким точным, что они должны были считать свои шаги вперед и назад, когда произносили реплики. Один лишний шаг в сторону выводил актера из зоны с тщательно подготовленными световыми эффектами, так что сцену приходилось переснимать.

Репортер: Как актеры к этому относились?

Бендтсен: Хорошо. Их можно было попросить запомнить 20 вещей в определенном порядке, и они не протестовали. Это огромное преимущество для оператора работать с режиссером столь кинематографически ориентированным, как Дрейер. Если я не мог нужным образом осветить какое-то место съемок, его меняли. Удивительно, Дрейер ничего не знал о фотографии с технической точки зрения, но он совершенно точно знал, чего хочет.

Репортер: И чего же Дрейер хотел?

Бендтсен: В первую очередь, особенного чувства спокойствия при работе над сценой. Это могло выражаться в разных вещах. Одной из примечательнейших особенностей съемок “Слова”, вероятно, является скользящая камера, позволявшая актерам жить внутри действия, поскольку камера стала своего рода действующим лицом, движущимся между актерами. Другая особенность – освещение, которое может быть невероятно изощренным и, тем не менее, придает кадру желанное спокойствие. Оглядываясь назад, я думаю, что Дрейер намного больше работал с декорациями, чем это обычно бывает. Например, в студии Palladium был постелен настоящий пол, взятый на ферме в Ютландии, потому что только он мог дать необходимый эффект освещения.

Наконец, что касается самой композиции. Каждый раз, когда камера или люди останавливаются, кадр построен подобно картине, в которой фон и световые эффекты тщательно подготовлены. В качестве примера можно вспомнить молитвенное собрание в доме Петера Петерсена, на котором сидят двадцать человек. Обычно в таких ситуациях все они

освещены одинаково. Вместо этого мы использовали двадцать ламп, так что каждое лицо, по сути, превратилось в отдельный портрет. Это молитвенное собрание стало для меня одной из самых сложных задач в фильме, потому что во время длинной панорамной съемки я должен был использовать операторскую тележку так, как будто бы это был операторский кран. Много раз мне приходилось ложиться на пол и в течение долгих минут держать камеру под какими-то совершенно невообразимыми углами, пока мои руки не начинали дрожать. Но таково уж было работать с Дрейером – он никогда не шел на компромиссы и всегда требовал только лучшего.

Возможно, стоит упомянуть о еще одном эффекте освещения в фильме, который тоже причинил нам изрядные хлопоты. Пока сознание Йоханнеса затуманено, он все время ходит в тени, в то время как остальные действующие лица хорошо освещены. Это создавало множество проблем, когда люди перемещались относительно друг друга, и электрики должны были включать и выключать свет так, чтобы это оставалось незаметно на экране. Еще больше все усложнялось тем, что над декорациями, где обычно помещают осветительные приборы, у нас были настоящие полудеревянные потолки. Поэтому я обратился к плотнику, чтобы он сделал в потолке небольшие отверстия, причем так, чтобы на экране казалось, что потолок есть, но в то же время чтобы его и не было для размещенных над ним осветительных приборов.

Репортер: По сравнению с другими фильмами Дрейера в “Слове” почти нет крупных планов.

Бендтсен: Этот факт явно отражает определенное развитие, заключающееся в переходе от использования множества крупных планов, как, например, в шведских фильмах, к более честной и человеческой выразительности. В "Слове" не должно быть явных эффектов. Они превратили бы этот фильм в скучный и бесчувственный»¹⁹¹.

И действительно, Рюэ вспоминал, например, как Дрейер убрал из окончательной версии эпизод, казалось бы, прямо-таки дарованный ему свыше:

«Исполняя роль Йоханнеса, я опустился на колени на вересковой пустоши неподалеку от Ведерсё, молясь "Господи, дай мне силу, дай мне знак". И как только я это сказал, луч солнца пронзил тучи и осветил мое лицо так, что казалось, это и был знак от Бога. Этот луч не упал на мою одежду или на руки, только на лицо, и этот случай произвел странное впечатление на всех, кто там был. Если бы эпизод вошел в фильм, люди точно сказали бы: "Определенно, Дрейер использовал здесь продуманный эффект освещения"»¹⁹².

Дрейер обещал композитору Полу Ширбеку, с которым вместе работал над «Днем гнева», что тот напишет музыку и к его следующему фильму. Ширбек умер в 1949 г., однако Дрейер сдержал обещание. Вдова Ширбека дала Дрейеру неопубликованные произведения мужа, и Дрейер выбрал из них то, что идеально подошло в качестве музыкального сопровождения для «Слова»¹⁹³.

Художником-постановщиком стал Эрик Оэс, также работавший вместе с Дрейером над «Днем гнева».

В мае 1954 г. Дрейер и Лисе Мунк объездили все окрестности Ведерсё в поисках мест для натуральных

Наблюдая за облаками.

съемок. Большинство сцен было снято вокруг фермы Вальдемара Кристенсена, дальнего родственника Кая Мунка. Жилые помещения фермы состояли из тринадцати комнат и были построены 200 лет назад; хозяйственные постройки пристроены позже, в 1915 г. Съёмочная группа разместилась в десяти минутах езды от фермы в небольшой гостинице.

Из-за капризной погоды натурные съемки продлились шесть недель вместо двух. Но даже в плохую погоду все должны были быть готовы к 8 утра, поскольку Дрейер использовал для съемок даже самые короткие просветы в облаках. Облака превратились в постоянный предмет наблюдений и тревоги для всей съёмочной группы, включая режиссера. Дрейер даже шутил, что пытается управлять и облаками. Бендтсен вспоминал:

«Был период, когда три недели каждый день лил дождь. Настоящий дождь. Однажды выглянуло солнце, и кто же появился? Наш любимый президент, Таге Нильсен из Palladium. Я сидел за дорогой на вересковой пустоши. Он вышел из машины и сказал: “Должно быть, вы отснимете много пленки при такой хорошей погоде!»”. “Нет, сэр, потому что облака движутся не в ту сторону”. “Э?””. “Господин Дрейер стоит вон там, сэр. Вы можете поговорить с ним”. “С Дрейером? Нет, упаси Господи мою душу, нет, нет!”. Он вернулся в свою машину и укатил восвояси. Дрейер имел репутацию деспота и тирана, но сам я никогда такого не замечал»¹⁹⁴.

Для съемок Palladium купил у англичан две старые камеры – примерно за одну пятую их исходной цены. Одна – старая немецкая немая камера Arriflex, и другая – большая звуковая, тоже находящаяся далеко не в идеальном состоянии. Несмотря на это, Дрейер знал, как и на таком оборудовании получить изображение высочайшего качества. При этом в объектив разрешалось смотреть только Бендтсену и самому Дрейеру. Любой, нарушивший это правило, должен был заплатить штраф – поставить выпивку всем техникам съемочной группы.

На съемки в Ведерсё Дрейер пригласил молодого американского студента Яна Валя, который много лет спустя издал свои воспоминания о лете, проведенном со знаменитым датским режиссером. Он вспоминал, как работал Дрейер:

«Дрейер обычно носил на шее на шнурке небольшое синее стекло овальной формы, сделанное для него знаменитым венецианским стеклодувом. Глядя

сквозь него, можно было представить, как предметы будут выглядеть на экране, поскольку стекло преобразовывало цвет в оттенки серого.

Он сосредоточенно смотрел сквозь это стекло, стоя посреди поля. Иногда он вытягивал руки вперед, изображая ими квадратную рамку, как будто бы держал камеру. Он перемещался, как будто бы катил тележку, снимая панораму ландшафта, скользя по нему, затем резко останавливался, чтобы сфокусироваться и выровнять композицию.

Он держался несколько в стороне от остальной компании. Когда он, наконец, определялся с движением своей “камеры”, на это место перемещали оборудование.

Чтобы снять панорамный вид Боргенсгора, камеру разместили в поле на противоположной стороне дороги, которую спрятали за построенной стеной из дерна и сорняков. Дрейер провел два часа, выстраивая эту сцену.

На бельевой веревке, натянутой на дюнах за домом, висели полотенца и рубашки, которые он сам отобрал, а развесила под его руководством Карен Петерсен. Затем Дрейер провел совещание с женой Вальдемара Кристенсена, Анной-Марией, и та подтвердила, что иногда оставляет белье на веревке на всю ночь.

Полдюжины ягнят привязали перед домом. Но господин Кристенсен возразил, что на таких больших фермах овец никогда не пасут рядом с домом. Дрейер улыбнулся и сказал: “Мне нужна визуальная метафора для начала “Слова”. С этой точки зрения я буду точен”.

Лошадь привязали к изгороди слева вдалеке. Окна дома закрыли ставнями. На ближней стороне дороги, в нижней части кадра, Дрейер добавил плуг и тележку. Он многократно менял их расположение, то выталкивая тележку вперед, то задвигая назад, наконец, убрал кузов, оставив лишь основание.

Он передвигал овец, меняя темных и светлых местами, затем оставил только половину из них и поставил три других отдельно. Убрал плуг. “Нужно пожить с этим какое-то время”, – заметил он, – “и тогда понимаешь, что именно нужно”.

Поскольку это была ночная сцена, использовался красный фильтр. Предполагалась, что камера будет медленно скользить слева (в поле зрения попадает лошадь) и затем уткнется в вывеску “БОРГЕНСГОР”. Потом камера будет установлена так, чтобы снять крупным планом дом на случай, если в предыдущем скользящем кадре буквы окажутся недостаточно различимы.

Небо снова затянуло. Бендтсен колдовал над камерой. Дрейер внимательно разглядывал облака. Карен Петерсен трясла часы. Кто-то из гревшихся внутри вышел из дверей, разглядывая овец. Они тревожно зашевелились. Дрейер подошел к ним и что-то мягко сказал. Через несколько минут успокоившиеся овцы мирно пощипывали траву.

По обеим сторонам дороги стояли Бруно Фусланг и Йеспер Готтшалък, чтобы остановить любой транспорт, который случайно мог проехать мимо во время съемок. Внезапно порыв ветра разогнал облака, и показалось солнце. Словно прилив, желтый свет прокатился по дюнам.

Дрейер прошептал: “Быстро”, и камера зажужжала. В тот день сцену сняли три раза подряд, но на самом деле потребовалось несколько дней, чтобы получилось идеально, именно так, как он хотел»¹⁹⁵.

Вся съемочная группа с огромным уважением относилась к Дрейеру. Никто не считал его тираном. Эйнар Федерспиел удивился, услышав подобный вопрос:

«Дрейер – диктатор? У меня не было с ним никаких проблем. Я никогда такого не замечал. Он был очень тихий, всегда любезен. Редко делал замечания. Был очень спокойный, все предоставлял мне, а потом лишь немного поправлял. Очень понимающий человек, и всегда понимал людей, и что они чувствуют. Он был всегда внимателен к другим. Никогда не хотел прерывать актеров, если они находили что-то истинное. Искал лишь истину и не мешал актеру. Хотел, чтобы все происходило совершенно естественно, поэтому его не часто было слышно. Если он ничего не говорил, значит, все было в порядке. Сначала все его немного побаивались. Знаменитость! Но мы быстро убедились, что он очень приятный человек»¹⁹⁶.

При этом нет ни малейшего сомнения, что Дрейер добивался от актеров именно того, чего хотел, – с точностью до малейшего жеста. Впрочем, его влияние распространялось не только на людей. Валь вспоминает, как Дрейер работал в сцене с гусями:

«Каким-то образом Дрейер смог околдовать их силой своей личности, связавшись с ними на неизвестном уровне. Он смотрел на них, пока не нашел вместе с ними гармоничного решения. Во время одной из сцен он хотел, чтобы черный гусь шел сам

по себе среди белых гусей, дружно пересекавших дорогу. В конце концов, он добился своего»¹⁹⁷.

После завершения натурных съемок Дрейер направился на студию Palladium. Но и там он попытался воссоздать максимально аутентичную обстановку. Все комнаты в студии были выстроены в том порядке, как они располагаются в жилом доме, из одной комнаты можно было пройти в другую.

Декорации построили в течение пяти недель, усилиями четырех плотников и четырех художников. На двух фургонах из Ютландии была доставлена мебель, которую одолжили Дрейеру местные фермеры. Приехали и сами фермеры – шестнадцать человек участвовали и в студийных съемках. Они подтвердили, что все в студии было устроено так, как будто бы они не покидали дома.

Но Дрейер продолжал придерживаться сформулированного им еще при работе над первыми фильмами принципа «очищения»:

«В фильме у нас была большая кухня, и я попросил женщину, которая управляла столовой в нашей студии, обставить кухню.

Она выполнила мою просьбу, после чего в кухне оказалось около ста предметов. С ее точки зрения все было совершенно правильно. Затем мы с моим оператором стали один за другим убирать предметы... пока, наконец, их не осталось в кухне пять-десять штук. И тогда мы убрали еще один или два и получили ту кухню, которую вы видите в фильме. Там всего один-два предмета, но они помещены так, что вы не можете не видеть их: и вы точно знаете, что перед вами кухня. Я оставил лишь те вещи, которые

абсолютно необходимы для того, чтобы сказать вам, что это за помещение и где вы находитесь. Мы убрали все, что не имело отношения к идее фильма»¹⁹⁸.

Съемки в студии также заняли два месяца. Обычно за один день снималась одна сцена. Утром актеры репетировали по сценарию, в то время как Дрейер вчерне набрасывал сцену, размечая движения камеры, остановки, ключевые позиции. После обеда устанавливался свет, и актеры репетировали сцену уже с учетом движения камеры. Около 5 часов сцену снимали, обычно один или два раза.

Тем временем, беременность актрисы Биргитте Фердирспиел счастливо завершилась родами (у нее родилась девочка). Роды состоялись тоже строго по плану Дрейера – когда съемочная группа готовила сцену воскресения Ингер. Крики Биргитте во время родов были по ее собственной просьбе записаны и вошли в окончательную версию фильма.

Сцену воскресения по предложению Дрейера снимали ночью, чтобы в студии не было посторонних, которые могли бы нарушить необходимую атмосферу.

Монтаж «Слова» занял всего пять дней. Вероятно, уже задолго до этого весь фильм был смонтирован у Дрейера в голове. Кроме того, он использовал очень долгие кадры, по 1-2 минуты (и часто хотел бы, чтобы они были еще длиннее, но пожилой Хенрик Мальберг, которого Дрейер очень уважал, не мог запомнить слишком длинные реплики).

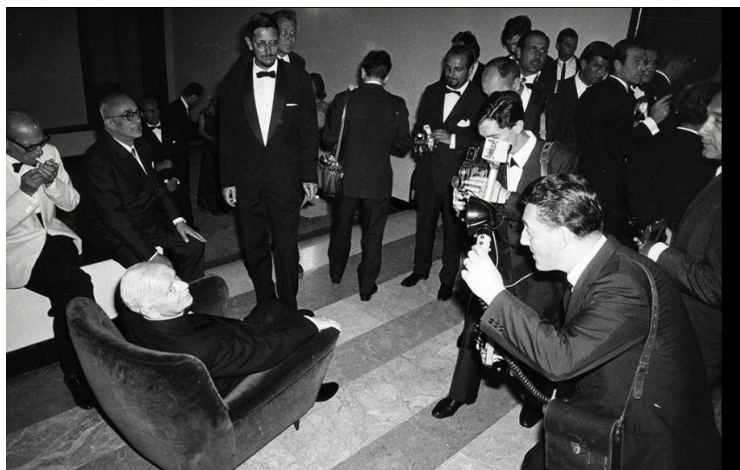
Стоимость фильма составила около 250 000 крон (согласно другому источнику – 500 000 крон), то есть 35 000 или 70 000 долларов соответственно. В любом

случае, Таге Нильсен планировал потратить значительно меньшую сумму.

Премьера состоялась 10 января 1955 г. в «Дагмаре». Дрейер утверждал, что совсем не волновался перед премьерой, потому что сделал все, что мог, и большего сделать было невозможно.

И, действительно, «Слово» получило самые положительные отзывы датской и международной критики и множество призов, включая «Золотого льва» в Венеции и «Золотой глобус» в США. В Венеции Дрейер лично познакомился с представителями международной кинематографической элиты, большинство представителей которой знали его раньше лишь по его фильмам.

Обычно работы Дрейера оценивали лишь много лет спустя, когда посмотреть их мог только ограниченный круг лиц, в большинстве своем профессионалов. Именно «Слово» стало тем самым фильмом, благодаря которому слава наконец-то догнала режиссера. С этого

Кинофестиваль в Венеции.

момента Дрейер стал восприниматься как живой классик. Последовала серия интервью; в разных странах выходили статьи, посвященные его творчеству; короткую биографию, написанную Нергором, перевели на английский язык.

В 1959 г. Дрейеру предложили войти в состав жюри Каннского фестиваля, – правда, он отказался, поскольку собирался вот-вот начать съемки «Иисуса». В том же 1959 г. датский союз студентов избрал его «почетным деятелем искусств». Впервые это звание было присвоено кинорежиссеру

В эти годы Дрейер также много времени уделял совместной работе с Датским музеем кино – смотрел сохранившиеся копии своих ранних фильмов, определял вырезанные фрагменты, помогал восстановить ленты в исходном виде. Но он категорически отказывался пересматривать два своих фильма – «Однажды» и «Двое».

23. Статуарный стиль: «Гертруда»

Несмотря на безусловный успех «Слова» как у публики, так и у критиков, предложений снять новый фильм Дрейеру не последовало. Во всяком случае, таких предложений, которые бы он принял.

Таге Нильсен обсуждал с Дрейером возможность снять «Венец», над сценарием которого режиссер работал еще в начале 1940-х гг., но Дрейер отказался, заявив, что это ему больше не интересно. По крайней мере, до 1958 г. Дрейер был уверен, что вот-вот (в течение даже нескольких недель, а не месяцев) он начнет снимать «Иисуса». Только в конце 1958 г. Кай Харрисон, вышедший к тому моменту на первый план среди потенциальных партнеров Дрейера по съемкам главного фильма его жизни, предложил снять перед «Иисусом» какую-нибудь другую картину, и Дрейер активно обсуждал с ним различные возможности. Но из этого сотрудничества так ничего и не вышло.

Тема для нового фильма Дрейера нашлась, можно сказать, случайно. В 1962 г. в Politiken была опубликована большая статья, посвященная только что вышедшей диссертации Стена Райна о пьесе шведского писателя Яльмара Сёдерберга «Гертруда» («Gertruda», 1906) и о том, что в ее основе лежали определенные события из жизни самого Сёдерберга.

Дрейер был знаком с книгами Сёдерберга, он говорил, что еще в 1920-х гг. рассматривал возможность экранизировать самый популярный роман шведского

писателя – «Доктор Глас»* («Dr. Glas», 1905). Иногда «Доктора Гласа» сравнивают с «Преступлением и наказанием», поскольку протагонист тоже совершает убийство из идейных соображений – правда, не ради денег, а чтобы освободить несчастную женщину от подлого и тираничного мужа. Однако на этот раз выбор Дрейера остановился на «Гертруде».

В диссертации Райна говорилось, что «Гертруда» – во многом автобиографическая вещь. Прообразом Гертруды стала Мария фон Платен, которая в возрасте пятнадцати лет вышла замуж за офицера на двадцать шесть лет старше ее. Брак оказался несчастливым. Мария оставила дом мужа и переехала в Стокгольм, где вскоре познакомилась со многими представителями шведской культурной элиты.

В 1901 г. (когда ей был 31 год) Мария фон Платен написала Сёдербергу восторженное письмо, и между ними завязался роман, продлившийся несколько лет. Сёдерберг также состоял в браке; его жена была больна, и, опасаясь за ее здоровье и жизнь, он не мог решиться на развод. Но в 1906 г. ему удалось добиться разрешения на развод для своей возлюбленной. И почти сразу же после этого на одной из вечеринок он услышал, как молодой писатель Густав Хеллстром хвастался своими любовными победами и называл в качестве одного из трофеев Марию фон Платен. В отчаянии Сёдерберг бежал из Стокгольма в Копенгаген, где вскоре и написал «Гертруду».

* Этот роман экранизировался дважды, в 1942 г в Швеции (причем главную роль сыграл тот самый Георг Рюдеберг, с которым потом Дрейер работал в «Двоих»), а второй раз – в 1968 г. в Дании.

Похожая тема (но уже с точки зрения мужчины) нашла отражение и в другой книге Сёдерберга – в романе «Серьезная игра» («Den allvarsamma leken», 1912), который Дрейер тоже читал, поскольку одна из реплик Гертруды в фильме взята именно из этого романа.

Многих, в том числе и профессора Дэйла Драма, удивил выбор Дрейера. «Гертруда» никогда не была международным бестселлером, да и Сёдерберг не рассматривался как ведущий скандинавский писатель.

Однако в теме «Гертруды» нет ничего необычного для Дрейера. Он всегда старался использовать в качестве источника для своих фильмов произведения скандинавской литературы, часто – не относящиеся к первому ряду и малоизвестные за пределами Скандинавии. Дрейера всегда интересовали истории женских судеб, зачастую достаточно банальные с литературной точки зрения. Конкретно в этом случае его могла привлечь и автобиографичность пьесы, то есть то, что часть этой истории была правдива и происходила на самом деле.

В отличие от многих предыдущих попыток, на этот раз Дрейеру удалось найти продюсера. Нильс Йорген Нильсен, сын Таге Нильсена, принял решение снять на Palladium фильм Дрейера, в том числе, и под влиянием отца.

Дрейер, как всегда, внес изменения в пьесу, чтобы адаптировать ее для кино. Самым существенным стало то, что он сам дописал «эпилог», правда, согласовав его с дочерью Сёдерберга:

«“Эпилог”, как вы его называете, это моя собственная работа. Но он выстроен на твердом основании, а именно на судьбе Марии фон Платен, которая вдохновила Сёдерберга на написание “Гертруды” и

послужила для нее моделью. Я боялся, что зрители не примут резкого завершения пьесы: она убегает, муж бежит за ней с криками "Гертруда! Гертруда! Гертруда!", и падает занавес. Я не осмелился сделать так в фильме.

Я подумал, что по ходу фильма люди будут к ней чувствовать все больше и больше симпатии и поэтому захотят узнать, что случилось с ней дальше. И мы удовлетворим любопытство, показав, как она преодолела страдания, и в последней сцене вы видите, что в ней появилось определенное чувство собственного достоинства. Она не жалеет себя; она ни о чем не жалеет. В качестве наказания она приговорила себя к одиночеству.

Я никогда не испытывал антипатии к персонажам моих фильмов, будь они героями или негодяями. И никогда не делал из них карикатуры. По отношению к Гертруде я испытываю уважение и сострадание. Именно поэтому я и написал эпилог, за который меня так критикуют. Я думал, необходимо показать, как она осознала, что должна сама нести свое бремя, бремя одиночества. И мы видим, что она с честью его несет»¹⁹⁹.

Кроме желания прояснить до конца историю Гертруды, Дрейер, вероятно, преследовал и другую цель – максимально привязать фильм к реальности. Диалог в финале был взят непосредственно из корреспонденции прототипов героев «Гертруды» (кстати, Аксель вообще отсутствует в пьесе Сёдерберга). Снимать эту сцену Дрейер хотел в доме самой Марии фон Платен, который, кстати, располагался всего лишь в 15 километрах от Карлсру, где когда-то жила мать Дрейера. Дрейер

связался с наследниками Марии, которым принадлежал дом. Но возникло много сложностей с воплощением этой идеи, и Дрейеру пришлось в павильоне воспроизвести комнату из дома Марии.

По воспоминаниям Бора Ове, сыгравшего в фильме молодого любовника Гертруды Эрланда, сам Дрейер позиционировал «Гертуду» как фильм для женщин среднего возраста. То есть, будучи одновременно директором кинотеатра, он не мог не думать о будущей целевой аудитории.

Но в первую очередь Дрейер все же, как всегда, решал художественные задачи. Он по-прежнему думал о своем главном фильме – фильме об Иисусе. И с этой точки зрения «Гертуда» вновь (как и «Слово») должна была стать своеобразной репетицией.

Во-первых, Дрейер попробовал применить в кино новый стиль, который он назвал «статуарным». Он пояснил в интервью Роосу: *«Я также обратил особое внимание на фигуры главных героев, превратив их в статуи, чтобы приблизиться к стилю трагедии»*²⁰⁰.

Во-вторых, Дрейер говорил, что Гертуда *«должна стать фильмом о словах»*²⁰¹, поскольку и в «Иисусе» тоже должно было быть очень много слов – слов из Евангелий.

На роль Гертруды Дрейер хотел пригласить Бодиль Кьер – одну из самых знаменитых датских актрис театра и кино. Но что-то не сложилось, как не сложилось и с актером, который должен был играть роль Лидмана. После долгих поисков Дрейер остановился на актере Эббе Роде, а его жену, Нину Пенс Роде, он пригласил на роль Гертруды. Впоследствии Дрейер никогда не жалел о своем выборе, по крайней мере публично, однако

многие критики отмечали, что трудно поверить в то, что сразу трое мужчин оказались влюблены в женщину подобного типа.

Большинство актеров очень хотели работать с Дрейером, многие – из любопытства, чтобы проверить истинность ходивших о нем слухов. Бор Ове вспоминал:

«Ко мне обратился Джон Гилберт, он спросил, не хотел бы я прийти на собеседование к Дрейеру в кинотеатр "Дагмар". Конечно, я пошел. И я вошел в маленькую комнатку, в которой он сидел. Он сидел за столом, заваленным бумагами, а еще там были книжные полки. Он показался мне сморщенным старичком со слезящимися глазами. Но стоило ему на меня взглянуть, как я ощутил сильное беспокойство. Он смотрел на меня... как если бы я был экспонатом на выставке, если вы меня понимаете. Он изучал меня, а потом поднес палец к ямочке на моем подбородке. "Вы ее сделали специально?" – спросил он. "Нет, господин Дрейер, мы не в Голливуде. Она натуральная". Я рассказал ему о ролях, которые играл, и, кажется, это не очень его заинтересовало. Он просто кивал. На этом разговор закончился. Я довольно долго ничего не слышал о нем. Думаю, прошло три или четыре месяца, и я уже забыл о нашей встрече. И тут мне позвонил Гилберт и сказал, что Дрейер решил дать мне роль. "Вы не можете рассчитывать на ваш обычный звездный гонорар, потому что это – Дрейер, и это очень большая честь". Я сомневался, такая ли уж это большая честь. Потому что я чувствовал, что это было нечто из другой эпохи. Но по мере того, как я узнавал Дрейера, он казался мне все моложе и моложе. И в конце концов, я стал считать его бунтовщиком»²⁰².

На съемках «Гертруды».

На роль Каннинга, мужа Гертруды, Дрейер пригласил Бентта Роте, который параллельно с работой в кино и театре также в начале 1960-х гг. успешно занимался юридической практикой (он получил юридическое образование) – в точности, как и его герой в фильме.

Оператором стал вновь (как и в «Слове») Хенниг Бендтсен, который полностью поддерживал методы работы Дрейера. Много лет спустя в интервью 2001 г.²⁰³ Бендтсен, фактически подводя итоги своего творческого пути, излагал многие идеи Дрейера, которые настолько глубоко воплотились в стиле его работы, что он искренне считал их своими. Все критики (даже те, кто не принял «Гертуду») исключительно высоко оценили операторскую работу.

Изначально Дрейер хотел снимать Гертуду на цветную пленку, и это тоже должно было бы стать

На съемках «Гертруды».

репетицией к «Иисусу», поскольку Дрейер изменил свое начальное мнение о том, что «Иисуса» нужно снимать непременно на черно-белую пленку. Дрейер хотел привлечь к работе Адольфа Халлмана, который, в частности, опубликовал в 1910 г. книгу с цветными зарисовками из жизни Стокгольмского общества – как раз того периода, в который разворачивается действие Гертруды. Но Palladium не был готов идти на такие расходы, и Дрейеру пришлось согласиться на черно-белый фильм.

Съемки начались 1 мая 1964 г. и продолжались три с половиной месяца. Собственные студии Palladium в это время были заняты (они сдавались в аренду для телевизионных постановок), поэтому компания сняла студию Nordisk в Вальбю. Таким образом, по странному стечению обстоятельств, съемки последнего фильма

Дрейера проходили там же, где и съемки его первого фильма «Президент».

Натурные съемки осуществлялись в парке около замка Валё на датском острове Зеландия. Исключение составила сцена перед зданием Шведской оперы в Стокгольме. Декорации для нее были специально построены в студии. Перед этим Дрейер провел две недели в Стокгольме, где фотографировал старые улицы и здание Оперы.

Дрейер, как всегда, снимал фильм по отдельным сценам, но на этот раз сцены были еще длиннее, и иногда длились 8-10 минут. Репетиции к каждой сцене занимали не менее двух дней, еще один день уходил на настройку камер и освещения, и, наконец, Дрейер проводил то, что можно назвать генеральной репетицией, – один полный прогон сцены без остановок. И только после этого Дрейер начинал снимать, иногда переснимая одну сцену многократно.

Бентт Роте вспоминал:

«У нас был сценарий для подготовки, но не обычный киносценарий. Он был больше похож на текст пьесы, без номеров строк и углов камеры. Мы репетировали сцены целиком. Начали с читки сцены в доме Каннингов. Читали и обсуждали, планировали, как мы будем ее играть. Мы начали очень неторопливо. Я был очень удивлен, никогда не репетировал так раньше. Казалось, Дрейер где-то далеко, едва слушает. Мы медленно приближались к пониманию того, что хотел Дрейер. “Не думайте об этом, как о съемках. Это просто эксперимент”, – говорил он, когда мы сидели вокруг стола.

Затем, на съемочной площадке, он медленно выстраивал сцену. Это выглядело неестественно: все было очень медленно, словно прокручивалось в замедленном движении. Медленно мы приходили к пониманию его неогреческого стиля. Снова и снова, день за днем, Бендтсен был всегда подле Дрейера и на его стороне, а также специалист по звуку и освещению. Он хотел, чтобы они в точности все понимали, знали в точности расположение и т.д. Затем мы прерывались на несколько дней, пока он работал со светом, потом возвращались. Свет и тень были особенно важны для него. Он начал снимать через много недель. Мы очень устали, отчаялись. И все это уже настолько проникло в наши мозги, что мы могли бы играть даже во сне.

Дрейера совершенно не интересовал звук. “О, забудьте!” – обычно говорил Дрейер, когда звукооператор жаловался, что что-то звучит плохо. Однажды за окном проехал мотоцикл, и звукооператор сказал, что сцену нужно переснять. “О, забудьте! У них, в 1906, были велосипеды”. Он должен был переаписывать почти все диалоги в фильме. Он творил глазом, а не ухом. Если выражение лица актера и мизансцена устраивали, его не волновало, был ли правильным звук. Он по-прежнему оставался режиссером немого кино»²⁰⁴.

В «Гертруде» Дрейер продолжил использовать свой творческий метод. Он по-прежнему стремился к максимальной простоте и выразительности – как в декорациях, так и в диалогах, несмотря на обилие слов. И он стремился создать в студии атмосферу реальности. Эббе Роде приводит такой пример:

«Я помню реплику, которую я должен был произнести, обращаясь к Нине Пенс после моего возвращения из Парижа. У нее болела голова, и я должен был предложить ей таблетки. Нужно было сказать, что они из Парижа. – "Может, просто сказать, что они от головной боли?" – "Нет, Вы должны сказать, что они из Парижа". Я взглянул на упаковку в моей руке и увидел, что таблетки действительно были из Парижа! Это была правда, правда в моей руке. Это были парижские таблетки от головной боли, и именно это нужно было сказать. И я так и сказал "Не хочешь эти таблетки от головной боли из Парижа?" Все было аутентичным. Осязаемым. Это создавало атмосферу. Вы открывали буфет, и в нем что-то стояло. И что бы там ни стояло, оно выглядело так, как будто всегда там стояло. И вы чувствовали, что он... что он создал это место, и это ваше место»²⁰⁵.

Бор Ове говорил: *«У тебя было восхитительное ощущение, что ты волен делать, что хочешь, и неважно, что на самом деле это было ложное ощущение»,* а Эббе Роде называл Дрейера *«скромнейшим деспотом».*

Дрейер на этот раз не объяснял актерам, почему он хочет, чтобы сцена была построена именно так, он просто говорил, что видит всю картинку, а они нет. Бор Ове вспоминал, как пытался выяснить у Дрейера значение ширмы с лебедем и Ледой, расположенной в спальне, на что Дрейер лишь отвечал: *«Это очень важный символ».* В результате, спальня так и не была показана в фильме.

Сцены вновь переснимались по множеству раз. Ове вспоминал, что сцена в квартире Янсона, которую

Дрейер считал кульминационной и по накалу хотел приблизить к знаменитой сцене экстаза в «Страстях Жанны д'Арк», переснималась раз сорок – и все равно режиссер остался неудовлетворенным. Через некоторое время декорации для кульминационной сцены были вновь собраны, и Дрейер отснял еще дублей шестнадцать.

Но появились и новые приемы. Самым удивительным из них было, вероятно, использование картинок, вырезанных из самых разных изданий, которые служили Дрейеру основой для построения сцен. И если получалось так, как на картинке, Дрейер оставался доволен. Например, в эпилоге Дрейер настаивал, чтобы седые волосы Гертруды выглядели точно так же, как на фотографии какой-то пожилой женщины из американского журнала. Бендтсен вспоминал:

«Он не знал, как технически работать с камерой – он знал лишь, что хочет получить в результате. В Гертруде использовалось множество композиций, взятых из картинок, которые он видел, и которые ему понравились, – из самых разных источников, газет, журналов и т.д. Он был единственным режиссером из тех, кого я знал, кто так работал. Сначала я был смущен. Он покупал какой-нибудь женский журнал и все время носил с собой картинку оттуда. Он говорил “Я хочу это” или “Я хочу, чтобы это выглядело вот так”»²⁰⁶.

Очень необычно в «Гертруде» были решены и сцены диалогов. Критики часто упрекали Дрейера, что его герои, произнося свои реплики, не смотрят друг на друга. На что Дрейер отвечал:

«Меня вдохновил сам Сёдерберг. Время от времени он писал в своих романах и пьесах: “Они говорили, не глядя друг на друга”. С другой стороны, к сожалению, именно так часто и бывает в реальности. В некоторых ситуациях люди никогда не смотрят друг на друга, никогда не смотрят друг другу в глаза во время разговора. Наоборот, они смотрят в сторону. Идея была в том, чтобы лица актеров все время были в фокусе, так чтобы зритель мог читать мысли одного из них, пока другой говорит. Почему сцена диалога должна быть подчинена правилам, что ты либо видишь людей в профиль, либо видишь одного из актеров сзади? От этого взаимодействие между актерами легко может ослабнуть. В сцене диалога оба лица важны»²⁰⁷.

Дрейер на премьере «Гертруды» в Париже. Справа, через одного человека от него – датская и французская актриса Анна Карина.

Всего съемки заняли три месяца, а монтаж – три дня.

Всемирная премьера «Гертруды» состоялась 18 декабря 1964 г. в Париже. По случаю премьеры была организована выставка, посвященная Дрейеру, а «Слово» показали по французскому телевидению. Дрейер приехал в Париж, где встретился с ведущими деятелями французского кино. Запланированные мероприятия включали в себя и посещение кладбища на Монмартре, где Дрейер вместе с дочерью Марии Фальконетти положил цветы на могилу своей «Жанны».

Однако сам специализированный показ для прессы прошел крайне неудачно, публика не приняла фильм. Этому способствовали и технические проблемы: субтитры оказались расплывчатыми и трудночитаемыми, а при показе две катушки с пленкой перепутали местами. Но и сам фильм вызвал у публики раздражение. Зрители вели себя очень грубо, смеялись и свистели во время демонстрации. Они были совершенно не готовы к такому стилю и находили его слишком патетическим.

Французские журналисты высмеяли фильм, обвинив Дрейера в старческой немощи. Датские журналисты, присутствовавшие на парижской премьере, присоединились к своим французским коллегам. Даже датский посол во Франции, отбросив дипломатию, сказал журналистам, что очень разочарован последним фильмом Дрейера. Положительные рецензии были исключениями.

Датская премьера состоялась 1 января 1965 г., конечно же, в «Дагмаре». Реакция критиков во многом повторяла парижскую, но все же отличалась большей сдержанностью. Особенно фильм понравился

женщинам, как и предвидел Дрейер. Но продержался он на экранах очень недолго.

Довольно парадоксальным образом именно после того, как фильм сошел с экранов, отношение к нему стало меняться. На смену неприятию журналистов и публики пришло уважительное отношение профессионалов. И первыми стали представители французской «Новой волны».

Влиятельный французский журнал о кино «Cahiers du Cinéma»* в февральском номере за 1965 г. опубликовал список лучших фильмов 1964 г. по мнению Клода Шаброля с «Гертрудой» на первом месте. В том же 1965 г. «Гертруда» получила две премии – приз датской национальной ассоциации кинокритиков Бодиль и премию ФИПРЕССИ на Венецианском кинофестивале. Дрейер прилетел в Венецию с Бенттом. В аэропорту им была организована торжественная встреча, расстелена красная ковровая дорожка, и в Венецию их доставил скоростной катер. На пресс-конференции присутствовало около двухсот корреспондентов. После показа «Гертруды» зал встал и устроил овацию.

В июне 1965 г. Микеланджело Антониони сказал в интервью «Politiken»:

«Гертруда» для меня – загадка. Это фильм либо смешной, либо возвышенный. Я совсем не могу о нем судить. Нельзя и полчаса послушать разговоры итальянских кинематографистов без того, чтобы кто-нибудь не упомянул имя Дрейера в той или иной связи. Его фильм очень важен для людей, которые здесь

* Его редактором в 1963 г. стал Жак Риветт; материалы писали, в частности, Жан-Люк Годар, Клод Шаброль, Эрик Ромер и Франсуа Трюффо.

снимают, принимают участие в съемках или пишут о кино»²⁰⁸.

В октябрьском номере «Cahiers du Cinéma» Жан-Люк Годар сравнил «Гертрудю» с последним струнным квартетом Бетховена. Так что к моменту американской премьеры, состоявшейся 2 июня 1966 г. в нью-йоркском Линкольн-центре, отношение к «Гертруде» уже окончательно изменилось. Программка фильма содержала панегирик Дрейеру:

«Карл Теодор Дрейер – один из великих, нет, даже величайших, мастеров кино. Он – номер один! Еще с 1917 г. энтузиасты кино всего мира восхищались им, прославляли, уважали и любили его за его шедевры. Он – уникальная личность, великий человек, художник, который никогда не идет на компромиссы»²⁰⁹.

На премьеру было продано 2 600 билетов, показ проходил в абсолютной тишине. На приеме по случаю премьеры все вновь восхваляли Дрейера. Но фильм почти не шел в американском прокате. Так, в Лос-Анджелесе он шел всего три дня и всего в одном кино-театре. Американские критики тоже отреагировали на «Гертрудю» без большого интереса.

Несмотря на успех «Гертруды» у кинематографистов, фильм оказался убыточным. Он стоил около 1,6 миллиона крон (примерно 230 000 долларов), из которых 300 000 крон покрыла страховка и еще 350 000 крон – денежная премия, присужденная датским Советом по кинематографии. Страхование фильма обошлось очень дорого, поскольку Дрейер был стар, а без него фильм не имел бы смысла. Поэтому неудивительно, что, несмотря на всемирную славу режиссера к этому моменту, новые предложения о съемках Дрейеру после «Гертруды» так и не поступили.

24. Последние неосуществленные проекты и «Медея»

В одном из интервью по поводу премьеры «Гертруды» Дрейер говорил, что был бы удовлетворен, если бы ему удалось снять еще три фильма. Одним из них, безусловно, должен был стать «Иисус». Помимо него, Дрейер обдумывал десяток проектов, самыми важными из которых были фильмы по пьесе Юджина О'Нила «Траур – участь Электры», роману Уильяма Фолкнера «Свет в августе» («Light in August», 1932) и пьесе Еврипида «Медея».

«Медея» стала наиболее проработанным проектом. Уже «Гертруда» продемонстрировала желание Дрейера обратиться к стилю античной трагедии, поэтому обращение к творчеству Еврипида не кажется неожиданным.

Но если в «Гертруде» Дрейер попытался вынести почти современную историю за рамки конкретного времени, применив стиль античной трагедии, то в «Медее» он хотел решить эту же задачу, показав, что античная трагедия могла бы произойти и в наши дни. Дрейер намеревался восстановить реальную историю, которая привела к описываемым событиям. На первой странице сценария, который режиссер написал совместно с молодым датским драматургом Пребеном Томсенем, говорится:

«Этот сценарий не прямо основан на трагедии Еврипида, а, скорее, вдохновлен ею. В то же время, этот фильм – попытка рассказать правдивую историю, которая, возможно, вдохновила великого греческого поэта»²¹⁰.

И, конечно же, «Медея» должна была стать очередной репетицией к «Иисусу». Во-первых, в части съемок. Дрейер считал, что постановка античной трагедии даст ему необходимый опыт:

«Для меня значение “Медеи” в том, что она приближает меня к эллинистическому периоду в целом в Греции, Малой Азии и Палестине, так что когда я буду снимать фильм о Христе, я уже буду знать многое из того, что придется использовать, в первую очередь – окружающую обстановку. Конечно, я все это изучил, но работать на месте – это совсем другое.

Ирод был истинным другом эллинизма – он его защищал. Он был “современным человеком”; тогда многие состоятельные евреи находились под влиянием эллинизма – дома были очень эллинистическими. Молодой Иисус предпочитал ходить в греческой одежде – старые иудеи этого не одобряли. Так что “Медея” станет мостиком к “Иисусу”»²¹¹.

Кроме этого, «Медея» должна была стать первым цветным фильмом Дрейера. Хотя Дрейер изначально собирался снимать фильм о Христе черно-белым, с тех пор прошло 15 лет. Цвет все больше привлекал Дрейера. Он размышлял о нем в своих немногочисленных выступлениях и публикациях. Но ему так и не довелось снять цветной фильм.

Дрейер рассчитывал воплотить в «Медее» какие-то свои идеи о цвете. Многократно упомянув об этом, он никогда не раскрывал, в чем именно они заключаются. Возможно (хотя это лишь предположение), речь шла об «уничтожении» воздушной перспективы:

«Возможно, что-то есть в интересной абстракции, связанной с сознательным уничтожением

воздушной перспективы, или другими словами, в отбрасывании такой любимой иллюзии, как глубина и расстояние. Вместо этого можно работать с совершенно новой конструкцией цветowych поверхностей, все на одном плане, формируя одну большую агрегированную поверхность разных цветов, в которой понятие переднего, среднего и заднего плана будет совершенно отброшено. Другими словами можно уйти от картинки с перспективой и перейти к эффекту чистой плоскости. Возможно, в этом направлении мы могли бы получить совершенно необыкновенный эстетический эффект, очень подходящий для кино»²¹².

И наконец, «Медея», скорее всего, должна была стать широкоформатным фильмом (возможно, с использованием технологии Panavision). Прочитав книгу под редакцией Мартина Квили «New Screen Techniques»²¹³ о новых технических возможностях кино, Дрейер с конца 1950-х гг. высказывался в пользу широкоформатных фильмов.

Дрейер считал историю, рассказанную в «Медее», вполне современной:

«Для меня история Медеи – очень простая история, даже современная. Это очень странно. Примерно через год после “Гертруды” я прочитал, что в Копенгагене был суд над женщиной, которая убила двух своих детей из-за того, как она сказала на суде, что “я не хотела, чтобы у него были мои дети” – это Медея. – “Я ненавижу его, и эти дети – мои, и я заберу их с собой”. Все это происходит сегодня»²¹⁴.

Сначала Дрейер не называл, кого он планировал снять в главной роли. Но примерно за год до смерти он сообщил:

«Могу сказать, что уже видел ту, которая мне подходит: Марию Каллас. Я знаю, все скажут, что это смешно, потому что она знаменита и темпераментна. Но встретившись с ней, вы не найдете ничего от звезды; она просто обычная женщина, очень симпатичная, и при этом зрелая личность. Я встретился с ней и почувствовал, что она могла бы стать прекрасной Медеей. Но если Мария Каллас не сможет участвовать в фильме, у меня есть и другие идеи»²¹⁵.

Дрейер встречался с Марией Каллас в 1966 г. на яхте Онассиса. Онассис уже в течение нескольких лет уговаривал Каллас попробовать сыграть в кино. Рассматривались самые разные проекты (в том числе, в 1961 г. ей предлагали сыграть с Грегори Пеком в «Пушках острова Наварон»). Дрейер произвел на Марию очень большое впечатление, и она называла его исключительным человеком²¹⁶. И Каллас действительно сыграла Медею – в 1969 г. у Пазолини, но уже после того, как ее бросил Онассис и она потеряла голос.

Дрейер с помощью Томсона написал сценарий на 46 листах (на который получил грант от Датского кинематографического фонда) и был полностью готов к съемкам. Но на съемки требовались значительные деньги. Сам Дрейер оценивал бюджет «Медей» в 2-3 миллиона долларов. Он собирался снимать в Греции, но на английском языке. Если вдобавок учесть, что фильм планировалось создать широкоформатным и цветным, становится ясно, насколько нереальным был этот проект для любого датского продюсера; а американские продюсеры, как это видно по эпосе с «Иисусом», не очень интересовались Дрейером.

Сам Дрейер так никогда и не снял «Медею», но в 1988 г. написанный им сценарий использовал Ларс фон Триер для своего телевизионного фильма «Medea».

До 1966 г. Дрейер не испытывал серьезных проблем со здоровьем. Но летом 1966 г. он упал на спину, когда пытался вернуть книгу на полку, и в результате этого несчастного случая был госпитализирован. Дрейер так до конца и не оправился и в течение 1967 г. вынужден был несколько раз ложиться в больницу. Несмотря на это, ему удалось провести отпуск летом вместе с женой и дочерью на севере Ютландии, где Дрейер владел небольшим участком земли, на котором его сын Эрик построил дом.

Вернувшись в Копенгаген, Дрейер продолжил работу над своими проектами, но в марте 1968 г. простудился и вскоре вновь попал в больницу. Секретарь

Дрейер дома со своей семьей – женой Эббой и дочерью Гунни. На радиоприемнике стоит фотография сына Эрика.

Дрейера, миссис Йоргенсен, навещала его и в больнице. Она вспоминала, что как-то раз Дрейер сказал ей, что хотел бы подарить своей жене жемчужное ожерелье. Ювелир, к которому обратилась миссис Йоргенсен, услышав имя Дрейера, тут же предложил ей взять несколько штук, из которых Дрейер выбрал одно, и Эбба получила его последний подарок.

Карл Теодор Дрейер умер 20 марта 1968 г., в 5 утра. Смерть его была мирной. 26 марта он был похоронен на кладбище при церкви Фредериксберг.

Вдова Дрейера и его дочь продолжали жить в той же копенгагенской квартире; сын Эрик уже давно жил отдельно. Эрик был журналистом и в молодости написал одну повесть и пьесу, которая так никогда и не была поставлена. По словам миссис Йоргенсен, Эрик долгое время проводил за границей и много пил. Он никогда не состоял в официальном браке, хотя у него и были длительные отношения с женщинами. Детей Эрик не имел. Он умер 28 декабря 1978 г. от осложнений, вызванных диабетом, которым страдал много лет. Годом раньше, в 1977 г., умерла Эбба.

Дочь Дрейеров, Гунни, продолжала жить в родительской квартире. По свидетельству Беаты, вдовы Эббе Нергора, Гунни была инвалидом. В Париже в 1930-х гг. она заболела сифилисом, эффективного лечения от которого в те годы не существовало. К 1945 г. болезнь достигла третьей стадии. Гунни стала неадекватна в психическом отношении, очень агрессивна, и Дрейер был вынужден положить ее в психиатрическую больницу в Зеландии, неподалеку от Вординборга.

Больница сохранила тайну своей пациентки, а сам Дрейер никогда не признавал, что его дочь больна, но

Беата утверждала, что в 1948 г. Гунни сделали лоботомию – очень популярную операцию в то время. Все, кто был знаком с Дрейерами, отмечали, что Гунни – «странная», и ее поведение действительно соответствовало поведению больных, перенесших лоботомию. Она оставалась очень тихой и пассивной и вела почти растительное существование, целыми днями просматривая иллюстрированные журналы.

После смерти матери состояние Гунни удивительным образом улучшилось. Она стала выходить в магазины, красилась, следила за собой, раз в год ездила на две недели в отпуск на Родос или Майорку. Она жила очень одиноко и умерла летом 1990 г., вероятно, от сердечного приступа. Ее тело было найдено недели спустя, когда соседи обратились в полицию в связи с ее длительным отсутствием и странным запахом, идущим из квартиры. Все свое имущество она завещала приюту для домашних животных.

Основные персоналии «золотого века» датского кино

Август Блом (1869–1947)

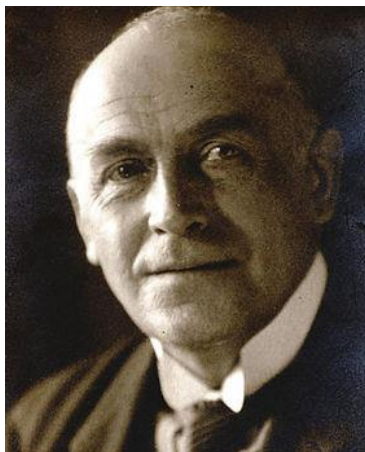
Режиссер

До кино: актер театра.

Киностудии: Nordisk (1908–1925).

Последний фильм: 1925 г.

В 1926 г. открыл кинотеатр Strand Theatre, но в 1936 г. сменил его на Kinografen, которым и управлял до конца жизни.

Вильям Глюкштадт (1885–1939)

Режиссер

До кино: управляющий в торговой компании.

Киностудии: SRH (1911–1913), Filmfabriken Danmark (1913–1915).

Последний фильм: 1915 г.

После этого по непонятным причинам оставил кино. О дальнейшей судьбе сведений нет.

Роберт Динесен (1874–1972)

Режиссер, актер

До кино: певец, актер театра.

Киностудии: Kinografen (1911), SRH (1911), Nordisk (1911–1917).

В 1918 перешел на Palladium, затем уехал в Германию.

Последний фильм: 1929 г.

После прихода фашистов к власти вернулся в Данию, где занимался живописью.

Беньямин Кристенсен (1879–1959)

Режиссер, актер

До кино: актер театра, торговый агент.

Киностудии: несколько мелких студий (1912–1913), Dansk-Biograf Kompagnie (1913–1916), Svenska Biografteatern (1922), немецкие и американские студии (1923–1929), Nordisk (1939–1942).

С 1944 г. управляющий кино-театром в пригороде Копенгагена.

**Лау Лауритцен старший
(1878–1939)**

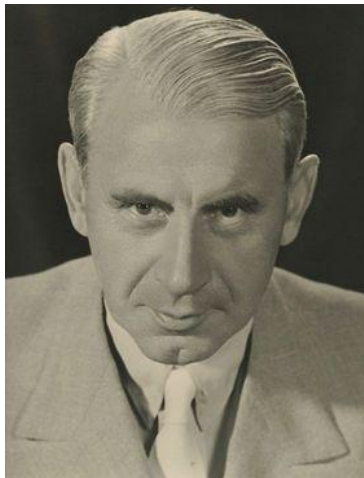
Режиссер, актер, сценарист

До кино: непродолжительная военная карьера, с 1907 г. – актер театра.

Киностудии: Nordisk (1911–1919), Paladium (1920–1936).

Последний фильм: 1936 г.

Прославился как главный датский комедиограф. Во время работы на Nordisk снял более 200 комедий, но наибольшую известность ему принесла серия фильмов о Пате и Паташоне, снятая на Paladium.

Альфред Линд (1879–1959)

Режиссер, оператор, актер, сценарист.

До кино: мебельщик.

Киностудии: Fotorama (1910), Kosmorama (1910), Kinografen (1911), SRH (1911–1913), немецкие и итальянские киностудии.

Последний фильм: 1928 г.

До 1936 г. пытался (безуспешно) участвовать в проектах звуковых фильмов. В 1938 г. окончательно вернулся в Данию и вновь занялся производством мебели.

Аста Нильсен (1881–1972)

Актриса

До кино: актриса театра.

Киностудии: Kosmorama (1910), Fotorama (1909), Nordisk (1911), Fotorama (1918–1930), в 1912–1928 гг. – немецкие киностудии, включая собственную.

Последний фильм: 1932 г.

Вернулась в Данию в 1937 г.

Рисовала, писала книги.

Оле Ольсен (1863–1943)

Продюсер, режиссер, сценарист; основатель Nordisk

До кино: индустрия развлечений.

Киностудии: Nordisk (1906–1924).

В 1924 г. Ольсен продал свою долю в акциях Nordisk и занялся коллекционированием предметов старины и искусства.

**Вальдемар Псиландер
(1884–1917)**

Актер

До кино: актер театра.

Киностудии: Nordisk (1910–1916).

В 1916 г. разорвал контракт с Nordisk и основал собственную фирму "Psilander-Film", которая не успела снять ни одного фильма из-за его внезапной смерти.

А. В. Сандберг (1887–1938)

Режиссер, фотограф, писатель

До кино: фотожурналист.

Киностудии: Nordisk (1914–1926) – сначала как оператор, но почти сразу же стал и режиссером; Terra Film (1926–1932), Palladium (1933–1937).

Последний фильм: 1937 г.

Хольгер-Мадсен (1878–1943)

Режиссер, актер

До кино: актер театра.

Киностудии: актер на разных киностудиях (1908–1912), Film Factory Scandinavia (1912), Nordisk (1913–1919), немецкие студии (1920–1930), различные датские студии (1930–1936), на которых он работал преимущественно как актер.

Последний фильм: 1936 г.

Эдуард Шнедлер-Сёренсен (1886–1947)

Режиссер

До кино: торговый и страховой агент.

Киностудии: Fotorama (1909–1910), Nordisk (1910–1917), Fotorama (1918–1930) – в качестве члена совета директоров.

Последний фильм: 1927 г.

В 1913 г. открыл свой кинотеатр Vesterbro Theatre, которым и управлял до конца своей жизни.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ КАРЛА ТЕОДОРА ДРЕЙЕРА

Реалистичный мистицизм в «Страстях жанны д'Арк» (1928)

Я заинтересовался Орлеанской Девой и всем тем, что было связано с ее смертью, когда канонизация пастушки в 1920 г. снова привлекла внимание широкой публики к событиям, связанным с ней, – и не только во Франции. Вдобавок к ироничной пьесе Бернарда Шоу, меня очень заинтересовал научный труд Анатоля Франса. Чем больше я осваивал исторический материал, тем интереснее было попытаться воссоздать наиболее важные периоды жизни Девы в форме фильма.

Я предвидел, что этот проект поставит передо мной особенные требования. Разработка темы на уровне костюмного фильма, вероятно, позволила бы обрисовать культуру эпохи пятнадцатого века, но только в сравнении с другими эпохами. Я же рассчитывал погрузить зрителя в прошлое; средства должны были быть разнообразными и новыми.

Было необходимо тщательно изучить документы реабилитационного процесса, а не костюмы той эпохи и т.п. Мне кажется, важен не столько год, когда это происходило, сколько сам факт его удаленности от настоящего. Я хотел интерпретировать гимн триумфа духа над жизнью. Это должно вытекать из неслучайно подобранных странных крупных планов. Все эти картины отражают характер героини и дух того времени.

Чтобы добиться правды, я обошёлся без приукрашивания. Моим актерам было запрещено прикасаться к гриму. Я также отбросил традиционный способ сооружения декораций. Все декорации были созданы до начала съемок, и фильм был снят с первой

до последней сцены в правильном порядке. Оператор Рудольф Мате понял требования, исходящие от психологической драмы в крупных планах, и сделал то, что я хочу, воплотил мои чувства и мысли: реалистичный мистицизм.

Но в Фальконетти, которая играла Жанну, я нашел то, что мог бы с абсолютной уверенностью назвать «реинкарнацией мученицы».

Размышления о моем ремесле (1943)

Есть определенное сходство между личностью и произведением искусства. Так же, как мы говорим о душе человека, мы можем сказать и о душе произведения искусства, его индивидуальности.

Душа проявляется через стиль, который является способом выражения художником своего восприятия материала. Стиль важен для того, чтобы объединить художественную форму и вдохновение. Через стиль художник komponует множество деталей в единое целое. Через стиль он заставляет других смотреть на материал своими глазами.

Стиль невозможно отделить от самого произведения искусства. Он пронизывает и насыщает его, но остается невидимым и неявным.

Любое произведение искусства – работа одного художника. Но фильм – результат коллективной деятельности, однако, эта деятельность не может создать произведение искусства до тех пор, пока за всем этим не возвысится личность художника и не станет ее движущей силой.

Первый созидательный импульс для фильма приходит от писателя, чья работа, по сути, является фундаментом фильма. Но с того момента, когда поэтический фундамент фильма заложен, придать фильму стиль становится задачей режиссера. Многие художественные детали появляются по его инициативе. Именно его настроение и чувства должны окрасить фильм и пробудить соответствующие чувства и настроение у зрителя. Через стиль он вкладывает в работу свою душу – и

именно это делает фильм искусством. Именно он дает фильму лицо – свое собственное.

Из-за всего вышеперечисленного на нас, режиссерах, лежит очень большая ответственность. Мы берем ее на свои плечи, чтобы поднять фильм с уровня промышленного продукта до уровня произведения искусства, и, следовательно, мы должны подходить к своей работе серьезно, мы должны хотеть чего-то, мы должны осмеливаться на что-то, а не прыгать там, где забор ниже всего. Для того чтобы развитие кино как искусства не останавливалось, мы должны работать над тем, чтобы создать в фильме стиль, отразить личность. Только в этом – будущее.

Остановлюсь сейчас на некоторых моментах, которые были решающими для создания стиля «Дня гнева», и начну с изображения и ритма.

У звуковых фильмов наблюдается тенденция в смещении ударения с изображения на слова. В большинстве звуковых фильмов есть диалоги – нет, болтовня, ее слишком много, в то время как глазам редко удастся отдохнуть на хорошей картинке. Между тем, кинематографисты забыли, что фильм – это, прежде всего, визуальное искусство, которое, прежде всего, направлено на глаза, и что картинка намного, намного проще проникает в сознание зрителя. Я попытался дать изображению в «Дне гнева» то место, которое оно заслуживает, но не больше. Я не снимаю картинку ради картинки просто потому, что она красива; если картинка не способствует развитию действия, она вредит фильму.

Картинка очень сильно влияет на состояние души зрителя. Если она выдержана в светлых тонах, мы чувствуем легкость. Если выдержана в темных,

приглушенных тонах, она настраивает нас на серьезность. В соответствии со временем и действием «Дня гнева», мы с моим оператором решили снимать в приглушенных тонах – мягком сером и черном.

Глаз предпочитает порядок, следовательно, важно, чтобы изображение было гармоничным и оставалось таковым даже во время движения. Некрасивые линии раздражают глаз зрителя.

Глаз легко и быстро воспринимает горизонтальные линии, но отвергает вертикальные. Глаз невольно привлекают движущиеся объекты, но он равнодушен к стационарным. Это объясняет, почему глаз с удовольствием следит за скользящим движением камеры, особенно когда оно мягкое и ритмичное. В качестве общего правила можно отметить: следует пытаться удержать в фильме постоянное, горизонтальное, плавное, скользящее движение. Неожиданным добавлением вертикальных линий можно достичь драматического эффекта – как, например, в случае изображения вертикальной лестницы прямо перед тем, как она была брошена в огонь в «Дне гнева».

РИТМ

Теперь мы переходим к ритму. За последние годы в звуковых фильмах выработался новый, специфический для звукового кино ритм. Мне кажется, это произошло главным образом из-за большого числа иностранных фильмов, отмеченных стилем, – американских, а также французских психологических фильмов. Главная цель этих фильмов – создать спокойный ритм, который позволил бы зрителю отдохнуть на картинках и слушать слова. Но справедливости ради, надо отметить,

что картинки этих фильмов стоило смотреть, а слова – слушать.

Я попытался пойти дальше в этом направлении. В некоторых сценах, – например, в «Дне гнева», в сцене между двумя молодыми людьми у гроба Абсалона, – вместо использования коротких, быстрых, смещающихся картинок, я использовал то, что называю длинными скользящими крупными планами, которые ритмически следуют за актерами и переход которых от одного к другому ощущается как действие, происходящее с одним и другим. Несмотря на это, или, вернее сказать, благодаря почти волнообразному ритму, сцена с двумя молодыми людьми у гроба Абсалона – одна из тех, которые наиболее сильно затрагивают публику.

Из-за этого меня упрекают, что ритм «Дня гнева» слишком тяжелый и слишком медленный.

Я часто видел быстрый ритм, весьма эффективно используемый в фильмах – когда такой ритм соответствует ситуации. Но я также видел фильмы, в которых изображение подгонялось искусственным ритмом, который не был обоснован действием: это ритм ради ритма. Но такое использование ритма – всего лишь наследие немых фильмов, наследие, которое звуковые фильмы все еще не могут с себя стряхнуть. Оно осталось с тех времен, когда фильмы шли с интертитрами. Между интертитрами находилась пустота, и в интертитрах тоже зияла пустота, и для того, чтобы прикрыть всю эту пустоту, люди летели сквозь картинки, а картинки летели на экране, – вот это был "ритм"! Но это был ритм немого кино.

Во время расцвета датского немого кино (а это случилось, по крайней мере, 25 лет назад) из Швеции

стали приходиться некоторые замечательные фильмы – фильмы по произведениям Сельмы Лагерлёф. Я очень хорошо помню, как первый раз в Копенгагене показали фильм Виктора Шёстрёма «Сыновья Ингмара». Местная кинообщественность неодобрительно трясла головами, потому что Шёстрём позволил своим фермерам ходить тяжело и размеренно, как это и делают фермеры. Да, пройти из одного конца комнаты в другой занимало у них целую вечность. Как я уже сказал, датские кинематографисты трясли головами: нет, это не хорошо, публика никогда не примет такое.

Но все мы знаем, что было дальше. Шведские фильмы с их естественным, живым ритмом завоевали успех не только в Швеции и Дании, но и в Европе. Вся Европа узнала о шведском кино и, в частности, узнала, что ритм фильма рождается из действия, которое в нем происходит, и его обстановки. Таким образом, была создана очень важная связь, поскольку драма задает ритм, который в свою очередь поддерживает настроение действия и в то же время влияет на состояние души зрителя, так что ему становится намного проще идентифицировать себя с героями драмы. Именно действием и атмосферой «Дня гнева» обусловлен его широкий, спокойный ритм, но он также служит и другим целям: отчасти, подчеркивает медленный пульс эпохи, отчасти обращает внимание на монументальность, которую писатель хотел заложить в свою пьесу, и которую я хотел перенести в фильм.

ДРАМА

В любом произведении искусства главную роль играет человек. В художественном фильме мы хотим

видеть именно людей и хотим испытать приключения их духа. Мы хотим войти внутрь тех жизней, которые видим на экране. Надеемся, что фильм приоткроет для нас дверь в иные миры. Желаем, чтобы нас поместили в неизвестность, которая происходит не от каких-то внешних действий, но от развертывания внутренних конфликтов.

В «Дне гнева» хватает интеллектуальных или духовных конфликтов. С другой стороны, трудно было найти более подходящий материал для представления внешней драмы. Я – и смею сказать, вместе со мной и мои актеры – решили не поддаваться этому искушению. Мы всячески старались отойти от фальшивых преувеличений и устоявшихся клише. Мы стремились найти правду.

И разве не правда то, что величайшие драмы разыгрываются в тишине, что люди пытаются скрыть свои чувства и не показывать на своих лицах те бури, которые бушуют у них внутри? Напряжение находится под поверхностью и высвобождается в день катастрофы. Я попытался вывести наружу именно это латентное напряжение, некое тлеющее неудобство, прячущееся за ежедневной жизнью семьи священника.

Возможно, этого мало для тех, кто хотел бы видеть действие, разворачивающееся с большим неистовством. Но пусть они посмотрят вокруг себя и обратят внимание, как мало драматизма в величайших трагедиях. Возможно, это и есть самое трагичное в трагедиях.

Уверен, найдутся и те, для кого сцены проработаны недостаточно реалистично. Но реализм сам по себе – не искусство. Искусство – это только психологический или духовный реализм. Имеет значение только

художественная правда, то есть, правда, извлеченная из реальной жизни, но освобожденная при этом ото всех ненужных деталей, – правда, профильтрованная через сознание художника. Происходящее на экране не реальность, это не может быть реальностью, потому что, если бы могло, то не было бы искусством.

С этой точки зрения, я и мои актеры в добром согласии старались освободить фильм от большого количества сжатых и насыщенных сцен, де-театрализировать фильм. Перед тем, как продолжить, я хотел бы определить разницу между кино и театром и подчеркнуть, что никоим образом не пытаюсь принизить значение слова «театральный».

Я только хочу сказать, что актеры играют по-разному на театральной сцене и в киностудии. На сцене они должны говорить так, чтобы их слова дошли через оркестровую яму до галерки. Это требует не только хорошей постановки голоса и дикции: выражение лица тоже должно быть утрировано, чтобы преодолеть расстояние. В то время как в киностудии все, что требуется, – это самая обычная повседневная речь и совершенно естественная жестикация. В «Дне гнева» мы не пытались играть более сильно или более приглушенно. Нет, мы старались играть искренно, чтобы создать живых, правдоподобных персонажей. Мы предупреждали друг друга о возможной фальши и игре напоказ.

ИГРА

Наиболее важные выразительные средства актера – это жесты и речь.

Когда звуковые фильмы только-только появились, жесты отошли на второй план. Ведь теперь есть слова. И слова хлынули с пустых лиц.

Во французских и американских психологических фильмах последних лет выражение лица снова в чести, и это к лучшему. Тип мимики – важный элемент для звукового фильма. Лицевая экспрессия придаёт лицу одушевленность, выражение лица играет исключительно важную роль, наряду со словами. Мы можем часто понять характер человека по одному выражению, по морщинам на лбу или блеску в глазах. Мимика – это изначальный способ выражения внутреннего состояния, более ранний, чем слово. Выражение лица присуще не только людям. Если у вас есть собака, вы знаете, что у собаки тоже есть выражение лица.

Пока мы говорим о выражении лица, я хотел бы сказать пару слов и о гриме. Чтобы не потерять даже малейшую частицу выражения лица, в «Дне гнева» я полностью отказался от грима. Обычно происходило вот что: актер гримируется для оператора, затем оператор размещает свет так, чтобы никто не увидел грим. Но сегодня люди научились видеть красоту в естественных лицах, со всеми их морщинками и бороздками. Если лицо покрыто гримом, то персонаж может получиться сглаженным.

Морщины на лице, большие или маленькие, могут рассказать нам о персонаже бесконечно много. У открытого, сердечного, доброжелательного человека со временем формируется ряд тонких морщин вокруг глаз и рта. Морщины издалика улыбаются нам при встрече. Наоборот, если человек – мрачный, злой или строптивый, то у него появляются морщины на лбу и

вертикальные борозды. В обоих случаях морщины кое-что говорят нам о том, что у человека внутри, за лицом. Если же воспользоваться гримом и попытаться спрятать морщины, то будет спрятана и часть характеристик человека, которые иначе нам показало бы его лицо. Не думаю, что нужно объяснять, как это важно в крупных планах.

Поэтому снять фильм, в котором актеры вообще не используют грим, – такой, как «День гнева», – всего лишь естественно и правильно. Душа этого фильма заключается именно в правдивом воспроизведении, которое может быть достигнуто только с актерами, не использующими грим и говорящими самым повседневным языком.

ГРИМ И ДИКЦИЯ

Грим и дикция – это то, с чем имеет дело театр.

Карла Альструпа однажды спросили, действительно ли он не любит ходить в Королевский театр в Копенгагене. Он ответил, что да, действительно, не любит, и объяснил: *«Никто не может стоять и кричать и при этом оставаться человеком»*. Альstrup говорит только об одной из проблем, с которыми сталкиваются театральные актеры. С другой стороны, его замечание подводит нас непосредственно к значению слова "кинематографический". Огромное преимущество кино перед театром заключается в том, что актер может позволить себе сохранить естественный голос. Да, мы можем шептать, если роль этого требует. Микрофон все точно запишет. Зафиксирует каждое слово и каждую маленькую паузу.

Но не стоит только из-за этого использовать ненужные слова. Слово не должно играть какую-то

самоценную роль. Оно должно соответствовать природе драмы, быть составляющей частью картины; только так и не иначе. И особенно важно, чтобы слова не были рассыпаны по фильму. Диалоги должны быть настолько сжаты и сконцентрированы, насколько это вообще возможно.

Выбирая актеров, режиссер звукового фильма должен уделять большое значение голосам. Очень важно, чтобы они соответствовали друг другу и гармонично звучали вместе. В этой связи мне хотелось бы немного сказать еще об одной вещи, о которой должен думать режиссер. Возможно, это и окажется для вас неожиданным, но между походкой человека и его речью существует определенная взаимосвязь. Только взгляните на Лизбет Мовин – какая тонкая координация между ритмом ее походки и ритмом ее голоса.

Это было вводное замечание, а сейчас я перейду к настоящей и наиболее важной задаче режиссера, а именно, к взаимодействию с актерами. Если кто-то хочет найти образ, который описывал бы работу режиссера, то можно сравнить его с акушеркой. Именно этот образ использовал Станиславский в своей книге об актерах, и лучше не скажешь. Актер трудится, а режиссер заботится о нем, делает все, чтобы он мог родить легче. Дитя – это собственное дитя актера, то, что сформировалось из его собственных чувств и его собственного внутреннего мира при столкновении со словами сценария. Актер всегда наделяет роль своими собственными эмоциями.

Следовательно, режиссер никогда не должен навязывать актеру свою собственную интерпретацию, потому что актер не может создать правдивые и чистые

эмоции по команде. Нельзя вытолкнуть чувства наружу. Они должны вырасти сами, и в этом и заключается совместная работа актера и режиссера – подвести их к этому моменту. Если это удалось, то верное проявление чувств получится само собой.

Для серьезного актера это великая заповедь – что он всегда должен начинать не с каких-то внешних проявлений, а с эмоций внутри себя. Но поскольку эмоции и их проявление неразделимы, и только вместе они образуют целое, иногда удается достичь успеха и противоположным путем, то есть, начать с проявления и, таким образом, вызвать чувство. Лучше я проиллюстрирую свою мысль на примере. Представьте маленького мальчика, который очень зол на свою мать. Затем она приветливо говорит ему: «Ну давай же, улыбнись». Он улыбается сначала натянутой улыбкой, которая, однако, вскоре превращается в открытую, настоящую. Чуть позднее он, счастливый, бегает вокруг. Злость ушла. На этом примере видно, что первая улыбка вызвала чувство, которое, в свою очередь, вызвало новое его проявление. Это игра на взаимосвязи, которая иногда может сработать.

Если актер легко может заплакать – а есть такие люди, для которых это легко, – то может быть оправданным дать слезам выход, не ожидая появления верного чувства; потому что физическое ощущение, которое последует за слезами, поможет актеру в работе по направлению к правильному чувству, которое в свою очередь обеспечит правильное проявление – единственно правильное проявление, потому что в каждой конкретной сцене есть только одно правильное проявление, единственное. Актер и режиссер не могут

испытать более восхитительных чувств, чем в тот момент, когда они достигают этого.

МУЗЫКА

Не могу рассуждать о фильме и не сказать пару слов о музыке. Генрих Гейне сказал: там, где кончаются слова, начинается музыка. Именно в этом задача музыки. Правильно использованная, она поддерживает то психологическое развитие и углубляет то настроение, которые ранее были созданы через изображение и диалоги.

Когда музыка используется с некоей художественной целью – это всегда плюс для фильма. Но, тем не менее, мы должны надеяться – и работать в этом направлении – чтобы чем дальше, тем больше уменьшалась потребность фильмов в музыке, чтобы фильмы не страдали от недостатка слов.

Я описал на примере «Дня гнева» настолько конкретно, насколько мог, наиболее важные для стиля фильма технические и духовные процессы. Признаю, что много говорил о технике. Я не стыжусь того, что как следует потрудился над изучением своей работы и знаю ее до самого основания. Каждый художник скажет: чтобы достичь чего-то на этом поприще, надо для начала знать свое ремесло. Но никто из тех, кто видел мои фильмы, не усомнится в том, что техника для меня – это средство, а не цель, а цель заключается в том, чтобы дать зрителю более богатый опыт.

Кто распял Иисуса? (1951)

Я приехал в США по приглашению Блевинса Дэвиса, чтобы работать над сценарием фильма об Иисусе. Естественно, у меня уже имелась своя теория по поводу событий, предшествовавших аресту Иисуса. Через несколько дней после того, как немцы оккупировали Данию, мне пришло в голову, что, должно быть, евреи тогда были в ситуации, очень похожей на нашу нынешнюю. Ненависть, которую мы испытывали по отношению к нацистам, евреи должны были испытывать по отношению к римлянам. Именно из этого понимания и выросла моя теория. Я подозревал, что арест, осуждение и смерть Христа на самом деле стали результатом конфликта между евреями и римскими оккупационными властями.

Мне в определенной степени повезло сразу же после приезда в США наткнуться на недавно опубликованную книгу, подтверждающую мои мысли. Она называется «Кто распял Иисуса?», ее автор доктор Соломон Цейтлин, профессор раввинского факультета университета Филадельфии, еврейский ученый с международной репутацией. Но прежде, чем перейти к новой точке зрения, изложенной в книге доктора Цейтлина, я должен напомнить об отношении евреев к оккупационным властям.

Римский правитель Пилат являлся настоящим хозяином страны. Ему противостоял утверждаемый им же первосвященник Каиафа, ответственный руководитель еврейского населения. Занимая пост первосвященника, Каиафа был также и светским главой государства. Он и верхушка еврейского общества придерживались

в отношении римлян политики «поживем – увидим», которая обеспечивала населению настолько терпимые условия, насколько это позволяли римские хозяева. Римляне (как и немцы в нашей стране), для того, чтобы обязать евреев, даровали им определенные привилегии – такие, как религиозная свобода, муниципальное самоуправление, собственная полиция и собственные суды. Исключения составляли случаи, касающиеся государственной безопасности, то есть римского правления; в этих случаях римляне оставляли за собой право выносить приговор и приводить его в исполнение.

Даже погрузившись в пучину отчаяния как поработанный народ, евреи никогда не оставляли надежды на то, что Иудейское Царство возродится снова, когда однажды родится Мессия, предсказанный пророками. Они представляли себе этого Мессию как великого воина и генерала, который отомстит за Израиль и выбросит римлян в море. Большинство, надеясь на это, находили силы и мужество выносить римское иго.

Но были и те, кто не переносил страдания с такой покорностью и предпочитал отвечать террором на террор. Они объединились в секту под названием «Сикарии» и начали партизанскую войну против римлян. Снова и снова их попытки восстать терпели поражение, но они не отступали. Они также преследовали тех из своих соотечественников, кто сотрудничал с римлянами, в том числе и крупных землевладельцев, дававших римлянам зерно. Сикарии считали, что такие евреи – соответствующие нашим собственным «коллорационистам» – предатели, и они жгли их урожай или безжалостно «ликвидировали» их самих. Сикариев, грубо говоря, можно сравнить с людьми из нашего Сопротивления.

Доктор Цейтлин упоминает еще одну секту, под названием Апокалиптические Фарисеи. Они тоже надеялись на революционное изменение общества, но считали, что народ будет освобожден благодаря прямому вмешательству Господа. Вероятно, они полагали, что грядущий Мессия, происходящий из рода Давида, будет обладать сверхъестественными способностями.

Знание о верованиях и деятельности этих двух сект является предпосылкой для понимания того, как римляне, должно быть, относились к евреям. За несколько дней до входа в Иерусалим, в Бетани, прямо под стенами Иерусалима, Иисус воскресил Лазаря из мертвых. А в самом Иерусалиме Иисус исцелил человека, который был парализован в течение тридцати восьми лет, и слепого от рождения юношу. Парализованный пошел, а слепой – прозрел; так, возможно, Иисус и есть тот Мессия со сверхъестественными способностями, которым бредили Апокалиптические Фарисеи? Ясно одно, римляне бдительно следили как за Сикариями, так и за Апокалиптическими Фарисеями, и не делали особых различий между ними. Они считали и тех, и других в равной степени опасными бунтовщиками и распинали их во множестве.

Давайте теперь немного остановимся на том, что доктор Цейтлин рассказывает об Иудейском совете, в который Иисуса привели сразу же после ареста в Гефсиманском Саду. Марк, Лука, а также Иоанн упоминают, что Иисуса привели в дом первосвященника, где он предстал перед «советом старейшин». Что это был за совет?

С древних времен существовал совет, который назывался «Великий Синедрион»; в него входил

71 член. Это был законодательный орган, чьей эксклюзивной задачей было интерпретировать библейский закон, устанавливать календарный год и т.п.

Помимо Великого Синедриона действовал еще и Малый Синедрион. В него входило 23 члена, и их компетенция распространялась на судебные разбирательства преступлений против религии, а также преступлений, предполагавших смертную казнь – таких, как убийство, инцест, публичное осквернение Субботы и богохульство.

Малый Синедрион собирался ежедневно, кроме субботы и праздников, а также дней, предшествующих им. Для этого имелась особая причина. В то время как римляне – словно на конвейере – без малейших сомнений приводили смертные приговоры в исполнение, евреи оставались гуманны в своей судебной практике. Они всеми средствами избегали смертных приговоров. Человек мог быть оправдан в тот же день, когда он предстал перед судом. Но его не могли приговорить к смерти до наступления следующего дня. Смертный приговор не должен был выноситься неосмотрительно. И даже после того, как он был вынесен, дело могло быть пересмотрено, если появлялась какая-либо информация (независимо от ее формы) в защиту осужденного.

Еврейские судьи заходили так далеко в своем страхе казнить невиновного, что когда после нескольких разбирательств осужденного все-таки вели к месту казни, во главе процессии шел судебный офицер, который нес на длинном шесте табличку с надписью, согласно которой, если кто-либо обладает информацией в пользу приговоренного, он должен немедленно обратиться

в совет. И если кто-то обращался, исполнение приговора откладывалось, и случай рассматривался снова.

Поскольку Иисус был распят накануне еврейской Пасхи, он не мог предстать после ареста в Гефсиманском Саду перед Малым Синдерионом, поскольку тот, как упоминалось, не собирался в дни накануне праздников. Они не собирались и по ночам. Так что же это был за совет, перед которым Иисус предстал в доме первосвященника?

Доктор Цейтлин объясняет: когда Иудея была независимой, помимо двух «религиозных» Синдерионов существовал еще и третий, «политический» Синдерион, который принимал меры по отношению к тем, кто покушался на государство или его главу. Члены этого Синдериона назначались лично главой государства; конечно же, он выбирал лишь тех, кто был готов плясать под его дудку.

Когда Иудея стала римской провинцией, римляне взяли на себя функцию осуществления правосудия в случае политических преступлений. Теперь, как упоминалось ранее, первосвященник отвечал за социальный и политический порядок в Иудее, и в его обязанности входило арестовывать любого соотечественника, подозреваемого в организации бунта. В этом случае обвиняемый предстал перед первосвященником и его советом, состоящим из ближайших помощников и советников. Этот совет был имитацией политического Синдериона прошлого. У него не было права выносить приговоры, он мог только выслушать обвиняемого и потенциальных свидетелей, а затем дело передавалось римскому правителю, который выносил приговор и организовывал приведение его в исполнение.

Доктор Цейтлин обращает внимание, что во всех известных случаях, как только обвиняемого арестовывали, созывался политический Синдерион. Именно так и произошло в случае с Иисусом. Дальше доктор Цейтлин говорит, что политический совет созывался в любое время дня и даже ночи, если того требовали обстоятельства, и, в отличие от двух религиозных Синедрионов, у него не было определенного места сбора. Таким образом, заключает доктор Цейтлин, Иисус после ареста предстал именно перед политическим советом.

Если эта теория верна, то с Иисусом обошлись, как с политическим преступником; но имелись ли основания считать его бунтовщиком или лицом, опасным для государства?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, доктор Цейтлин напоминает нам, что при входе в Иерусалим толпа приветствовала Иисуса, как «сына Давидова» и кричала: «Благословенно грядущее царство отца нашего Давида!». Что стояло за этими приветствиями?

Старые пророки, говорившие от имени Бога, чьи слова сохранились в устной традиции, предсказывали, что однажды человек из рода Давида придет как Мессия, посланный Богом или избранный Богом, и станет королем Иудеев. Поэтому Иисуса, входящего в Иерусалим, приветствовали не только как сына Давидова, но и выкриками *«Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида!»* (Марк) и *«Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!»* (Иоанн). Позволив именовать себя Мессией, сыном Давидовым и Царем Израилевым, Иисус не только навлек на себя подозрение римлян в том, что является сообщником групп, представляющих революционно

настроенную часть еврейского населения, но и что его вход в Иерусалим явился прямым вызовом римлянам и должен был рассматриваться как мятеж, который дал им право требовать выдачи Иисуса.

Далее, сразу же после входа в Иерусалим, Иисус начал изгонять торговцев из двора храма. Это нарушение социального порядка должно было вызвать чувство негодования как у римлян, так и у ответственных еврейских властей в соответствии с их положением. С точки зрения последних, Иисус своими действиями поставил под угрозу благоденствие еврейского народа.

Согласно доктору Цейтлину, первосвященнику ничего не оставалось, кроме как арестовать Иисуса, допросить в присутствии политического совета и затем, когда Иисус признал, что считает себя Мессией, передать Пилату.

По моему личному мнению, вполне возможно, что именно римляне потребовали ареста и выдачи Иисуса; потому что римляне, командовавшие хорошо организованным «Гестапо», были, конечно же, очень хорошо проинформированы обо всем, что происходило в Иудее, особенно в Иерусалиме во время еврейской Пасхи. У нас в Дании во время оккупации был очень похожий случай, когда немцы 24 февраля 1942 г. потребовали выдачи Вильгельма ла Кура. Я думаю, из замечания Каиафы, процитированного Иоанном, следует, что дело могло быть именно так: *«...вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»*. Мне кажется, раздражительный тон указывает на то, что Каиафа даже в узком политическом совете столкнулся с противостоянием выдаче Иисуса, а ведь советники

обычно были просто его марионетками. Но это исключительно мое личное мнение.

Когда на следующее утро Иисус предстал перед Пилатом, первый вопрос, который задал ему римский правитель, звучал: «*Ты Царь Иудейский?*», на что Иисус дал уклончивый ответ: «*Ты говоришь*». Из этого доктор Цейтлин делает вывод, что Иисуса действительно выдали римлянам как политического преступника, который совершил преступление против римского государства. Вероятно, вот то обвинение, которое интересовало Пилата: Иисус претендовал на то, что он – король Иудейский.

Когда я закончил свой сценарий и почерпнул знания из вдохновляющей книги доктора Цейтлина, мне представилась возможность познакомиться с автором лично. Блевинсу Дэвису удалось оторвать ученого мужа от его исследований и заставить прочитать киносценарий, чтобы затем критически обсудить его со мной.

Сотрудничество дало мне огромный опыт и стало для меня очень плодотворным. Разумеется, он говорил, а я слушал. В конце концов, мы согласились во всем, кроме одного. Доктор Цейтлин в своей книге очень строг к Каиафе, которого он постоянно называет «изменником». Я не думаю, что он им был. Можно назвать его «коллорационистом», но уж точно не «изменником».

По моему скромному мнению, ничто не указывает на то, что у Каиафы не было самых лучших намерений и что он не желал людям добра. Он был реалистичным политиком и считал, что еврейскому народу лучше вести себя осторожно, чтобы не потерять ту небольшую свободу, которая у них осталась. Так что определение

«изменник» не только несправедливо, но и неправильно, хотя бы только из-за глубокой пропасти между римской и иудейской «идеологией». Для римлян религия была подчинена государству; для иудеев религия стояла над государством – религия была всем.

Поэтому я трактую характер Каиафы в сценарии по-своему; но за все остальное я глубоко признателен доктору Цейтлину, который, я думаю, добился поставленной цели – опровергнуть обвинение против евреев в убийстве Иисуса. Это печально известное обвинение впервые было выдвинуто в первом веке после смерти Иисуса, и все это продолжается до сих пор. Антисемитизм очень древнее явление. Все мы знаем, что он принес евреям печаль и слезы, страдание и смерть.

Из вводной речи для актеров, написанной перед съемками «Слова» (1954)

В фильме, основанном на пьесе «Слово», важно, чтобы аудитория с самого начала была настроена на восприятие чуда: пробуждение Ингер. Резкое переключение с естественного на сверхъестественное в фильме необходимо подготовить намного тщательней, чем в пьесе. Это можно сделать, только позволив зрителю лучше узнать семью в Боргенсгоре, – до того, как начнется настоящее действие, так сказать, действие пьесы, – так, чтобы зритель знал отношение каждого члена семьи к другим и как именно каждый из них относится к центральной проблеме пьесы – христианству и вере. Фильм также должен с самого начала давать зрителю представление о психологическом бремени, под которым живет семья в Боргенсгоре, потому что один из сыновей на ферме, Йоханнес, душевнобольной.

Чтобы достичь этой цели, я считал необходимым выстроить начало фильма, которое, вообще говоря, моя собственная работа. Надеюсь, остальные согласятся, что оно находится в гармонии с атмосферой пьесы Кая Мунка. В остальном же я строго придерживался Кая Мунка, но попытался упростить диалоги, поскольку необходимо помнить, что фильм в соответствии со своей формой – в отличие от театра – требует, чтобы речь, которую произносят на экране, была простой и легкой для понимания, так чтобы ее можно было бы ухватить сразу же без рассуждений. Я также работал в предположении, что Кай Мунк сам предпочел бы гармоничную кинематографическую работу вместо снятого на пленку театра.

Что касается душевной болезни Йоханнеса, пьеса показывает комплекс болезней, так сказать, группу симптомов, характерных для различных форм душевных заболеваний, которые встречаются довольно часто. Едва ли можно назвать какой-то чистый тип заболевания. Йоханнес, очевидно, страдает манией величия, потому что верит, будто он Иисус Христос. У него бывают галлюцинации, и он слышит голоса. В отношениях с другими людьми он одновременно и открыт, и замкнут; поведение чаще всего характеризуется достоинством и величием. Его речь хорошо продумана и содержит легкий намек на проповедь, изобилует цитатами из Святого Писания и религиозными фразами; его ответы логичны и последовательны, по крайней мере, на первый взгляд. Как уже говорилось, у него бывают галлюцинации, но болезнь протекает спокойно, и его можно держать на ферме. Он носит свободную поношенную, полинявшую одежду.

Психиатр, вероятно, охарактеризовал бы его болезнь терминами мегаломания, депрессия и меланхолия, и предположил бы, что болезнь обусловлена чрезмерной религиозностью в сочетании с переутомлением, связанным с чересчур напряженной работой над теологическими исследованиями, которые вдобавок вызвали религиозный кризис. Возможно, Йоханнес спрятался в безумии отчасти в результате протеста против результатов собственных исследований, отчасти же из страха, что не сможет оправдать ожидания своего отца.

Для объяснения болезни Йоханнеса нет необходимости рассказывать историю его любви и гибели невесты. Если бы нужно было включить еще и эту историю, то ее пришлось бы рассказывать в картинках,

что стало бы излишней нагрузкой и разрушило единство пространства и (вероятно) времени. Но именно это единство придает сюжету гармонию и силу, а их необходимо сохранить в фильме любой ценой.

Цель этого фильма – заставить зрителя неявно принять идею автора такой, какой она выражена в последней части «Слова», а именно, что тот, кто достаточно силен в своей вере, также обладает силой творить чудеса.

Зрителя необходимо медленно подготавливать к достижению этой цели; он должен проникнуться религиозным состоянием духа, быть вовлеченным в атмосферу религиозного мистицизма. Чтобы заставить его принять чудо, он должен придти в специальное настроение грусти и печали, такое, как бывает на похоронах.

Когда зритель придет в состояние страха и созерцания, его будет легче погрузить в то состояние, в котором он может поверить в чудо, поскольку – заставленный задуматься о смерти – он начнет также думать и о своей собственной смерти и, следовательно, неосознанно надеяться на чудо, а значит, отбросит свое нормальное, скептическое отношение.

Зритель должен забыть, что он смотрит фильм, его необходимо погрузить в заданное состояние или, если хотите, загипнотизировать. Пусть зритель поверит, что видел Божественный акт, так чтобы он вышел из кинотеатра притихший и взволнованный.

Цветные и раскрашенные фильмы (1955)

В этом году исполнилось двадцать лет с тех пор, как вышел первый полнометражный цветной фильм. За ним последовали сотни других цветных фильмов, но, когда мы оглядываемся назад, много ли из них таких, про которые мы можем сказать, что они доставили нам эстетическое удовольствие? Два – три – четыре – пять? Возможно, пять, но, вероятно, не больше.

Из последних в эти пять надо включить «Ромео и Джульетту»^{*} – вслед за «Генрихом V» Оливье и «Вратами ада» Кинугасы. Оливье воспользовался миниатюрами из средневековых рукописей для идей по подбору цветов, а Кинугаса обратился к классическим гравюрам на дереве своего народа. А кроме этих фильмов мы видим всего лишь некие попытки – лучшие в «Мулен Руж». В начале фильма заполненные дымом танцевальные залы вызывают восхищение, но в остальном зрелище вполне обычно во всем, что касается использования цвета. А почему? Да потому, что у режиссера не было Тулуз-Лотрека, на которого он мог бы опереться. Ибо, конечно, режиссер, снимавший этот фильм, был велик, но Тулуз-Лотрек был еще более великим художником. Так или иначе, четыре или пять цветных фильмов, представляющих ценность в художественном отношении, за двадцать лет – очень скромный результат.

Если не рассматривать восхитительные и удивительные цветовые эффекты в мюзиклах, в большинстве фильмов преобладает довольно-таки дешевый вкус,

^{*} Имеется в виду постановка Ренато Кастеллани (1954) (*прим. ред.*).

который, вероятно, связан со страхом выйти за пределы безопасного, но скучного натурализма. Конечно, можно найти поэзию и в срезе повседневной жизни, но цветной фильм не становится искусством только из-за тщательного и точного копирования природных цветов.

Для цветного фильма натуралистический подход в любом случае является серьезным недостатком. Никто не смотрит фильм ради того, чтобы оценить, действительно ли цвета такие, как в жизни. Мы так часто видим зеленую траву и голубое небо, что иногда нам начинает хотеться хотя бы раз увидеть зеленое небо и голубую траву, ибо тогда мы, возможно, сможем разглядеть в этом определенные художественные устремления.

Кроме того, цвета в фильме никогда не будут выглядеть в точности так же, как цвета в природе. Причина очень проста. В природе число цветных теней бесконечно. Даже человеческий глаз не может различить их все. Исследования показали, что человеческий глаз различает самое большее 14 420 оттенков цвета. Очевидно, что даже самая чувствительная пленка может воспроизвести лишь малую долю от этих 14 420 оттенков. Поэтому в цветном фильме все маленькие цветовые различия, все полутона исчезают, исчезает все то, что воспринимает глаз, даже не видя этого. В общем, это ошибка – предъявлять цветному фильму требование натуралистичности. Поэтому ничто не мешает цветам фильма существенно отклоняться от природных, а также – или, вернее, вследствие этого – давать более богатый художественный опыт зрителю.

Для режиссера цвет является ценным помощником. Тщательно отобранные с учетом их эмоционального влияния и правильно уравновешенные относительно

друг друга цвета могут добавить фильму художественности, которой иначе он был бы лишен. К композиции кадра в черно-белом фильме добавляется цветовая композиция в цветном фильме. В черно-белом фильме мы имеем дело со светом против тени и с линией против линии; в цветном фильме – с поверхностью против поверхности, с формой против формы и с цветом против цвета. То, что в черно-белом фильме выражается через изменение света и тени и преломление линий, здесь выражается в сочетании цветов.

Ко многим ритмам фильма добавляется еще и цветовой ритм. В цветном фильме нужно больше внимания уделять редактированию изображения. Малейший сдвиг может означать изменение баланса между цветовыми поверхностями, в результате чего разрушается гармония. Монтаж фильма становится еще более важным не только из-за собственно монтажа, но и из-за того, что цветовая композиция постоянно превращает картинку в «течущую». Кажется, что люди и предметы находятся в постоянном движении, а цвета скользят с места на место, с переменным ритмом, создавая удивительные эффекты, когда они смешиваются с другими цветами или растворяются в них. Общее правило можно сформулировать так: минимум цветов – и, возможно, в комбинации с черным и белым, которые слишком мало используются в цветных фильмах. О них позабыли в детском восторге перед сверкающими цветами из коробочки с красками.

Все это делает задачу режиссера более сложной, но и более соблазнительной. Даже в черно-белом фильме каждую сцену нужно победить. Цвет не облегчает эту победу, но делает ее более сладкой (если ее

удается достичь). Победа еще значительнее, если режиссеру удалось разорвать порочный круг, привязывающий цветные фильмы к натуралистическим предрассудкам черно-белого кино.

У кино есть возможность стать великим художественным опытом в том, что касается цвета, только тогда, когда оно полностью освободится от оков натурализма. Только тогда цвета смогут выразить то невыразимое, что нельзя объяснить, а можно только почувствовать. Только тогда цвета помогут художественным фильмам встать на ноги в мире абстракций, который сейчас для них закрыт.

Режиссеру не следует видеть свои картины черно-белыми, а затем раскрашивать их в разные цвета. Картины должны сразу же представлять в цвете перед его внутренним взором. Он должен творить в цвете. Однако чувству цвета нельзя научить. Цвет – это оптический опыт, так что способность видеть, думать и чувствовать в цвете должна быть врожденной. В целом, я думаю, можно предположить, что этим свойством обладают главным образом художники.

Неужели и в следующие двадцать лет мы увидим всего лишь четыре-пять фильмов, имеющих художественные достоинства?.. Если цветной фильм не хочет продолжить свое развитие в том же постыдном направлении, киноиндустрия обязана, вероятно, принять помощь от тех, кто может помочь, – а именно, от художников, так же, как это произошло когда-то с поэтами, писателями, композиторами и мастерам балета. К своему и так огромному штату режиссеру придется добавить художника-колориста, который в сотрудничестве

с режиссером и под его руководством станет заниматься цветовыми эффектами в фильме.

Художник должен браться за дело как можно раньше, чтобы сцены в фильме задумывались как цветные и рождались в сценарии как цветные эскизы. Необходимо ввести понятие «цветового сценария» параллельно с основным, и эскизы должны быть детально продуманы во время дальнейшей работы, пока они не превратятся в большие, цветные, живые экраны на стене кинотеатра.

Могут возразить: «Зачем режиссеру еще и художник? У него ведь и так есть техники по цвету». Несомненно, эти помощники приносят – и будут приносить – режиссеру огромную пользу. Со своим опытом и знанием хроматологии и теории цвета, они могут спасти режиссера от многих провалов. Но при всем моем уважении к их компетенции и ответственности, хороший художник имеет одно отрадное и важное для фильма качество – он сам является творцом. Его импульсы исходят из художественного сознания. И в этом его преимущество перед техниками по цвету, которые являются экспертами и необходимы в этом качестве как промежуточное звено между художником с режиссером и лабораторией.

Для того чтобы пояснить мысль, высказанную выше, давайте сделаем одно предположение. Представим, что Тулуз-Лотрек жив, что он сотрудничал с режиссером на протяжении всего процесса создания фильма, и что он работал над ним от начала до конца, а не только в первых сценах. Хотел бы я знать, не был бы тогда весь фильм снят на том же высоком уровне, что и первые сцены, которые снимались по эскизам самого

Тулуз-Лотрека. И не стал бы тогда «Мулен Руж» поистине великим цветным фильмом, а не всего лишь многообещающей попыткой; моделью для того времени, когда режиссер будет стремиться снимать лучше, а не гнаться за количеством. И неужели от этого режиссер будет менее уважаем, ведь это не его задача делать все самому, его задача – держать все под контролем и свести отдельные детали в единое композиционное целое.

За этими строками стоит желание, чтобы цветные фильмы выбрались из той заводи, где они находятся сейчас, и твердо встали бы на ноги в самом ближайшем будущем. Ибо в настоящий момент наблюдается только хаотическое движение, и даже в лучших своих проявлениях цветной фильм не ставит перед собой задачи выше, чем просто добиться подобия. Когда такие фильмы превосходят сами себя, они добиваются подобия с чем-то, чем не являются. «Генрих V» похож на иллюстрации из средневековых манускриптов, а «Врата ада» сходен с гравюрами на дереве. Как свежо и неожиданно будет увидеть когда-нибудь фильм, который будет нести на себе отпечаток живого художника – от начала до конца. Тогда цветной фильм станет по-настоящему живым искусством, а не просто раскрашенным фильмом.

Воображение и цвет (1955)

Думаю, все мы можем согласиться с тем, что такое кино, каким оно является сегодня, несовершенно. Мы должны быть только благодарны за это, потому что несовершенно продолжает развиваться. Несовершенство живет. Совершенство мертво, отложено в сторону, мы уделяем ему мало внимания, а в несовершенстве заключены тысячи возможностей для его преодоления.

В настоящее время кино как искусство переживает поворотный момент. Вглядимся же в горизонт, чтобы увидеть, откуда придут новые импульсы развития. Конечно, вы сейчас ждете от меня длинной основательной лекции с научным анализом и тому подобным, но должен разочаровать вас. Я не теоретик кино, у меня не хватает для этого мозгов. Я всего лишь режиссер, который гордится своим ремеслом. Но даже у ремесленника есть мысли по поводу его работы, и именно этими простыми рассуждениями хочу с вами поделиться.

В том, что мне следует сказать, нет ничего революционного. Я не верю в революции. Они, как правило, имеют скучное качество поворачивать развитие вспять. Я больше верю в эволюцию, в маленькие достижения. Так что собираюсь указать только на те внутренние возможности, которые кино имеет для художественного обновления.

Людям свойственно подчиняться закону инерции, и они сопротивляются, когда их пытаются увести с протоптанной дорожки. Они привыкли сейчас к точному, фотографическому воспроизведению реальности и, вероятно, чувствуют определенное удовольствие, когда снова и снова видят то, что и так знают. Когда в свое

время появилась камера, она одержала легкую победу из-за своей способности объективно регистрировать механическими средствами визуальные впечатления человеческого глаза. Это свойство до настоящего момента было силой кино, но по отношению к кино художественному оно становится слабостью, с которой нам надлежит бороться.

Мы застряли на фотографии и столкнулись с необходимостью освободиться от нее. Мы должны использовать камеру для вытеснения камеры. Мы должны работать над тем, чтобы перестать быть рабами фотографии, а вместо этого стать ее повелителями. Пусть фотография перестанет быть просто отчетом и превратится в средство художественного вдохновения. От делового прямого наблюдения нужно перейти в газете к разделу достопримечательностей.

Репортерская фотография заставляет кино прижиматься к земле, отчего оно приобретает склонность к натурализму. Только обрубая эти мертвые якоря кино обретает способность взмыть к вершинам воображения. Следовательно, наш долг вырвать кино из оков натурализма. Мы должны осознать, что копировать реальность – пустая трата времени. Мы должны дать кино новую художественную форму и создать новый стилистический язык при помощи камеры.

Но сначала следует осознать, что именно мы понимаем под «искусством» и «стилем». Датский писатель Йоханнес В. Йенсен описывал искусство как «эмоционально созданную форму». Это простое и очень подходящее определение. Как и определение, которое английский философ Честерфилд дал стилю. Он говорил: «Стиль – это платье мысли». Это верно,

при условии, что «платье» – не слишком броское, потому что хороший стиль характеризует то, что интимная связь, в которую он входит с сущностью, пропитанной им, приводит к единству высшего порядка. Если он навязчив и бьет в глаза, то это уже не «стиль», а «манера». Сам я определяю стиль, как «форму, в которой находит выражение художественное вдохновение», потому что люди, как вы знаете, узнают стиль художника по определенным характерным чертам, ему свойственным, которые являются отражением в работах его интеллекта и личности.

Стиль художественного фильма – это результат взаимодействия множества компонентов, таких как игра ритмов и линий, взаимный контраст цветовых поверхностей, взаимодействие света и тени, ритмичность скольжения камеры. Все это, вместе с режиссерской интерпретацией материала как порождающего образы фактора, играет решающую роль для художественной формы выражения — стиля! Если режиссер заточает себя в бездушной, безличной копии того, что видит его глаз, у него нет стиля. Но если он берет в голову то, что видит, и перерабатывает в некое видение, а затем строит изображения фильма в соответствии с этим видением независимо от той реальности, которая его вдохновила, тогда на его работе будет святая печать вдохновения и тогда у фильма будет стиль, ибо стиль – это отпечаток личности в работе.

Добавлю, хотя это и звучит очень нескромно, что в своих собственных интересах и в интересах других режиссеров рискну утверждать: именно режиссер должен оставить отпечаток своей личности на художественном фильме. В этом нет желания умалить роль автора,

но даже если автор – сам Шекспир, литературная идея сама по себе не превращает фильм в произведение искусства. Это случается только когда режиссер, вдохновленный материалом писателя, убедительно дает жизнь художественным образам.

Не хочу недооценивать коллективную работу фотографов, специалистов по цвету, архитекторов и т.д., но в этом коллективе режиссер всегда есть и будет – и должен быть – движущей и вдохновляющей силой. Именно он стоит за всей работой. Именно он заставляет слово поэта звучать так, чтобы мы его услышали. Именно он заставляет чувства и страсти пылать так, чтобы они овладели нами и тронули нас. Именно он оставляет на фильме отпечаток того необъяснимого, что мы называем стилем.

Что ж, таково мое мнение по поводу важности режиссера – и его ответственности. Так или иначе, теперь мы понимаем, что такое стиль фильма. Но нам бы еще хотелось знать, а что такое сам художественный фильм.

Давайте сформулируем вопрос следующим образом: какая область искусства более всего сходна с кино? По-моему, это архитектура. Отличительным знаком выдающихся памятников архитектуры является то, что все их детали так ясно созвучны целому, что никакая часть, даже самая маленькая, не может быть изменена без того, чтобы это не привело к трещине в целом, – в отличие от «неархитектурного» дома, где все измерения и пропорции случайны. Нечто похожее верно и для кино. Только когда все элементы, составляющие фильм, спаяны воедино в прочную конструкцию, так что ни один из компонентов не может быть опущен или изменен

без нарушения целостности, только тогда фильм можно сравнить с произведением архитектурного искусства.

Все фильмы, которые не удовлетворяют этому строгому требованию, подобны скучным обычным домам, мимо которых мы безразлично проходим. В архитектурных фильмах именно режиссер играет роль архитектора. Именно он с высоты художественной перспективы координирует разнообразные ритмы и натяжения фильма с драматической кривой литературной основы и психологическими вибрациями выражений лиц актеров и обменом репликами – и, таким образом, запечатлевает в фильме свой стиль.

И вот теперь мы переходим к настоящему вопросу, а именно: где лежит возможность художественного обновления кино? Я, со своей стороны, вижу только один путь – абстракция, но чтобы не быть неправильно понятым, поспешу определить слово «абстракция» как выражение для такого восприятия искусства, которое требует, чтобы художник абстрагировался от реальности для того, чтобы усилить духовное содержание (не важно, психологическое, или чисто эстетическое). Или скажем даже более сжато: искусство должно представлять собой внутреннюю, а не внешнюю жизнь. Следовательно, мы должны избегать натурализма и находить альтернативы, чтобы внести абстракцию в наши картины.

Возможность абстрагирования является предпосылкой. Абстракция дает режиссеру возможность выйти за те рамки, в которые натурализм заключает фильм. Кино само должно стремиться уйти от того, чтобы быть чисто подражательным искусством. Амбициозный режиссер должен стремиться к высшей реальности, чем он получает, просто включая камеру и копируя

реальность. Его картины должны быть не только визуальным, но и духовным опытом. Что действительно важно, так это чтобы режиссер разделил свой художественный и духовный опыт со зрителями, и абстракция дает ему эту возможность, позволяя режиссеру заменить объективную реальность своим собственным субъективным восприятием.

Но если в кино должна быть привнесена абстракция, нам нужно начать с того, чтобы раскрыть новые созидательные принципы. Позвольте подчеркнуть, сейчас я имею в виду исключительно изображение. Разумно применить такое самоограничение из-за обычных зрителей, мыслящих изображениями, да и в фильме изображения играют главную роль.

Я хочу указать на некоторые пути, которые открываются перед режиссером, стремящимся внести элемент абстракции в свои картины. Назовем наиболее очевидный: упрощение. Это задача любого творческого художника: позволить себе вдохновиться реальностью и после этого отступить от нее, чтобы придать работе форму, которую подскажет ему вдохновение. Следовательно, режиссер должен иметь свободу превращать реальность в то, что соответствует его вдохновению, упрощая сцены, которые он мысленно ставит, потому что не эстетическое чувство режиссера должно уступить реальности, нет, наоборот – реальность должна подчиниться его эстетическому чувству. Ибо искусство – это не имитация, но субъективный выбор, и, таким образом, режиссер включает в произведение только то, что необходимо для достижения ясного и непринужденного общего эффекта.

Цель упрощения также заключается и в том, чтобы сделать идею, заключенную в изображении, более четкой и ясной. Таким образом, упрощение должно состоять в очищении основной темы от всего, что не поддерживает идею. В результате упрощения основная тема трансформируется в символ, а с символизмом мы уже дошли до абстракции, поскольку идея символизма работает через указания.

Кинематографическое представление реальности должно быть истинным, но очищенным от тривиальных деталей. Оно должно быть реалистичным, но преобразованным режиссерским сознанием таким образом, чтобы стать поэзией. Режиссера должны интересовать не вещи в реальности, а сущность, которая стоит за этими вещами. Ибо реализм сам по себе не искусство. Реальность должна быть приведена к упрощенной и сокращенной форме, и в очищенном состоянии предстать во вневременном психологическом реализме.

Применить абстракцию через упрощение и инспирированный отбор проще всего по отношению к помещениям, показанным в фильме. Режиссер может придать душу этим помещениям через упрощение, он убирает все ненужные вещи, чтобы сконцентрировать внимание на нескольких объектах, которые, так или иначе, несут психологический отпечаток личности жильца и характеризуют его отношения с идеей фильма.

Намного, намного более важное средство для абстракции – это, конечно, цвет. С ним все возможно, но не раньше, чем мы избавимся от цепей, которые все еще приковывают цветной фильм к фотографическому натурализму черно-белого кино. Так же, как французские импрессионисты вдохновлялись классическими

японскими гравюрами, западным режиссерам следует поучиться у японского фильма «Врата ада», в котором цвета действительно служат своей цели. Возможно, сами японцы относят этот фильм к натуралистическим, конечно, в исторических костюмах, но все равно натуралистическим. Но в наших глазах он выглядит стилизованным фильмом, который стремится к абстракции. Только в одной сцене чистый натурализм действительно прорывается на поверхность, а именно, в сцене состязания на открытой зеленой равнине. На несколько минут стиль нарушается, но эта неприятность быстро забывается благодаря красоте оставшейся части фильма. Нет никакого сомнения, что цвета подбирались в результате тщательного, заранее обдуманного плана. В любом случае этот фильм говорит нам много не только о цветовой композиции и хорошо известном ритме классических японских гравюр, но также о группировке холодных и теплых цветов, и об использовании обширного упрощения, которое производит особенно сильный эффект, поскольку поддерживается цветом.

«Врата ада» должны поощрить западных режиссеров применять цвет более целеустремленно, а также с большей смелостью и воображением. До сих пор цвет использовался в большинстве западных фильмов как бы вскользь и натуралистическим способом. На настоящий момент мы осторожны. Если хотим проявить смелость, то бросаемся в блеклые краски, чтобы показать, что у нас есть какой-то вкус. Но когда речь идет об абстрактном цветном фильме – просто вкуса недостаточно; нужно иметь художественную интуицию и смелость выбрать в точности те цвета, которые поддерживают драматическое и психологическое содержание фильма.

В цветах лежит большая, да, огромная возможность для обновления художественных ресурсов кинематографа, так давайте же во что бы то ни стало научимся этому у японцев. Другие уже сделали это раньше; среди них известный американский художник Джеймс Уистлер.

Я говорю здесь о цвете, который, конечно, и сам по себе содержит неограниченные возможности для абстракции, но есть еще один феномен, о котором стоит упомянуть, потому что, возможно, он может вдохновить абстракцию очень специального сорта. Как хорошо известно, фотография предполагает воздушную перспективу, которая означает, что контраст между светом и тенями уменьшается на дальнем плане. Возможно, что-то есть в интересной абстракции, связанной с сознательным уничтожением воздушной перспективы, или другими словами, в отбрасывании такой любимой иллюзии, как глубина и расстояние. Вместо этого можно работать с совершенно новой конструкцией цветовых поверхностей, все на одном плане, формируя одну большую агрегированную поверхность разных цветов, в которой понятие переднего, среднего и заднего плана будет совершенно отброшено. Другими словами, можно уйти от картинке с перспективой и перейти к эффекту чистой плоскости. Возможно, в этом направлении мы могли бы получить совершенно необыкновенный эстетический эффект, очень подходящий для кино.

Надеюсь, я не заставил вас нервничать со всеми этими разговорами об «абстракции». Догадываюсь, что для киношников это почти плохое слово. Цель, с которой я говорил здесь сегодня, была лишь в том, чтобы привлечь внимание к факту, что за границами скучного и серого натурализма лежит другой мир, а именно –

мир воображения. Конечно, это превращение должно осуществляться так, чтобы режиссер и его сподвижники не теряли бы почвы под ногами в мире реальности. Хотя режиссер и должен сделать реальность объектом художественного преобразования, преобразованная реальность должна, однако, быть подана так, чтобы зритель узнал ее и поверил в нее.

Очень важно, чтобы первые попытки привести абстракцию в фильм были бы сделаны тактично и осторожно, чтобы они не стали шоком. Было бы мудро медленно вести зрителей по этому новому пути. Но если эксперименты окажутся успешными, перед кино откроются огромные новые пространства. Никакие задачи не покажутся слишком большими. Возможно, кино никогда не станет по-настоящему трехмерным, зато с помощью абстракции станет возможно ввести в кино и четвертое, и пятое измерение.

И, наконец: здесь много говорилось об образе и форме и ни слова не сказано об актерах, но каждый, кто смотрел мои фильмы – хорошие – знает, какое огромное значение я придаю актерской работе. В мире ничто не сравнится с человеческим лицом. Это земля, которая никогда не истощится, земля со своей собственной красотой, не важно, грубой или мягкой. Нет большего опыта, чем наблюдать в студии за выражением чувствительного лица, которое оживает изнутри под действием загадочной силы вдохновения, творя поэзию.

Отрывок из сценария Дрейера «Иисус»

Два пастуха привязали своих овец и коз к дереву. Овцы – белые, козы – черные. (Даже сегодня можно увидеть смешанные стада овец и коз. Именно из-за этого обычая Иисус и говорил о том, что «пастырь отделяет овец от козлов»). Пастухи спешат ко входу в синагогу. Там в центре стоит таз для омовения рук, совершаемого перед тем, как пройти на службу. Когда пастухи входят в синагогу, можно услышать красивый голос Иисуса, он читает избранные строки одного из пророков (и таргум – перевод на древнеарамейский – после каждых трех строф). Пастухи с трудом находят свободные места, потому что синагога переполнена.

Все это время можно слышать голос Иисуса, он говорит, пока камера скользит по слушающей толпе, расположившейся в комнате с тремя проходами между скамьями. У южной стены можно увидеть стол со свитками. Перед столом располагается платформа с подставкой для книги и креслом. Когда Иисус попадает в поле зрения, он все еще стоит у стола со свитками, но он только что закончил чтение. Он передает свиток попечителю, который сворачивает его и кладет на стол рядом с другими свитками. Иисус садится в кресло и все так же, сидя, что было в то время в порядке вещей, начинает проповедовать, отталкиваясь в своей проповеди от строф, которые только что прочитал.

Иисус: Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду.

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой

пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

А я говорю вам: не клянись вовсе.

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

В то время как Иисус проповедует, камера изучает лица прихожан. Видны пожилые люди со струящимися белыми бородами и за ними маленькие мальчики. Есть там богатые, бедные, а также женщины. И три революционера. Все они изумлены учением Иисуса, потому что он кажется одним из тех, кто имеет власть, а совсем не ученым. И они спрашивают друг друга: «Что это? Новое учение?»

Между столом со свитками и платформой, с которой проповедует Иисус, лицом к прихожанам сидят фарисеи. Они слушают с симпатией, и, кажется, заинтересованы интерпретацией проповедника, даже хотя на их лицах время от времени отражается, что они не во всем с ним согласны.

В темноте одного из проходов стоит человек, известный всему городу. Думают, что он одержим злыми духами, что основано на его частых вспышках ярости. Однако на самом деле он страдает душевным расстройством, которое время от времени приводит

к истерикам. Следующая сцена описывает двойственность его сознания, характерную для страдающих подобными расстройствами.

С одной стороны, Иисус притягивает его, и он хочет исцелиться. С другой стороны, Иисус его отпугивает, и он не хочет иметь с ним ничего общего. Религиозное возбуждение – лишь случайный повод для его вспышки гнева.

Хотя проповедующий Иисус и сдерживает его, он охвачен беспокойством. Несколько раз он смотрит на дверь, как будто хочет выскочить. Возможно, он боится приближающегося припадка. Но из-за большого скопления народа трудно выйти, не расталкивая изо всех сил людей. Его беспокойство нарастает до тех пор, пока он уже не может контролировать себя, и он вскакивает на ноги, в его глазах горит огонь возбуждения, и он кричит.

Истерик: Оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас? знаю тебя...

Он с ожесточением бьет руками по воздуху. Сидящие рядом отодвигаются от него, и он повторяет снова и снова:

Истерик: Знаю тебя...

Его речь становится бессвязной, и он начинает кричать. Он бьется в судорогах и тяжело падает на пол. На его губах – пена, а лицо искажено, и он кричит снова и снова. Его плечи вывернуты назад. Его руки – слабые, а пальцы изогнуты как клешни. Это тоже типично для пораженных данным заболеванием.

Иисус прерывает проповедь и спускается с платформы. Он быстро приближается к несчастному

по мере того, как толпа расступается, освобождая ему проход. Когда он добирается до больного, то склоняется над ним, а тот в страхе отползает к стене, где прячет лицо за руками и кричит:

Истерик: Что тебе до нас, Иисус, ты, СЫН БОЖИЙ.

Иисус: Замолчи и выйди из него.

Но больной вырывается и все еще с искаженным лицом продолжает кричать:

Истерик: Ты, СЫН БОЖИЙ... СЫН БОЖИЙ.

Он пытается плюнуть, но слюна не улетает дальше уголков рта. В этот же миг его глаза встречаются с глазами Иисуса, и он успокаивается. Тыльной стороной ладони он вытирает подбородок и затем испускает стон облегчения. Он с удивлением смотрит на людей, собравшихся вокруг него. Теперь его голова прояснилась, и одержимость ушла в прошлое. Более того, он понимает, что это Иисус исцелил его от болезни. В этот момент слышно, как священник произносит Аароново благословение. Все обернулись к южной стене и внимают ему. После каждой строфы люди отвечают: Аминь. Иисус и исцеленный им человек стоят рядом.

Примечания

Для основных источников информации о жизни и творчестве Карла Теодора Дрейера использованы следующие сокращения:

- Bordwell David. The Films of Carl-Theodor Dreyer. Berkeley: University of California Press, 1981. Далее – Bordwell
- Dreyer in Double Reflection = Om Filmen: Translation of Carl Th. Dreyer's Writings About the Film / ed. with commentary by Donald Skoller. New York: Da Capo Press, 1991. Перевод избранных статей и интервью К. Т. Дрейера по копенгагенскому сборнику 1964 г.; переиздание английского перевода (New York: Dutton, 1973). Далее - Dreyer in Double Reflection
- Drouzy Maurice. Carl Th. Dreyer né Nilsson. Paris : Éditions du Cerf, 1982. Далее – Drouzy
- Drum Jean, Drum Dale D. My Only Great Passion: The Life and Films of Carl Th. Dreyer. [Lanham, MD]: Scarecrow Press, 2000. (The Scarecrow Filmmakers Series; Book 68). Далее – Drum
- Wahl Jan. Carl Theodor Dreyer and Ordet: My Summer with the Danish Filmmaker. Lexington: University Press of Kentucky, 2012. Далее - Wahl
- Carl Th. Dreyer: Min métier: [Документальный фильм, реж. Torben Skjødt Jensen]. Дания, 1995. Далее - Min métier
- Carl Th. Dreyer: [Документальный фильм, реж. Jørgen Roos]. Дания, 1966. Далее - Roos

¹ Min métier

² Schrader Paul. Transcendental Style in Film: Ozu, Bresson, Dreyer. Berkeley: University of California Press, 1972.

³ Drum

⁴ Drouzy

⁵ Wahl

-
- ⁶ Bordwell
- ⁷ Drum Dale D. [Interview]. 1967. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ⁸ Drum
- ⁹ Askfelt Martin. [Interview] // Berlingske Aftenavis. 1964. March 1.
- ¹⁰ Drouzy
- ¹¹ Mygdal-Meyer Toni. The aviator. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹² Drum Dale D. [Interview]. 25.03.1967. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹³ Riget. 1911. July 5.
- ¹⁴ Drum
- ¹⁵ Drum
- ¹⁶ Den sensationelle Film. En Film til 20,000 Kroner – De tre Dødspring (foromtale af Dødsridtet) // Extra Bladet. 1912. 9/7.
- ¹⁷ Nielsen Jan. A/S Filmfabriken Danmark: SRH/Filmfabriken Danmarks historie og production. København: Multivers, 2003.
- ¹⁸ В этой главе использованы следующие источники информации по истории раннего датского кино (если не оговорено иное): Mottram Ron. The Danish Cinema before Dreyer. [Lanham, MD]: Scarecrow Press, 1998; Encyclopedia of early cinema / ed. by Richard Abel. London: Routledge, 2005; сайт Датского Института Кинематографии <http://www.dfi.dk>
- ¹⁹ Stevenson Jack. Witchcraft Through the Ages: The Story of Häxan, the World's Strangest Film, and the Man Who Made It. [S.I.]: FAB Press, 2006.
- ²⁰ Neergaard Ebbe. The Rise, the Fall, and the Rise of Danish Film // Hollywood Quarterly. 1950. Vol. 4, № 3.
- ²¹ Vor Tids Helte. Asta Nielsen-Gad // Extra Bladet. 1913. 10/2.
- ²² Drum
- ²³ Vor Tids Helte. Ole Olsen // Extra Bladet. 1913. 26/2.
- ²⁴ Drouzy
- ²⁵ Stephan Schrøder. The script consultant. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ²⁶ Drouzy
- ²⁷ Stephan Schrøder. The script consultant. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ²⁸ Drum
- ²⁹ Письмо Дрейера Фросту от 31.07.1917. Из коллекции Архива Датских Фильмов. Цитируется по Bordwell
- ³⁰ Stephan Schrøder. The script consultant. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ³¹ Drum

-
- ³² Gad Urban. *Filmen: dens midler og maal*. [København]: Gyldendal. Nordisk forlag, 1919; Nørgaard Erik. *Levende Billeder Danmark*. [S.l.]: Lademann, 1971.
- ³³ Feyder J. *Le Cinema notre metier*. Geneve: A. Skira, 1944.
- ³⁴ Drouzy
- ³⁵ Drum
- ³⁶ Podselver Judith. *Motion Pictures in Denmark // Hollywood Quarterly*. Winter, 1947–1948. Vol. 3, № 2.
- ³⁷ Roos
- ³⁸ Drum
- ³⁹ Bordwell
- ⁴⁰ Drum
- ⁴¹ Drum
- ⁴² Drum
- ⁴³ Drum
- ⁴⁴ Drum
- ⁴⁵ Lisbeth Richter Larsen. <http://www.carlthdreuer.dk>
- ⁴⁶ История раннего шведского кино излагается главным образом в соответствии с монографией: Soila Tytti, Söderbergh-Widding Astrid, Iversen Gunnar. *Nordic National Cinemas*. London; New York: Routledge, 1998.
- ⁴⁷ *Dagbladet*. 1920. 7/1.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ История раннего немецкого кино излагается, главным образом, в соответствии со следующими книгами: Elsässer Th. *Weimar Cinema and After: Germany's Historical Imaginary*. London: Routledge, 2000; *A Second Life: German Cinema's First Decade / ed. by Thomas Elsässer, Michael Wedel*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996; *The Many Faces of Weimar Cinema: Rediscovering Germany's Filmic Legacy / ed. by Christian Rogowski*. Rochester, NY: Camden House, 2011. (*Screen Cultures: German Film and the Visual*).
- ⁵⁰ Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост. и подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. 80 p.
- ⁵¹ Гайдаров В. Г. *В театре и в кино*. М.; Л.: Искусство, 1966.
- ⁵² Drouzy
- ⁵³ См., например: Walk C. *Romeo with Sidelocks: Jewish-Gentile Romance in E. A. Dupont's "Das Alte Gesetz" (1923) and Ohther Early*

Weimar Assimilation Films // The Many Faces of Weimar Cinema.
Rochester, NY, 2011. P. 84–101.

⁵⁴ Tybjerg Casper. Dreyer and the National Film in Denmark // Film History. [Bloomington]: Indiana University Press, 2001. Vol. 13, № 1. P. 23–36.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Neergaard Ebbe. En Filminstruktors Arbejde. Copenhagen: Atheneum Dansk Forlag, 1940.

⁵⁸ Tybjerg Casper. Dreyer and the National Film in Denmark...

⁵⁹ Dreyer interview, *Hver 8. Dag* (6 Nov. 1924)

⁶⁰ Wrigley Nick. Dreyer's Michael – 80 Years Old // Masters of Cinema: [Буклет из двухдискового сета DVD]. [S.l.], 2004.

⁶¹ Roos

⁶² Drouzy

⁶³ Drum

⁶⁴ Slezak Walter. "What time's the next swan?": [Autobiography]. Garden City, NY: Doubleday, 1962.

⁶⁵ Wahl

⁶⁶ Dreyer C. T. New Ideas About the Film: Benjamin Christensen and His Ideas, 1922 // Dreyer in Double Reflection

⁶⁷ Drouzy

⁶⁸ Drum

⁶⁹ Bordwell

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Drouzy

⁷² With Murnau on the Set by Rodert Herlth // Eisner Lotte H. Murnau. London: Secker and Warburg, 1973.

⁷³ B.T. 1928. 13 Apr.

⁷⁴ Drouzy

⁷⁵ Bordwell

⁷⁶ Egholm Morten. Jacom Breda Bull: The Bride of Glomdal.

<http://www.carlthdreyer.dk>

⁷⁷ Drouzy

⁷⁸ Drum

⁷⁹ Drum

-
- ⁸⁰ Подробное исследование французского авангарда 1920-х гг. приведено в книге: *French Cinema: The First Wave, 1915–1929* / ed. by Richard Abel. Princeton: Princeton UP, 1984.
- ⁸¹ Drouzy
- ⁸² Drum Dale D. [Interview]. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ⁸³ Dreyer C. T. *French Film, 1926* // *Dreyer in Double Reflection*
- ⁸⁴ Drouzy
- ⁸⁵ The Criterion Collection. *The Passion of Joan of Arc* DVD. Commentary by Casper Tybjerg, 1999.
- ⁸⁶ Ibid.
- ⁸⁷ Ibid.
- ⁸⁸ *Kosmorama*. 1965. № 71 (October).
- ⁸⁹ Dreyer C. T. *Realized Mysticism in The Passion of Joan of Arc, 1928* // *Dreyer in Double Reflection*
- ⁹⁰ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ⁹¹ Drum
- ⁹² *Min métier*
- ⁹³ Drum Dale D. [Interview]. March 25, 1967. <http://english.carlthdreyer.dk>
- ⁹⁴ *Film Magasinet*. 1928. May, № 1.
- ⁹⁵ Mirko Stopar. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ⁹⁶ *Film Magasinet*. 1928. May, № 1.
- ⁹⁷ Artaud Antonin. *Selected Writings* / trans. Helen Weaver; ed. and Intro. Susan Sontag. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1976.
- ⁹⁸ Dreyer C. T. *Realized Mysticism in The Passion of Joan of Arc...*
- ⁹⁹ *Film Magasinet*. 1928. May, № 1.
- ¹⁰⁰ Drum
- ¹⁰¹ Tybjerg Casper. *Commentary on The Passion of Joan of Arc: DVD*. New York: The Criterion Collection, 1999.
- ¹⁰² Drouzy
- ¹⁰³ Ibid.
- ¹⁰⁴ *Min métier*
- ¹⁰⁵ Bordwell
- ¹⁰⁶ Drum
- ¹⁰⁷ [H. Weindberg and G. Weindberg. Interview. 1964]. Цитируется по публ.: "Vampyr" Booklet. *Masters of Cinema*. Retrieved 14 July 2009.
- ¹⁰⁸ Drum
- ¹⁰⁹ B.T. 1932. May 13.

-
- ¹¹⁰ Neergaard Ebbe. *En Filmimtruktors Arbejde*. Copenhagen: Atheneum Dansk forlag, 1940.
- ¹¹¹ Tybjerg Casper. *Visual Essay: The rise of the vampire*: DVD. New York City: The Criterion Collection, 2008.
- ¹¹² <http://www.gravsted.dk>
- ¹¹³ Rasmussen Bjørn. [Interview] // *Aktuelt*. 1964. 2 Febr.
- ¹¹⁴ Drouzy
- ¹¹⁵ Morten Egholm. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹¹⁶ *Politiken*. 1932. May 6.
- ¹¹⁷ *B.T.* 1932. May 13.
- ¹¹⁸ *Berlingske Aftenavis*. 1942. April 16.
- ¹¹⁹ Roos
- ¹²⁰ *Ibid.*
- ¹²¹ Drum
- ¹²² [H. Weindberg and G. Weindberg. Interview. 1964]. Цитируется по публ.: "Vampyr" Booklet. *Masters of Cinema*. Retrieved 14 July 2009.
- ¹²³ Drum
- ¹²⁴ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹²⁵ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹²⁶ Lisbeth Richter Larsen. 2003. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹²⁷ "Vampyr" Booklet. *The Criterion Collection*, 2008. Notes on the restoration of Dreyer's "Vampyr".
- ¹²⁸ *Politiken*. 1931. March 26.
- ¹²⁹ *We Live in Two Worlds: The GPO Film Unit Collection Volume 2*: DVD. [London]: BFI, 2009.
- ¹³⁰ Ernesto Quadrone. Published in *Cinema*, No. 67, 1st August 1951
- ¹³¹ Soila Tytti, Söderbergh-Widding Astrid, Iversen Gunnar. *Nordic National Cinemas*. London: Routledge, 1998.
- ¹³² Drouzy
- ¹³³ Dreyer in double reflection
- ¹³⁴ *Ibid.*
- ¹³⁵ *Ibid.*
- ¹³⁶ *Berlingske Aftenavis*, March 1937
- ¹³⁷ Drouzy
- ¹³⁸ Tybjerg Casper. *Commentary on Day of Wrath*: DVD. British Film Institute, 2006.
- ¹³⁹ *Ibid.*
- ¹⁴⁰ Drum

-
- ¹⁴¹ Ibid.
- ¹⁴² Ibid.
- ¹⁴³ Ibid.
- ¹⁴⁴ Ibid.
- ¹⁴⁵ Ibid.
- ¹⁴⁶ Nationaltidende, 25.11.1943
- ¹⁴⁷ Ibid.
- ¹⁴⁸ Ibid.
- ¹⁴⁹ Ibid.
- ¹⁵⁰ Drouzy
- ¹⁵¹ Цит. по очерку: Olsson Jan. *Två människor = Two People: Carl Theodor Dreyer, Denmark, 1945* // *The Cinema of Scandinavia* / ed. Tytti Soila. 2005. P. 84.
- ¹⁵² Ibid., p. 84–85 (цит. по кн.: Hughes R. *Film: Book 1: The audience and the Filmmaker*. New York: Grove Press, 1959).
- ¹⁵³ Воспоминания Фишера, записанные на мемориальном заседании Шведского кинематографического общества по поводу смерти Карла Дрейера. <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁵⁴ Drouzy
- ¹⁵⁵ Drum
- ¹⁵⁶ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁵⁷ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁵⁸ Drum
- ¹⁵⁹ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁶⁰ Berlingske Tidende. 1964. Jan. 12.
- ¹⁶¹ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁶² <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁶³ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁶⁴ <http://www.carlthdreyer.dk>
- ¹⁶⁵ Текст контракта и дальнейшие детали переписки между Дэвисом и Дрейером цитируются по публикации: Nannestad Jørgensen Lisbeth. *Jesus pa film – en balancegang mellem afmagt og overmod* // *Kosmorama*. 1989. Vol. 35, № 187. Pp. 37–41. Более подробно см. в кн.: *Letters about the Jesus film: 16 years of correspondence between Carl Theodor Dreyer and Blevins Davis* / ed. by Martin Drouzy and Lisbeth Nannestad Jørgensen. Copenhagen: University of Copenhagen, 1989.
- ¹⁶⁶ Dreyer in double reflection

-
- 167 <http://www.carlthdreyer.dk>
168 Drum
169 Ibid.
170 Ibid.
171 Wahl
172 Drouzy
173 Drum
174 <http://www.carlthdreyer.dk>
175 Drum
176 <http://www.carlthdreyer.dk>
177 Drum
178 Min métier
179 Ibid.
180 Wahl
181 Список приводится по сайту <http://www.theyshootpictures.com/>
182 Drum
183 Ibid.
184 Wahl
185 Ibid.
186 Ibid.
187 Мунк К. Слово: пьеса [в 4 актах] / пер. с дат. Ирины Куприяно-
вой, вступ. ст. Бориса Дубина // Иностр. лит. 2014. № 11. С. 164-214.
188 Wahl
189 Drum
190 Ibid.
191 Ibid.
192 Ibid.
193 Whal
194 Drum
195 Whal
196 Drum
197 Whal
198 Drum
199 Ibid.
200 Roos
201 Gertrud (DVD). New York City: The Criterion Collection, s. a.
202 Ibid.
203 Ordet (DVD). [London]: British Film Institute, s. a.

²⁰⁴ Drum
²⁰⁵ Min métier
²⁰⁶ Drum
²⁰⁷ Drum
²⁰⁸ Politiken. 1965. June 25.
²⁰⁹ <http://www.carlthdreyer.dk>
²¹⁰ Carl Th. Dreyer, Preben Thomsen. Medea.
<http://www.carlthdreyer.dk>
²¹¹ Drum
²¹² Dreyer in double reflection
²¹³ New Screen Techniques / ed. by Martin Quigley. [New York]: Quigley
Publishing Company, 1953.
²¹⁴ Drum
²¹⁵ Drum
²¹⁶ Schwartz Barth David. Pasolini Requiem. New York: Pantheon, 1992;
Ibid. 2. ed. New York: Vintage Books, 1995.